

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

N5

St. Petersburg
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№5

ДБ

С.-Петербург
2010

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010.
№ 5. 240 с.
Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: DMITRY BULANIN,
2010. N 5. 240 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий,
Л. Б. Вишняцкий, Л. Б. Кирчо (отв. секретарь)
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, L. B. Vishnyatsky,
L. B. Kircho (executive secretary)

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Бобровская, В. Я. Стеганцева
Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Bobrovskaya, V. Ya. Stegantseva

Оформление обложки: Г. А. Кузнецова
Layout: G. A. Kuznetsova

Настоящее издание продолжает серию «Записки ИИМК РАН». Основой выпуска № 5 стали статьи Н. И. Платоновой, А. Н. Кирпичникова и А. А. Песковой, освещающие сложную историю Отдела славяно-финской археологии и яркие личности ученых, составивших научную славу этого подразделения в разные годы. В разделе «Статьи» публикуются работы, отражающие аналитические разработки, новые открытия и исследования. В статье В. В. Питулько на материалах верхнего палеолита Сибири показано, что распространение микропластинчатых технологий связано не только с изменением основного объекта охоты, но и с изготовлением орудий из кости и рога. Анализируя данные курганов Ноин-Улы, С. С. Миняев и Ю. И. Елихина приходят к выводу о необходимости корректировки общепринятых представлений о хронологии суннуского культурного комплекса в сторону его омоложения. Несколько работ — В. А. Алёкшина, Л. Б. Кирчо, М. Ю. Вахтиной, С. А. Скорого, В. А. Ромашко и С. В. Кашаева посвящены ярким артефактам эпохи энеолита — бронзы и античного времени. В статьях В. Я. Стеганцевой, Н. А. Сутягиной, И. Ю. Шауба и Д. Абдуллоева на материалах катакомбной культуры, античного Боспора, захоронений железного века центральноазиатских кочевников и могильников Средней Азии исследуются особенности ритуальных и погребальных комплексов. Новые данные о кожаных изделиях Мангазеи как источнике реконструкции культуры и ремесла заполярного города вводит в научный оборот А. В. Курбатов.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The present edition continues the series of «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» (IHMC RAS). The main section of volume 5 is devoted to the history of the Department of Slavonic and Finnish archaeology of IHMC. The papers by N. I. Platonova, A. N. Kirpichnikov, and A. A. Peskova elucidate the formation and work of the department, as well as bright personalities of the scholars who made its glory in different periods of its existence. The section of «Research papers» acquaints the reader with the results of new field and analytical research. V. V. Pitulko uses the Upper Paleolithic materials of Siberia to show, that the spread of the microblade technologies in this region was stimulated not so by the change of the main object of hunting, as by the necessity to substitute bone and antler tools for ivory ones due to the increasing shortage of mammoth tusks. S. S. Minyaev and Yu. I. Elikhina analyze the materials of the Noyon uul barrows and come to a conclusion that it is necessary to correct the generally accepted ideas about the chronology of the Xiongnu cultural complex, which in their view cannot be any earlier than the 1st century BC. Several papers, including those by V. A. Alekshin, L. B. Kircho, M. Yu. Vakhtina, S. A. Skory, V. A. Romashko, and S. V. Kashaev, deal with some bright artifacts of the Late Eneolithic, Bronze Age, and Classical Period. V. Ya. Stegantseva, N. A. Sutyagina, I. Yu. Shaub, and D. Abdulloev discuss various aspects of ritual and funeral assemblages of the Catacomb culture, Iron Age nomads of Central Asia, Ancient Bosphorus, and Medieval Middle Asia. In A. V. Kurbatov's paper newly discovered leather articles from Mangazeya are considered as a source for the reconstruction of culture and craftsmanship in a transpolar Russian town.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISBN 000-0-00000-000-0

© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

<i>Н. И. Платонова, А. Н. Кирпичников.</i> Сектор / Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН: исследования и исследователи	7
<i>А. А. Пескова.</i> Сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК — ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА (1919–2010 гг.)	73
<i>Е. Н. Носов.</i> Археологический «комсомольский» лекторий (к истории ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН)	85

СТАТЬИ

<i>В. В. Питулько.</i> Мегафауна и микропластинки (микропластинчатые традиции позднего палеолита Сибири в контексте проблемы вымирания мамонтов)	91
<i>В. А. Алёкин.</i> О функциональном назначении терракотовых «реликвариев» Алтын-депе	106
<i>Л. Б. Кирчо.</i> «Реликварии» Алтын-депе	119
<i>В. Я. Степанцева.</i> Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе	125
<i>С. В. Кашаев.</i> Золотые украшения из некрополя Артющенко-2	139
<i>М. Ю. Вахтина, С. А. Скорый, В. А. Ромашко.</i> О месте находки скифского навершия с изображением Папая (Национальный музей истории Украины)	148
<i>И. Ю. Шауб.</i> Варварское и греческое в зольниках городов Боспора	162
<i>С. С. Миняев, Ю. И. Елихина.</i> К хронологии курганов Ноин-Улы	171
<i>Н. А. Сутягина.</i> Новые данные о погребальном обряде населения долины реки Или в конце I тыс. до н. э.—начале I тыс. н. э. (по материалам могильника Цюнкэжэ I)	185
<i>Д. Абдуллоев.</i> Этапы перехода к мусульманскому погребальному обряду в Средней Азии	202
<i>А. В. Курбатов.</i> Кожаные изделия Мангазеи как источник реконструкции культуры и ремесла русского заполярного города (по раскопкам 2001–2007 гг.)	213

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев, Ст. А. Васильев.</i> Первый год работы методического семинара ИИМК РАН	233
---	-----

IN MEMORIA

Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010)	236
Список сокращений	239
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	241

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF IHMC

<i>N. I. Platonova, A. N. Kirpichnikov.</i> Section/Department of Slavonic and Finnish Archaeology of IHMC: researches and researchers	7
<i>A. A. Peskova.</i> Staff of the Department of Slavonic and Finnish archaeology of IHMC and its predecessors in 1919–2010	73
<i>E. N. Nosov.</i> Archaeological «Komsomol» lyceum (from the history of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology)	85

RESEARCH PAPERS

<i>V. V. Pitulko.</i> Megafauna and microblades (Late Paleolithic microblade traditions of Siberia in the context of the mammoth extinction problem)	91
<i>V. A. Alekshin.</i> On the function of the terra-cotta «reliquaries» from Altyn-depe	106
<i>L. B. Kircho.</i> Altyn-depe «reliquaries»	119
<i>V. Ya. Stegantseva.</i> Once again on the similarity of the early Bronze Age funeral rites in Eastern Azov Sea region and Western Caucasus	125
<i>S. V. Kashaev.</i> Gold adornments from the necropolis of Artyushchenko-2	139
<i>M. Yu. Vakhtina, S. A. Skoryi, V. A. Romashko.</i> On the provenience of the Scythian finial with the image of Papai from the National Museum of History of Ukraine	148
<i>I. Yu. Shaub.</i> Barbarian and Greek components in the ash dumps of Bosporus	162
<i>S. S. Minyaev, Yu. I. Elikhina.</i> On the chronology of the Noyon uul barrows	171
<i>N. A. Sutyagina.</i> New data on the funeral rite in the Ili River valley at the turn of the I st millennium AD (with special reference to the materials of the Tsyunkeke I cemetery)	185
<i>D. Abdulloev.</i> Stages of transition to the Muslim funeral rite in Central Asia	202
<i>A. V. Kurbatov.</i> Leather articles from Mangazeya as a source for the reconstruction of culture and craftsmanship of a Russian transpolar town (based on the materials excavated in 2001–2007)	213

CHRONICLE

<i>S. A. Vasiliev, St. A. Vasiliev.</i> IHMC's Methodical seminar: the first year of work	233
---	-----

IN MEMORIA

In memory of Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929–19.02.2010)	236
List of abbreviations	239
Instructions to contributors	241

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

СЕКТОР / ОТДЕЛ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН: ИССЛЕДОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Н. И. ПЛАТОНОВА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ¹

Введение

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН в настоящее время является ведущим российским центром в области изучения археологии, истории, культуры и архитектуры Руси, а также археологии и ранней истории славян, финнов и скандинавов на территории Северо-Запада России и смежных регионов. Географический диапазон работ сотрудников Отдела на практике включает территорию всей Восточной и Северной Европы в период I–II тыс. н. э. В настоящее время направления исследовательской деятельности Отдела славяно-финской археологии определяются так: 1) средневековые города и поселения Северной Руси и ее соседей; 2) славяне и финно-угры: археология, история, этнокультурное взаимодействие; 3) изучение памятников христианской культуры Руси по археологическим и письменным данным.

Таким образом, в тематике одного научного подразделения объединены проблемы археологии восточноевропейского железного века, средневековья и нового времени в самом широком смысле, независимо от этнической и культурной принадлежности изучаемых народов и племен. Хронологический диапазон исследований широк — от рубежа эр до «археологической современности» (XVIII–XX вв.). Указанный спектр задач и их формулировки сами по себе являются результатом длительного развития общих представлений об археологии и ее разделах в отечественной науке, а также структуры археологической службы России / СССР.

Наше обращение к истории археологических учреждений Санкт-Петербурга / Ленинграда XX в. показало, что впервые подобное объединение археологии Восточной Европы конца I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. с собственно древнерусской и позднесредневековой тематикой (включая архитектурно-археологические исследования) было проведено незадолго до Великой Отечественной войны в ИИМК

¹ Введение, разделы 1–6 и часть раздела 7 настоящей работы написаны Н. И. Платоновой. Подразделы 7.1, 7.2 и раздел 8 написаны А. Н. Кирпичниковым при участии Н. И. Платоновой. При написании отдельных частей раздела 7 использованы также работы других авторов, что оговаривается в подстрочных примечаниях.

АН СССР. Именно тогда, в 1939 г., там оказались слиты воедино Сектор Феодалной Руси и Сектор Восточной Европы дофеодального периода, первоначально организованные на базе расформированных институтов ГАИМК (НА ИИМК РАН, РА, ф. 312, оп. 1, д. 58, л. 3).²

Образованный в результате их слияния Сектор Древней Руси и Восточной Европы дофеодального и феодального периода (далее — «Сектор Древней Руси и Восточной Европы») можно считать прямым предшественником современного Отдела славяно-финской археологии — предшественником административным, идейным и тематическим. Возглавил его в 1939 г. М. И. Артамонов, тогда же утвержденный директором ИИМК. Ядро Отдела составили такие специалисты, как Н. Н. Воронин, П. Н. Третьяков, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон и другие — ученые того поколения, которое оказалось «у руля» советской археологической науки во второй половине 1930-х гг. и, по сути, определило ее лицо на последующие полвека.

Во второй половине XX в. названия и административный уровень подразделения в рамках института менялись несколько раз, иногда довольно существенно. Так в 1951 г. на гребне антимарристской кампании Сектор оказался расформирован и превращен в «Группу славяно-русской археологии ЛОИИМК» (руководитель М. К. Каргер). На спектре научных исследований это практически не отразилось. Как и до войны, разработка проблем истории древнерусской культуры и древнерусского зодчества сочеталась тут с работами по этно- и культурогенезу славян, финнов и балтов — в очень широком восточноевропейском контексте конца I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.

Разумеется, понижение статуса осложняло работу подразделения. Оно неизбежно уменьшало финансирование, ограничивало штаты, листаж публикаций и т. п. Но научного уровня действующих сотрудников оно никак не могло понизить. Здесь по-прежнему работали высококвалифицированные специалисты — П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина, М. К. Каргер, М. А. Тиханова, П. А. Раппопорт, А. Л. Якобсон и др.

То же, в целом, можно сказать и о последующем периоде, когда на базе славяно-русской Группы в ЛОИА был образован (в 1974 г.) Сектор славяно-финской археологии (руководитель А. Н. Кирпичников). Новое название лишь подчеркнуло традиционную «восточноевропейскую» культурогенетическую направленность исследований. Таким образом, и «славяно-русская Группа», и современный Отдел славяно-финской археологии в структуре ИИМК являются прямым продолжением Сектора Древней Руси и Восточной Европы 1939 г.

Корни научной идеологии, положенной в основу данной научно-организационной структуры, уходят достаточно глубоко, по крайней мере в 1920-е гг. Каковы же ее истоки? И какой «административный ресурс» стал ее подосновой?

1. Идейные истоки и предшественники

При поиске идейных и организационных предшественников Сектора 1939 г. в Петрограде / Ленинграде 1910–1930-х гг. сразу обращает на себя внимание Отдел русских древностей в составе Российской Государственной Археологической комиссии (1918–1919). Именно на базе этого Отдела в РАИМК был создан разряд

² Далее при архивных ссылках на материалы рукописного отдела (РА) ИИМК РАН название архива не повторяется.

русской археологии (1919–1929) под руководством А. А. Спицына (рис. 1). Отметим: в 1923 г. он даже назывался разрядом археологии русской, финской и литовской. Кажется, все лежит на поверхности: вот он, начальный этап истории современного Отдела славяно-финской археологии! Преемственность кажется прямой — но лишь до тех пор, пока мы судим по названиям. Если же познакомиться с содержанием работ указанного разряда поближе, то становится ясно: его тематический спектр был весьма узок и включал почти исключительно позднее русское средневековье и церковную археологию. Раскопки проводились лишь спорадически, сводясь к личному участию А. А. Спицына в экспедициях — как консультанта. Во второй половине 1920-х гг. разряд активно участвовал (опять же в лице своего заведующего) в руководстве краеведческим движением и охране памятников СССР. Единственным крупным, многолетним проектом разряда на протяжении 1919–1929 гг. оставалось составление «Словаря русских древностей».³

Рис. 1. А. А. Спицын

Таким образом, разряд археологии русской, конечно, является одним из тематических предшественников современного Отдела славяно-финской археологии ИИМК. Но, в целом, «генеалогическое древо» Сектора / Отдела намного сложнее. Была у него и иная подоснова, иные предшественники. Таковыми можно считать (по крайней мере, отчасти) целый ряд подразделений РАИМК / ГАИМК. В этот список входят разряды:

- а) археологии раннехристианской и византийской (руководитель А. А. Васильев, рис. 2, 1; позднее — Н. П. Лихачев);
- б) древнерусского искусства (руководитель Н. П. Сычев);
- в) древнерусского зодчества (руководитель К. К. Романов; рис. 2, 2);
- г) нового русского (с 1929 г. — прикладного) искусства (руководитель П. И. Нерадовский, позднее — А. Н. Кубе);
- д) археологии Западного средневековья и Возрождения (руководитель Д. В. Айналов);
- е) палеоэтнологии (руководитель А. А. Миллер);
- ж) этнографии (руководитель Д. А. Золотарев, позднее — П. П. Ефименко).

Чтобы понять характер преемственности, следует уточнить сферу деятельности всех указанных подразделений.

³ Обширные материалы к этому словарю (около 100 000 карточек) так и остались неизданными. Ныне они хранятся в личном фонде А. А. Спицына в ИИМК РАН.

Рис. 2. 1 — А. А. Васильев; 2 — К. К. Романов; 3 — Г. Ф. Корзухина; 4 — М. А. Тиханова

1.1. Предшественники Сектора 1939 г. во II (Археологическом) отделении РАИМК / ГАИМК

Разряд археологии раннехристианской и византийской причислялся ко II отделению Академии.⁴ В 1919–1929 гг. в нем велось изучение раннесредневековых

⁴ В 1921 г. была предпринята попытка слить его с разрядом раннехристианского и византийского искусства, причисленным ранее к III (художественно-историческому) отделению.

памятников Причерноморья, включая церковное зодчество Юга России и Украины и его византийские истоки. При определении структуры РАИМК в 1919 г. заведующий разрядом, известный византист А. А. Васильев, видел свою главную задачу в «систематизации историко-археологического изучения христианского, средневекового Крыма и прилегающих местностей». Первоначальные направления исследований он сформулировал следующим образом: «а) историко-археологическое изучение Крымской Готии; б) историко-археологическое изучение средневековой Тамархи-Тмутаракани; в) историко-археологическое изучение христианского Херсонеса» (ф. 2, 1919 г., д. 10, л. 91).

Именно по этому разряду начала работать в РАИМК М. А. Тиханова-Клименко (рис. 2, 4). В июне 1919 г. она окончила историко-филологический факультет Петроградских Высших Женских курсов и была оставлена при курсах (далее — при Петроградском университете) — на кафедре средних веков. Через год, в июне 1920 г., Мария Александровна, хорошо знавшая греческий язык, была представлена археологическому отделению РАИМК и избрана «временным регистратором на трехмесячный срок» (ф. 2, 1920 г., д. 13, л. 41). В 1922 г. мы видим ее уже в роли постоянного научного сотрудника, исследователя крымского средневекового зодчества и «средневековой эмалевой художественной индустрии» (ф. 2, 1922 г., д. 1, л. 7).

Ассистент разряда А. П. Смирнов — в 1920–1929 гг. почти бессменный секретарь Археологического отделения — собирал и картографировал все доступные сведения о «следах византийской эпохи» на Таманском полуострове, включая «архитектурные, эпиграфические, нумизматические, керамические и другие материалы». Результатом его изысканий уже на первом этапе стало опровержение распространенного мнения о полном уничтожении городской культуры на полуострове кочевыми народами. Параллельно Алексей Петрович систематизировал данные письменных источников по истории Юга России в I тыс. н. э., в том числе известия русских летописей и знаменитое «письмо хазарского кагана в Кордову» (ф. 2, 1919 г., д. 10, л. 92). Составленная им сводка стала, по сути, первой попыткой систематического исследования средневековых памятников Тамани (ф. 2, 1919 г., д. 16, л. 31). Все перечисленные проблемы и направления в дальнейшем вошли в сферу интересов Сектора Древней Руси и Восточной Европы и его преемников в ЛОИИМК / ЛОИА. Сам А. П. Смирнов был арестован НКВД 5 мая 1929 г. (ф. 2, 1929 г., д. 7, л. 22). Он погиб в лагерях. С конца 1930-х гг. начатую им работу продолжил А. Л. Якобсон. «Готская проблема» всегда оставалась в поле зрения М. А. Тихановой, ставшей видным исследователем черняховской культуры. Византийские истоки древнерусской архитектурной традиции и прикладного искусства исследовались во второй половине XX в. М. К. Каргером и М. В. Малевской. В последние годы византийские традиции в строительном производстве Древней Руси изучает А. А. Липатов.

1.2. Предшественники Сектора 1939 г. в III (Художественно-историческом) отделении РАИМК / ГАИМК

В III отделении РАИМК / ГАИМК наибольший интерес с точки зрения тематической преемственности с Сектором / Отделом второй половины XX в.

В составе объединенного «разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского» работали А. А. Васильев, Д. В. Айналов, Н. П. Лихачев, Н. Д. Протасов, А. П. Смирнов, Н. В. Малицкий (ф. 2, 1921 г., д. 12, л. 12 об.).

представляют разряды древнерусского искусства и древнерусского зодчества, а также (в меньшей степени) разряд нового русского искусства. В компетенцию последнего входили, в частности, памятники прикладного искусства и ремесла нового времени — то, что ныне изучает городская и военная археология XVI–XX вв., широко представленная в Отделе славяно-финской археологии (А. Н. Кирпичников, В. И. Кильдюшевский, А. И. Сакса, П. Е. Сорокин и др.).

«Отцы-основатели» РАИМК вполне осознавали, что оторвать древнерусское искусство и зодчество от «русской археологии» достаточно сложно. При определении структуры Академии летом 1919 г. это еще не было сделано (ф. 2, 1919 г., д. 19, л. 37). Однако, в конечном счете, после долгих дискуссий было установлено, что разряды древнерусского искусства и древнерусского зодчества должны ведать исследованием, охраной и реставрацией памятников средневековой церковной и гражданской архитектуры. Там же целиком сосредоточилось изучение фресковой живописи, миниатюры и скульптуры Древней Руси, в том числе — реалий средневекового быта по изобразительным памятникам, древнерусской иконографии, техники иконописи и т. д.

В разряде древнерусского искусства было положено начало и серьезному анализу проблемы скандинавского вклада в русскую культуру. Уже в 1920 г. мы видим в штате разряда молодого научного сотрудника Е. А. Рыдзевскую, разрабатывавшую тему «Скандинавское художественное наследие в древнерусском искусстве» (ф. 2, 1920 г., д. 25, л. 1 об.). В дальнейшем она станет одним из основателей отечественной скандинавистики, сотрудником Сектора Древней Руси и Восточной Европы ИИМК. Но далеко не все работы, выполненные ею по материалам средневековых саг и греко-русских договоров, увидят свет при жизни автора. Елена Александровна умерла от голода в блокадном Ленинграде в ноябре 1941 г. Сборник ее статей и переводов скандинавских источников был издан посмертно почти 40 лет спустя (Рыдзевская 1978). Эта книга оказалась вполне актуальной в контексте отечественной науки 1970–1980-х гг.⁵

Можно констатировать: в ЛОИИМК / ЛОИА данное направление исследований не прерывалось никогда — в первую очередь, благодаря послевоенным работам Г. Ф. Корзухиной. А начиная с 1970-х гг. исследование связей Древней Руси и Скандинавии стало занимать все более важное место в работах целого ряда сотрудников славяно-финского Сектора (А. Н. Кирпичникова, В. А. Назаренко, Е. Н. Носова, Е. А. Рябина, Н. В. Хвоцинской, Н. И. Платоновой, О. И. Богуславского и др.).

Стоит особо отметить интенсивность исследований РАИМК / ГАИМК 1920-х гг. в области церковной археологии. Эти разработки опять же велись в трех разрядах — археологии русской, древнерусского зодчества и древнерусского

⁵ Русско-скандинавские связи изучались и в другом разряде РАИМК / ГАИМК — *археологии Западного средневековья и Возрождения* (II отделение). Научный сотрудник его проф. В. А. Брим в 1920-х гг. разрабатывал темы: «Швеция в эпоху призвания варягов», «Новгород в скандинавских сагах», «Василий Буслаев в скандинавских сагах» и т. д., а также готовил к печати сборник рунических надписей, касающихся Руси (ф. 2, 1923 г., д. 1, ч. 1, л. 20; 1925 г., д. 1, л. 269 об.). Но, в отличие от Е. А. Рыдзевской, Вениамин Адамович Брим не стал сотрудником ИИМК 1930-х гг. Ученый старой генерации, он был снят со штата по постановлению Бюро Президиума РАНИОН еще весной 1929 г., в самом начале «перевода ГАИМК на марксистские рельсы» (ф. 2, 1929 г., д. 1, л. 402–403).

искусства. Однако в первом из них (спицынском) наблюдалось вполне традиционное церковно-археологическое направление, где главными источниками выступали архивные данные, богослужебная литература, церковная утварь и т. д. Зачисленный в РАИМК с апреля 1920 г. научный сотрудник И. А. Карабинов (в прошлом — профессор СПбДА) работал над исследованием церковного быта и литургики. Соответственно звучали и темы докладов, которые он делал в разряде (например: «Пещное действо», «Антиминсы греческие и русские», «Монашеский костюм, его происхождение и история на Востоке и на Руси» и т. д.). Другой сотрудник — А. В. Бородин — был специалистом по XVII в., преимущественно по истории городов. В частности, он много работал в архивах Кирилло-Белозерского монастыря, уточняя детали монастырского крепостного строительства (ф. 2, 1924 г., д. 1, л. 185; д. 12, л. 18).

Такое положение оказалось возможным, благодаря многолетней работе разряда по «Словарю русских древностей»: все церковно-археологические изыскания совершались в рамках этого проекта, и их терпели, несмотря на явное «несоответствие» современным запросам. Разумеется, с 1929 г. такой либерализм прекратился. Профессор Иван Алексеевич Карабинов был уволен из ГАИМК одновременно с В. А. Бримом. Восстановление традиционной церковно-археологической тематики уже на новом уровне произошло в Отделе славяно-финской археологии ИИМК в середине 1990-х гг. по инициативе директора ИИМК В. М. Массона; в 1990–2000-х гг. это направление разрабатывалось в трудах А. Е. Мусина, Т. А. Чуковой и А. А. Песковой.

Несколько иначе обстояли дела в разрядах, причисленных к Художественно-историческому отделению. Здесь уже с начала 1920-х гг. наблюдается тенденция решительного отхода от традиции рассматривать памятники церковного зодчества, живописи и прикладного искусства в контексте православной веры, лежащей в их основе. На первый план выходит детальный анализ этих памятников как произведений искусства, имеющих высокую эстетическую ценность, а также вопросы архитектурных стилей и приемов, строительной техники и т. д. С момента основания РАИМК оба разряда вели интенсивные полевые работы по исследованию, реставрации и консервации архитектурных шедевров Новгорода, Пскова, Старой Ладogi, Киева, Полоцка, Владимира и пр. При этом подчеркивалась необходимость признания церковных ценностей общегосударственным, неотчуждаемым достоянием (подробнее см.: Медведева 2005: 295–299). Понимая важность спасения памятников, Н. П. Сычев, К. К. Романов и их коллеги стремились по-новому, в духе времени обосновать необходимость их изучения, уйти от обвинений в «проповеди поповщины» и защите «уродливых нагромождений дикого средневековья». С другой стороны, начавшаяся тогда концентрация внимания на технике и технологиях, на материалах, из которых сооружались храмы, на выявлении разных этапов постройки и перестройки зданий объективно представляла собой новое слово в этой области науки.

Разряд древнерусского зодчества ГАИМК стал в полном смысле слова колыбелью отечественной архитектурной археологии XX в. В 1925 г. «при разряде» начинают работать студенты археологического отделения ФОНА ЛГУ Г. Ф. Корзухина (рис. 2, 3) и Н. Н. Воронин, весьма успешно выполнившие

летом поручения ГАИМК по обследованию памятников Владимира и Боголюбова. С 1927 г. оба они — аспиранты К. К. Романова. Оба занимаются историей русской архитектуры, «поделив» меж собой средневековую тематику: Гали Федоровна целенаправленно разрабатывает материалы домонгольского времени, Николай Николаевич — позднего средневековья (XVI–XVIII вв.). Все аспирантские командировки, в ходе которых за три года им удалось объездить десятки городов и изучить десятки памятников — в Средней России, на Украине, в Белоруссии, в Нижнем Поволжье, проводились ими сообща.

Судя по нескольким восторженным отзывам о работе аспирантки Г. Ф. Корзухиной-Ворониной, сохранившимся в ее личном деле, К. К. Романов возлагал на нее особенно большие надежды. Так в первом полугодии 1928 г. она «с большим успехом провела отчетный период, <...> использовав работы, выполненные ею на местах летом 1927 г. (в Болгаре, Казани, Владимиро-Суздальской области и др.). Обработав материалы, с большим упорством разыскивая прочие, иногда случайные указания, <...> Г. Ф. Корзухина в двух докладах дала сводки своих сложных изысканий по взаимоотношениям Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII вв. с областью камских Болгар и древней Рязанской. Оба доклада представляли вполне законченные исследования, продолжение которых может быть выполнено лишь при условии дополнительных больших работ на местах. <...> Особо следует отметить, что, наряду с вопросами историко-культурными, бытовыми и художественно-историческими, Г. Ф. Корзухина очень большое внимание уделяет вопросам техническим, в частности, материалам, из которых сооружаются памятники, их сравнительному анализу, что дает особую убедительность ее заключениям по очень широким вопросам истории материальной культуры Древней Руси» (ф. 2, оп. 3, д. 308, л. 72–72 об.). В 1928–1929 гг. аспиранткой была продолжена «разработка вопроса о взаимоотношениях в древнюю пору областей: Владимиро-Суздальской, Рязанской, Черниговской и Полоцко-Смоленской» (Там же, л. 76).

Можно было ожидать, что именно работы Г. Ф. Корзухиной дадут в дальнейшем широкую картину соотношения и развития архитектурных традиций и школ в Киевской и Владимирской Руси. Однако случилось иначе: по окончании аспирантуры Г. Ф. Корзухина по состоянию здоровья отошла от научной работы и вернулась к ней только в 1935 г., поменяв специализацию и став хранителем фонда прикладного искусства ГРМ. Там она начала подготавливать новую диссертацию «Русские клады IX–XIII вв.» (защита состоялась в 1945 г. в ЛОИИМК).

С 1929 г. историей древнерусского зодчества в ГАИМК стал заниматься М. К. Каргер, а в 1930-е гг. — Н. Н. Воронин. После окончания Великой Отечественной войны, и в связи с переездом Николая Николаевича в Москву, эстафету принял его аспирант П. А. Раппопорт.

2. Разряд археологии русской и I (Этнологическое) отделение РАИМК / ГАИМК

2.1. А. А. Спицын и основание в РАИМК разряда археологии русской

Прежде чем дать оценку вкладу I (Этнологического) отделения ГАИМК в тематику и личный состав Сектора 1939 г., следует осветить вопрос о самом разряде археологии русской и его 10-летней истории в составе Академии

(1919–1929). Создание этого подразделения предусматривалось уже первым уставом РАИМК, составленным весной 1919 г. Именно в нем А. А. Спицын планировал сосредоточить все исследования по археологии Восточной Европы — с эпохи железа до позднейших, обозначаемых как «русская старина» и вызывавших у него в тот момент особую озабоченность. По его определению, изучение «русских древностей» должно было включать «изучение внешнего быта населявших Россию народностей во все периоды их исторической жизни (кроме скифов)» (ф. 1, 1918 г., д. 20, л. 54).

«Русская археология» представляла собой в 1910–1920-х гг. исключительно широкое и аморфное понятие, в ряде случаев адекватное современному понятию «отечественная археология». В 1918 г. при составлении проектов отделов будущей Академии А. А. Спицын четко отделил «русские древности» (в значении: исторические древности России) от «доисторических». Последние включали, в его трактовке, материалы палеолита, неолита и бронзового века. По его плану, их следовало объединить в особом отделе, которым Александр Андреевич тоже собирался руководить сам (Там же, л. 51). Однако по мере дальнейшей разработки проекта Академии А. А. Спицыну отводилась в ней все более скромная роль. Как бывает всегда в переломные времена, спасение науки и культуры требовало определенной доли конформизма и умения заинтересовать новую власть собой и своими проектами. В результате в ученой среде выдвинулся целый ряд лидеров, способных идти на компромиссы, порой весьма неприятные, но зато умевших бестрепетно отворять перед собой двери высоких кабинетов и говорить о нуждах науки на языке, понятном их хозяевам. А. А. Спицын этим языком владел плохо. Он сам нуждался в защите.⁶

Не был он и дипломатом: когда Н. Я. Марр в августе 1919 г. заявил Совету РАИМК о своем уходе с поста председателя, Александр Андреевич был единственным, кто открыто, с готовностью поддержал такое решение. Этим он ясно показал свою внутреннюю оппозиционность новому руководству (ф. 2, 1919 г., д. 4, л. 5–5 об.). Через месяц его забаллотировали на выборах в заведующие отделом древностей северных и западных районов России и Сибири, планировавшимся на тот момент в Этнологическом отделении (Там же, л. 24–24 об.). В конечном счете, А. А. Спицын оказался на посту заведующего разрядом археологии русской, занятого почти исключительно составлением «Словаря русских древностей». Развитие же собственно археологии, в том числе ранне-средневековой, сосредоточилось в 1920-х гг. в I (Этнологическом) отделении РАИМК / ГАИМК.

Почему именно там? Это помогает понять позиция, занятая в данном вопросе заведующим I отделением А. А. Миллером.

⁶ Многие тут объясняются особенностями эпохи. В зимне-весенние месяцы 1918/19 г. Александр Андреевич попросту не был способен ни к какой организационной деятельности — он медленно умирал с голоду. По воспоминаниям дочери А. А. Спицына Надежды Александровны, эта зима едва не стала последней для всей его семьи: «Папа был совсем не добытчик. <...> Ученики помогали. Как-то достали рюкзак свеклы — ели без соли. <...> Мы бы умерли, но пришло спасение — академический паек» (записано Н. И. Платоновой 22 января 1988 г.). Если учесть, что «дополнительная выдача по месячной норме для академиков» началась для А. А. Спицына лишь с 5 апреля 1919 г., становится понятным, почему он отсутствовал на заседаниях Совета РГАС накануне подписания декрета о РАИМК.

Рис. 3. А. А. Миллер (рисунок М. В. Фармаковского)

2.2. А. А. Миллер и археология железного века

Александр Александрович Миллер (рис. 3), ученик Ф. К. Волкова, по основной специальности — этнограф и палеоэтнолог, исследователь бронзового / железного века, изначально настаивал на причислении всех разрядов «древностей», включая русский, не к Археологическому отделению, а к Этнологическому.

По его мнению, «появление новых данных — этнической терминологии и абсолютных дат — никак не может послужить оправданием утверждению, что эти древности должны быть исследуемы совершенно иным методом, чем памятники палеоэтнологии». Соответственно, в центре исследований I отделения оказывается не только каменный век, но «этнология с примыкающими древностями» поздних эпох. Введение сюда разрядов «бытовых» памятников диктовалось, по его мнению, «назревшей потребностью радикально изменить весь метод их исследования» (ф. 2, 1919 г., д. 4, л. 41 об.).

Нельзя не заметить, что эта позиция близка позиции ряда археологов-историков начала XX в., включая самого А. А. Спицына, утверждавшего, что археология различных эпох едина, при всей их возможной специфике. А уж как называть эту единую науку — этнологией или археологией — это вопрос другой. Таким образом, исследователи как бы подошли к одному и тому же — хотя и с разных концов.

Но было нечто, отличавшее их друг от друга довольно существенно. А. А. Спицын и А. А. Миллер принадлежали не только к разным научным школам, но и к разным поколениям. Первый считал, что «русские древности (курганы, клады, городища) уже в некоторой мере приведены в ясность и систему, <...> как и древности финские и литовские; материал же русской старины пока совершенно не тронут, не собран и не приведен к схеме». Соответственно, «основною темою должна быть поставлена русская старина» (ф. 2, 1919 г., д. 19, л. 84). Надо бросить все силы на то, чтобы систематизировать все сохранившиеся памятники, а также материал «старого реального быта, сохранившийся в литературе, рисунках и в народной памяти» (Там же).

Но было нечто, отличавшее их друг от друга довольно существенно. А. А. Спицын и А. А. Миллер принадлежали не только к разным научным школам, но и к разным поколениям. Первый считал, что «русские древности (курганы, клады, городища) уже в некоторой мере приведены в ясность и систему, <...> как и древности финские и литовские; материал же русской старины пока совершенно не тронут, не собран и не приведен к схеме». Соответственно, «основною темою должна быть поставлена русская старина» (ф. 2, 1919 г., д. 19, л. 84). Надо бросить все силы на то, чтобы систематизировать все сохранившиеся памятники, а также материал «старого реального быта, сохранившийся в литературе, рисунках и в народной памяти» (Там же).

Второй был весьма невысокого мнения о «ясности и системе», достигнутой отечественной археологией. С его точки зрения, материалы разновременных и разнохарактерных археологических раскопок, накопившиеся на тот момент в музейных фондах, «по характеру первоначального оформления» не удовлетворяли «элементарным требованиям, предъявляемым к научному источнику» (Миллер 1927: 76). Из этого вытекало для него необходимость создания нового корпуса эталонных источников, а следовательно, необходимость новых раскопок,

уже современными методами. Интерпретировать памятники следовало, с его точки зрения, на основании тех общих или частных закономерностей, которые устанавливаются на материалах живой этнографической культуры. Отсюда вытекала другая необходимость — широких этнографических обследований, в задачи которых входило бы и изучение «старины». Объединение разрядов древностей под эгидой I отделения было необходимо А. А. Миллеру для осуществления его широких планов в области полевых работ.

В 1919 г. А. А. Миллеру не удалось отстоять свою точку зрения перед советом РАИМК. Из всех коллег — и этнологов, и археологов — его поддержал лишь известный востоковед В. В. Бартольд, всегда отличавшийся широтой и независимостью суждений. Для всех прочих стереотипы оказались сильнее (ф. 2, 1919 г., д. 4, л. 36 об.–37). В результате в ведении I отделения остались лишь материалы каменного века и собственно этнологии / этнографии. Поэтому первыми полевыми работами, планомерно развернувшимися под эгидой отделения в начале 1920-х гг., стали чисто этнографические обследования Верхнего Поволжья (руководитель Д. А. Золотарев). Участие в этих работах, кстати, привело в археологию будущего руководителя ИИМК и Сектора Древней Руси и Восточной Европы М. И. Артамонова.

2.3. А. А. Спицын и создание «Словаря русских древностей»

Разряд археологии русской между тем оказался в составе II (Археологического) отделения. А. А. Спицын удовлетворенно констатировал, что теперь ничто не мешает им сосредоточиться на исследованиях русской старины, неразрывно связанных с подготовкой «Словаря русских древностей». Однако спорный характер тематики разряда, неопределенность самого понятия «русская археология», необходимость размежевания сфер деятельности с Этнологическим и Художественно-историческим отделениями — все это привело к тому, что осенью 1919 г. «положение русского разряда было признано не устойчивым, и все его сотрудники переименованы временными» (ф. 2, 1919 г., д. 19, л. 39 об.).

Штат работников, уже подобранный А. А. Спицыным для подготовки разных отделов «Словаря...», начал таять на глазах. Н. П. Сычев, А. И. Кудрявцев и А. Ф. Малов перешли в III отделение. Известные историки А. И. Андреев и П. Г. Васенко в середине 1920 г. уволились. Недолго проработали в разряде о. Иннокентий (Тихонов), В. Н. Крейтон, А. А. Ильин, А. Е. Пресняков и С. В. Рождественский. Секретарь разряда В. Е. Лавровский был забаллотирован на выборах в 1920 г. В конечном счете, постоянными научными сотрудниками, помимо самого заведующего разрядом, оставались в 1920-х гг. И. А. Карабинов (с 1920 г.) и А. В. Бородин (с 1921 г.).

Тем не менее А. А. Спицын и его сотрудники упорно продолжали заниматься в своем разряде совершенно не выигрышными и не актуальными с точки зрения тогдашней научной конъюнктуры русскими древностями эпохи позднего средневековья. Помимо литературных источников ими изучались архивы (разрядные и таможенные книги), а также изобразительные материалы XVI–XVIII вв., музейные и частные коллекции. Интерес к этой теме возродится в ЛОИА / ИИМК заново лишь через полвека, примерно с 1970-х гг. — в связи с бурным развитием военной археологии и исследованием позднесредневекового крепостного

зодчества на Северо-Западе России (А. Н. Кирпичников и его ученики). Именно тогда вновь привлекают к себе внимание многие источники, хорошо известные А. А. Спицыну и использовавшиеся им.

Так, в отчете РАИМК за 1922 г. указывалось, что регистратор русского разряда Т. Ф. Копылова «продолжала изготовление рисунков из альбомов Пальмквиста, Прохорова, Нечволодова, Мейерберга», причем отмечалось: «на составление альбома рисунков разряд продолжает смотреть как на одну из своих серьезнейших задач» (ф. 2, 1923 г., д. 1, л. 13). Собранный для словаря материал обсуждался на заседаниях разряда, сотрудниками читались доклады, делались характеристики источников, взятых для разработки. Так, например, в 1922 г. А. А. Спицын сделал сообщения: «О некоторых военных терминах XVI в.», «О старой верхней одежде», «О словаре Бурнашева», «Об архитектуре Княгининских церквей», «Об исследовании Покровского о щеголях XVIII в. (ЧОИДР, 1903, кн. II)». А. В. Бородин прочел доклады: «О русском огнестрельном оружии», «О деле стряпчего Бутурлина 1634 г.» и др. И. А. Карабинов докладывал «О составе богослужбных книг», «О чине царского венчания», Т. Ф. Копылова — «О старой русской средней одежде» (Там же).

Академия, в общем, мало интересовалась этой работой. Характерный эпизод произошел в декабре 1920 г., когда в Археологическом отделении РАИМК выступал член Московской секции И. Н. Бороздин. Как гласит протокол, он доложил о необходимости «наладить, наряду с этнографическим изучением Средней России, изучение ее археологическое» и указал, что «естественнее всего центр такого изучения создать в Москве». Отделение «сочувственно приняло к сведению» это пожелание (ф. 2, 1920 г., д. 13, л. 94). Кроме того, докладчик упомянул о работе над «составлением Словаря русских древностей, который крайне необходим в настоящее время» (Там же). Тут А. А. Спицыну пришлось сообщить, что для такого словаря в его разряде уже имеется около 12 000 карточек. Лишь после этого заговорили о необходимости согласования работ.

Разработка материалов для «Словаря...» продолжалась А. А. Спицыным и его сотрудниками вплоть до 1929 г. По их замыслу, словарь должен был включать материалы всего древнерусского и средневекового периода (X–XVII вв.). Но наиболее оригинальные разработки делались составителями именно для позднего этапа, хуже всего изученного. С высоты сегодняшнего дня остается только пожалеть, что результаты этой огромной работы практически нигде не публиковались и оказались (во всех смыслах) сданы в архив. В настоящее время материальная культура России XVI–XVII вв. представляется исследованной куда хуже, чем древнерусская или позднейшая, этнографически известная культура XIX–начала XX в.

2.4. Определение научной идеологии

Выше не раз упоминалось о том, что понятие «русская археология» еще в начале 1920-х гг. оставалось весьма расплывчатым и не могло четко определять тематику научных подразделений. В феврале–марте 1925 г. в ГАИМК появился повод еще раз вернуться к этой проблеме и определить по ней собственную позицию. Таким поводом стало письмо, направленное Н. Я. Марру из Полтавы историком В. А. Пархоменко, только что опубликовавшим

в Ленинграде книгу «У истоков русской государственности (VIII–XI вв.)» (Пархоменко 1924). В письме говорилось о необходимости постановки изучения Восточной Европы как отдельной научной дисциплины.

«Восточная Европа — географическое целое, лишенное преград, — писал автор. — Безгорная низменность, сделавшись исторической ареной жительства множества разнообразных племен и народов, решительно препятствовала самой своей географической структурой возможности изолированного исторического существования какого-либо из нашедших здесь приют народов. <...> Она непременно должна была переплетать между собою разнообразные языки, культуры и обычаи. <...> Поэтому и история каждого из живших здесь племен не может быть правильно выяснена без уяснения исторического прошлого всей Восточной Европы в целом» (ф. 2, 1925 г., д. 1, л. 38). Характеризуя состояние источников, В. А. Пархоменко называл Повесть временных лет «произведением крайне тенденциозным», проводившим идеи единой великой Киевской монархии, а также «исключительности, изолированности и культурного превосходства славяно-русского племени среди своих соседей». Ввиду этого он считал необходимым «продолжительное, беспристрастное и всестороннее изучение жизни разных племен той эпохи на территории Восточной Европы» (Там же). Подобную работу следовало бы вести, по мнению автора, на междисциплинарной основе. Поэтому желательно образование при РАИМК особой комиссии, которая объединила бы представителей разных смежных дисциплин — истории, археологии, этнографии, истории русского языка, финнологии, кавказоведения, востоковедения. Такая работа по истории Восточной Европы необходима, ибо «ряд смежных наук уперлись в стенку», разбить которую можно лишь общими усилиями (Там же, л. 39–40).

Н. Я. Марра сразу же заинтересовали это письмо и идеи, высказанные автором. В них можно было, при желании, усмотреть переключку с его собственными идеями «языкового скрещения» и отказа от тезиса о каком бы то ни было превосходстве одних племен над другими. На документе стоит его резолюция: «Передать в первое отделение для спешного рассмотрения и доклада...» (Там же, л. 38).

Обсуждение записки в Этнологическом отделении завершилось следующей резолюцией: «I отделение Академии считает основной тезис В. А. Пархоменко — необходимость синтетического изучения истории Восточной Европы <...> совершенно правильным и своевременно поставленным. Совет отделения полагает также, что такую задачу руководящего характера было бы правильным осуществлять не комиссионным путем, а принять на себя разрядку первобытной культуры, представляющему сформировавшуюся инициативную группу с научно-исследовательскими задачами широкого синтетического характера» (ф. 2, 1925 г., д. 9, л. 12).

Таким образом, 1925 год можно считать моментом, когда вызревавшее в научном сообществе новое понимание «русской археологии» наконец обрело свою формулировку и обоснование. Новое направление можно определить как всестороннее синтетическое изучение различных культур восточноевропейского железного века и средневековья и воссоздание широкой картины их взаимодействия; прослеживание, на этой основе, этно- и культурогенеза народностей, населявших Русскую равнину.

Данному комплексу идей было суждено пережить период «социологизации» начала 1930-х гг. и возродиться — в слегка измененном виде — в Секторе Древней Руси и Восточной Европы 1939 г.

2.5. В составе Этнологического отделения ГАИМК:

А. А. Миллер, А. А. Спицын, П. П. Ефименко

К середине 20-х гг. закончился самый тяжелый период существования РАИМК, когда Академия находилась буквально на грани выживания из-за отсутствия финансирования и бесконечного сокращения штатов (1921–1922 гг.). Этому объективно способствовало оздоровление экономики страны после введения нэпа, а также — в немалой степени — то, что Н. Я. Марру, вернувшемуся из-за границы на пост председателя РАИМК, удалось-таки переломить враждебное отношение властей, убедить их в «благонадежности» Академии и получить финансирование, достаточное для проведения обширных археологических работ.⁷

В 1925 г. А. А. Миллеру наконец удалось провести в жизнь свой замысел организации большого объединенного Этнологического отделения. В Этнологическое отделение были переведены разряд археологии Кавказа и яфетического мира (руководитель Н. Я. Марр) и разряд археологии русской (ф. 2, 1925 г., д. 1, л. 232). Таким образом, заведующий отделением получил желанное «право инициативы» на производство планомерных археологических исследований по любой тематике. Как показали дальнейшие работы Северо-Кавказской, Средне-Волжской и Северо-Западной палеоэтнологической экспедиций второй половины 1920-х гг., он воспользовался этим правом сполна — на благо отечественной науке.

С именем А. А. Миллера связан настоящий переворот в археологическом источниковедении железного века. В 1920-х гг. им на практике были разработаны новые методы исследования памятников со сложной стратиграфией. По словам самого Александра Александровича, *«не имея до сих пор ни в русской, ни в иностранной археологической практике какого-нибудь образцового примера исследований земляных городищ, пришлось этот сложный вопрос разрабатывать на месте, во всей ответственности за его применение»* (Миллер 1926: 108; курсив наш. — Н. П., А. К.).

Полевая методика, разработанная А. А. Миллером, во многом сформировала понятие «ленинградская школа археологов», хотя новые поколения представителей этой школы часто не подозревали об ее истоках.⁸ Правда, в 1920-х–начале 1930-х гг. «миллеровской школой» называли обычно лишь непосредственных учеников Александра Александровича, сотрудников Северо-Кавказской экспедиции

⁷ «Академия <...> есть высшее научно-исследовательское учреждение со специальным заданием, — писал Н. Я. Марр в 1923 г. заведующему Главнаукой Ф. Н. Петрову. — Специальное ее задание — научная охрана всех памятников исторической культуры страны. <...> Страна, <...> богатейшая в мире по остаткам памятников материальной культуры всех эпох и многих этнических и национальных культур, не может существовать без Академии истории материальной культуры. Это богатство обязывает страну, <...> то же богатство при правильном учете <...> — часть нашей материальной значимости, кредита (курсив наш. — Н. П., А. К.)» (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 4326, Г-272, л. 47–47 об.).

⁸ Это усугубилось тем, что имя А. А. Миллера, репрессированного в 1933 г., долгое время было под запретом, а его личный архив оказался утерян.

(Миллер 1958: 127–130). Из членов будущего Сектора Древней Руси и Восточной Европы в число их входил только М. И. Артамонов. Однако на деле влияние А. А. Миллера испытали практически все археологи, учившиеся у него в университете или работавшие под его руководством в ГАИМК. А таких было немало: в Этнологическом отделении начинали свою деятельность П. Н. Третьяков, Г. П. Гроздилов, Н. Н. Чернягин и др.

В середине 1920-х гг. находит, наконец, в ГАИМК свою «экологическую нишу» А. А. Спицын. Возможно, в этом сыграли роль его успешные работы в Литве. Еще в июне 1921 г. Археологическая комиссия Литвы в первый раз прислала Александру Андреевичу приглашение организовать там исследования литовских древностей. РАИМК удовлетворила ходатайство — руководство зарубежной экспедицией повышало ее престиж (ф. 2, 1921 г., д. 4, л. 54). В 1923 и 1924 гг. приглашения повторились (ф. 2, 1924 г., д. 4, л. 32 об.; д. 13, л. 30 об.). Результатом проведенных работ стала обобщающая статья, напечатанная в «Известиях» Каунасского университета (Спицын 1925).

В те же годы постепенно расширяется сотрудничество А. А. Спицына с многочисленными краеведческими организациями Северной и Средней России. По заказам из провинции он начинает составлять и печатать в периферийных изданиях различные «описания древностей», списки памятников по губерниям и т. д. (ф. 2, 1924 г., д. 1, л. 185). При полном одобрении I отделения он разворачивает бурную деятельность по охране памятников, руководству краеведческим движением, помощи провинциальным музеям и т. п.⁹ По-видимому, период его натянутых отношений с Н. Я. Марром остался позади. Однако к занятиям разряда «русской стариной» теперь добавляются поручения подвести итоги «собственно археологическим материалам», включая составление археологических указателей и областных карт (ф. 2, 1926 г., д. 10, л. 1 об.). Характерно, что в 1926 г. А. А. Миллер на совете отделения упоминает о планах произвести, с участием русского разряда, «раскопки под Ярославлем курганного кладбища эпохи скандинавских колоний» — знаменитого впоследствии Тимеревского могильника (Там же, л. 31).

Однако самая активная деятельность по составлению археологических карт велась в I отделении отнюдь не русским разрядом. Здесь очень большая роль принадлежит палеоэтнологу П. П. Ефименко (рис. 4, 1), ставшему в 1927 г. заведующим разрядом этнографии вместо Д. А. Золотарева. Петр Петрович традиционно разрабатывал в 1920–1930-х гг. два научных направления — верхний палеолит и финские могильники железного века и средневековья. Когда в 1927 г. у Академии появилась возможность дополнить этнографическое обследование Северо-Запада России тотальными археологическими разведками, именно он стал их координатором. Налаженная им система, построенная на сочетании разведочных маршрутов сотрудников ГАИМК с обследованиями, произведенными местными краеведами, дала в 1927–1929 гг. блестящие результаты. Для проведения разведок в разряд этнографии были приглашены регистраторами «давно уже работающие при Академии лица» — студенты Г. П. Гроздилов, Н. Н. Чернягин, П. Н. Третьяков (рис. 4, 3, 2, 4),

⁹ Отметим, что именно А. А. Спицын в 1927 г. доложил на совете отделения о необходимости исследования онежских петроглифов на Бесовом Носу, указав при этом, что местный краевед Морозов уже сделал на свои средства ряд снимков и слепков (ф. 2, 1927 г., д. 10, л. 19 об.).

Рис. 4. 1 — П. П. Ефименко; 2 — Н. Н. Чернягин; 3 — Г. П. Гроздилов; 4 — П. Н. Третьяков

между которыми разделили имевшиеся тогда в разряде «полтора оклада научного сотрудника» (ф. 2, 1927 г., д. 10, л. 62 об.). В дальнейшем всем троим предстояло работать в Секторе Древней Руси и Восточной Европы, стать крупными исследователями эпохи раннего средневековья на Русской равнине.

Активное участие в разведках принял также выпускник археологического отделения ЛГУ Б. А. Коишевский. В начале 1930-х гг., работая научно-техническим сотрудником ГАИМК, он, по сути, в одиночку свел воедино все полученные материалы, составив по ним обширную картотеку памятников Ленинградской, Новгородской, Псковской, Вологодской областей. Эта картотека,

хранящаяся ныне в Рукописном отделе НА ИИМК РАН, стала той основополагающей источниковой базой, на которую опирался во второй половине XX в. каждый археолог-исследователь Северо-Запада.¹⁰

3. В ГАИМК 1930-х гг.

В целом, бурный и чреватый потерями период первой половины–середины 1930-х гг. в ГАИМК следует считать переходным во многих смыслах слова. В 1929–1930 гг. произошел слом прежней научной структуры ГАИМК. В основу ее отныне был положен уже не характер источников, а социологический, формационный принцип. Новые структурные единицы, образованные вместо прежних отделений Академии, носили названия «институтов» (институты истории «доклассового общества», «рабовладельческого», «феодального»). Новое требование напрямую изучать «не вещи, а стоящие за ними общественные отношения» отодвинуло на дальний план саму работу с материалом, анализ археологических источников.

В 1931 г. скончался А. А. Спицын. Завершая наш разговор о нем, следует развить одно распространенное заблуждение.

На рубеже 1980–1990-х гг., когда началась интенсивная разработка архивов и пересмотр сложившихся стереотипов истории науки, в литературе много говорилось об увольнении, чуть ли не изгнании А. А. Спицына из ГАИМК (см., например: Формозов 2004а: 56). Некоторые основания к тому имелись: в 1929 г. Александра Андреевича отстранили от руководства разрядом. Тогда же вместо прежнего разряда археологии русской образовались новые — дорусских культур (руководитель П. П. Ефименко) и русских культур (руководитель К. К. Романов). Впрочем, эти подразделения оказались «однодневками» и вскоре тоже были расформированы. В мае 1930 г. К. К. Романов был «освобожден от заведования по личному заявлению», а на его место назначен С. Н. Быковский (ф. 2, 1929 г., д. 7, л. 135). В том же 1930 г. А. А. Спицын оказался уволен на пенсию.

Списки уволенных тогда из Академии включали десятки имен. Впрочем, далеко не всегда это было проявлением злой воли новой администрации. Дело в том, что еще в конце апреля 1929 г. на XVI Партконференции в Москве Я. А. Яковлев представил программу тотальной «чистки» советских учреждений. ГАИМК тоже предстояла эта неприятная процедура, причем лица, «вычищенные» по 1-й категории, в дальнейшем не имели права поступать на государственную службу. Как правило, они подвергались аресту. «Вычищенные» по 2-й категории уже не могли быть приняты на работу по специальности (Перченко 1991: 144). Простое увольнение давало шанс переждать. Оно, по меньшей мере, спасало от издевательств, которым подвергались те, кто привлекал к себе слишком пристальное внимание комиссии. Поэтому сокращение личного состава Академии, проведенное Ф. В. Кипарисовым в преддверии «чистки», являлось скорее благодеянием для тех, чье социальное происхождение и биография не оставляли им надежды уцелеть.

¹⁰ В марте–апреле 1935 г. Б. А. Коишевский, в то время младший научный сотрудник ГАИМК, подвергся кратковременному аресту органами НКВД. Заявление с просьбой о восстановлении на работе, поданное им в ГАИМК после освобождения из-под стражи в мае 1935 г., было отклонено. По устному сообщению Б. Б. Пиотровского, записанному в 1988 г. Н. И. Платоновой, Коишевский — потомственный дворянин, сын полковника — был репрессирован вторично и, видимо, погиб.

«Оппозиционный настрой» руководства ГАИМК по отношению к комиссии по чистке подтверждается тем, что тогдашний председатель месткома Академии М. А. Тиханова вела себя достаточно независимо и «не оказывала содействия» комиссии в ее работе. В наказание комиссия постановила уволить Тиханову вместе с другими, но — не по категории.¹¹

Процедура чистки имела две цели — отсечь потенциальных инакомыслящих и «воспитать» в новом духе тех, кто останется.

А. А. Спицына отправили на пенсию именно накануне чистки. Это позволило ему не присутствовать на соответствующих собраниях и не отвечать ни на какие вопросы «рабочей комиссии». Но был ли он действительно уволен? Долгое время ответ казался однозначным. Но изученные нами документы архива ИИМК за 1931–1932 гг. заставили серьезно в этом засомневаться.

В 1931 г. (т. е. уже после увольнения!) А. А. Спицын фигурирует в отчете Архαιического сектора как член Готской группы, сделавший за год две исчерпывающие сводки фактических данных по: а) сарматской культуре; б) культуре полей погребальных урн (ф. 2, 1931 г., д. 10, л. 182). Напомним: о том же писал в некрологе Спицына его ученик В. И. Равдоникас (руководитель группы): «В самое последнее время он (А. А. Спицын) работал в Готской группе ГАИМК и в год смерти написал для нее две работы. <...> Первую он докладывал в группе в феврале 1931 г. — его последний в жизни научный доклад. Уже лежа в постели, будучи неизменно верным своей привычке работать, пока есть силы, до конца, он рвался к работе и начал готовить обработку третьей темы для той же Готской группы о собственно готских древностях. Закончить последний свой труд он уже не мог» (Равдоникас 1931: 61). В последние 20 лет это свидетельство В. И. Равдоникаса обычно предпочитали игнорировать.

Но выразительнее всего оказались материалы архивного дела о разборе вещей А. А. Спицына после его смерти. По ним можно понять, что комиссия ГАИМК разбирала рукописи и книги не только на квартире ученого, но и в его личном кабинете в Академии (ф. 2, 1932 г., д. 80, л. 12–13). Таким образом, выход на пенсию отнюдь не лишил Александра Андреевича ни работы, ни даже его кабинета в Мраморном дворце. Остается поверить: даже в эпоху «бури и натиска» отношение тогдашних лидеров ГАИМК (в первую очередь, Ф. В. Кипарисова) к престарелому А. А. Спицыну было куда более уважительным и человечным, чем это предполагалось ранее.

Несмотря на многие потери, которые принесла археологической науке первая половина 1930-х гг., этот период нельзя назвать бесплодным. Сотрудники, составившие в будущем костяк Сектора Древней Руси и Восточной Европы, начали работать тогда в составе ряда тематических групп, формировавшихся из членов разных подразделений. В этих группах можно видеть предшественников современных исследовательских проектов. Идея их создания принадлежала самим молодым сотрудникам ГАИМК. Впрочем, мысль об этом витала в воздухе давно: в 1920-х гг. «коллективная организация труда» оказалась подобием лакмусовой бумажки, определявшим степень приверженности научных учреждений к новой, марксистской постановке исследований. Поэтому, выступая в защиту ГАИМК

¹¹ Записано Н. И. Платоновой со слов П. И. Борисковского в мае 1988 г. Разумеется, Мария Александровна достаточно быстро была восстановлена в штате Ф. В. Кипарисовым, ставшим затем ее мужем.

перед инспекцией Ленсовета в 1925 г., Н. Я. Марр должен был оправдывать свое детище: «Вопрос о коллективном принципе научной работы является новостью в нашей научной практике. Старая наука чуждалась этого метода, и переходный период далеко не изжит» (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 4329, Г-275, ч. 3, л. 3–4).

В мае 1929 г. идея была сформулирована уже в недрах самой ГАИМК, на общем собрании аспирантов под председательством М. И. Артамонова. «Молодежный проект» структуры Академии подразумевал ее деление на пять частей — по принятому тогда за основу социологическому признаку (отделение культур доклассового общества, далее — культур азиатского типа, античного общества, феодального общества и капиталистического общества). Утвержденные Пленумами отделений конкретные научно-исследовательские темы должны были поручаться для исполнения конкретным рабочим группам. Руководитель группы назначался Пленумом; в процессе работы группа могла ходатайствовать о пополнении коллектива или, наоборот, об исключении из нее отдельных членов. При необходимости к работе в ней могли быть привлечены и сторонние Академии сотрудники. По завершении темы группу планировалось распустить (ф. 2, 1929 г., д. 78, л. 1–3).

Подчеркивая свое уважение к тем заслуженным ученым, которые органически не смогут воспринять такой перестройки, аспиранты предлагали, чтобы те продолжали работать по индивидуальным планам. За поддержкой староста аспирантов М. И. Артамонов обратился к Н. Я. Марру, и с его помощью проект удалось частично провести в жизнь. Так уже в начале 1930 г. в Академии появилась проблемно-тематическая Группа по истории кочевого скотоводства (так называемая Группа ИКС), затем — Группа по истории архаического земледелия, по истории охоты, по истории феодализма и т. д.

Забегая вперед, следует отметить: все они просуществовали не более полутора лет и были распущены уже в конце 1931 г., в результате очередной «реструктуризации» ГАИМК. Запланированные коллективные монографии оказались сданы в архив или просто утеряны. Отдельные части их публиковались участниками уже индивидуально, в виде статей (Свешникова 2009: 166–183). Тем не менее даже непродолжительное существование этой организационной формы в ГАИМК дало свои результаты.

«Важнейшим результатом нашей совместной работы, — писал впоследствии о «Группе ИКС» М. И. Артамонов, — было открытие теперь уже общеизвестного исторического факта, а именно, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство» (Артамонов 1977: 4). Следует упомянуть, что коллективная монография «Группы ИКС» была почти дописана, и текст ее (в двух вариантах) сохранился в архивах ИИМК РАН и ИА РАН. Недавно они были проанализированы в работах О. С. Свешниковой (2004: 20–23; 2009: 168–173). Безусловно, выйди эта книга из печати в 1932–1933 гг., она стала бы событием в мировой науке. Ее содержание весьма богато, несмотря на все издержки социологического подхода в его «советской» редакции тех лет. В частности, авторами впервые было введено строгое разделение понятий «домашнее» и «прирученное» животное, а также подчеркнута невозможность свести проблему возникновения скотоводства к определению родоначальной формы и географическому установлению очага каждого вида (что широко практиковалось в мировой науке того периода).

Участниками Группы архаического земледелия ГАИМК стали М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, М. Г. Худяков, Г. В. Григорьев, А. В. Шмидт, В. В. Гольмстен и др. Наиболее интересным результатом явилась разработка проблем подсечного и пойменного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. Вопрос о последнем как о древнейшей форме пашенного земледелия (в противовес представлениям о связи его с черноземами) был поднят М. И. Артамоновым (ф. 2, 1931 г., д. 10, л. 180 об.–181). Параллельно П. Н. Третьяков пришел к выводу о ведущей роли лесного подсечного земледелия в хозяйственном укладе населения Восточной Европы эпохи железа / средневековья.

Тезис о том, что пашенное земледелие возникло не из мотыжного, как утверждалось тогда в литературе (Арциховский 1927), а именно из подсеки, был детально разработан в брошюре П. Н. Третьякова (1932), представлявшей собой главу утерянной коллективной монографии, которую готовила Группа архаического земледелия.¹² Здесь автором впервые излагалась гипотеза о происхождении северной русской сохи из бороны-«суковатки». Возникновение самой подсеки относилось к глубокой древности — еще до появления железного топора.

Социологические заключения молодого исследователя (например, жесткая увязка широкого распространения сохи с переходом к «феодалному» индивидуальному пашенному хозяйству и т. п.) сегодня кажутся весьма скороспелыми. Тем не менее приходится признать: обобщения, содержащиеся в этой тоненькой брошюрке, определили основные подходы к проблеме минимум на 60 лет вперед. Еще в начале 1980-х гг. Е. А. Горюнов указывал, что основные выводы этой работы «никогда не опровергнуты», а «оценка подсечного земледелия, к которой пришел П. Н. Третьяков, ныне считается единственно возможной» (Горюнов 1983: 13).

Не менее интересной следует считать попытку свести воедино все имеющиеся данные об охоте, определить ее характер и особенности на разных этапах истории человечества (Третьяков 1935). При всех «прорехах», зиявших на этих «широких полотнах», при всей объективной нехватке информации и прямолинейном социологизме обобщений, они представляли собой важный этап освоения материалов и приведения их в логическую систему. Разностороннее, целенаправленное освоение источников по таким обширным темам, как история земледелия, охоты, скотоводства, возникновение феодализма, история и типы поселений и т. д., — все это формировало у «заинтересованных лиц» особую широту кругозора. Последнему способствовал непрерывный обмен наработками и мнениями, производившийся в рамках проблемно-тематических групп.

Следует упомянуть еще одну работу, проводившуюся в ГАИМК в начале 1930-х гг. и имевшую концептуальное значение для дальнейших исследований в области древнерусской археологии. Мы имеем в виду исследование памятников древнерусского права членом ИИФО Б. Д. Грековым (рис. 5, 1), с которого, по сути, и началось формирование представлений о «древнерусской народности», о единстве культурного пространства домонгольской Руси, при всех ее локальных различиях в X–XIII вв.

¹² Проспект этой монографии, сохранившийся в архиве ИИМК РАН, опубликован: Свешникова 2009: 177–179.

Рис. 5. 1 — Б. Д. Греков; 2 — М. И. Артамонов; 3 — М. К. Каргер; 4 — Н. Н. Воронин

В 1933 г. Б. Д. Греков выступил на Пленуме ГАИМК с непривычной, даже шокирующей по тем временам гипотезой о существовании единых правовых норм на всей огромной территории древнерусских княжеств в домонгольский период. Этот тезис подкреплялся анализом источников — в первую очередь Русской Правды. Закономерным выводом из него явилось распространение понятия «Киевская Русь» на всю указанную территорию (ф. 2, 1933 г., д. 55).

В ГАИМК в конце 1933 г. этот доклад Б. Д. Грекова был заслушан с некоторым недоверием. Впрочем, полемика по нему носила вполне академичный характер. Характерной, в этой связи, оказалась реакция С. Н. Быковского:

«С понятием Киевской Руси у нас связано представление об определенной территории. Борис Дмитриевич <...> несколько произвольно расширил эти территориальные рамки, включив в него и Новгородскую Русь, и Северо-Восточную Русь. <...> Я считаю, что такое расширение рамок Киевской Руси невозможно, потому что с понятием „Киевская Русь“ связаны определенные наши представления, ну, если не об украинской нации, которая к этому времени еще не успела сложиться, то все-таки об определенном национальном объединении» (ф. 2, 1933 г., д. 55а, л. 5–6).

В ответ докладчик заметил, что он и сам был несколько удивлен результатами своего исследования, ибо привык считать, что у юга и севера имелась своя специфика, которую можно объяснять стадийными различиями. Но о каких стадийных различиях может идти речь, если нормы, выработанные на севере, несомненно, применялись на юге — и наоборот? В конечном счете, мнения аудитории разделились.

Примечательно, что, по ходу этой дискуссии, ее участники неоднократно упоминали о «норманнских завоеваниях» на Руси. Страсти по сему поводу в советской археологии тогда еще не разгорелись. Стенограммы однозначно позволяют заключить: о норманнском характере дружин Рюрика и Олега, о ключевой роли варягов в начальный период истории Руси «красные профессора» начала 1930-х гг. говорили как о чем-то само собой разумеющемся — со ссылками не столько на М. Н. Покровского, сколько на Карла Маркса, чьи высказывания на эту тему были прекрасно известны им в подлиннике.

В области средневековой полевой археологии в первой половине—середине 1930-х гг. наблюдается явное оживление. В связи с этим следует упомянуть о начале раскопок Волго-Донской экспедиции М. И. Артамонова (рис. 5, 2), в ходе которой были начаты раскопки Левобережного Цимлянского городища (древнего Саркела) (1934–1936 гг.). В те же годы раскопки территории Псковского крома начал Н. Н. Чернягин (1936 г.). В Юго-Восточном Приладожье и в Прионежье стал работать Г. П. Гроздилов; он же провел в 1935 г. раскопки на Рюриковом городище. Во Владимиро-Суздальской земле уже с 1934 г. вел исследования Н. Н. Воронин. Несколько особняком стоят обширные работы экспедиции П. Н. Третьякова, развернувшейся на Верхней Волге, благодаря строительству Ивановской, Угличской и Рыбинской ГЭС (1933–1937 гг.). Эти работы сполна продемонстрировали поворот в самой идеологии исследований: в центре внимания оказались раскопки поселений широкой площадью.

Все упомянутые выше археологи (кроме Н. Н. Воронина) являлись в прошлом сотрудниками Этнологического отделения ГАИМК. Все они учились у А. А. Миллера, все имели хорошую подготовку в области исследований поселений со сложной стратиграфией. Их руководитель¹³ любил повторять: «Археологические раскопки можно признать удовлетворительными лишь в том случае, если по их материалам можно составить детальный макет исследованного памятника» (Пиотровский 1995: 52).

В 1930-х гг. основной задачей истории материальной культуры было провозглашено раскрытие социально-экономических отношений, выражающих

¹³ Работа А. А. Миллера в ГАИМК продолжалась вплоть до конца 1933 г., когда он был арестован по делу «Национальной партии» и погиб в лагерях (1935 г.).

основные закономерности исторического процесса. Новая научная конъюнктура выдвинула на первый план вопросы общественного устройства, хозяйственного уклада, экономики древних обществ. А любой серьезный ученый, знавший археологический материал не понаслышке, не наскоком, как многие «теоретики» 1930-х гг. (С. Н. Быковский, В. Б. Аптекарь, А. Г. Пригожин, М. М. Цвибак и др.), понимал: прежде чем рассуждать о социальных отношениях, нужно хотя бы представить, как был организован поселок тех, чьи социальные отношения предполагается раскрыть.

Именно с такой целью П. Н. Третьяковым в 1934–1935 гг. — впервые в отечественной археологии — было предпринято полное, исчерпывающее исследование позднедьяковского городища Березняки в устье р. Сонохты (Ярославская обл.) и синхронных ему погребальных памятников. Эти раскопки «стали опорными для реконструкции экономического, социального и этнического развития племен Верхней Волги в середине I тысячелетия н. э. Путем их переработки ученый пришел к убедительному выводу о принадлежности открытых на городище жилых и хозяйственных строений родовой общине, „большой семье“, численностью 50–60 человек. Эта община вела хозяйство, основанное на подсемном земледелии и скотоводстве» (Горюнов 1983: 10). Это была действительно новаторская работа, в ходе которой облик древнего поселения реконструировался в деталях. Широкие работы на других памятниках Верхневолжья в дальнейшем позволили автору дать полученным материалам четкую культурно-хронологическую привязку.

Первая половина 1930-х гг. стала научным «стартом» будущего руководителя Группы славяно-русской археологии ЛОИИМК / ЛОИА М. К. Каргера (рис. 5, 3). Именно в этот период он разворачивает свои первые архитектурно-археологические работы в Новгороде. В глазах последующих поколений именно Каргер стал настоящим создателем этого направления, хотя, безусловно, он опирался в своей деятельности на достижения предыдущей генерации архитекторов и реставраторов — П. П. Покрышкина, К. К. Романова, Н. П. Сычева и др.

В 1927 г. М. К. Каргер, окончивший аспирантуру ФОНА ЛГУ, защищает квалификационную работу «Из истории культурно-художественных взаимоотношений Пскова и Москвы». В ГАИМК он поступает в 1929 г.; на полный оклад научного сотрудника переведен в марте 1930 г. (ф. 2, 1929 г., д. 7, л. 54, 129).

Напомним: это именно то время, когда К. К. Романов, проводивший до того многолетние реставрационно-исследовательские работы в Новгороде, был отстранен от руководства, а его талантливая ученица Г. Ф. Корзухина впала в длительный творческий кризис. Другой «архитектурник» — Н. Н. Воронин — в 1930–1931 гг. специализировался по XVI–XVII вв. По окончании аспирантуры он был призван в Красную Армию и провел там более года (рис. 5, 4).¹⁴ Вернувшись в ГАИМК, Н. Н. Воронин не сразу стал работать по архитектурной археологии, а попал в Группу возникновения феодализма, возглавляемую «красным профессором» М. М. Цвибаком. Темой его работы стала история

¹⁴ Служба Н. Н. Воронина в Красной Армии прошла успешно. Он окончил ее в звании комвзвода, был награжден командованием дивизии денежной премией и благодарностью в приказе по дивизии (за отличную стрелковую подготовку взвода). За боевую и политическую подготовку взвода командир роты наградил его чемоданом (ф. 2, оп. 5, д. 56, л. 9 об.–10).

сельских поселений средневековой России. По этим материалам им была написана брошюра, целиком построенная на письменных источниках и лишь косвенно связанная с археологией. В ней Н. Н. Воронин стремился уяснить, чем же отличаются друг от друга такие типы поселений, как «погост», «слобода», «село», «деревня», и который из указанных типов можно сопоставлять с городищами (Воронин 1935). При всех недостатках этой работы, обусловленных ее прямолинейным социологизмом, она оказалась бесполезной для будущих исследований автора: «помогла рассматривать памятники архитектуры на широком историко-культурном фоне» (Формозов 2004б: 174).

Таким образом, в начале 1930-х гг. М. К. Каргер оказался одним из немногих действующих специалистов ГАИМК, занимавшихся древнерусской домонгольской архитектурой, а после ареста в 1933 г. Н. П. Сычева остается там единственным. Пользуясь полной поддержкой Ф. В. Кипарисова, Михаил Константинович разворачивает интенсивные работы в Новгороде. Он исследует Георгиевский собор Юрьева монастыря, выявляет в нем поздние пристройки. В конечном счете, он единолично берет на себя ответственность за слом этих поздних пристроек к собору — и восстанавливает «архитектурный кристалл» в первоначальном виде XII в. Подобная смелость и напористый характер быстро восстанавливают против Каргера архитекторов и музейных деятелей, мыслящих более традиционно. Его начинают бояться. В 1935–1936 гг. в Новгороде разворачивается громкое «дело Каргера»: археолога обвиняют во вредительстве, воровстве, даже в разрушении памятников архитектуры, которые он исследовал.

Степень обоснованности этих обвинений будет специалистам совершенно ясна, если добавить: злодейское уничтожение фресок (сбивание их со стены ломом!) якобы производилось Михаилом Константиновичем на пару с «его сотрудницей Корзухиной»! В действительности, оба были виноваты лишь в том, что вскрыли в соборе позднее половое покрытие, ниже которого лежало несколько фрагментов фресок, когда-то осыпавшихся со стен. Эти последние были собраны обвинителями в коробочку и фигурировали при разборе как вещественное доказательство вредительства... Много позднее, рассказывая об этих событиях, М. К. Каргер обронит фразу: «В те годы я потерял веру в людей» (Булкин 2002: 283). Справедливости ради, стоит отметить: один человек защищал его до конца. Этим человеком был Н. Н. Воронин. Впрочем, защита не помогла бы. Избавлению способствовало другое: уже начинался Большой Террор, первыми жертвами которого становились старые партийцы. По словам самого М. К. Каргера, его «дело» закрыли именно по случаю ареста главного обвинителя.¹⁵

Все изложенное, на наш взгляд, помогает понять: годы, совпавшие с «переводом ГАИМК на марксистские рельсы», оказались невероятно тяжелыми в моральном и психологическом отношении. Вместе с тем этот период не может однозначно рассматриваться как катастрофа, постигшая отечественную археологическую науку. Конечно, не будь в России сильной научной традиции, не будь основ, заложенных ранее — и спицынской школой, и миллеровской, «марксизация» обернулась бы для археологии полным развалом. Но этого не случилось.

¹⁵ Сообщено Н. И. Платоновой Вал. А. Булкиным в 1977 г.

Напротив, для ученых, составивших костяк Сектора Древней Руси и Восточной Европы — М. И. Артамонова, П. Н. Третьякова, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и других — это время стало периодом окончательного «взросления», обретения новой научной платформы.

4. В довоенном ИИМК АН СССР: «перестройка» конца 1930-х гг. и коллективные труды Сектора Древней Руси и Восточной Европы

Вся история Сектора / Отдела славяно-финской археологии четко делится на два этапа: «до» и «после» 1939 г. До сих пор, описывая первый из них, нам приходилось говорить не о Секторе как таковом, а лишь о его предшественниках в структуре РАИМК / ГАИМК и о людях, которым предстояло составить ядро Сектора. Начало второго этапа совпало с кратковременным, но ярким расцветом ИИМК накануне Великой Отечественной войны, в пору директорства М. И. Артамонова.

Это был период, когда поколение 35–40-летних, к которому принадлежали сам М. И. Артамонов, М. А. Тиханова, Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, П. Н. Третьяков и другие, вдруг оказалось старшим и начало задавать тон в отечественной науке. Стоит задуматься: накануне войны в ИИМК смотрелись совершеннейшими «патриархами» такие ученые, как П. П. Ефименко, которому к 1939 г. стукнуло 55 лет.

В период «перевода на марксистские рельсы» из науки, а нередко из жизни оказались выброшены все прежние учителя этого нового поколения лидеров — А. А. Миллер, Н. П. Сычев, К. К. Романов, Н. П. Лихачев, Д. В. Айналов, Д. А. Золотарев, Д. И. Нерадовский и др. Сравнительно «благополучно» скончались Н. Я. Марр и А. А. Спицын — и сразу отошли в разряд легенд. Теперь начинался новый период — период бурного развития, быстрой и жесткой расстановки новых приоритетов. Первым таким приоритетом стало утверждение археологии как науки, восстанавливающей историю дописьменных и раннеписьменных эпох. Другим, не менее важным, явилась борьба с тем самым дурным, что принес предшествующий период «социологизации», — забвением археологического источниковедения.

М. И. Артамонов был одним из немногих, кто понял вовремя: решающий момент наступил. Судьба не только Академии, но и всей отечественной археологии зависит от того, что она сможет сейчас предложить советскому государству. Важнейшим организационным принципом работы ИИМК под его руководством стало создание коллективных обобщающих трудов по истории культуры, подводящих итог предыдущему этапу археологических исследований.

Еще в середине 1938 г. институту было предложено взять на себя задачу создания многотомной «Истории культуры народов СССР». Это был настоящий подарок, долгожданная «новая перспектива». «История культуры, — формулировал М. И. Артамонов, — может и должна являться той спецификой нашего учреждения, которая обеспечит нам возможность плодотворной работы в дальнейшем. <...> Мы согласны принять организацию этой работы и сплотить вокруг себя силы для решения этой задачи» (ф. 312, оп. 1, д. 7, л. 16 об.–19).

В 1939–1941 гг. Сектор Древней Руси и Восточной Европы работал над целой серией крупных проектов. Первое место в этом ряду занимала «История культуры

Древней Руси» (ответственный руководитель Н. Н. Воронин). Редакторами отдельных ее частей первоначально являлись Н. Н. Воронин, М. И. Артамонов и М. А. Тиханова. Авторский коллектив включал археологов, историков, филологов, нумизматов, искусствоведов — как из ИИМК, так и из других учреждений. К сожалению, до войны этот труд не успели довести до конца. Готовить его к печати выпало впоследствии одному Н. Н. Воронину — и уже не в Ленинграде, а в Москве. Два тома ИКДР увидели свет в 1948 и 1951 гг. Они дали «такую широкую картину развития определенных сторон русской культуры, какой мы не найдем в более ранних изданиях» (Формозов 2004б: 175). Но основной задел был создан до июня 1941 г.

Параллельно сотрудники Сектора принимали участие в написании «Истории СССР» (т. 1), «Всемирной истории» и т. д. Важнейшим стимулом к работе являлось оперативное издание научных трудов, налаженное в ИИМК. Всего за полтора года существования серии МИА, основанной М. И. Артамоновым, к началу войны уже вышли из печати 6 томов, а тома 7–15 находились в работе. Параллельно было издано 10 выпусков КСИИМК, подготавливалось еще 4 и т. д. Но, в целом, руководство было на редкость жестким. М. И. Артамонов безжалостно нагружал коллег работой, умел требовать, а свое недовольство не стеснялся высказывать публично. В то же время он добивался того, чтобы люди, работавшие с полной самоотдачей, получали за это материальные стимулы, а сотрудникам, приходившим в институт «с отработанным паром», грозил понизить зарплату.

Суровую обстановку «трудовых будней» ИИМК усугубляло то, что правительственные указы 1940 г. «об укреплении труддисциплины» лишали научных сотрудников права работать дома. Они должны были в течение 8 часов находиться на рабочем месте. Во что это выливалось, хорошо видно из выступления А. Л. Якобсона на заседании выездного Бюро ОИФ АН СССР в начале 1941 г.:

«Представьте себе комнату, в которой сидит 10 человек <...> Ясно, что это живые люди: один спросит, другой ответит, третий поправит, а у четвертого, у пятого мысль прервана. В результате — 6 часов <...> Звонок <...> Работники, достаточно солидные, имеющие ответственные задания, встают и говорят: „Ну, теперь я пойду домой работать“. Как же поступают те, у кого нет дома подходящих условий? Они пишут в то время, когда большинство сотрудников уходит, но <...> количество их все увеличивается. <...> В прошлом году я писал здесь с 6 до 11 часов вечера, в этом году <...> очень многие засиживаются до 10 часов. Положение прямо скандальное <...> Нужно увеличить срок открытия института — не до 10 часов, а до 12!» (ф. 312, оп. 1, д. 82, л. 38 об.–40).

Это запальчивое выступление хорошо позволяет уяснить, «как закалялась сталь» и в каких условиях перед войной сформировался особый имидж ИИМКовского коллектива («Ничто не может заменить нашей „семьи“, столь поредевшей теперь», — напишет Н. Н. Воронин в письме Ф. Д. Гуревич в середине 1942 г.). В 1938–1940 гг. в стенограммах ИИМК появляются настойчивые упоминания об уникальных «кадрах», которыми располагает институт. О «людях, страстно любящих свое дело, готовых ради него на жертвы и спянных в коллективе». О тех, кто «отдает себя целиком», участвует во всех начинаниях и обеспечивает их успех (ф. 312, оп. 1, д. 7, л. 4, 19 об.–20; д. 26, л. 3 об.). Действительно, условия работы в ИИМК в тот период были тяжелыми, увлеченность

делом — колоссальная, самооценки — высокими, а невыполнение темы в срок оправдывалось лишь в одном случае — когда и без того было ясно, что работа шла на пределе.

Важнейшим начинанием Сектора довоенного периода стала работа над «Очерками по этногенезу славян» (ответственный руководитель П. Н. Третьяков). Именно к 1938–1940 гг. относится начало раскопок в Поднепровье, проводимых его Славянской археологической экспедицией. Результаты этих работ легли в основу концепции начальной истории славян и их ближайших соседей, созданной П. Н. Третьяковым. В рамках того же направления Н. Н. Чернягиным производилось обобщение всех известных материалов о курганных древностях конца I тыс. н. э. на Северо-Западе России — длинных курганов и сопок. В 1941 г. работы обоих названных авторов вышли из печати в серии МИА (Третьяков 1941; Чернягин 1941). Почти весь тираж последнего номера со статьей Чернягина сразу погиб, попав под бомбежку. Сохранившиеся несколько экземпляров стали библиографической редкостью. Тем не менее указанная статья оказалась этапной: в середине–второй половине XX в. мимо нее не проходил ни один исследователь раннесредневековых древностей Северной Руси.

На рубеже 1930–1940-х гг. широко развернулись исследования М. К. Каргера в Киеве, начавшиеся раскопками Десятинной церкви, Н. Н. Воронина — во Владимире и Боголюбове (исследования светской архитектуры, в частности, дворцового комплекса Андрея Боголюбского). Перед самой войной Н. Н. Чернягин продолжил исследования Пскова, а А. Л. Якобсон — средневекового Херсонеса. Приметой времени было то, что результаты всех этих работ очень быстро обрабатывались и очень оперативно публиковались. Источниковедческая ценность публикаций указанного периода весьма высока.

5. Сектор Древней Руси и Восточной Европы в годы войны

5.1. Начало войны

Период Великой Отечественной войны оставил очень глубокий след в истории института. События 1941–1945 гг. изменили сложившуюся до войны организационную структуру и серьезно повлияли на его дальнейшую судьбу.

23 июня 1941 г., в понедельник, сотрудники ИИМК собрались в помещении института на Университетской набережной.¹⁶ Информация о ходе военных действий была противоречивой. Из речи В. М. Молотова следовало, что вчерашнее нападение на наши пограничные войска было «отбито без больших потерь», но тем не менее война продолжается на нашей территории (Вернадский 1988: 13). Никто не представлял, что в действительности последует дальше. Между тем на Северо-Западе СССР в июне уже начали разворачиваться Староладожская экспедиция, Псковская и Мстинская новостроечная, созданная в связи со строительством ГЭС на р. Мсте (ф. 35, оп. 6, д. 21, л. 60). Когда 23 июня в институте обсуждали создавшуюся ситуацию, было высказано предположение, что

¹⁶ До середины 1930-х гг. помещением ГАИМК/ИИМК в Ленинграде служил Мраморный дворец, занятый в 1937 г. под музей В. И. Ленина. Институт был переведен в корпус, расположенный во внутреннем дворе главного здания АН СССР на Университетской наб., где размещался вплоть до 1948 г.

не сегодня — завтра они вернутся. На говорившего набросились: «Не разводи панику! Велись же раскопки в I Мировую войну!». Всерьез обсуждался вопрос, каким должен быть вклад института в победу над врагом. На первых порах решили поработать с немецкой литературой и подвергнуть критике расистскую теорию в трудах археологов-нацистов.¹⁷

25 июня 1941 г. ИИМК направил в АН СССР отчет о своей работе за первое полугодие. Речь в нем шла о таких мирных предметах, как издательская деятельность, участие в научных конференциях (недавно в институте состоялся пленум, посвященный археологии древнерусских городов), о защите диссертаций, намеченной на конец текущего года. Далее выражалась уверенность, что, «несмотря на условия войны», основные темы и обязательства, взятые институтом, будут выполнены: «Коллектив <...> продолжает спокойно заниматься своей повседневной <...> текущей научной деятельностью» (ф. 312, оп. 1, д. 145, л. 12–20). В этот самый день противник занял Даугавпилс, затем форсировал Западную Двину. Три дня спустя возникла угроза дальнейшего прорыва через Псков и Лугу (Бычевский 1967: 19).

Повседневную научную деятельность пришлось отложить. В Ленинграде было объявлено о создании дивизии народного ополчения — сверх установленного мобилизационного плана, в кратчайшие сроки. Из сотрудников Сектора Древней Руси и Восточной Европы так попали на фронт Н. Н. Воронин (всего за месяц до того сменивший М. И. Артамонова на посту заведующего сектором) и его аспирант П. А. Раппопорт. Но кандидатов идти в ополчение, в конечном счете, оказалось больше, чем надо. Н. Н. Чернягин, тоже подавший заявление в военкомат, вскоре был отчислен и позднее — мобилизован на общих основаниях. С войны он не вернулся.

В середине июля ИИМК получил предписание об эвакуации. Еще раньше (в первых числах месяца) из Ленинграда начали эвакуировать детей. Однако недооценка грозившей опасности была еще так велика, что детей стали вывозить на Малую Вишеру и Валдай, прямо навстречу стремительно приближавшемуся фронту. Лишь после 16 июля детский сад Академии наук все же успели вывезти далее на восток — в г. Тетюши под Казанью (ф. 35, оп. 6, д. 21, л. 76). В числе лиц, сопровождавших детей, была Ф. Д. Гуревич (рис. 6, 1) — в ту пору молодая сотрудница, успевшая закончить аспирантуру ГАИМК и занимавшаяся проблемами археологии Прибалтики железного века.

5.2. Павел Александрович Раппопорт: археолог на войне

П. А. Раппопорт (1913–1988) — глубокий исследователь древнерусского зодчества, автор более 180 научных работ, в том числе 9 монографий (рис. 6, 2). В 1970–1980-х гг. именно он являлся руководителем фундаментального направления архитектурной археологии в Ленинграде.

Родился Павел Александрович в Петербурге. Путь исследователя начался в 1939 г., когда он, молодой архитектор, выпускник Ленинградского инженерно-строительного института, поступил в аспирантуру ИИМК АН СССР, став учеником Н. Н. Воронина. Под его руководством он начинает работу, посвященную шатровому зодчеству XVI в. Однако через два года эта работа оказалась прервана...

¹⁷ Сообщено Н. И. Платоновой П. И. Борисовским в июне 1988 г.

Рис. 6. 1 — Ф. Д. Гуревич; 2 — П. А. Раппопорт; 3 — В. И. Равдоникас; Я. В. Станкевич

5.2.1. Рассказ П. А. Раппопорта¹⁸

Мы не дождалась своего призыва. Пошли в ополчение добровольцами в начале июля 1941 г. Точного числа не помню. Пришли в Василеостровский райвоенкомат. Это был наш военкомат — ведь институт-то тогда был там, в здании, где теперь филиал Академии наук. Со мной пошли Воронин, Прокошев, Чернягин, Занкович. Даниленко не помню — видимо, он пошел в другой день. <...> Всех нас разослали по разным местам. Я попал в 277-й отдельный арт-пулеметный батальон — лейтенант, начальник инженерной службы. <...> Линия укрепрайона шла от Райкузи на Аннино, через Разбегаево и Кастолево, поперек дороги на Ропшу.

¹⁸ Записано Н. И. Платоновой 07.05.1988 г.

В начале сентября от нашего батальона ничего не осталось — разбили. Нет, конечно, всех людей не уничтожили, но батальон как таковой существовать перестал. Отступали, уходили мелкими группами. Почему нас разбили? — Воевать не умели совершенно! Создавали укрепленную линию — пушки закопали в землю. Все орудия развернуты фронтально: линейное построение. Получилось, когда немцы начали атаковать с флангов, — орудия наши совершенно бесполезны. Их не развернуть было в ту сторону.

Комроты у нас был Лавров Леонид Иванович, сотрудник Института этнографии. А я к тому времени замещал убитого комвзвода. Выходил к своим с группой из 9–12 человек. Дошли до Петергофа — там попали под бомбежку. Сидели в Воронихинском павильоне. Дальше попали на переформирование. Всех командиров из Петергофа тогда отправляли в Лебяжье. Тут уж инженеры были не нужны. Попал я в пехоту, в саперную роту. Отправили через Ленинград на Невские пороги (Ивановское). Пробыл там до декабря или конца ноября — чисел опять не помню. Оттуда уж вывезли меня раненого в госпиталь.

Госпиталь помещался в здании Герценовского института. Через одну из медсестер дал знать маме. О том, что наш институт остался в Ленинграде, я знать не знал и вообще не представлял, что здесь что-то может быть! Только одно известие получил. Аспирантами института вместе со мной были Крижевская, Даниленко и такая милая девушка Калашникова. Вот она заходила в декабре к моей маме, узнала от нее, что я лежу в госпитале, и обещала меня навестить. Но так и не пришла. А позже, уже после войны, я узнал, что в это время как раз она умерла от голода.

Умиряли от голода и у нас в госпитале. Норму хлеба раненым давали, как гражданскому населению. Во всяком случае, в нашем госпитале и в этот период — в декабре 41-го—январе 42-го. Я попал туда с фронта, где кормили лучше, поэтому выдержал. А люди из тыловых частей, которых уже в госпиталь привозили истощенными, часто не выдерживали.

Из госпиталя выписался — попал в отдельную саперную роту лыжной бригады. Был ее командиром до декабря 42-го, когда нас разбили. Так что на лыжи встать мы не успели. Место — Красный Бор.

Потом оказался в запасном полку. Ждали, куда же нас пошлют? Ходили слухи, что под Сталинград. Один мой товарищ — тоже архитектор — по своему почину пошел в инженерный отдел Балтфлота и сразу получил там бумажку с просьбой об откомандировании в распоряжение Балтфлота. Тогда я тоже пошел — и мне тоже дали. Но у нас мне ответили, что я опоздал: я уже включен в приказ вместе с теми, кто отправляется под Сталинград. Вывезли нас на катере через Ладогу. Приехали в Москву. Там я почти без всякой надежды еще раз зашел в отдел кадров инженерных войск, показал бумажку. И вдруг меня спрашивают: «Да вы что, неужели вы вправду хотите назад, в Ленинград?! — Хочу! — Пожалуйста, ради бога, если хотите!». Так я получил назначение и кинулся назад.

Вернулся в Волхов — а дороги в Ленинград нет, озеро еще не встало. Месяц просидел в Волхове, помирал с голоду. Первой машиной перебрался. Явился в инженерный отдел (помещался он на набережной, за Институтом мозга). Было это в начале января 1943 года. И вот тут мне повезло! Уж очень хорошие, видимо, были у меня данные — доброволец, боевой офицер с передовой, ранен.

<...> В общем, взяли меня, капитана, на майорскую должность в самом инженерном отделе.

Там чудеса начались. Я привык к такому быту, как на передовой, а тут — приводят меня в комнату, показывают койку! С чистым бельем!! А на воскресенье можно отпуск получить в город! Так началась для меня совсем другая война. Приходилось выезжать на задания — дня на 2–3. Потом возвращаться назад. Конечно, ухлопать меня могли во время этих выездов еще тысячу раз. Были командировки очень опасные. Но разве это можно сравнить с постоянным пребыванием на передовой! Совсем другое состояние — когда ты выезжаешь на некоторое время и потом возвращаешься домой!

Ездил в Старую Ладугу: там надо было обезвреживать неразорвавшиеся снаряды — проводил инструктаж. Назад летели на У-2. И вдруг — мессер! Наш летчик пошел прижиматься к земле — летели почти над самыми кустарниками, чтобы мессер с высоты не заметил. Полет занял 6 часов. Когда прилетели, выяснилось, что нас уже собирались искать.

Была поездка на остров Лавенсаари. Этот остров находился в немецком тылу, а наш гарнизон ухитрялся каким-то образом держаться. И как-то раз немцы разбросали там такие штучки, устройства которых никто не знал. Не умели их разряжать. Это случилось в конце 1943-го года. Пришлось ехать туда. Такая поездка считалась гиблым делом. Но вот как-то проскочил и туда, и обратно! После прорыва блокады мне пришлось разминировать Петергоф. А дальше мы пошли по берегам — от Стрельны до побережья. День Победы встретил в Таллине.

Уже когда я попал в инженерный отдел, я начал получать информацию более-менее широкую и начал понимать, что делается на фронтах в целом. До этого, пока в пехоте был, ничего не знал.

По окончании войны начал я хлопотать о демобилизации. Мария Александровна Тиханова помогала в этом, просила. Адмирал Н. Г. Кузнецов отказал. Тогда я решил действовать своими каналами. Как-то во время дежурства изложил свою просьбу непосредственному начальнику. Он удивился: «У вас же так хорошо служба идет — зачем вам демобилизоваться?». Я объяснил, что я аспирант и хочу заниматься наукой. И он буквально на глазах потерял ко мне всякий интерес — он был настоящий военный. Но просьбу исполнил — перевел в резерв. А уж из резерва меня с первой очередью демобилизовали — в феврале 1946 года. Я за один день сумел сдать все дела, все оформил и вечером уже в Ленинград поехал.

5.3. ИИМК в блокаде

«О том, что наш институт остался в Ленинграде, я знать не знал и вообще не представлял, что здесь что-то может быть!», — скажет П. А. Раппопорт много лет спустя. А тогда, летом 1941 г., отъезд академических институтов из города все откладывался. Потом историки с горечью будут вспоминать о низких темпах эвакуации (Ковальчук, Соболев 1965: 192; Верт 1967: 219). 23 августа произошел окончательный прорыв Лужского рубежа на Красногвардейск (Гатчину). Другой бросок готовился немцами из района Чудова. А жизнь в городе оставалась сравнительно спокойной.

В письме М. А. Тихановой к Ф. Д. Гуревич, написанном в этот период, есть такие строки: «Сидим <...> на чемоданах, готовимся к отъезду — на сей раз вопрос

уже как будто бы решен. <...> Усиленно дежури́м в пожарной команде Института, <...> крутимся так, что еще никто не собирал своих личных пожитков. <...> Ехать никто не хочет, но, очевидно, придется. <...> Живем дружно, в большинстве все молодцами, за очень немногими исключениями — и то минутными, а не постоянными. Заниматься никто не занимается, ибо все упаковано или допаковывается; заняты, помимо чисто институтских дел по укладке и проверке библиотеки, в разных комиссиях. <...> Сейчас зашел М. И. Артамонов, сообщил, что сегодня чудная лунная ночь. <...> В городе тихо и спокойно, как, впрочем, и все это время в самом Ленинграде».¹⁹

Письмо датировано 28 августа 1941 г. В этот самый день немцы осуществили прорыв к Тосно, который совпал с наступлением финской армии на Выборг. 8 сентября вокруг города сомкнулось блокадное кольцо. В эти самые дни на части, действовавшие на ближних юго-западных подступах к Ленинграду, обрушились те страшные удары, о которых упоминал П. А. Раппопорт. В эти части главным образом и попали добровольцы — сотрудники академических институтов, студенты, преподаватели и другие — «интеллигентская масса», которая долго не могла перейти на официальный армейский язык. Друг к другу обращались по имени-отчеству, в приказах фигурировали «пожалуйста», «прошу вас», «не откажите» (Соболев 1966: 11).

Здесь, в Василеостровской дивизии народного ополчения, находился бывший заведующий Сектором Древней Руси и Восточной Европы Н. Н. Воронин, исполнявший обязанности адъютанта командира полка (Там же: 12). Его военная судьба тоже сложилась счастливо, хотя по-иному, чем у П. А. Раппопорта. В боях под Ленинградом он был ранен, достаточно серьезно — и вывезен из блокады в Москву, в госпиталь. В марте 1942 г. Н. Н. Воронин демобилизовался после ранения и прямо из госпиталя пришел в Московское отделение ИИМК, временно перебравшееся от холода в помещение Исторического музея. Заведующий московской Группой В. Н. Чернецов немедленно включил Воронина в штат и провел его по спискам (Платонова 1991: 54–55).

Между тем жизнь ленинградских учреждений, оказавшихся в ловушке, постепенно входила в новое русло. В античном секторе ИИМК было устроено «нечто вроде мастерской». Женщины готовили теплые вещи для Красной Армии.²⁰ Основным занятием большинства сотрудников стало дежурство в команде ПВО. В конце сентября, в разгар боев на Пулковских высотах, возобновил заседания ученый совет. Именно тогда степень кандидата исторических наук была присвоена А. Л. Якобсону за работу «Архитектура средневекового Херсонеса». М. А. Тиханова писала Ф. Д. Гуревич: «Институт понемногу живет: изготовил 6 кандидатов. По субботам заседаем. <...> Сейчас предполагают ряд индивидуальных тем взамен невыполнимых коллективных. До праздников обещают верстку „Истории культуры Древней Руси“ — I полутома. <...> Сегодня была в Эрмитаже на торжественном заседании памяти Низами (800-летний юбилей) — было хорошо. И. А. Орбели сумел найти нужный тон и слова».²¹

¹⁹ Здесь и далее приводятся выдержки из писем сотрудников Сектора Древней Руси и Восточной Европы к Ф. Д. Гуревич, переданных ею Н. И. Платоновой в 1988 г.

²⁰ Сообщено Е. Г. Кастанаян Н. И. Платоновой в мае 1988 г.

²¹ Торжественное заседание, посвященное памяти персидского поэта Низами, состоялось в Эрмитаже

Заседания секторов ИИМК, прервавшиеся с началом войны, во второй половине октября были возобновлены. Часть материалов вновь извлекалась из эвакуационных ящиков. В Секторе Древней Руси и Восточной Европы обсуждались планы дальнейшей работы до конца года (ф. 312, оп. 1, д. 150, л. 67–68). Между тем после захвата немцами Тихвина (8 ноября) между городом и Большой Землей остался один ненадежный «воздушный мост», по которому в Ленинград могла доставляться лишь мизерная доля необходимых продуктов.

Обратными рейсами транспортные самолеты вывозили людей. Президиуму АН СССР было предложено немедленно отправить из города 200 наиболее крупных ученых (Кольцов 1962: 45). В список попали многие доктора наук, в том числе директор ИИМК М. И. Артамонов. Фактическим руководителем института после его отъезда стал ученый секретарь С. Н. Бибиков. Первый приказ, подписанный им, датирован 20 ноября 1941 г. (ф. 35, оп. 6, д. 21, л. 109). В этот день в Ленинграде произошло пятое и последнее понижение норм выдачи продуктов по карточкам. Сотрудникам ИИМК полагалось теперь, как «служащим», по 125 г суррогатного хлеба в сутки. Карточки на другие продукты не отоваривались (Верт 1967: 227–228).

Эта норма была смертельной. К началу декабря в приказах по ИИМК все чаще замелькали упоминания о бюллетенях. Лаконично сообщалось, что такого-то с данного числа следует «считать выздоровевшим и возвратившимся к исполнению своих обязанностей». 8 декабря умерла Е. А. Рыдзевская. Далее пошла настоящая вакханалия смертей. В отчете о работе Ленинградской части ИИМК за 1942 г. отмечалась «катастрофическая гибель научного и научно-вспомогательного состава» в зимний период. Однако «ряд научных сотрудников, объединившись в одной отапливаемой комнате, при свете коптилки продолжал трудиться. В этой и <...> в соседней комнате было оборудовано общежитие для сотрудников, дежурящих в командах, ослабевших от голода и для тех, кто по тем или другим причинам не мог находиться <...> дома. <...> 20 января 1942 г. в непротопленном помещении библиотеки ИИМК, при свете свечи состоялся традиционный пленум Института, посвященный памяти акад. Н. Я. Марра и только что умершего акад. С. А. Жебелева. <...> Предполагалось поставить на пленуме два научных доклада, однако <...> сотрудники не смогли сделать их по причине истощения» (ф. 312, оп. 1, д. 161, л. 2–3).

8 февраля 1942 г. руководству института удалось отправить в эвакуацию первую группу сотрудников. Отправка людей небольшими партиями продолжалась в течение всего февраля и марта (Там же, л. 11; ф. 35, оп. 6, д. 30, л. 3). Большинство их уезжало в крайне истощенном состоянии. Все были травмированы психически. Сотрудница ИИМК С. И. Капошина, эвакуированная еще летом 1941 г. и блокады не видевшая, в марте 1942 г. разыскала в больнице г. Иваново вывезенного через Ладогу А. Л. Якобсона. Через две недели она признавалась, что до сих пор не может узнать его — прежнего (ф. 52 [В. А. Миханковой], д. 79, л. 1–6). В таком же состоянии, по рассказам ИИМКовцев, вывезенных Ледовой дорогой, в тот момент находились все товарищи, оставшиеся в Ленинграде. Им еще предстояло пережить март. В апреле стало немного легче.

17 октября. Многие из слушателей и два докладчика прибыли туда прямо с фронта (Пиотровский 1948: 4).

5.4. Конец войны

В июне 1942 г. академику-секретарю ОИФ АН СССР В. П. Волгину была направлена записка о восстановлении Сектора Древней Руси во главе с Н. Н. Ворониным на базе МОИИМК в Москве и о вызове туда всех научных сотрудников этого Сектора. «Теперь буду толкать, — весело сообщал Н. Н. Воронин Ф. Д. Гуревич, — готовьтесь к переезду в Москву. <...> Лишь бы не развалился институт <...> — тогда свернем всякую крамолу. Я тоже „отдохнул“, а главное, еще больше привык говорить правду, невзирая на социально-политические категории. <...> В Москве <...> живем дружно, но ничто не может заменить нашей „семьи“, столь поредевшей теперь. <...> Собираемся слетать в Ленинград за рукописями и людьми. Благословите, чтоб без вынужденной посадки».

Однако то, что казалось в Москве таким ясным и осуществимым, в других местах обростало массой сложностей. Объективные трудности создавало ухудшившееся положение на фронтах. Распределение ИИМКовцев, эвакуированных в Поволжье, по разным пунктам не замедлило сказаться на организационной стороне дела. Восстановление Сектора Древней Руси в Москве осенью 1942 г. осталось формальным актом, не имевшим серьезных последствий.

Директор института М. И. Артамонов в это время находился в Казани, куда был эвакуирован Президиум АН СССР, и добивался решения об официальном переводе туда ИИМК. Такое решение последовало лишь в начале 1943 г. (ф. 312, оп. 1, д. 183). Но оно запоздало: отдельные группы сотрудников, вывезенных на Большую землю, к тому времени оказались уже разбросаны по разным городам и весям. Одна группа ленинградцев успела отправиться в Ташкент, другая — осталась в Елабуге. Часть сотрудников находилась в других местах — поодиночке и мелкими группами. Уже осенью 1942 г. распыление научных сил ИИМК было закреплено окончательно. Упомянутое выше постановление так и не вступило в силу.

Положение московской части института на общем фоне выглядело сравнительно благополучно. Уже в декабре 1942 г. Н. Н. Воронин представил Ф. Д. Гуревич следующий шуточный «отчет»: «Вы спрашиваете, что делал я? <...> Наслаждался временным отсутствием ИКДР и написал порядком исследовательских работ <...> „Псковское зодчество XII–XIV вв.“; „Тверское зодчество XI–XIV вв.“; „Тверское восстание 1327 г. и песня о Щелкане“; главы для учебников по истории русской архитектуры и древнерусскому искусству; <...> книжка „Охрана памятников древнерусского зодчества“; „Соломония Сабурова и Василий III“ и т. д. Кроме того, в разных странах света (США, Аргентина, Швеция, Иран, Англия, Куба и т. д.) напечатал 48 статей по разным вопросам русского искусства, разрушений, охраны памятников, текущей жизни и др. — это по части оборонной работы в Информбюро. Скромно считаю, что во втором фронте есть доля миллиграмма моя. <...> ИИМК живет полным ходом, при температуре –2° сидим в библиотеках».

В июле 1943 г. дирекция ИИМК была официально переведена в Москву. Директором стал акад. Б. Д. Греков (ф. 312, оп. 1, предисл., л. 3). Официально существовало два равноправных отделения — Московское и Ленинградское — со своими учеными советами и разделением отделов. С начала 1944 г. в Москве был утвержден целый ряд новых подразделений. Сектор Древней Руси и Восточной Европы временно переименовали в «Группу». Однако на тот момент не было налицо даже группы. Часть сотрудников находилась в Москве (Н. Н. Воронин,

А. Л. Якобсон, П. Н. Третьяков,²² Ф. Д. Гуревич), кто-то — в эвакуации, в Поволжье и Средней Азии (М. И. Артамонов, М. А. Тиханова, Я. В. Станкевич, И. И. Ляпушкин и др.). П. А. Раппопорт оставался в действующей армии, Н. Н. Чернягин погиб, Г. П. Гроздилов попал в плен. В конечном счете, возвращение уцелевших сотрудников в Ленинград и фактическое начало их работы совпали с официальным переносом головного института в Москву (постановление Президиума АН СССР от 9 февраля 1945 г. — ААН, ф. 7, оп. 1, д. 496, л. 44).

Разрозненным группам ленинградских сотрудников удалось окончательно соединиться лишь в июне 1945 г. В ЛОИИМК тогда было восстановлено 5 секторов, в том числе Сектор Древней Руси. Его заведующим стал чл.-корр. АН СССР В. И. Равдоникас (рис. 6, 3), с 1946 г. — заведующий ЛОИИМК.

6. Послевоенный период: этапы истории

6.1. Первые послевоенные годы: 1946–1951

Всего полгода существования коллектива в родных стенах дал на практике такой эффект, который, похоже, удивил самих сотрудников. На отчетном собрании в конце 1945 г. отмечалось: «Нельзя сказать, чтобы обеспеченность всех секторов Отделения вспомогательными средствами и даже минимальными условиями работы была удовлетворительная. Наши вспомогательные учреждения по существу полузаконсервированы, иные почти вовсе вышли из строя. <...> Сама обстановка в секторах, размещенных в двух комнатах, ввиду скученности и холода в помещении мало способствует успешности работы» (ф. 312, оп. 1, д. 240, л. 37–38). Однако и в таких условиях работа разворачивалась.

В 1946 г. было осуществлено 14 экспедиций, в том числе начала работу Средне-Днепровская экспедиция П. Н. Третьякова. Систематические разведочные обследования И. И. Ляпушкина на Полтавщине и в бассейне Ворсклы ставили задачу уяснить «взаимоотношения скифской культуры, культуры полей погребальных урн и славянской роменской культуры». Они по-новому ставили проблему этногенеза славян на Левобережье. Тогда же, в 1946 г., были возобновлены полевые работы на Украине: Черниговская экспедиция Я. В. Станкевич (рис. 6, 4) произвела раскопки Шестовицкого могильника и прилегающего городища. Все это внушало надежды.

В. И. Равдоникас был очень недоволен переносом головного института в Москву и не оставлял мыслей об изменении положения в дальнейшем. Осенью 1948 г. он попробовал было использовать новую конъюнктуру — начало очередных погромных кампаний против «космополитизма» в академических институтах — для того, чтобы повернуть процесс вспять. В своем докладе «О положении в археологической науке» он выдвинул идею, что в археологии сложилось два течения — передовое и формалистическое. Причем первое локализуется, в основном, в Ленинграде, второе — в Москве... Однако эффект от этого выступления получился противоположный. Расстановка сил уже изменилась необратимо. В результате в 1949 г. В. И. Равдоникас был снят с поста заведующего ЛОИИМК. Еще раньше — в 1948 г. — его освободили от обязанностей заведующего Сектором Древней Руси (Клейн 2010а: 382–383).

²² В описываемый период П. Н. Третьяков состоял на службе в РККА и был преподавателем Высшей Военно-Политической академии в Москве.

6.2. Группа славяно-русской археологии: 1951–1974

В июле 1951 г., после знаменитой дискуссии в газете «Правда» и выступления И. В. Сталина, развенчавшего «новое учение об языке» Н. Я. Марра, Ленинградское отделение ИИМК подверглось суровым репрессиям. Слишком тесно оно связывалось, в глазах всех окружающих, с именем покойного Н. Я. Марра. Ученый совет отделения, об ущемлении прав которого В. И. Равдоникас писал еще в 1948 г., на несколько лет был ликвидирован вообще. Сектор Древней Руси, которым после ухода В. И. Равдоникаса вновь стал руководить М. И. Артамонов, тоже оказался расформирован. Он превратился в «славяно-русскую группу» одноименного сектора в Москве. Руководителем Группы стал М. К. Каргер (ф. 312, оп. 1, д. 407, л. 2).

Официально такое положение продолжалось до 1974 г. Следует подчеркнуть: в отличие от военного периода (когда «Группа» действительно не имела возможности работать), причиной организационных перемен 1951 г. стали обстоятельства чисто конъюнктурные, а именно — «подковерная борьба», не имевшая к науке прямого отношения.

По большому счету, «Группа» по-прежнему оставалась «Сектором» Древней Руси и Восточной Европы I–II тыс. н. э., где работали ведущие специалисты в данной области. Разумеется, время накладывало свою печать на все. Часть выводов должна была держаться под спудом из-за несоответствия идеологическим догмам (как, например, разработки Г. Ф. Корзухиной, касавшиеся происхождения Руси и ее связей со Скандинавией). Немало проблем создавали ограниченность научных штатов, выделявшихся на «Группу», почти полное отсутствие мест в аспирантуру, а заодно и ограниченность листаж печатных работ. По этой причине ряд крупных научных трудов так и не увидел света при жизни авторов. С другой стороны, чтобы хоть как-то работать по специальности, квалифицированные молодые специалисты (как, например, О. В. Овсянников) должны были долгие годы «сидеть в лаборантах».

Не все трудности носили объективный характер. Обстановка в Группе славяно-русской археологии в 1950–1960-х гг. была весьма непростой. Возникали проблемы, которых не могло возникнуть в принципе — ни раньше (в ГАИМК и довоенном ИИМК), ни позже, в последней четверти прошлого века, когда Сектор принял свой современный вид. Чтобы понять, о чем идет речь, достаточно привести один пример. М. В. Малевская-Малевиц (рис. 7, 1), ученица и многолетняя сотрудница М. К. Каргера, пришла в ЛОИА в 1952 г. Она стала блестящим специалистом в целом ряде областей древнерусской археологии (архитектурная археология, керамика западнорусских земель и др.). К 1970-м гг. Марианна Владимировна, безусловно, работала на уровне доктора наук, но так и осталась «сотрудником без степени». И причиной тому явилась отнюдь не ее неспособность обобщить результаты своих исследований. Просто эти обобщения и филигранные реконструкции объектов, связанных с древнерусскими храмами, порой выходили в свет без указания имени их настоящего автора. К сожалению, тогда это было возможно. Хорошо, что это абсолютно непредставимо сейчас. Но все же справедливость требует признать: в период 1950–1960-х гг. в Группе славяно-русской археологии не прекращалось самое главное — поддержка научных традиций.

Именно в эти десятилетия широко развернулись исследования П. Н. Третьякова (рис. 8, 1) в Верхнем Поднепровье и Подесенье. В ходе их решались вопросы преемственности развития культур I тыс. н. э. в этом регионе и определялись основные направления этногенеза славян, финно-угров и восточных балтов. Глубокая научная

Рис. 7. 1 — М. В. Малевская-Малевич; 2 — О. В. Овсянников

интуиция вела П. Н. Третьякова, в конечном счете, по верному пути, несмотря на большие пробелы в материалах. Впрочем, многолетние работы его экспедиции и были призваны заполнить эти пробелы.

Важным и очень плодотворным фактором развития указанного аспекта научной мысли стала постоянная дискуссия П. Н. Третьякова с коллегой по Сектору — Иваном Ивановичем Ляпушкиным (рис. 8, 2). Последний разрабатывал те же проблемы этногенеза в строго ретроспективном ключе — от более поздних, достоверно атрибутированных культур к более ранним и дискуссионным. Интересным является в этой связи свидетельство Л. С. Клейна, младшего современника обоих ученых: «Многое в построениях Третьякова держалось на определенных методических допущениях, гипотезах. Его постоянным критиком был И. И. Ляпушкин, <...> завзятый эмпирик и сторонник строжайшей методики. Как-то в раздражении полемики Третьяков сказал ему: „Что бы Вы делали, Иван Иванович, если бы не было меня? Ведь вся Ваша работа сводится к исправлению моих промахов!“». Но Иван Иванович был для него тайным эталоном, и ему страстно хотелось убедить именно его. Через несколько лет я видел Третьякова, рыдающего над гробом И. И. Ляпушкина. Никто не горевал так отчаянно и безутешно» (Клейн 2010б).

В 1970-х гг. исследования по этногенезу славян и восточных балтов получили в Группе славяно-русской археологии (с 1974 г. Секторе славяно-финской археологии) продолжение — в работах Евгения Алексеевича Горюнова, счастливо объединившего в своем творчестве достоинства двух выдающихся учителей — «широту охвата проблемы П. Н. Третьякова и скрупулезнейший подход к источнику И. И. Ляпушкина» (Терпиловский 2001: 33). Данное направление археологической мысли не угасло и после безвременной кончины Е. А. Горюнова в 1981 г. В настоящее время раннеславянская тематика разрабатывается В. М. Горюновой и О. А. Щегловой.

Но, пожалуй, наиболее всесторонне и исчерпывающе развернулось в 1950–1970-х гг. направление архитектурной археологии. Поэтому именно его представители

Рис. 8. 1 — П. Н. Третьяков; 2 — И. И. Ляпушкин; 3 — Г. Ф. Корзухина; 4 — Ю. П. Спегальский

открывают приводимую нами ниже серию кратких очерков об ученых, заложивших основы современных научных подходов в нынешнем Отделе славяно-финской археологии.

7. Ученые. Основоположники. Учителя

7.1. Михаил Константинович Каргер — ученый и руководитель

Михаил Константинович Каргер (1903–1976; рис. 9, 1) оставил заметный след в истории ИИМК. Он много лет был руководителем Института и еще дольше — руководителем Сектора (Группы) славяно-русской археологии.

Рис. 9. 1 — М. К. Каргер; 2 — А. Н. Кирпичников

М. К. Каргер родился в Казани. Высшее гуманитарное образование получил в Петрограде. С 1929 г. и вплоть до своей кончины работал в ГАИМК / ИИМК / ЛОИА. Здесь с 1951 по 1974 г. он возглавлял Группу славяно-русской археологии, а с 1964 по 1971 г. был заведующим ЛОИА АН СССР.

М. К. Каргер явился одним из главных создателей научного направления архитектурной археологии. В таких городах, как Киев, Новгород, Переяславль-Русский, Галич, Владимир-Волынский, Полоцк, Витебск, Новогрудок, Туров, Волковыск, Ладога и другие, ему удалось обнаружить и изучить около 30, казалось, навсегда исчезнувших каменных построек первых веков русской истории. Путь ученого сопровождался результативными поисками и открытиями. География его работ включала Россию, Украину, Белоруссию и не была расчленена сложившимися ныне государственными границами. При этом им была выработана отточенная методика полевого исследования архитектурных памятников. В результате радикально обновилась источниковая база данных о строительном деле Древней Руси.

Свои научные изыскания М. К. Каргер рассматривал в свете широких культурогенетических проблем. Он изучал памятники архитектуры как произведения, отражающие строительное искусство Руси, ее городов, в целом — как культуру русского народа. Выделяя те или иные архитектурные школы, М. К. Каргер в то же время отстаивал целостность и единство культурного пространства средневековой России.

Трудами М. К. Каргера были обнаружены целые городские кварталы (например, Киева), выявлены жилища и ремесленные мастерские. Им раскрыта потрясающая по своему драматизму картина тотального уничтожения цветущей русской цивилизации в период монгольского нашествия на Русь в 1237–1241 гг. Раскопки в Киеве, Переяславле-Русском, на городище у с. Городище Хмельницкой обл. (Украина) точно подтверждали сообщения летописи о беспрецедентной военной и человеческой катастрофе — не только городов, но и всей страны.

М. К. Каргер любил и ценил факты, очень бережно и полно использовал исторические источники, был чужд модного в его время вульгарного социологизма. Эти качества обеспечили его статьям и книгам о Киеве, Новгороде, Смоленске, о древнерусской монументальной живописи глубину, точность, документальность и научную долговечность. Примером является двухтомная монография «Древний Киев» (Каргер 1958; 1961), в которой суммировано огромное количество сведений об этом городе — в том числе малоизвестных или вовсе забытых. Как писал сам ученый, он «пытался показать памятники древнего зодчества Киева в качестве немых участников крупных исторических событий, составивших яркую, но полную внутренних противоречий историю древнейшей столицы Русского государства» (Каргер 1961: 6).

М. К. Каргер был непростым человеком. Ныне разные люди вспоминают его по-разному. Он не прощал ошибок и человеческих слабостей, был взыскательным и подчас чрезмерно строгим наставником. Но его многогранного таланта не отрицает никто. На его увлекательных лекциях воспитывалось не одно поколение археологов и искусствоведов. Он заведовал кафедрой истории искусств на истфаке ЛГУ, сотрудничал с Академией художеств, Русским музеем, Эрмитажем, научными и музейными учреждениями Украины и Белоруссии. Деятельность М. К. Каргера решающим образом повлияла на формирование в Ленинграде авторитетной школы специалистов в области архитектурной археологии и древнерусского зодчества.

Михаил Константинович был блестящим оратором, неотразимым критиком, одержимым собирателем книг, рисунков и чертежей, остроумным рассказчиком. Оценивая его наследие, нельзя не воздать ему должного: его научные изыскания придали мощный импульс развитию наших знаний об истории, культуре, архитектуре Древней Руси.

7.2. Павел Александрович Раппопорт — творческий путь

Так получилось, что первыми публикациями — не аспиранта, а инженер-капитана П. А. Раппопорта оказались две статьи, посвященные обобщению опыта Великой Отечественной войны по строительству оборонительных сооружений и опубликованные в одном из специальных военных журналов.

Задуманную в 1939 г. кандидатскую диссертацию о русском шатровом зодчестве XVI в. П. А. Раппопорт защитил в 1947 г. Уже в этой работе проявились наиболее характерные особенности метода исследователя — подробный анализ архитектурных форм, строительных приемов древних зодчих, умение связать данные о постройке архитектурных сооружений с историческими событиями. Это позволило ученому не только сделать обобщающие заключения, но и выявить особенности творчества отдельных зодчих, о которых ничего не сообщают летописи и другие источники.

В эти же годы исследователь приступает к изучению древнерусской фортификации. Работа, проведенная П. А. Раппопортом по изучению средневековых укреплений, была поистине всеохватывающей — ему удалось обследовать более 800 древнерусских крепостей и их остатков на территории от Карельского перешейка до Карпат и от Псковщины до Костромского Поволжья. На многих из них были проведены раскопки, а значительный ряд древнейших крепостей и городов был идентифицирован П. А. Раппопортом впервые. Среди изучавшихся Павлом

Александровичем крепостей укрепления Киева, Галича, Владимира, Суздаля, Старой Ладogi, Порхова и многих других. Итогом изучения древнерусской фортификации стало фундаментальное исследование в трех томах (Раппопорт 1956; 1961; 1967). В них П. А. Раппопорту удалось выявить основные закономерности развития древнерусских оборонительных сооружений и связать их с изменениями социальных отношений, с эволюцией военной техники и оружия. Большая часть этой работы, озаглавленная «Военное зодчество древней Руси», была защищена П. А. Раппопортом в 1965 г. в качестве докторской диссертации.

Следующим этапом работы ученого стало исследование древнерусских жилищ. П. А. Раппопортом были выделены характерные для отдельных районов Руси типы жилищ, прослежены пути развития жилого строительства в X–XIII вв. Результаты этой работы были обобщены в книге «Древнерусское жилище» (Раппопорт 1975).

В 1962 г. Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт начинают исследование Смоленска. Организовывается Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция, которая с 1962 по 1967 г. возглавлялась Н. Н. Ворониным, а с 1972 по 1975 г. — П. А. Раппопортом. Заметим, что в это время были раскопаны остатки 10 неизвестных до этого памятников смоленского зодчества XII–XIII вв. Вместе с сохранившимися зданиями и постройками, изучавшимися ранее, их стало 19. Благодаря работам в Смоленске, исследователям удалось составить представление о целой школе древнего зодчества (Воронин, Раппопорт 1979).

С 1975 г. П. А. Раппопорт возглавил Архитектурно-археологическую экспедицию Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Целью этой экспедиции являлись раскопки в тех городах, где в том или ином виде сохранились памятники архитектуры XI–XIII вв. Отряды этой экспедиции, включавшие в свой состав специалистов Ленинградского университета и Эрмитажа, результативно работали в Старой Ладoge, Новгороде, Калининe, Ростове, Угличе, Ярославле, Полоцке, Витебске, Гродно, Львове, Луцке, Владимире-Волынском, Галиче (Ивано-Франковской области), Чернигове, Новгороде-Северском. Эти изыскания способствовали сложению под руководством П. А. Раппопорта творческой группы по архитектурной археологии. Стараниями этого коллектива и прежде всего его руководителя удалось осуществить максимально полный подсчет каменных построек домонгольской Руси. Их оказалось около 250. Полная сводка этого материала впервые представлена в книге «Русская архитектура X–XIII вв.» (Раппопорт 1982).

В 1970–1980 гг. творчество П. А. Раппопорта достигло особой отточенности. Он выдвинул новаторские разработки основополагающих проблем древнерусского зодчества. Так, на примере памятников Киева, Чернигова, Новгорода-Северского, Овруча, Полоцка, Смоленска и других городов ученому удалось всесторонне обосновать общерусский этап истории русской архитектуры XII–XIII вв., который знаменовался полной переработкой и даже отрицанием византийских традиций и сложением национальных русских архитектурных форм.

Наряду с типом сооружения, его композицией, декоративной отделкой внимание П. А. Раппопорта привлекли техника кладки построек, их конструкции и строительные материалы. Им впервые было осуществлено детальное изучение системы кладки, качества и формата кирпича, состава строительного раствора, конструкций фундаментов. Начала вырисовываться картина развития древнерусской

строительной техники. Удалось выяснить, какими были состав древнерусской строительной артели, характер организации работ, социальное положение зодчих. Тщательный анализ технических приемов позволил исследователю выделить «почерк» различных артелей, а это в свою очередь дало возможность понять, где и когда работали различные мастера, как и в какое время они переезжали из одного русского княжества в другое, каковы были взаимосвязи между разными архитектурными школами. В результате появилась возможность реконструировать ход и последовательность каменного строительства в городах Руси, определить его авторство и даже прогнозировать существование ненайденных сооружений. Изучение формата кирпича открыло возможность достаточно точной датировки памятников, порой в пределах 10 лет. Все эти научные достижения суммированы П. А. Раппопортом в целой серии монографий (Раппопорт 1986; 1993; 1994 и др.).

Много внимания П. А. Раппопорт уделял воспитанию студентов и молодых ученых. В Институте им. И. Е. Репина Академии художеств СССР он читал курс истории средневековой архитектуры. В 1969 г. увидела свет его книга «Древнерусская архитектура», предназначенная для самых широких кругов читателей. В ней отражен полный исканий путь развития древнерусского монументального зодчества с X по конец XVII в.

П. А. Раппопорт отличался исключительной порядочностью. Он всегда был корректен в спорах, внимателен к товарищам, четок, последователен и доброжелателен в своих оценках и выступлениях. Его никогда не видели гневным, хотя на его долю выпало немало несправедливостей.

Богатое научное наследие П. А. Раппопорта, взлет наших знаний в отношении древнерусской архитектуры обязывают к сохранению и дальнейшему развитию того дела, которому он посвятил свою жизнь, — архитектурной археологии.

7.3. Юрий Павлович Спегальский и история древнерусского жилища²³

Большой заслугой М. К. Каргера явилось приглашение в институт другого исследователя истории архитектуры — Ю. П. Спегальского (1909–1969; рис. 8, 4). Этому человеку было дано увидеть проблему древнерусского домостроительства свежим взглядом и развить ее в совершенно новом направлении.

Ю. П. Спегальский родился в Пскове. Еще в школе он увлекся псковской стариной и решил серьезно заняться изучением и реставрацией памятников родного города. Свой диплом архитектора Юрий Павлович защитил в 1936 г. в ЛИСИ. Однако дальнейшая работа в ГИОП, производившей тогда реставрационные работы в Пскове, разочаровала его. Опыта и знаний у реставраторов было недостаточно. Мириться с этим Спегальский не захотел, и ему пришлось уйти.

Во время войны Юрий Павлович входил в группу архитекторов, которые разрабатывали проекты защиты и укрепления скульптурных групп. Он стал членом специальной бригады, маскировавшей высотные точки. На огромной высоте они сшитыми из мешковины чехлами укрывали купол Николы Морского, шпиль главного здания Адмиралтейства, купол Инженерного замка, шпиль колокольни Иоанна Предтечи на Лиговке и главки на Петропавловском соборе.

²³ Данный подраздел написан на базе статьи Вал. А. Булкина и О. В. Овсянникова «Жизнь человека: пскович Юрий Павлович Спегальский и его Отечество (к 100-летию со дня рождения)», которая будет опубликована в ежегоднике «Археологические вести» № 17.

После войны Ю. П. Спегальский начал работать над проектом детальной планировки архитектурных заповедников Пскова, воплотив в нем глубокие теоретические основы дела охраны памятников и их реставрации. Его «Пояснительная записка к проекту планировки архитектурных заповедников в г. Пскове. 1946–1947 гг.» представляет собой уникальный проект сохранения и музеефикации памятников старины в живом, функционирующем организме большого современного города.

В период 1947–1951 гг. Ю. П. Спегальский закончил аспирантуру в Академии художеств, защитился и получил научную степень кандидата архитектуры. В своей кандидатской диссертации о псковских каменных жилых зданиях XVII в. он подвел черту определенному этапу научного исследования каменного зодчества древнего Пскова. Натурные наблюдения, накопленные с юношеских лет, тонкое понимание и знание жизни старинного Пскова позволили ему написать глубокий и оригинальный научный труд. В нем автор блестяще доказал наличие над сохранившимися каменными зданиями XVII в. верхних деревянных, собственно жилых этажей.

В 1959 г. наступает новый период в жизни Ю. П. Спегальского. Он начинает работать в ЛОИИМК, в составе Группы славяно-русской археологии, под началом своего бывшего научного руководителя по аспирантуре проф. М. К. Каргера. Работа в институте расширила хронологические и территориальные рамки интересов Ю. П. Спегальского, открыла ему более широкие возможности для публикации. В первые годы им была сдана в печать монография о каменной гражданской архитектуре Пскова (1963), выходят статьи о памятниках Пскова XVI–XVII вв. Однако М. К. Каргер «выбрал» Спегальского (и этот выбор был очень точен и перспективен) для разработки актуальной, но одновременно и сложной темы — «Деревянные жилища Северо-Западной Руси IX–XIII вв.»

Природные условия северного края, влажность и кислотность грунта и культурного слоя в этих древних городских центрах способствовали великолепной сохранности строительных остатков. Фрагменты жилых и хозяйственных построек, детали входов, полов, крыш — все это тщательно фиксировали археологи. Порой все эти строительные элементы было легче зафиксировать, чем достоверно интерпретировать. Только историк архитектуры, обладающий специфическими знаниями и навыками, опираясь на обнаруженные археологами строительные остатки, мог вернуть разрушенные и погибшие сооружения из небытия.

Чтобы осуществить такое исследование, нужно было переосмыслить сложившуюся методологию изучения древнерусского жилища, отказавшись от «удобной» теории, что жилище — наиболее консервативный элемент материальной культуры народа, а раз так, то русское жилище домонгольской эпохи мало изменилось даже к XIX в.

Исследователь нашел свой метод: поиски среди археологического материала основных конструктивных элементов, функциональное объяснение основным элементам здания и конструктивным приемам, гипотетическая объемно-пространственная реконструкция жилищ и жилищно-хозяйственных комплексов. Результат — неожиданный, непредвиденный: в рубленые бревенчатые конструкции, которые нашли археологи, были внесены элементы, изменившие не только их внешний, но и внутренний облик. Яркая и оригинальная, хотя в чем-то и дискуссионная работа была завершена к 1968 г.

Монография «Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв.» (Спегальский 1972) была опубликована лишь после смерти Юрия Павловича — благодаря усилиям

его вдовы О. К. Аршакуни. В кратком, но емком введении П. А. Раппопорт четко определил ценность исследования: «Выводы Ю. П. Спегальского, несомненно, очень интересны. Попытки осмыслить всю картину развития жилищ, понять смысл и назначение, как отдельных помещений, так и целых комплексов привели в ряде случаев к таким неожиданным, но убедительным выводам, отбросить которые нельзя. Концепция Ю. П. Спегальского будит мысль, заставляет новыми глазами смотреть на многие известные факты. Даже если некоторые его соображения окажутся ошибочными и будут в дальнейшем опровергнуты другими исследователями, эта работа все равно принесет пользу науке».

7.4. Гали Федоровна Корзухина — источниковедческая точность²⁴

Выше уже говорилось, что именно Гали Федоровна Корзухина (1906–1974; рис. 8, 3) еще молодой аспиранткой начала смело разрабатывать архитектурно-археологическую тематику — с пристальным вниманием к вопросам техники и технологий древнего строительного производства (см. раздел 1.2). Развивать эту тему дальше пришлось уже не ей. В историю науки она вошла как археолог-медиевист и историк средневекового художественного ремесла Древней Руси.

Исследовательница родилась в семье петербургского архитектора. Ее дедом был известный художник-передвижник. Ей «на роду было написано заниматься русским искусством. Она <...> была исполнена гражданского достоинства. Неудивительно, что она вошла в тот костяк ИИМК, который позволял коллективу, несмотря на давление идеологии, при всех перипетиях держать марку высокой науки» (Клейн 2006: 7).

В 1926 г. Гали Федоровна окончила археологическое отделение ЛГУ, в 1930 г. — аспирантуру ГАИМК. Первой настоящей ее работой по специальности стала должность хранителя фонда прикладного искусства Государственного Русского музея (1935–1938 гг.). В 1938–1941 гг. основным местом работы Г. Ф. Корзухиной оказался на время Институт археологии АН Украинской ССР. В ИИМК в тот период она считалась «контрактником».

В эти годы Гали Федоровна не просто участвовала в раскопках М. К. Каргером средневекового Киева. Она формулировала собственные, заметно отличные от каргеровских, трактовки полученных материалов. Наиболее известной из них является ее вариант реконструкции первоначального ядра Десятинной церкви. «Основным отличием этой реконструкции явилось предположение, что в замысел первого храма X в. первоначально входил пояс галерей» (Ёлшин 2006: 167). Самостоятельность мнений Гали Федоровны по вопросам монументального искусства и строительной техники становится понятной, если вспомнить, какую школу она получила в ГАИМК. Несмотря на веские контраргументы, приведенные в дальнейшем М. К. Каргером, разработки Г. Ф. Корзухиной долгое время рассматривались в науке, как один из возможных вариантов реконструкции памятника. Лишь в самые последние годы новейшие материалы позволили решить этот спор скорее в пользу М. К. Каргера (Там же: 168–169).

Вся жизнь Г. Ф. Корзухиной в послевоенный период связана уже исключительно с ИИМК / ЛОИА. В 1945 г. она наконец защищает диссертацию «Русские клады IX–XIII вв.», которая легла в основу одноименной монографии (Корзухина

²⁴ Раздел написан Н. И. Платоновой при участии О. А. Щегловой и А. А. Песковой.

1954). Работа на деле была подготовлена еще на рубеже 1930–1940-х гг. Последнее очень важно, так как составленные Гали Федоровной каталоги изделий с эмальями эпохи великого переселения народов, а также памятников художественного ремесла VI–VII вв., древнерусских ювелирных изделий и произведений культовой металлопластики включили в себя материалы музейных коллекций, частично утраченных во время Великой Отечественной войны. Сейчас они приобрели статус первоисточника, хранятся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН и планомерно вводятся в научный оборот.

Строя исторические выводы своих исследований на тщательно препарированной фактической базе, Гали Федоровна выступила против автохтонизма в вопросе о происхождении славянской культуры Среднего Поднепровья. Ее трактовка этногенеза народов Русской равнины неотделима от представлений об этническом многообразии и постоянном взаимодействии самых различных элементов. Исследовательница считала, что смена стилей в художественном ремесле I тыс. н. э. в Поднепровье обусловлена хронологическими разрывами и сменой на этой территории разных этнических групп, оседлых и кочевых. Опираясь на вещественные источники, она разрабатывала проблемы раннего проникновения скандинавов на территорию Восточной Европы и их роли в образовании Древнерусского государства (Корзухина 1955; 1978).

«По натуре склонная к выявлению скрытого порядка во всем (от футбольных соревнований до прохождения судов по Неве), она проделывала это и с археологическим материалом. Это были ее исследовательские особенности. Она добивалась прорисовывания четкой картины не за счет отражения теории на материале, а двигаясь от материала, от его классификации и выявления связей» (Клейн 2006: 7).

Г. Ф. Корзухина является признанным авторитетом в области археологического источниковедения. Ею был собран и систематизирован огромный материал по истории древнерусского декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла предшествующего времени. Высокая ценность ее исследований подтверждена их востребованностью новыми поколениями ученых. О том же свидетельствует продолжающаяся, уже посмертная публикация ее работ (Корзухина 1996; Корзухина, Пескова 2003).

7.5. Мария Александровна Тиханова — ученый-энциклопедист²⁵

Мария Александровна Тиханова (1898–1981) родилась в интеллигентной петербургской семье. Она закончила с золотой медалью гимназию, затем — в 1919 г. — Высшие Женские (Бестужевские) курсы, влившиеся тогда же в Петроградский государственный университет (см. раздел 1.1). Оставленная на историко-филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию (по кафедре истории средних веков), она занималась в семинарах О. А. Добиаш-Рожественской и И. М. Гревса, изучала латинскую палеографию, старофранцузский и греческий языки, русскую историю, византийское искусство и многое другое.

С 1920 г. М. А. Тиханова становится ассистентом кафедры средних веков, заведует в университете кабинетом вспомогательных исторических дисциплин, одновременно является библиографом в Российской книжной палате. Тогда же

²⁵ Подраздел написан с использованием публикации — Кирпичников, Щукин 1983.

пробуждается у нее интерес к археологии, и Мария Александровна начинает работать в ГАИМК. С 1922 г. она стала научным сотрудником, секретарем разряда археологии раннехристианской и византийской и Крымского комитета. К занятиям европейским средневековьем прибавился интерес к средневековому Крыму. Наряду с составлением «Свода лиможских и рейнских эмалевых изделий в музеях СССР», М. А. Тиханова работает над темами «Средневековая Керчь» и «Керамика Крыма и Сарая».

В первой половине 1930-х гг. Мария Александровна, помимо работы в ГАИМК, ведет интенсивную преподавательскую деятельность. Она читает лекции в ЛИФЛИ, в Горном институте, в Коммунистическом политико-просветительном институте им. Н. К. Крупской, в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского. В 1934 г. она даже становится профессором Высшей школы профдвижения.

Можно предположить, что доступ в эти «идеологические» учебные заведения открылся Марии Александровне, благодаря рекомендациям тогдашнего руководителя ГАИМК Ф. В. Кипарисова, ставшего ее мужем. Федор Васильевич был не только старым партийцем и видным профсоюзным деятелем, но и потомственным интеллигентом, высокообразованным филологом-классиком. В археологии он не имел подготовки, но, видимо, годы пребывания в ГАИМК не прошли даром для него самого. В середине 1930-х Ф. В. Кипарисов неожиданно выступил с блестящей теоретической статьей «Вещь — исторический источник», которая ныне по праву считается классической в данной области знания (Кипарисов 1933). По-видимому, их с М. А. Тихановой сближало то, что, обладая большим культурным и научным потенциалом, оба стремились все же «идти в ногу со временем», увидеть в происходящем свою логику и закономерность. Семейная жизнь их закончилась трагедией: в 1936 г. Федор Васильевич был арестован и расстрелян по обвинению во вредительстве в науке. Мария Александровна должна была публично отречься от него.²⁶

В 1938 г. М. А. Тихановой по совокупности работ присуждается степень кандидата исторических наук. Она начинает подготовку докторской диссертации «Запад и Киевская Русь IX–XI вв.», но не успевает ее защитить. Начинается Великая Отечественная война. В 1941 г., после ухода Н. Н. Воронина на фронт, Мария Александровна исполняет обязанности заведующего Сектором Древней Руси и Восточной Европы. На этом посту она официально числится до осени 1942 г., когда Сектор было решено восстановить в Москве во главе с Н. Н. Ворониным (см. раздел 5.4).

В послевоенные годы М. А. Тиханова принимает большое участие в создании (точнее, доведении до конца) фундаментальных коллективных трудов ИИМК («История культуры Древней Руси», «История Молдавии», «Очерки по истории СССР»). Она продолжает чтение лекций на кафедре археологии ЛГУ, ведет большую

²⁶ По воспоминаниям бывшей заведующей рукописным архивом ЛОИА К. М. Пескаревой, Мария Александровна рассказывала ей, что сама поверила в виновность мужа. Действительно, развал науки был тогда налицо — по многим направлениям. И как не обвинить в том человека, который, находясь на руководящей должности, волей-неволей, был причастен ко многому? Середина 1930-х гг. в ГАИМК сотрудники окрестили «кипарисовщиной», фактически свалив на бывшего председателя все беды. По словам самой Марии Александровны, тогда, в 1936 г., она говорила мужу: «Ну, ты хоть мне-то признайся!». В ответ Федор Васильевич клялся ей, что ни в чем не виноват (записано Н. И. Платоновой со слов К. М. Пескаревой в марте 1979 г.).

редакторскую работу. Именно в эти годы М. А. Тиханова начинает широкие раскопки поселений черняховской культуры — Лука-Врублевская и Лепесовка.

В 1950–1960-х гг. Мария Александровна — активный участник дискуссии по проблемам черняховской культуры. Основные положения своей концепции она изложила в большой статье (Тиханова 1957), без которой исследователи до сих пор не обходятся, как не могут обойтись и без ряда других, более частных работ Марии Александровны по черняховской проблематике.

М. Б. Щукин и О. А. Щеглова отмечали: «Никакое давление политики или научной моды не могли заставить Марию Александровну отказаться от тщательного отбора достоверных фактов, скрупулезной проверки любого, самого, казалось бы, привлекательного с той или иной позиции утверждения» (Щукин, Щеглова 1992: 7–8). Поэтому в дискуссии 1930–1960-х гг. о черняховской культуре и ее месте в генезисе славян «М. А. Тиханова вместе с М. И. Артамоновым, И. И. Ляпушкиным и Г. Ф. Корзухиной составила ту группу ленинградских скептиков, которая оспаривала казавшиеся вполне стройными и законченными гипотезы лишь потому, что их адепты были склонны ради стройности грешить против точности» (Там же: 8).

Основной труд М. А. Тихановой, посвященный поселению Лепесовка — ключевому и наиболее полно раскопанному памятнику черняховской культуры, материалы которого Мария Александровна намеревалась показать на широком общеевропейском фоне, тоже остался незавершенным, хотя вся подготовительная, наиболее трудоемкая часть работы была сделана.

Мария Александровна не терпела неполноты, поверхностности. Каждую вещь, каждое явление она изучала досконально, во всем стремилась дойти до конца, собрать весь возможный объем информации. Тем не менее создать собственную непротиворечивую гипотезу, удовлетворительно объясняющую все особенности черняховской культуры, она не могла. Материалов для этого тогда не хватало. Стремясь оставаться честной перед самой собой, Мария Александровна никогда не позволяла себе утверждать того, за что она не могла поручиться головою.

Да, это была ее особенность как исследователя, и всякий сейчас может оценивать ее по-своему. Но, кажется, время уже расставило все по своим местам. Имя М. А. Тихановой пользуется огромным уважением у новых поколений археологов. А материалы, необходимые для выстраивания серьезной, фундированной концепции, постепенно находят: «обнаружены раннеславянские памятники VI–VII вв., выявлена вельбаркская культура, открыты памятники киевского типа. Появилась возможность принципиально нового подхода к дискутировавшимся проблемам» (Там же).

Мария Александровна необычайно щедро делилась своими незаурядными познаниями, не жалела для коллег и учеников ни сил, ни времени. Достаточно было походя спросить ее о чем-то, и наутро ты получал пачку карточек с исчерпывающими данными, с библиографией, выписками, схемами и прорисовками вещей, хотя бы для этого Марии Александровне до полуночи приходилось рыться в книгах, в огромном архиве.

К М. А. Тихановой обращались за справками и помощью не только коллеги, работающие над той же тематикой, но и античники, медиевисты, русисты. Да кто только не обращался к ней с вопросами! Достаточно было дать Марии Александровне для прочтения черновую рукопись, и она возвращалась, испещренная

пометками. Проверенным оказывалось все, вплоть до последней запятой, до пропущенных в ссылках страниц.

М. А. Тиханова прожила сложную жизнь; сама была непростым человеком. Но так уж сложилось: «тихановский дух», самое имя Марии Александровны стали ныне знаменем безусловной научной строгости и честности. Подлинным памятником Марии Александровне являются не только ее собственные научные труды, но и многочисленные, разнообразнейшие работы ее учеников, а теперь уже и работы нового поколения «внуков», которое неизменно, глубоко чтит ее память.

7.6. Иван Иванович Ляпушкин — эпоха в истории славяно-русской археологии²⁷

Иван Иванович Ляпушкин (1902–1968; рис. 7, 2) родился в слободе Савруха Самарской губернии в семье кузнеца. После учебы в деревенской школе (1914–1920) он пять лет проработал школьным учителем и инструктором школ в Поволжье и Фергане. В 1924–1926 гг. служил в Красной Армии.

В 1927 г., окончив рабфак, Иван Иванович поступил на историческое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена и окончил его в 1930 г. с рекомендацией на научную работу. Однако тяжелая болезнь (туберкулез) не позволила ему остаться в Ленинграде, и он уехал преподавать историю на Южный Урал.

В 1935 г., вернувшись в Ленинград, Иван Иванович поступил в аспирантуру ГАИМК / ИИМК, где с 1937 г. начал работать под руководством М. И. Артамонова над темой «Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим данным». Таким образом, в археологию он пришел очень поздно — зрелым 33-летним человеком. И, начиная с этого момента, вся его деятельность была посвящена целенаправленной разработке одной большой темы — истории славян Восточной Европы накануне и в процессе сложения Древнерусского государства. В 1940 г. он защитил ее в качестве кандидатской диссертации.

Перед самой войной, в июне 1941 г., Иван Иванович выехал в Поволжье в связи с обострением туберкулеза — и уже не вернулся в блокадный Ленинград. В 1943 г. он присоединился к Елабужской группе ИИМК, с которой и возвратился домой в 1945 г.

В своей кандидатской диссертации и других работах довоенного времени Иван Иванович обосновывал высказанные ранее М. И. Артамоновым положения о том, что в степном Подонье и на Тамани славяне не были автохтонным населением, как считали в ту пору многие исследователи. Они появились здесь как серьезная сила лишь в конце X в.

В 1949–1951 гг. Иван Иванович вновь вернулся к этой теме, в связи с работами Волго-Донской экспедиции, и уточнил ряд своих положений, а также первым выдвинул гипотезу о разделении салтовской культуры Подонья (т. е. культуры ближайших соседей славян на юго-востоке) на две культуры — аланскую и болгарскую.

Расширяя область своих исследований, И. И. Ляпушкин в 1940 г. начал заниматься вопросом появления славян на территории Днепровского лесостепного левобережья — одной из важнейших составных частей Киевской Руси. Сплошное обследование бассейна реки Ворсклы, полевые изыскания на уже известных ранее

²⁷ Подраздел написан Н. И. Платоновой с использованием публикации: Памяти И. И. Ляпушкина. 1969.

памятниках других районов и планомерные раскопки отдельных поселений, относящихся к разным культурно-хронологическим группам, дали Ивану Ивановичу огромный материал. Тщательное изучение этих древностей с точки зрения ретроспективного метода привело его к убеждению, что на рубеже VII–VIII вв. здесь имел место разрыв культурной преемственности. Таким образом, славяне появились на территории Днепровского левобережья не ранее указанного времени. В целом, в эпоху железа Иван Иванович выделял в этой области три периода прочной оседлости (скифская эпоха VII–III вв. до н. э.; черняховская культура III–IV вв.; славянские и салтовские памятники VIII–X вв.).

Подробно анализируя добытый археологический материал и рассматривая его в широком контексте культур Восточной и Центральной Европы, Иван Иванович в своих монографиях (Ляпушкин 1958; 1961) обосновывал ряд положений, чрезвычайно важных для истории всего славянства. Среди них следует отметить положения о единой и монолитной общеславянской культуре VI–VII вв.; о достаточно высоком уровне этой культуры в Восточной Европе в VIII–IX вв. Одновременно Иван Иванович выдвинул ряд других идей, в том числе — о движении части славянских племен в VI–VII вв. из Подунавья на правобережное Среднее Поднепровье. Он предложил смелую гипотезу о первоначальном членении единой славянской культуры (до великого расселения славян) не на западный и восточный варианты, а на северный и южный. Заселение Днепровского левобережья славянами шло, по его мнению, с запада.

И. И. Ляпушкин блестяще раскопал целый ряд памятников эпохи железа, в том числе Новотроицкое городище, представляющее собой, в сущности, единственное раскопанное целиком и образцово опубликованное славянское поселение. Материал его стал источником, без которого не может обойтись ни одно серьезное исследование по истории славянства. Скрупулезная, отработанная полевая методика и интуиция исследователя не раз помогали И. И. Ляпушкину решать в поле сложнейшие задачи, которые другим коллегам оказывались не по плечу. Так именно Иван Иванович сумел незадолго до смерти обнаружить и зафиксировать культурный слой Гнездовского селища — одного из ключевых поселений протогородского типа на Русской равнине.

Уже после кончины Ивана Ивановича в свет вышла его последняя, обобщающая работа (Ляпушкин 1968). В ней он дал сводку огромного археологического материала по истории славянства, развил и подробно обосновал ряд положений, выдвинутых им ранее. В этой же работе Иван Иванович высказал гипотезу, что в верхнем Поднепровье, ранее заселенном балтами, славяне появляются лишь в VIII–IX вв. и что достоверные погребальные памятники северо-восточного славянства следует искать не среди длинных курганов и сопок, а среди маленьких круглых курганов VIII–IX вв. В дальнейшем эта гипотеза неоднократно проверялась учениками Ивана Ивановича и оказалась, в конце концов, отвергнута. Выяснилось, что славянский мир второй половины I тыс. н. э. был значительно многообразнее и переменчивее, чем он думал.

Стройная концепция исторического развития славянства в VI–IX вв., созданная И. И. Ляпушкиным, не имела «продолжения вглубь», так как возможности ретроспективного метода, последовательного прослеживания эволюции культуры от известного к неизвестному на практике имеют свой предел. Другого же метода,

позволяющего достоверно обосновать культурную преемственность, Иван Иванович не признавал. Он был в своем роде гиперкритиком — разносил в пух и прах все предположения о возможности культурных трансформаций, не отвечающих представлениям о плавном эволюционном развитии, хотя порой среди этих идей попадались вполне перспективные.

Но для будущего куда важнее оказалось другое. Скрупулезность Ивана Ивановича в работе с источниками и его незаурядный талант руководителя возымели огромное значение в 1960-х гг., когда, в связи с развертыванием в ЛГУ работ Славяно-варяжского семинара под руководством Л. С. Клейна, много способных молодых археологов заинтересовались славяно-русской и славяно-скандинавской тематикой. «Ляпушкинская школа» работы с материалом, ляпушкинские экспедиции стали незаменимым этапом научной подготовки целого поколения исследователей, работающих ныне в Отделе славяно-финской археологии. Разумеется, к восхищению Ляпушкиным-археологом всегда примешивалось восхищение человеком, чья глубокая порядочность, редкостное спокойствие и твердость характера вошли в легенду. Его мнение всегда высоко ценили и ученики, и оппоненты. Его строгой оценки боялись все.

7.7. Петр Николаевич Третьяков — интуиция и предвидение

Имя Петра Николаевича Третьякова (1909–1976) уже неоднократно упоминалось в настоящей работе. Он не принадлежал к плеяде «ленинградских скептиков». Он был скорее их вечным оппонентом и одновременно генератором идей. Но в движении археологии вперед огромную роль сыграли обе спорящие стороны. В истории науки они остаются неразделимыми — как аверс и реверс одной монеты. Если работы И. И. Ляпушкина дали практически исчерпывающие представления о достоверно славянских древностях Восточной Европы VIII–X вв., то экспедициями П. Н. Третьякова оказались исследованы такие опорные для раннеславянской археологии памятники, как городища Тушемля и Колочин, открыты целые пласты неизвестных ранее древностей второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подесенье.

П. Н. Третьяков родился в Костроме в семье учителя гимназии. Археологией начал заниматься очень рано — под руководством видного костромского краеведа, основателя местного музея В. И. Смирнова. В ранней юности Петр Николаевич работал в экспедициях В. А. Городцова, А. Я. Брюсова, А. А. Спицына, общался с приехавшим из Финляндии А. М. Тальгреном. Затем он поступил на археологическое отделение Ямфака ЛГУ (заканчивать в 1930 г. пришлось уже Историко-лингвистический институт).

С Этнологическим отделением ГАИМК Третьяков начал сотрудничать, будучи еще первокурсником (1927 г.). Его настоящим учителем в Академии стал П. П. Ефименко, вплотную занимавшийся в тот период финскими древностями железного века. Параллельно Петр Николаевич много общался и с А. А. Спицыным. Но это не помешало ему решительно отвергнуть потом методiku А. А. Спицына, основанную на ретроспективном подходе к славяно-русским древностям, по которой расселение летописных племен реконструировалось по пережиткам их культуры в поздних курганах. Критике этого подхода П. Н. Третьяков посвятил специальную статью, которая вызвала бурную дискуссию с А. В. Арциховским (Третьяков 1937).

Здесь Петр Николаевич, по сути, первым выступил против прямой увязки курганных древностей XI–XIV вв. с племенами Повести временных лет. «Он полагал, что летописные племена — кривичи, вятичи и др. — „как социальные, политические и этнические образования“ реально существовали лишь во второй половине I тыс. н. э., до сложения государственности у восточных славян. Это положение стало одним из ключевых в его понимании проблемы образования Киевской Руси» (Горюнов 1983: 13). Добавим: оно остается одним из ключевых и сейчас — для многих современных исследователей.

О ранних этапах деятельности Петра Николаевича нам приходилось говорить и в предыдущих разделах. Он практически сразу оказался в рядах ведущих специалистов ГАИМК. Уже в первой юношеской работе, посвященной обобщению материалов костромских курганов (Третьяков 1931), Петр Николаевич применяет совершенно новый тогда метод корреляции признаков — тут сказалась школа П. П. Ефименко, который сам увлекался этим новейшим методом и первым апробировал его на материалах финских грунтовых могильников. В начале 1930-х гг. П. Н. Третьяков — активный сотрудник сразу нескольких рабочих групп ГАИМК, автор ряда программных публикаций, утверждающих социологический подход к памятникам (Третьяков 1932; 1935). С 1933 г. он становится начальником крупной новостроечной экспедиции; в 1934–1935 гг. производит новаторские, эталонные раскопки городища Березняки (см. разделы 3 и 4).

В 1938 г. Петру Николаевичу по совокупности работ присваивается степень кандидата. Он преподает на кафедре археологии ЛГУ, воссозданной на историческом факультете вместо бывшего археологического отделения. Примерно с 1939 г. главным объектом его исследований становится этногенез славян в Восточной Европе. Ученый вполне в марристском духе отстаивает их автохтонность на Русской равнине. Параллельно в поле его зрения остаются дяковские памятники. Их П. Н. Третьяков разделял на две части: восточную считал финно-угорской, западную — славянской (Третьяков 1941). Позднее он сам признавал свою ошибку, справедливо указывая на то, что в 1930-х гг. археологи просто не подозревали о широком распространении балтов в Восточной Европе.

Отправившись в 1941 г. на фронт, Петр Николаевич был направлен работать в Главное Политуправление РККА, затем стал преподавателем Военно-Политической академии, где и оставался до конца войны. Это сделало его номенклатурным работником, открыло путь к высоким партийным и административным постам. По возвращении в институт П. Н. Третьяков был назначен заведующим ЛОИА и сразу же защитил докторскую диссертацию по книге, вышедшей в 1941 г. Осенью 1946 г. его переводят в Москву в Отдел науки ЦК ВКП (б). В 1947 г. он становится профессором Академии общественных наук при ЦК ВКП (б). В 1951 г. — директором Института славяноведения АН СССР. В 1954–1959 гг. — заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР.

В эти годы для науки у Петра Николаевича, по сути, оставались лишь вечера и ночи. Но он был человеком, действительно глубоко увлеченным своим делом. Работая в ЦК, Третьяков привел в порядок, обобщил и издал под двумя фамилиями материалы исследований древнерусских памятников на Дону, проводившиеся

им в 1928–1933 гг. совместно с П. П. Ефименко, а также материалы их работ 1920-х гг. в Чувашии. Одновременно он возглавил Сектор этногенеза в ИИМК АН СССР (Москва). При его поддержке В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым было осуществлено исследование гидронимии центра Русской равнины, благодаря чему «заметно продвинулось изучение балто-славянских языковых связей, восточнославянского этногенеза» (Горюнов 1983: 17).

В книге «Восточнославянские племена», вышедшей двумя изданиями (1948; 1953), П. Н. Третьяковым была сформулирована автохтонная концепция происхождения восточных славян — концепция, в чем-то близкая более поздней рыбаковской, однако ни в коем случае не адекватная ей. П. Н. Третьяков достаточно быстро разуверился в возможности провести доказательную линию славянского этногенеза через черняховскую культуру. Его главные упования были обращены к зарубинецкой культуре и, в частности, к «поздnezарубинецким памятникам», открытым его экспедицией.

Много лет спустя Л. С. Клейн констатировал: П. Н. Третьяков «умудрился проделать карьеру партийного функционера в науке и формировать официозную концепцию, не теряя уважения коллег» (Клейн 2010б). В связи с этим стоит особо подчеркнуть: Петр Николаевич всегда был честен перед самим собой. Его поиски предков славян были действительно поисками научной истины. Интуиция вела Третьякова в верном направлении. Современные археологи могут дискутировать о зарубинецкой принадлежности памятников, открытых им на Десне. Однако мало кто в наше время сомневается в их принадлежности к культуре, лежащей в основе славянского этногенеза.

Карьера П. Н. Третьякова как чиновника от науки закончилась в 1958 г. Он утратил тогда все свои руководящие посты и уехал обратно в Ленинград. Пожалуй, наука от этого только выиграла. Вернувшись в ЛОИА, П. Н. Третьяков занялся исключительно археологией и, в частности, поисками раннеславянских памятников в Подесенье. «Мы, археологи-слависты, в свое время тяжело переживали крушение гипотезы о зарубинецко-черняховско-славянских связях, оказавшись у разбитого корыта», — говорил он позднее (Третьяков 1966: 119). В 1960-х гг. Петр Николаевич развернул широкие полевые исследования в Подесенье — сначала на Брянщине, потом на Черниговщине. Всего на Десне им было обнаружено и исследовано свыше 50 памятников совершенно неизученного времени (Смольянь, Посудичи, Колодезный Бугор, Форостовичи, Лавриков лес, Вишенки, Стрелица, Заярье и т. д.). Позднее, уже после смерти Петра Николаевича, выяснилось, что эти древности принадлежат большой культурной общности, куда входят также древности киевского типа и типа Абидни. «На этой „киевской“ и близкой к ней основе в южной части Верхнего Поднепровья складывается культура, не имеющая резких отличий от достоверно славянской 3 четверти I тысячелетия — корчакской или пражской в междуречье Днепра и Западного Буга, но особенно близкая пеньковской в Среднем Поднепровье» (Горюнов 1983: 22).

Научное наследие П. Н. Третьякова — это не только его статьи и книги. В 1960–1970-х гг. у него появилось много учеников. Лучшие из них оказались одновременно учениками его и И. И. Ляпушкина. В наши дни имя Третьякова пользуется огромным уважением среди археологов.

8. От Группы славяно-русской археологии к славяно-финскому Сектору

8.1. Организация Сектора славяно-финской археологии

В 1974 г., когда обозначилась перспектива полного отхода М. К. Каргера от организационных дел, в ЛОИА встал вопрос о реорганизации Группы славяно-русской археологии. В письме на имя директора института Б. А. Рыбакова, подписанном тогдашним заведующим ЛОИА В. П. Шиловым, указывалось, что группа достаточно многочисленна, в ней работают высококвалифицированные специалисты, включая одного члена-корреспондента АН СССР (П. Н. Третьяков) и троих докторов наук (А. Л. Якобсон, П. А. Раппопорт, М. К. Каргер). Письмо содержало просьбу преобразовать Группу в Сектор славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР:

«Новое название сектора отражает <...> сущность проблематики, которой он занимается:

1) общие проблемы истории культуры Древней Руси — история военного дела, оружия и оборонительных сооружений, история древнерусского зодчества;

2) сложение древнерусской культуры и ее контакты с соседними, угро-финскими и другими племенами;

3) история культуры Древней Руси, археологическое изучение славянских городов, крепостей и некрополей.

<...> Полагаю, что заведующим сектором должен быть назначен к. и. н. А. Н. Кирпичников, который в этом году защитит докторскую диссертацию» (ф. 312, оп. 1, д. 798, л. 1–1 об.).

Можно понять, что к моменту составления этого письма вопрос о реорганизации славяно-русской Группы был уже решен с руководством ИА АН СССР, точнее, с акад. Б. А. Рыбаковым. В качестве причины обращения В. П. Шилова была указана инициатива Ленинградского обкома КПСС, поставившего перед ЛОИА «вопрос об интенсификации археологических исследований на северо-западе СССР» (Там же, л. 1). Хотя можно догадаться: тогдашнему романовскому обкому КПСС было достаточно безразлично, как именно называется подразделение, ведающее в Ленинграде древнерусской археологией. Так или иначе, в 1974 г. отдел приобрел современный вид. Руководителем его стал А. Н. Кирпичников (рис. 9, 2), занимающий этот пост до сих пор.

8.2. Основные направления исследований Отдела и достижения последних лет

Деятельность Сектора / Отдела не раз освещалась в печати (Кирпичников 1977; Кирпичников, Павлова 1986; Кирпичников, Пескова 2006). Поэтому ниже мы попытаемся подвести общий итог истекшим четырем десятилетиям работы научного коллектива.

Стоит сразу оговорить: в 1960–1980-х гг. Сектор переживал нелегкие времена. Один за другим уходили из жизни авторитетные специалисты старшего поколения — И. И. Ляпушкин, Ю. П. Спегальский, Г. Ф. Корзухина, М. К. Каргер, П. Н. Третьяков, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон, Ф. Д. Гуревич, П. А. Раппопорт. Долгое время в коллективе вообще не было ни одного аспиранта. Единственным исключением стал А. Н. Кирпичников, защитившийся в начале 1960-х гг. О. В. Овсянников (рис. 8, 2), пришедший в Институт несколькими годами позже, долгие годы числился лаборантом. Возникла опасность угасания ряда научных направлений.

Рис. 10. Сотрудники Отдела славяно-финской археологии (середина 1990-х гг.).

Слева направо: на переднем плане — Е. Н. Носов; А. Н. Кирпичников; А. В. Курбатов; во втором ряду — А. В. Плохов; М. В. Малевская; В. М. Горюнова; в третьем ряду — В. И. Кильдюшевский; Н. В. Хвошинская; К. В. Павлова; О. А. Щеглова; О. И. Богуславский; В. А. Назаренко; в четвертом ряду — К. А. Михайлов; С. В. Белецкий; С. Н. Травкин; А. И. Сакса; А. А. Пескова; О. В. Овсянников; Д. И. Фояков

Однако в самый критический момент (начиная с 1970-х гг.) удалось — что было очень не просто — организовать приток молодых сил. «Первой волной» его (начало 1970-х гг.) стало появление в Секторе Е. А. Горюнова, В. И. Кильдюшевского, В. А. Назаренко, Е. Н. Носова, А. А. Песковой, В. П. Петренко, Е. А. Рябина, Н. В. Хвошинской. Со «второй волной» пополнения — в конце 1970–1980-х гг. — в коллектив влились С. В. Белецкий, О. И. Богуславский, В. М. Горюнова, М. М. Казанский, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, Н. И. Платонова, А. В. Плохов, А. И. Сакса, Д. И. Фояков, Т. А. Чукова, О. А. Щеглова (рис. 10). Немного позднее — уже в 1990–2000-х гг. — И. И. Еремеев, А. А. Липатов, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин, П. Е. Сорокин, М. А. Юшкова. В итоге существовавшая научная традиция не только не утратила своей преемственности, но была — как показало близкое будущее — приумножена.

В этот период начали проводиться (и, по большей части, продолжают до сих пор) широкомасштабные исследования целого ряда крупнейших древнерусских

Рис. 11. Сотрудники Староладожской экспедиции начала 1970-х гг.
Слева направо — Е. А. Рябинин; Е. Н. Носов; А. Н. Кирпичников; В. П. Петренко

городов и протогородских поселений — Старой Ладogi (А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин, Е. Н. Носов, В. П. Петренко, В. А. Назаренко и другие; рис. 11), Новгородского (Рюрикова) городища (Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская, К. А. Михайлов, И. И. Еремеев и др.), Пскова и городов-крепостей Псковской и Новгородской земли (А. Н. Кирпичников, С. В. Белецкий, В. И. Кильдюшевский, В. П. Петренко и др.), Твери (В. А. Лапшин), Владимира (А. В. Курбатов, В. А. Лапшин и др.), Выборга (С. А. Тюленев, А. И. Сакса), Торopца (М. В. Малевская, Д. И. Фoняков), Городка на Сяси (О. И. Богуславский, О. А. Щеглова), Передольского погоста (Н. И. Платонова) и т. д. В ходе этих раскопок задействуются различные, в том числе самые современные естественнонаучные методы анализа. Крупнейшим достижением следует считать достаточно детальные хроностратиграфические шкалы, выстроенные по материалам исследований, а также разработку вопроса о происхождении городов, развитии их домостроительства, ремесла, торговли и международных связей. Отдельное направление представляют собой исследования городов и поселений Русского Севера эпохи позднего средневековья (О. В. Овсянников, в настоящее время — А. В. Курбатов).

В этот же период силами Отдела производились обширные исследования погребальных памятников Северо-Запада — и в качестве отдельной тематики, и в комплексе с синхронными им поселениями. При этом реконструировались процессы историко-культурного и этнического развития Северной Руси в период образования Древнерусского государства (В. А. Назаренко, В. П. Петренко, Е. А. Рябинин, Н. В. Хвощинская, С. В. Белецкий, Н. И. Платонова, О. И. Богуславский, А. И. Сакса, И. И. Еремеев и др.). Этот круг проблем включает анализ взаимоотношений разных

групп славянского и финского населения с выходцами из Северной Европы — скандинавами.

Спектр проблем раннеславянской археологии, продолжающейся в Отделе работами В. М. Горюновой и О. А. Щегловой, в настоящее время включает такие направления, как становление и развитие раннеславянского металлического убора, пути и способы распространения изделий из цветного металла в славянском и финно-угорском мире I тыс. н. э., а также технико-технологические аспекты их производства.

Особо следует отметить бурное развитие военной археологии — русского оружиеведения и археологии крепостного зодчества. Последнее направление, базирующееся на материалах, обобщенных П. А. Раппопортом, развивается в последние десятилетия под руководством А. Н. Кирпичникова. Им же оказался впервые изучен и систематизирован огромный материал по древнерусскому вооружению IX–XIII вв. В трудах А. Н. Кирпичникова по оружиеведению предложена новая оригинальная концепция развития военного дела на Руси в эпоху средневековья (Кирпичников, 1966а; 1966б; 1971; 1973; 1976; 2009). По ходу этих исследований им было сделано выдающееся открытие — на клинках мечей обнаружены ремесленные клейма (в том числе русские именные надписи); создана и обоснована новая в отечественной науке отрасль знания — клинковая эпиграфика. В последние годы исследования русского оружия проводятся в ИИМК РАН в рамках постоянного семинара по военной археологии под руководством А. Н. Кирпичникова.

В 2005 г. исполнилось 30 лет со времени начала планомерных раскопок Новгородского (Рюрикова) городища под руководством Е. Н. Носова. За эти десятилетия на Рюриковом городище достигнуты важнейшие результаты: выявлены уникальные находки, характеризующие ремесло и быт раннего города, обнаружена первая на Городище берестяная грамота, десятки вислых печатей, скреплявших документы погибшего княжеского архива, скандинавские рунические надписи (Носов 1990; Носов и др. 2005 и др.). Обнаружены остатки построек и части оригинальных по устройству оборонительных сооружений. Рассматривая разные пути возникновения городов на Севере и Юге Руси, Е. Н. Носов выдвинул новую идею о наличии здесь в VIII–XII вв. стратифицированного варварского общества. Традиционные формулировки о существовании раннего феодализма и классового общества ныне уже не удовлетворяют исследователей. Здесь необходимы принципиально новые подходы и оценки. Эти и другие открытия и наблюдения Е. Н. Носова доказали обоснованность празднования 1150-летия Великого Новгорода в 2009 г. Правда, следует уточнить, что речь идет не о самом Новгороде, а о первоначальном месте расположения города, основанного у истока Волхова из оз. Ильмень около 859 г., что подтвердили результаты раскопок Е. Н. Носова.

В Приильменье на поселениях раннего железного века — таких, например, как Городок на Маяте — И. И. Еремееву впервые удалось выявить и исследовать стратифицированные культурные напластования и укрепления эпохи великого переселения народов. Полученный материал является очень важным для исследования начальных этапов славянской колонизации Приильменья и позволяет по-новому взглянуть на предысторию древнего Новгорода.

Раскопки в Старой Ладогe производятся экспедицией ЛОИА / ИИМК РАН под руководством А. Н. Кирпичникова с 1972 г. В ходе их получены новые данные

о типах ладожских домов: постройках-пятистенках и больших купеческих гостиницах. Обнаружены также многочисленные детали металлических украшений скандинавского и славянского костюма и формы для их отливки, конкретизирующие наши представления об этническом составе Ладоги периода создания древнерусской государственности. Ряд находок свидетельствует о дальней торговле, простирающейся до низовьев Волги и областей Арабского халифата.

Новые материалы, полученные в ходе раскопок в Старой Ладоге 2005–2009 гг., позволили выделить универсальную категорию ремесленников-торговцев, которые производили ювелирные украшения из латуни, кости, янтаря, стекла и пр. и сами занимались их сбытом — продажей или обменом. Такой коллектив впервые зафиксирован археологически при исследовании древнерусского города IX–X вв.

Результаты раскопок А. Н. Кирпичникова позволяют с большим основанием утверждать, что именно Ладога явилась первой резиденцией Рюрика — заморского пришельца, ставшего основателем древнерусского княжеского рода. Сохранившиеся в некоторых летописях сведения о том, что Ладога стала его стольным городом и оттуда было положено начало созданию Древнерусского государства, ныне находят археологическое подтверждение. Поэтому в 2003 г. как национальный праздник было отмечено 1250-летие этого древнего поселения.

В 2004 г. президент РФ В. В. Путин, уже побывавший в Старой Ладоге годом раньше, приехал туда еще раз и был гостем Староладожской экспедиции. В разговоре с ним было подчеркнута общенациональное значение Ладоги как первого стольного города Древней Руси. Ныне это открытие нашло широкий резонанс в обществе.

В ходе исследований Н. И. Платоновой на северо-западе Новгородской земли (Верхнее Полужье) оказалась выявлена целая серия крупных административных центров, активно функционировавших на раннем этапе развития Новгорода (IX–XI вв.), а позднее пришедших в упадок. В частности, на поселении Передольский погост раскопками был установлен протогородской характер древнейших культурных отложений конца IX–X в. (Платонова и др. 2007). Рядом с поселениями исследованы престижные погребальные сооружения — сопки, «большие» курганы, погребения в камерах. Все это позволяет уточнить современные представления о развитии новгородской государственности на раннем этапе.

С методической точки зрения очень важными оказались исследования Н. И. Платоновой на большом кургане в группе Заполье 1 близ Передольского погоста (местное название: «Большая сопка» или «Шум-гора»), предпринятые в содружестве со специалистами отдела геофизических технологий ФГУНПП «Геологоразведка» (Платонова и др. 2006; Борисик и др. 2009). В ходе их впервые в мировой науке было проведено комплексное геофизическое исследование объемной земляной насыпи методами сейсмо- и магниторазведки. В результате была создана компьютерная модель насыпи и с достаточной долей вероятности реконструирована структура кургана без раскопок и разрушения.

Комплексное исследование материалов раскопок, проведенных В. А. Лапшиным в Тверском кремле, позволило максимально полно восстановить различные стороны материальной и духовной жизни города, выявить набор признаков, характеризующих культуру Твери XIII–XV вв. как самостоятельное явление в истории средневековой Руси.

А. В. Курбатовым ныне завершена крупная работа по изучению кожевенного ремесла. В ней разработаны узловые вопросы, связанные с его становлением и развитием в городах средневековой Руси: этап сложения кожевенного ремесла в самостоятельную отрасль городского производства в IX–X вв. исследован, в основном, на материалах Старой Ладogi; вопросы качественных изменений в ремесле в период складывания централизованного Московского государства в XV–начале XVI в. рассмотрены преимущественно на материалах средневекового Пскова. При этом учтен евразийский круг аналогий.

Обращают на себя внимание масштабные раскопки на месте крепости Ниеншанц в устье р. Охты под руководством П. Е. Сорокина. Здесь в ходе спасательных исследований неожиданно оказались выявлены памятники неолита, остатки городища новгородской поры, части шведских крепостей Ландскрона (около 1300 г.) и Ниеншанц (XVII в.), культурный слой города Канцы (XVI в.), захоронения русских и шведских солдат, погибших при штурме Ниеншанца в 1703 г. Эти открытия позволили оспорить целесообразность строительства высотного здания «Охта-центра» на Охтинском мысу и предложить сохранение там музеефицированных памятников археологии.

Важным моментом является возрождение в Отделе славяно-финской археологии традиционной церковно-археологической тематики. В последнее 10-летие она бурно развивалась, благодаря трудам А. Е. Мусина, Т. А. Чуковой и А. А. Песковой, соединяющим источниковедческую отточенность с умением взглянуть на проблему изнутри, в контексте православной веры, в котором только и могли функционировать церковные древности.

На основе каталогизации христианских древностей районов Новгородской земли и сопоставления данных археологических и письменных источников в области региональных церковных структур Новгородской земли, а также самого территориального центра — Новгорода — удалось изучить христианские древности региона. При этом были определены хронологические рамки бытования отдельных категорий (вторая половина XI в., середина XII в., XV в.) и выяснены закономерности их распространения.

В ходе исследований было установлено многообразие византийских культурных импульсов на Руси и их региональная специфика, что позволило конкретизировать широкое понятие «византийское наследие» в древнерусской культуре. При этом удалось удревнить дату проникновения предметов личного благочестия византийского происхождения на Русь до начала X в. и определить балканские истоки этих культурных импульсов.

В ходе изучения технологии приготовления строительных растворов А. А. Липатовым была выделена важная фаза — обжиг известняка, влияющий на конечное качество строительного материала. При этом выяснилось, что производство извести в Древней Руси по техническому уровню стояло выше западноевропейского.

Историографическая тематика развивается в Отделе славяно-финской археологии Н. И. Платоновой и А. Е. Мусиным — в тесном контакте с подразделениями Научного архива ИИМК РАН, проводящими собственную большую работу по освоению архивных материалов. Целью этих исследований является, в конечном счете, разработка истории науки как одного из аспектов отечественной

истории культуры. На рубеже 1980–1990-х гг. данное направление исследований получило приток новых сил. Конец жесткого идеологического контроля и резкое расширение информационных возможностей стимулировали появление новых оценок в гуманитарной области знания. Открылись новое научное поле, новый комплекс источников, новые перспективы историографического исследования. Появилась возможность рассматривать проблемы археологической науки сегодняшнего дня в исторической перспективе, вполне отдавая себе отчет в том, каковы их истоки, и сполна осознавая живительность научной традиции.

8.3. Перспективы международного сотрудничества

Еще в 1976 г. Президиумом АН СССР Сектору славяно-финской археологии было поручено установить и развивать сотрудничество с археологами Финляндии. Тогда была организована совместная финляндско-российская рабочая группа по научному сотрудничеству в области археологии. К настоящему времени успешно проведено 13 симпозиумов по вопросам истории и культуры славян и финно-угров. Возникла целая библиотека публикаций — 13 томов «Трудов» симпозиумов и двухтомник «Финны в Европе VI–XV вв.» (1990).

Конечно, развал СССР негативно сказался на научных связях с бывшими советскими республиками. Ныне приходится заново восстанавливать традиционные контакты ИИМК с археологами Литвы и Эстонии. Отрадно, что связи с эстонскими коллегами, очень тесные в 1980-х гг., но полностью заглохшие после 1991 г., сейчас постепенно начинают воссоздаваться (Хвоцинская 2008). Но значительно более динамично идет процесс налаживания новых связей с археологами Литвы. В 2005, 2006 и 2009 гг. в Вильнюсе и Санкт-Петербурге состоялись международные семинары и конференции, посвященные археологии и истории Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье (Кирпичников, Платонова 2008).

К чести прибалтийских коллег следует сказать, что русских археологов они никогда не причисляли к «оккупантам». Как не вспомнить при этом слова крупнейшего эстонского ученого Харри Моора: «Без изучения культур Восточной Европы мы никогда не поймем археологии Юго-Восточной Прибалтики». Безусловно, следует и далее восстанавливать более тесное общение специалистов России, Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии и Литвы. Науке оно всегда приносило только пользу. В качестве очень удачного примера научного взаимодействия с Украиной и Белоруссией, имевшего место в последние годы, можно вспомнить многолюдную Международную научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, проведенную в Санкт-Петербурге в 2006 г. (Пескова, Щеглова 2006).

В 2000-х гг. на базе раскопок в Старой Ладоге впервые был осуществлен проект участия в этих изысканиях зарубежных соотечественников. Начиная с 2004 г. на раскопки стала приезжать молодежь из Эстонии, Литвы, Латвии, Финляндии, Германии, Австрии, Норвегии, США, Ирландии. Опыт международного сотрудничества оказался очень удачным; по его материалам издано несколько сборников (Старая Ладога... 2004; Санкт-Петербургский международный... университет 2006; 2007; 2008). Одна из приезжих участниц сказала: «Хорошо, что Россия нас не забыла, пригласив в такую увлекательную экспедицию!».

8.4. Славяно-финский Отдел сегодня: исследователи и проблемы

Отдел славяно-финской археологии ИИМК включает авторитетных специалистов, глубоко заинтересованных в своей работе. В настоящее время (на начало 2010 г.) Отдел насчитывает 18 постоянных сотрудников. В числе их: один главный научный сотрудник (заведующий отделом А. Н. Кирпичников); пятеро ведущих научных сотрудников (С. В. Белецкий, А. Е. Мусин, Н. И. Платонова, А. И. Сакса, Н. В. Хвоцинская), пятеро старших научных сотрудников (В. М. Горюнова, В. А. Лапшин, А. А. Пескова, П. Е. Сорокин, О. А. Щеглова); пятеро научных сотрудников (И. И. Еремеев, А. В. Курбатов, А. А. Липатов, К. А. Михайлов, А. В. Плохов); два младших научных сотрудника (Т. С. Дорофеева, Н. В. Григорьева). Из них 6 являются докторами, 9 — кандидатами исторических наук, 3 — без степени. Отметим также, что недавно в Отделе появилось два аспиранта — О. В. Григорьева и И. В. Стасюк.

По тематике своих изысканий к Отделу примыкают также директор ИИМК РАН, член-корреспондент РАН Е. Н. Носов и его заместитель по научной работе кандидат исторических наук О. И. Богуславский.

В последние годы славяно-финский Отдел инициировал не одну научную конференцию, посвященную фундаментальным ценностям мировой истории (Кирпичников, Пескова 2006: 147 и сл.). Отметим среди них международную научно-практическую конференцию «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». Она состоялась в Санкт-Петербурге в 2005 г. по прямому распоряжению президента РФ В. В. Путина, поддержавшего предложение Отдела, и собрала свыше 500 участников. Осуществилось также предложение провести серию конференций федерального уровня «Великий Волжский путь». В 1999 г. эту идею поддержали власти Татарстана (что, кстати, помогло обоснованию празднования в 2005 г. 1000-летия Казани).

Важным начинанием Отдела следует считать серийное издание «Культурное наследие Российского государства», основанное в 1998 г. с помощью Правительства Ленинградской области. В настоящий момент из печати вышло 4 тома; сдан в издательство пятый. Авторами сборников являются как ученые, так и политики, журналисты, деятели церкви. Помещенные в них статьи посвящены различным аспектам изучения и популяризации исторического и культурного достояния России.

Сотрудники Отдела не замыкаются в своей работе академическими рамками. Они ведут охранные, спасательные раскопки, отстаивают сохранение памятников архитектуры и археологии, устраивают отечественные и международные выставки вещественных находок. В ряде случаев по инициативе археологов обнаруженные сооружения удалось музеефицировать по свежим следам раскопок. Так в Старой Ладоге в законсервированном виде демонстрируются части стен крепости начала XII в., а в Орешке под специальным колпаком показывают стены укрепления 1352 г.

Изыскания археологов-медиевистов помогают определить распространение культурного слоя древних городов и поселений. Так случилось в Старой Ладоге, на Рюриковом городище, в Приозерске, Выборге, Ивангороде, Кингисеппе (средневековый Ям-город) и в других местах. Планиграфия культурного слоя предоставляет, как известно, достоверные данные для определения охранных зон исторических комплексов.

Нельзя умолчать о случаях вандализма по отношению к историческим объектам. Все это непосредственно затрагивает деятельность Отдела и не позволяет нам

оставаться равнодушными. Приведем только один пример. В Пскове в нарушение всех законов культурный слой города на обширных участках перекрыли бетонными плитами; продырявили трубой стену церкви Евфимия Великого, построенной, возможно, итальянскими зодчими; намеренно прекратили раскопки Торга 1510 г.; закрыли новыми доками смотровой берег, обращенный к Кремлю. В обсуждении этих варварских мероприятий псковских коммерсантов и поддерживавших их в ту пору городских властей принял участие даже президент РФ В. В. Путин. В конце концов, добились того, что бетонирование нераскопанного культурного слоя было признано недопустимым.

Другой «больной» проблемой сегодняшнего дня является продолжающееся ныне массовое разграбление историко-археологических комплексов так называемыми черными копателями. В ответ на это Отделом неоднократно высказывалось — на конференциях и в письмах — предложение о принятии отдельного Закона РФ «Об охране археологического наследия» (или специального раздела в Законе РФ № 73 «Об объектах культурного наследия»). Законодательная защита археологических ценностей с приведением карательных статей, несомненно, уменьшит вал грабежей. Медлить с этим уже нельзя.

Завершая наш очерк об истории и современном состоянии Отдела славяно-финской археологии, хочется подчеркнуть один важный момент: наличие ярких индивидуальностей не мешает Отделу работать одной командой. Различные мнения оцениваются принципиально и взыскательно; при этом авторы обладают полной свободой в собственных изысканиях.

Артамонов 1977 — *Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 4–13.

Арциховский 1927 — *Арциховский А. В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды секции социологии РАНИОН. 1927. Вып. 1. С. 123–135.

Борисик и др. 2009 — *Борисик А. В., Кашкевич В. И., Платонова Н. И., Блохин Н. Н., Анисимов А. И., Кашкевич М. П.* Комплексные геофизические исследования «большого кургана» Шум-гора на северо-западе Новгородской земли (IX–X вв.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009. С. 80–88.

Булкин 2002 — *Булкин Вал. А.* Воспоминания о М. К. Каргере // Искусство Древней Руси и его исследователи. СПб., 2002. С. 279–283 (Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6).

Бычевский 1967 — *Бычевский Б. В.* Город-фронт. Л., 1967.

Вернадский 1988 — *Вернадский В. И.* Коренные изменения неизбежны... Из дневников 1941 года // Литературная газета. 1988. 16 марта. С. 13.

Верт 1967 — *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967.

Воронин 1935 — *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. Л., 1935.

Воронин, Раппопорт 1979 — *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. М., 1979.

Горюнов 1983 — *Горюнов Е. А.* Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности [П. Н. Третьякова] // Петр Николаевич Третьяков. М., 1983. С. 7–26.

Елшин 2006 — *Елшин Д. Д.* К вопросу о реконструкции первоначального ядра Десятинной церкви в Киеве // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной: Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 10–15 апреля 2006 г.). СПб., 2006. С. 167–169.

Каргер 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.

Каргер 1961 — *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2.

- Кипарисов 1933 — *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник // ИГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 3–23.
- Кирпичников 1966а — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1966б — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, кистени IX–XIII вв. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.; Л., 1971.
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973.
- Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников 1977 — *Кирпичников А. Н.* О задачах и работе Сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1974–1975 гг. // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 107–111.
- Кирпичников 2000 — *Кирпичников А. Н.* Научные традиции международного археологического сотрудничества // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб., 2000. С. 9–12.
- Кирпичников 2009 — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб., 2009.
- Кирпичников, Павлова 1986 — *Кирпичников А. Н., Павлова К. В.* Деятельность Сектора славяно-финской археологии в 1974–1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 93–100.
- Кирпичников, Пескова 2006 — *Кирпичников А. Н., Пескова А. А.* Отдел славяно-финской археологии // ЗИИМК. 2006. № 1. С. 147–156.
- Кирпичников, Платонова 2008 — *Кирпичников А. Н., Платонова Н. И.* I Международный симпозиум «Археология и история Литвы и Северо-Запада России» (Россия, Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г.) // АВ. М., 2008. № 15. С. 269–273.
- Кирпичников, Щукин 1983 — *Кирпичников А. Н., Щукин М. Б.* Памяти Марии Александровны Тихановой // СА. 1983. № 3. С. 236–237.
- Клейн 2006 — *Клейн Л. С.* Из кладов России — Г. Ф. Корзухина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной: Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 10–15 апреля 2006 г.). СПб., 2006. С. 7.
- Клейн 2010а — *Клейн Л. С.* Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1. С. 373–384.
- Клейн 2010б — *Клейн Л. С.* История российской археологии — учения, школы и личности. СПб., 2010 (в печати).
- Ковальчук, Соболев 1965 — *Ковальчук В. М., Соболев Г. Л.* Ленинградский реквием // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.
- Кольцов 1962 — *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады 1941–1943. М.; Л., 1962.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М., 1954.
- Корзухина 1955 — *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. 1955. № 22. С. 61–82.
- Корзухина 1978 — *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V–первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978 (САИ. Вып. Е1-43).
- Корзухина 1996 — *Корзухина Г. Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 352–435.
- Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Ляпушкин 1958 — *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958 (МИА. № 74).
- Ляпушкин 1961 — *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961 (МИА. № 104).
- Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л., 1968 (МИА. № 152).
- Медведева 2005 — *Медведева М. В.* Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // АВ. СПб., 2005. № 12. С. 291–300.
- Миллер 1926 — *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах // СГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 71–142.
- Миллер 1927 — *Миллер А. А.* Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 4, вып. 1. С. 15–76.

- Миллер 1958 — *Миллер М. А.* Александр Александрович Миллер. 1875–1935 // Вестник института по изучению СССР. Мюнхен, 1958. № 3 (28). С. 127–130.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов и др. 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. Новые материалы и исследования. СПб., 2005.
- Памяти И. И. Ляпушкина 1969 — Памяти Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) // СА. 1969. № 3. С. 217–219.
- Пархоменко 1924 — *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924.
- Перченко 1991 — *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 195–206.
- Пескова, Щеглова 2006 — *Пескова А. А., Щеглова О. А.* (ред.) Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной: Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 10–15 апреля 2006 г.). СПб., 2006.
- Пиотровский 1948 — *Пиотровский Б. Б.* Юбилей Низами и Навои // Сборник ГЭ. Л., 1948. Вып. 5. С. 49–50.
- Пиотровский 1995 — *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995.
- Платонова 1991 — *Платонова Н. И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 1. С. 45–78.
- Платонова и др. 2006 — *Платонова Н. И., Кашкевич В. И., Блохин Н. Н.* Сейсмотомография: разработка нового метода неразрушающего исследования курганов (на материалах передольских сопок IX–X вв.) // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 ноября 2006 г., г. Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 376–378.
- Платонова и др. 2007 — *Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М.* Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.
- Равдоникас 1931 — *Равдоникас В. И.* Памяти А. А. Спицына (1858–1931) // СГАИМК. 1931. Вып. 9 / 10. С. 54–62.
- Раппопорт 1956 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956 (МИА. № 52).
- Раппопорт 1961 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л., 1961 (МИА. № 105).
- Раппопорт 1967 — *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967 (МИА. № 140).
- Раппопорт 1975 — *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975 (САИ. Вып. Е1-32).
- Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.
- Раппопорт 1986 — *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986.
- Раппопорт 1993 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Раппопорт 1994 — *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси. X–XIII вв. СПб., 1994.
- Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
- Санкт-Петербургский международный... университет 2006 — Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет. СПб., 2006.
- Санкт-Петербургский международный... университет 2007 — Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет. СПб., 2007.
- Санкт-Петербургский международный... университет 2008 — Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет. СПб., 2008.
- Свешникова 2004 — *Свешникова О. С.* Забытая работа группы ИКС // Шестые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2004. С. 20–23.
- Свешникова 2009 — *Свешникова О. С.* Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. Омск, 2009.
- Соболев 1966 — *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1966.
- Спегальский 1963 — *Спегальский Ю. П.* Псковские каменные жилые здания XVII века. М.; Л., 1963 (МИА. № 119).
- Спегальский 1972 — *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.
- Спицын 1925 — *Спицын А. А.* Литовские древности // Tauta ir žodis. Kaunas, 1925. Т. 3. Р. 112–171.
- Старая Ладога... 2004 — Старая Ладога. Международная археологическая школа-экспедиция. СПб., 2004.
- Терпиловский 2001 — *Терпиловский П. В.* Вклад Е. А. Горюнова в развитие раннеславянской археологии // АВ. СПб., 2001. № 8. С. 329–331.

- Тиханова 1941 — *Тиханова М. А.* Культура западных областей Украины в первые века нашей эры // МИА. 1941. № 6. С. 247–278.
- Тиханова 1957 — *Тиханова М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 168–194.
- Третьяков 1931 — *Третьяков П. Н.* Костромские курганы. ИГАИМК. 1931. Т. 10, вып. 6 / 7.
- Третьяков 1932 — *Третьяков П. Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК. 1932. Т. 14, вып. 1.
- Третьяков 1935 — *Третьяков П. Н.* Первобытная охота в Северной Азии // ИГАИМК. 1935. Вып. 106. С. 220–262.
- Третьяков 1937 — *Третьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. 1937. № 4. С. 33–51.
- Третьяков 1941 — *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. М.; Л., 1941 (МИА. № 5).
- Третьяков 1948; 1953 — *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1948; М., 1953. 2-е изд.
- Третьяков 1966 — *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. Л., 1966.
- Финны в Европе VI–XV вв. 1990 — Финны в Европе VI–XV вв. Прибалтийско-финские народы: Историко-археологические исследования. М., 1990.
- Формозов 2004а — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004.
- Формозов 2004б — *Формозов А. А.* Роль Н. Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. 2004. № 2. С. 173–180.
- Хвоцинская 2008 — *Хвоцинская Н. В.* Новый этап в развитии археологии Эстонии // ЗИИМК. 2008. Вып. 3. С. 251–255.
- Чернягин 1941 — *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // МИА. М.; Л., 1941. № 6. С. 93–148.
- Шукин, Щеглова 1992 — *Шукин М. Б., Щеглова О. А.* Мария Александровна Тиханова и Первые Тихановские чтения // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений. Ленинград, 1988 г. СПб., 1992. С. 7–10.
- ААН, ф. 7, оп. 1, д. 496.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1918 г., д. 20; ф. 2, 1919 г., д. 4, 10, 16, 19; 1920 г., д. 13, 25; 1921 г., д. 4, 12; 1922 г., д. 1; 1923 г., д. 1; 1924 г., д. 1, 4, 12, 13; 1925 г., д. 1, 9; 1926 г., д. 10; 1927 г., д. 10; 1929 г., д. 1, 7, 78; 1931 г., д. 10; 1932 г., д. 80; 1933 г., д. 55, 55а; оп. 3, д. 308; оп. 5, д. 56; ф. 35, оп. 6, д. 21; ф. 52, д. 79; ф. 312, оп. 1, предисл., д. 7, 26, 58, 82, 145, 150, 161, 240, 407, 798.
- ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 4326, Г-272; 4329, Г-275.

SECTION / DEPARTMENT OF SLAVONIC AND FINNISH ARCHAEOLOGY OF IHMC: RESEARCHES AND RESEARCHERS

N. I. Platovova, A. N. Kirpichnikov

The history of the Department of Slavonic and Finnish Archaeology can be readily divided into two stages: «before» and «after» 1939. As to the first stage one should speak not of the Department as such, but rather of its predecessors, that existed within the framework of the Russian Academy (subsequently State Academy) of the History of Material Culture. In the 2nd (Archaeological) Division of the Academy these predecessors were represented, first of all, by the Section of Russian Archaeology, and the Section of Early Christian and Byzantine Archaeology. In addition, the thematic continuity links the Department with the sections of Old Russian Art, Old Russian Architecture, Ornamental Art, etc., which belonged to the 3rd (Art History) Division of the Academy.

An important progress in the methods of field and laboratory research was achieved in the 1920 es due to the activity of the 1st (Ethnological) Division of the Academy (sections

of Paleoethnology, Primordial Culture, etc.). It was there that the task of interdisciplinary study of East Europe as a geographical and historical entirety was formulated for the first time. The task required the complex study of various Iron Age and Medieval cultures and their interactions. Later on this set of problems was accepted for further elaboration by the Section of Old Russia and East Europe of Pre-Feudal and Feudal Periods, created in 1939 in the IHMC of the Academy of Science of the USSR. This division can be considered the direct administrative, ideal, and thematic predecessor of the present-day Department of Slavonic and Finnish Archaeology of IHMC RAS. It united the archaeology of East Europe of the 1st millennium AD with the Old Russian and Late Medieval archaeology (including architectural archaeology).

In the second half of the 20th century both the name and administrative level of the division changed several times. For instance, in 1951, on the peak of the anti-Marrism company, the Section was disembodied and reorganized into the «Group of Slavonic and Finnish Archaeology» of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology. However, this had no serious influence on the range of research carried out by the division. As before, the study of the history of Old Russian culture and architecture was combined here with the works devoted to the genesis of Slavonic, Finnish and Baltic cultures and ethnic groups — in a wide East European context.

In 1974 the «Group» was reorganized into the Section (now Department) of Slavonic and Finnish Archaeology. The main fields of its activity are: a) the study of Slavonic and Finno-Ugric cultures of East Europe; b) the study of intertribal contacts in the north-west of Russia and in the Baltic region in the 1st–2nd millennia AD; c) the study of the history of Old Russian towns; d) the development of architectural and church archaeology.

**СОТРУДНИКИ ОТДЕЛА СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ ИИМК РАН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ
В РАИМК — ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА
(1919–2010 гг.)**

А. А. ПЕСКОВА

АРТАМОНОВ Михаил Илларионович (1898–1972) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора по научной работе ИИМК (1937–1939) и директор ИИМК (1939–1943), профессор и заведующий кафедрой археологии ЛГУ (1949–1972), директор Государственного Эрмитажа (1951–1964). В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК с 1925 по 1954 г. Славяно-русским сектором (под разными названиями) руководил с 1937 по 1951 г. (с перерывом в 1945–1948 гг., когда заведовал Сектором бронзы и раннего железа).

Основные направления исследований по тематике Отдела: этногенез и расселение восточных и южных славян, сложение в Восточной Европе раннесредневековых государств — Хазарского, Болгарского, Древнерусского, взаимоотношения славян с кочевыми соседями. Широкомасштабные «ново-строечные» раскопки и изучение материалов Саркела-Белой Вежи на Дону.

БЕЛЕЦКИЙ Сергей Васильевич (1953 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор на кафедре музееведения и экскурсоведения Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. В ЛОИА — ИИМК с 1989 г. (перешел из ИА АН СССР).

Основные направления исследований: история и культура Руси / России с древнейших времен до нового времени; особенно археология и история Пскова и Псковской земли; детальная разработка проблем древнерусской сфрагистики и геральдики; собрание и изучение песенного археологического фольклора.

БОГУСЛАВСКИЙ Олег Игоревич (1966 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора ИИМК по научной работе (с 2006 г.), В ЛОИА — ИИМК с 1988 г.

Основное направление исследований — история и археология Северо-Запада России, в том числе, изучение комплекса археологических памятников у д. Городище на р. Сясь и его места в системе приладожских древностей (совместно с А. Д. Мачинской, раскопки 1987–1999 гг.); исследование трансъевразийских связей населения Южного Приладожья в IX–XIII вв.; изучение материалов из раскопок В. П. Петренко в Гробине (Латвия).

БОЛЬШАКОВ Лев Николаевич (1945 г. рожд.) — художник в графическом бюро ЛОИА с 1974 по 1990 г.

Будучи заочным аспирантом в Академии художеств, занимался метрическим анализом древнерусских храмов; руководил одним из отрядов Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА, возглавляемой П. А. Раппопортом, — раскопки древнерусских храмов в Старой Ладоге (1979–1980), Великом Новгороде, Гдове, а также в Новгороде-Северском (1982), Чернигове

и Гродно. В настоящее время протоиерей Лев Большаков является настоятелем Кондопожского прихода Петрозаводской и Карельской епархии Русской Православной Церкви.

ВОРОНИН Николай Николаевич (1904–1976). В ГАИМК — ИИМК с 1928 по 1941 г. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. По возвращении с фронта в 1942 г. Н. Н. Воронин перешел на работу в Московское отделение ИИМК — доктор исторических наук, профессор, лауреат Сталинской (1952) и Ленинской (1965) премий, Почетный гражданин города Владимира (1974), один из инициаторов и организаторов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Основными темами исследований в ленинградский период были очерки по истории русского зодчества XVI в. и владими́ро-суздальское зодчество XI–XIII вв. в контексте истории архитектуры и художественной культуры Древней Руси, а также связанное с этим руководство Владимиро-Суздальской археологической экспедицией (с 1934 г.).

ГОРЮНОВ Евгений Алексеевич (1940–1981) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1967 по 1981 г.

Основное направление исследований: археология и ранняя история славян; поиск и выявление древностей середины и третьей четверти I тыс. н. э. на Днепровском Левобережье, открытие, изучение и введение в научный оборот многочисленных памятников первой половины–третьей четверти I тыс. н. э. в этом регионе (опорные памятники — Хитцы, Картамышево).

ГОРЮНОВА Валентина Михайловна (1946 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА с 1981 г. (перешла с кафедры археологии ЛГУ).

Основные темы исследований: изучение славянского и древнерусского ремесленного производства, в первую очередь раннегородских центров Северной Руси (раскопки Городка на Ловати), в том числе становления гончарного производства на территории Новгородской земли.

ГРИГОРЬЕВА Наталья Владимировна (1982 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ИИМК с 2003 г. Участник Староладожской археологической экспедиции. Специализируется в области изучения металлических украшений из раскопок в Старой Ладогe.

ГРИГОРЬЕВА Ольга Владимировна — аспирант. В ИИМК с 2009 г. Тема диссертационного исследования — «Комплексы построек княжеского двора на Рюриковом городище и дворы социальной знати Новгорода и Северо-Востока Руси (XI–XV вв.)», научный руководитель Е. Н. Носов.

ГРОЗДИЛОВ Григорий Павлович (1905–1962). В ГАИМК — ИИМК с 1927 по 1941 г.; с 1934 г. совмещал работу в Секторе полевых исследований ГАИМК с работой в Гос. Эрмитаже; в этот период исследовал курганы в Юго-Восточном Приладожье и на северо-восточном берегу Онежского озера (Челмужи), проводил раскопки на Рюриковом городище (1935) и в Старой Ладогe (совместно с В. И. Равдоникасом). В послевоенные годы окончательно перешел на работу в ГЭ.

ГУРЕВИЧ Фрида Давыдовна (1911–1988) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1934 по 1979 г. Исследовала древности I тыс. н. э. в Юго-Восточной Прибалтике, средневековые древности Белорусского Понеманья. Многолетние систематические раскопки на территории Новогрудка привели к открытию долетописного древнерусского города конца X–XIII вв.

ДОРОФЕЕВА Татьяна Семеновна (1955 г. рожд.) — научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1978 г. Специалист в области новгородской археологии. С 1977 г. руководит лабораторией камеральной обработки Новгородской областной археологической экспедиции. С 1992 г. состоит в издательской группе ежегодника «Археологические вести» (с 2009 г. — ответственный секретарь издания).

ЕРЕМЕЕВ Иван Игоревич (1969 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. В ИИМК с 2002 г.

Основные направления исследований: история формирования раннесредневекового населения между Западной Двиной и озером Ильмень; комплексное изучение раннесредневековых славянских поселений на восточном берегу озера Ильмень; сравнительное изучение больших курганов Средней Швеции и новгородских сопок.

ЕФИМЕНКО Петр Петрович (1884–1869) — ученый сотрудник, действительный член ГАИМК (1930–1937), доктор археологии (1934), преподаватель ЛГУ (1923–1930), зав. Отделом археологии ИЭ АН СССР (1933–1938). В 1938–1951 гг. — заведовал отделом палеолита ИИМК — ЛОИИМК. Действительный член АН Украинской ССР (1945), директор Института археологии АН УССР в Киеве (1946–1954). Как археолог широкого профиля П. П. Ефименко координировал работу Комиссии по обследованию Ленинградской области, вел работы по археологии финнов Поволжья.

КАЗАНСКИЙ Михаил Михайлович (1953 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ЛОИА с 1975 по 1981 г. В 1981 г. уехал во Францию. В настоящее время — *Docteur habilité*, работает в должности ведущего научного сотрудника (*Directeur de Recherche*) в Национальном центре научных исследований (*Centre National de la Recherche Scientifique*), Франция.

Основные направления исследований в ЛОИА: взаимоотношения оседлого и кочевого населения Среднего Поднепровья в VI–VIII вв., выявление и исследование в составе Днепровской Левобережной экспедиции археологических памятников середины I тыс. н. э.

КАРАБИНОВ Иван Алексеевич (1878–1937) — богослов, историк, специалист по восточнохристианской археологии, профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре литургики (до 1917 г.). Научный сотрудник РАИМК — ГАИМК по Разряду археологии русской с 1920 по 1929 г. Уволен в 1929 г.

КАРГЕР Михаил Константинович (1903–1976) — доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии (1951). В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1929 по 1976 г.: заведующий Группой славяно-русской археологии ЛОИИМК — ЛОИА (1951–1974), заведующий ЛОИА (1964–1971). Совмещал

работу в Институте с заведованием Отделом древнерусского искусства ГРМ (1935–1936) и Кафедрой истории искусства в ЛГУ (1949–1973), с преподаванием в 1938–1950 гг. в Академии художеств (1939–1941 гг. — зам. директора по научной и учебной работе, 1939–1941, 1943–1948 гг. — заведующий кафедрой древнерусского искусства).

Основные направления исследований: история древнерусского искусства и культуры Древней Руси, главным образом архитектурно-археологическое изучение памятников древнерусского зодчества в Киеве, Новгороде, Переяславле-Хмельницком, древнем Галиче, Владимире-Волынском, Полоцке, Турове и других городах; изучение материальной культуры древнерусского города (раскопки в Киеве, «Изяславле»). Михаил Константинович Каргер по праву признается одним из создателей архитектурной археологии в России.

КИЛЬДЮШЕВСКИЙ Владимир Игоревич (1942 г. рожд.) — научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1968 г.: в 1971–2005 гг. в Отделе славяно-финской археологии, с 2005 г. — в Отделе охранных раскопок.

Основное направление исследований: историко-археологическое изучение городской культуры Северо-Западной Руси эпохи средневековья и нового времени; специализируется на изучении керамического производства городов XIII–XVII вв.

КИРПИЧНИКОВ Анатолий Николаевич (1929 г. рожд.) — заведующий Отделом славяно-финской археологии (с 1974 г.), главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1991), чл.-корр. Петровской академии наук и искусств (1992), действительный член Нью-Йоркской Академии наук (1995), удостоен Ордена Почета (2010). В ЛОИИМК — ЛОИА — ИИМК с 1955 г.

Основные направления исследований: история, культура, археология России и сопредельных стран. А. Н. Кирпичников является одним из создателей исторического оружиеведения, особое внимание уделяет развитию средневековой фортификации и градостроительства (раскопки городов и крепостей в Новгороде, Пскове, Порхове, Велье, Острове, Гдове, Ивангороде, Копорье и др.), ремесел, торговли, международных контактов Руси. С 1972 г. — руководитель Староладожской археологической экспедиции.

КОЙШЕВСКИЙ Борис Андреевич (1902–19...?) — младший научный сотрудник. В ГАИМК с 1927 по 1935 гг.: активный участник обследования Ленинградской области и обработки полученных материалов (в составе Комиссии по учету и охране палеоэтнологических памятников), создатель «Картотеки памятников Ленинградской области». 7 марта 1935 г. уволен (в связи с арестом), 3 мая 1935 г. получил отказ в восстановлении на работе.

КОЛЬЧАТОВ Владимир Александрович (1946–2006 (?)) — младший научный сотрудник ЛОИА с 1974 по 1982 г. Занимался изучением культуры древних обитателей Ижорского плато по материалам погребальных памятников.

КОРЗУХИНА Гали Федоровна (1906–1974) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая Рукописным архивом ЛОИА (1964–1967). В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1927 по 1972 г.

(с перерывами в 1930-х гг.). В 1935–1938 гг. — сотрудник Отдела древнерусского искусства ГРМ.

Основные направления исследований: история средневекового художественного ремесла и материальная культура Древней Руси; вопросы происхождения и развития раннеславянской культуры Среднего Поднепровья; роль скандинавов в образовании Древнерусского государства. Раскопки на Малом городище в Торопце (1960–1961) и Старой Ладогe (1968). Работы Г. Ф. Корзухиной стали признанным образцом в области археологического источниковедения.

КУРБАТОВ Александр Валентинович (1959 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1986 г.

Основные направления исследований: история и материальная культура средневекового русского города, археологические аспекты изучения древнего ремесла, монографическое исследование по кожевенному ремеслу средневековой Руси.

ЛАПШИН Владимир Анатольевич (1951 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1982 г.

Основные направления исследований: история и материальная культура средневековых городов Северо-Восточной Руси (Тверь, Нижний Новгород); курганы и поселения Суздальского Ополья; создание современной Археологической карты Ленинградской области.

ЛИПАТОВ Алексей Анатольевич (1975 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. В ИИМК с 2001 г.

Основные направления исследований: византийские традиции в строительном производстве Древней Руси; архитектурно-археологические исследования при реставрационных работах в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

ЛИХАЧЕВ Николай Петрович (1862–1936) — доктор истории, ученый сотрудник ГАИМК, профессор Петроградского археологического института, помощник директора Императорской Публичной библиотеки (1902–1914). Создатель уникального музея, построенного на основе собственных коллекций, конфискованных и разрозненных после его ареста в 1930 г. В ГАИМК с 1919 по 1929 г. заведовал Разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского.

Важнейшие направления исследований: византийская и древнерусская сфрагистика, дипломатика, палеография.

ЛЯПУШКИН Иван Иванович (1902–1967) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник. В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1935 по 1967 г.

Основные направления исследований: история славян Восточной Европы накануне и во время сложения Древнерусского государства; открытие и изучение славяно-русских и предшествующих им памятников на Днепровском Левобережье (эталонный памятник — городище Новотроицкое), на Дону и Тамани.

МАЛЕВСКАЯ-МАЛЕВИЧ Марианна Владимировна (1918 г. рожд.) — научный сотрудник. В ЛОИИМК — ЛОИА с 1952 по 1986 г.

Основное направление исследований: история и культура древнерусского города. М. В. Малевская является признанным авторитетом в области архитектурно-археологического изучения памятников древнерусского зодчества

западнорусских земель (раскопки во Владимире-Волынском, Львове, Луцке, Любомле, Новогрудке и других городах), автором обобщающих работ по изучению керамики городов Галицко-Волынской земли и Черной Руси X–XIII вв.

МАЧИНСКИЙ Дмитрий Алексеевич (1937 г. рожд.) — младший научный сотрудник ЛОИА с 1960 по 1967 г. В 1967 г. перешел на работу в ГЭ.

Основные направления исследований в ЛОИА: изучение зарубинецкой культуры поречья Днепра и Десны; вопросы интерпретации археологических памятников рубежа эр между бассейнами Вислы и Днепра; этнокультурная карта Восточной Европы на рубеже эр по письменным и археологическим данным.

МИХАЙЛОВ Кирилл Алексеевич (1970 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. В ИИМК РАН с 1998 г.

Основные направления исследований: история и культура Древней Руси на начальном этапе сложения Древнерусского государства (вопросы реконструкции социальной организации, костюма по материалам элитарных погребений X–начала XI в.).

МУСИН Александр Евгеньевич (1964 г. рожд.) — доктор исторических наук, кандидат богословия, ведущий научный сотрудник. В ИИМК с 2001 г.

Основные направления исследований: церковная история и археология Древней Руси по письменным, вещественным и изобразительным источникам; христианская археология и богословие. В годы преподавания в Санкт-Петербургской Духовной академии воссоздал Церковно-археологический музей.

НАЗАРЕНКО Владимир Александрович (1945 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1968 по 2002 г. В настоящее время проживает в Германии.

Основные направления исследований: на материале погребальных памятников Юго-Восточного Приладожья изучал вопросы этнической, социально-экономической и политической истории его древних обитателей; принимал активное участие в работе Староладожской археологической экспедиции.

НОСОВ Евгений Николаевич (1949 г. рожд.) — чл.-корр. РАН, директор ИИМК (с 1998 г., в 1988–1998 гг. — заместитель директора по научным вопросам), заведующий кафедрой археологии СПбГУ (с 2002 г.). В ЛОИА — ИИМК с 1971 г.

Основные направления исследований: славяно-русская археология и древняя история Руси. Одним из главных направлений является изучение проблем происхождения городов на Руси и становления раннегородских центров; с 1975 г. руководит экспедицией, проводящей систематические исследования Рюрикова городища и поселений Северного Приильменя.

ОВСЯННИКОВ Олег Владимирович (1937 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1962 по 2001 г. В 1998 г. по семейным обстоятельствам переехал в Германию, где продолжает работать по избранной проблематике.

Основные направления исследований: комплексное историко- и архитектурно-археологическое изучение городов и поселений, могильников и святых мест Северной Руси и Западной Сибири, хозяйственное освоение Европейской Арктики IX–XVIII вв.

ПАВЛОВА Клавдия Васильевна (1922–2010) — младший научный сотрудник. В ЛОИИМК — ЛОИА с 1951 по 1986 г.

Основные направления исследований: история и культура древнерусского города и его округа; анализ погребального инвентаря Гочевского могильника; раскопки и изучение погребальных памятников в окрестностях Новогрудка (Белоруссия) и городища Осовик в Брянской области.

ПЕСКОВА Анна Анисимовна (1947 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1971 г.

Основные направления исследований: история и культура древнерусского города; раскопки памятников древнерусского зодчества в Новгороде, Владимире-Волынском, Дорогобуже; христианская металлопластика Древней Руси в русле византийской традиции.

ПЕТРЕНКО Валерий Петрович (1943–1991) — старший научный сотрудник. В ЛОИА с 1973 по 1991 г.

Основные направления исследований: историко-археологическое изучение средневековых поселений и могильников Северного Поволжья (раскопки в Старой Ладогге, Любше и др.); проблема балто-скандинавских связей на материалах Курземского Приморья (раскопки в Гробине (Латвия); охранные раскопки в Ивангородской крепости).

ПЛАТОНОВА Надежда Игоревна (1956 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1978 г. (с перерывом в начале 1980-х гг.).

Основные направления исследований: история и археология древнерусских поселений и могильников Северной Руси (комплексное исследование Передольского погоста Новгородской земли); история советской и российской археологии.

ПЛОХОВ Алексей Вячеславович (1962 г. рожд.) — научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1984 г.

Основные направления исследований: история и археология Северо-Запада России от эпохи раннего металла до средневековья, главным образом на материалах из раскопок памятников Северного Приильменья; изучение керамического производства в этом регионе.

РАВДОНИКАС Владислав Иосифович (1894–1976) — чл.-корр. АН СССР (1946), профессор, действительный член Норвежской Академии наук (1945). В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК с 1929 по 1956 г. (с перерывом в 1952–1955 гг.); в 1945–1949 гг. заведовал ЛОИИМК, заведующий Сектором Древней Руси ЛОИИМК (1946–1949) и заведующий кафедрой археологии ЛГУ (1936–1948).

Основные исследования по средневековому периоду связаны с раскопками в Старой Ладогге и Юго-Восточном Приладожье.

РАППОПОРТ Павел Александрович (1913–1988) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник. В ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1939 по 1988 г., параллельно преподавал историю средневековой архитектуры в Институте им. И. Е. Репина Академии художеств СССР.

Основные направления исследований: архитектурная археология — история сложения и развития монументального зодчества Древней Руси, включая

организацию строительного производства, строительные материалы и технологию; фундаментальные исследования по истории древнерусской фортификации (X–XV вв.) и домостроительства (X–XIII вв.); разработка методики архитектурно-археологических исследований; жилище восточных славян.

РЕПНИКОВ Николай Иванович (1882–1940) — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник. В ГАИМК — ИИМК с 1929 по 1940 г., однако в эти годы он работает главным образом в Крыму (Эски-Кермен), а исследование древнерусских памятников приходится на время его работы в Археологической Комиссии (раскопки курганов в Тверской и Новгородской губерниях, 1902–1909 гг.) и в Русском музее (раскопки в Старой Ладогe, 1903 — от РАО, 1909–1913 и 1928 гг.).

РОМАНОВ Константин Константинович (1882–1942) — действительный член и руководитель Разряда древнерусского зодчества в РАИМК — ГАИМК (1918–1937 (?). Профессор и декан (1918–1921) Петроградского археологического института, член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе (с 1922 г. преобразована в Реставрационные мастерские, руководителем которых стал К. К. Романов). Читал лекции в ряде вузов Ленинграда — по основам проектирования, по истории архитектуры и т. п. Умер в блокадном Ленинграде.

Основные направления исследований: древнерусская архитектура, этнография Русского Севера, охрана памятников монументального зодчества. К. К. Романов был одним из основоположников научной охраны памятников культурного наследия России.

РЫДЗЕВСКАЯ Елена Александровна (1890–1941) — научный сотрудник в Разряде древнерусского искусства ГАИМК, затем в Секторе Древней Руси и Восточной Европы ИИМК. В ГАИМК — ИИМК с 1920 по 1941 г. Умерла в блокадном Ленинграде.

Основными направлениями исследований Е. А., стоявшей у истоков отечественной скандинавистики, были: скандинавское художественное наследие в древнерусском искусстве; история Древней Руси и Скандинавии в IX–XIV вв., отраженная в древней северной литературе.

РЯБИНИН Евгений Александрович (1948 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1971 по 2008 г.

Основные направления исследований: история и археология финно-угорских племен Восточной Европы и их отношений с Древней Русью (раскопки на территории Ленинградской, Костромской, Ивановской областей); изучение древнейших на Северо-Западе России средневековых поселений (раскопки на Любшанском и на Староладожском Земляном городище).

САКСА Александр Иванович (1951 г. рожд.) — доктор исторических наук, Дг. Нав. Финляндии (1984), ведущий научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1978 г.

Основные направления исследований: финно-угорская археология; история и культура населения летописной Карельской земли; изучение средневекового Выборга по материалам археологических раскопок.

СКРЖИНСКАЯ Елена Чеславовна (1894–1981) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник. В РАИМК — ГАИМК с 1919 по 1930 г., уволена

вследствие «чистки». В Московском и Ленинградском отделениях ИИМК с 1943 по 1953 г.: в докторантуре (1943–1946), по окончании докторантуры была зачислена в Сектор Древней Руси. С 1956 по 1970 г. работала в ЛО Института истории АН СССР.

Основные направления исследований: история и археология средневекового Крыма, генуэзские торговые фактории; переводы и комментирование текстов древних и средневековых авторов.

СМИРНОВ Алексей Петрович (1889–1929) — научный сотрудник ГАИМК по Разряду археологии древнехристианской и византийской с 1919 по 1929 г., параллельно научный сотрудник и затем хранитель Русского музея, с 1924 г. — доцент ЛГУ. В 1929 г. был арестован и погиб в лагерях.

Основные направления исследований: византийско-русские отношения на северо-восточном побережье Черного моря (обследование средневековых древностей Таманского полуострова); восточнохристианское искусство.

СОРОКИН Петр Егорович (1962 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ИИМК с 1996 г. Основные направления исследований: изучение памятников морской археологии Северо-Западного региона; археология Санкт-Петербурга, его пригородов и территории Приневья; масштабные раскопки в устье р. Охты (исследование крепостей Ландскрона и Ниеншанд, русского торгового поселения Невское устье и шведского города Ниена).

СПЕГАЛЬСКИЙ Юрий Павлович (1909–1969) — кандидат архитектуры (1951 г.), архитектор-реставратор. В ЛОИА с 1959 по 1967 г.

Ведущие темы: изучение архитектуры Пскова, особенно каменных жилых зданий XVII в.; история жилища Северной Руси.

СПИЦЫН Александр Андреевич (1858–1931) — чл.-корр. АН СССР (1927), профессор. В ГАИМК с 1919 по 1930 г.; заведовал Разрядом археологии русской (1919–1927). Преподавал в Петербургском университете, в Императорском Петербургском археологическом институте.

Основные направления исследований: изучение, систематизация и каталогизация археологических древностей России, в том числе и славяно-русских; научное руководство археологическими разведками и раскопками. А. А. Спицыным выявлены и первично охарактеризованы практически все основные типы археологических памятников и культур железного века и раннего средневековья на территории Восточной Европы.

СТАНКЕВИЧ Ядвига Вацлавовна (1909–1959) — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник. В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК с 1934 по 1959 г.

Основные направления исследований: изучение памятников I–начала II тыс. н. э. в верховьях Западной Двины; раскопки могильников ярославского Поволжья (Михайловского и Тимиревского) и курганов в Шестовицах; незавершенные раскопки на Малом городище в Торопце (после смерти Я. В. Станкевич раскопки были продолжены Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской).

СТАСЮК Иван Вадимович — аспирант. В ИИМК с 2008 г. Тема диссертационного исследования — «Средневековое сельское расселение на Ижорской возвышенности», научный руководитель Е. Н. Носов.

СЫЧЕВ Николай Петрович (1883–1964) — руководитель Разряда древнерусского искусства РАИМК — ГАИМК, одновременно сотрудник, а затем и директор ГРМ (избран в 1921 г.), профессор ЛГУ и других вузов. В РАИМК — ГАИМК — ИИМК с 1919 по 1933 г. После ареста и отбывания заключения (1933–1942) был вновь зачислен в ИИМК в 1943 г. старшим научным сотрудником, но работал в это время в краеведческом музее Чистополя. В послевоенные годы работал в проектно-реставрационных мастерских Владимира (1945–1954) и Москвы (1954–1964).

Основное направление исследований: древнерусская монументальная живопись (раскрытие и изучение мозаик и фресок многих памятников древнерусской архитектуры).

ТИХАНОВА-КЛИМЕНКО Мария Александровна (1898–1981) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В РАИМК — ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1920 по 1965 г. В 1920–начале 1930-х гг. М. А. Тиханова работала в составе Разряда археологии раннехристианской и византийской и Крымского комитета, с декабря 1933 г. — в Феодальном секторе (ИИФО) — Секторе Древней Руси и Восточной Европы. Во время Великой Отечественной войны (1941–1942) возглавляла группу ИИМК, остававшуюся в блокадном Ленинграде.

Основные направления исследований: археологические памятники средневекового Крыма; Запад и Киевская Русь в IX–XI вв.; восточноевропейские археологические культуры первой половины I тыс. н. э. на территории лесостепи (в особенности черняховская культура); планомерные разведки и раскопки поселений в Среднем Поднестровье (Лука-Врублевская) и в Погорынье (Лепесовка).

ТРЕТЬЯКОВ Петр Николаевич (1909–1976) — чл.-корр. АН СССР (1958), лауреат Сталинской премии, профессор ЛГУ. В ГАИМК — ИИМК с 1928 по 1946 г. и с 1959 по 1976 г. (ЛОИА). В 1947–1959 гг. работал в Москве: был заместителем академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР, работал в аппарате ЦК КПСС в Отделе науки, был главным редактором журнала «Вопросы истории» (1950–1953), директором Института славяноведения (1951–1959).

Основные направления исследований: проблема славянского этногенеза; культура финно-угорских и балтских племен в I тыс. н. э. в Восточной Европе; курганные древности летописных племен, земледелие как форма хозяйства ранних славян. В период работы в ГАИМК — ИИМК — ЛОИА руководил широкими исследованиями памятников железного века и раннего средневековья на Верхней Волге, в Подесенье.

ТЮЛЕНЕВ Вячеслав Альбертович (1947–1996) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1980 по 1996 г.

Основные направления исследований: подводная археология; история и археология средневекового Выборга (каменные оборонительные сооружения XIII–XVI вв.) и Выборгского района.

УСОВА (РОМАНОВА) Галина Александровна (1950 г. рожд.) — старший лаборант. В ЛОИА с 1968 по 1991 г.

Будучи постоянным участником Днепровской Левобережной экспедиции, руководимой Е. А. Горюновым, занималась изучением памятников черняховской культуры Днепровского Левобережья, руководила работами Сумского отряда

Днепровской левобережной экспедиции (с 1986 г.). В 1991 г. переехала в США и занялась микробиологией.

ФОНЯКОВ Дмитрий Ильич (1957 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший лаборант-исследователь. В ЛОИА — ИИМК с 1980 по 2001 г.

Занимался археологическим исследованием древнего Торопца, изучением и введением в научный оборот ранее накопленных материалов из раскопок этого города (в соавторстве с М. В. Малевской).

ХВОЩИНСКАЯ Наталия Вадимовна (1951 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научный редактор ежегодника ИИМК «Археологические вести» (с 1991 г.). В ЛОИА — ИИМК с 1971 г.

Основные направления исследований: история финно-угорского и славянского населения Новгородской земли второй половины I–начала II тыс. н. э. (особое внимание уделено раскопкам могильника у дер. Залахтовье); изучение материалов из раскопок на Рюриковом городище.

ЧЕРНЯГИН Николай Николаевич (1906–1942) — научный сотрудник. В ГАИМК — ИИМК с 1926 по 1941 г. Работал также в ГЭ (с 1934 г.) и Артиллерийском историческом музее РКК (с 1937 г.). Н. Н. Чернягин был мобилизован в Красную Армию 10 августа 1941 г. Погиб на фронте.

Основное направление исследований: археология Псковской земли (изучение псковских длинных курганов и сопок, раскопки в Псковском Кремле); реставрация и консервация оружия, живописи и др.

ЧУКОВА Татьяна Александровна (1954–2005) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1988 по 2005 г. (перешла из ГЭ).

Основные направления исследований: архитектурные элементы интерьера в древнерусском храмовом зодчестве домонгольского периода; иконография христианских изображений на древнерусских металлических актовых печатях X–XV вв.

ШУЛЯК Любовь Митрофановна (1896–1996) — архитектор-реставратор и исследователь древнерусского зодчества, одна из основателей новгородской реставрационной школы. Член Союза архитекторов СССР (1945), кавалер ордена «Знак Почета» (1967), Почетный гражданин Новгорода (1987). В ГАИМК с 1920 по 1928 (?) г. — научный сотрудник по Разряду древнерусского зодчества. Занималась изучением памятников древнерусского зодчества в Новгороде, Пскове и их окрестностях (с полным обмером и детальной фиксацией).

ЩЕГЛОВА Ольга Алексеевна (1958 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1980 г.; с 2009 г. преподает на кафедре археологии и кафедре музеологии СПбГУ.

Основные направления исследований: археология ранних славян; изучение организации ювелирного дела в раннесредневековых славянских культурах Восточной Европы.

ЮШКОВА Мария Андреевна (1981 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ИИМК с 1999 г. (в Отделе с 2010 г.).

Основное направление исследований: эпоха бронзы и ранний железный век в юго-восточной части бассейна Финского залива.

ЯКОБСОН Анатолий Леопольдович (Лейбович) (1906–1984) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник. В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1930 по 1984 г.

Основные направления исследований: средневековая история и археология Крыма (особенно Херсона) и Кавказа (особенно Армении); изучение раннесредневековой амфорной тары; установление закономерностей в развитии средневековой архитектуры (исследования осуществлялись попеременно в секторах Древнего Причерноморья и Древней Руси).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ «КОМСОМОЛЬСКИЙ» ЛЕКТОРИЙ (К ИСТОРИИ ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН).

Е. Н. НОСОВ

Очередной номер наших «Записок» посвящен истории развития славяно-русской археологии в Санкт-Петербурге / Ленинграде, в РАИМК — ГАИМК — ИИМК — ЛОИА АН СССР и (с 1991 г.) в ИИМК РАН. Несомненно знаковой в истории становления данного направления археологических знаний в конце XIX–XX в. явилась фигура Александра Андреевича Спицына. У меня сохранились записи воспоминаний о нем П. Н. Третьякова, с которыми он выступил в 1972 г. на заседании «комсомольского лектория» ЛОИА. Они весьма любопытны в некоторых деталях, и я решил написать короткую заметку в ЗИИМК с преобладающей славяно-русской темой. По ходу дела мне показалось любопытным рассказать о лектории более подробно как о своеобразной страничке в истории института начала 1970-х гг.

Приказ о моем зачислении в штат ЛОИА лаборантом после окончания университета с июля 1971 г. подписал М. К. Каргер. Едва в октябре я вернулся из экспедиции П. Н. Третьякова, ко мне подошла Наташа Буравик (Дементьева), будущий наш министр культуры, и радостно сообщила, что, хотя меня не было, я тем не менее единогласно избран секретарем комсомольской организации института, и она с удовольствием передает мне свои полномочия. От неожиданности я ничего толком возразить не смог, хотя восторга совсем не испытывал. Я оказался в одном из ведущих академических археологических учреждений страны, в кругу известных ученых, и как себя вести, как вывернуться из ситуации, просто не знал, тем более Н. Л. Буравик все однозначно подавала как вопрос уже окончательно решенный и согласованный «наверху» (сейчас я уверен, что никакого реального собрания и не было). Так началась моя деятельность на посту секретаря комсомольской организации. Время для института было не простое. Разворачивалась кампания против Я. А. Шера и А. Д. Грача, и я сразу попал в обстановку, напоминающую, как мне казалось, да так оно по сути дела и было, 1930-е гг. Чуть ли не первое заседание Ученого совета, на котором я присутствовал, было посвящено «делу» Я. А. Шера. Робкое замечание П. А. Раппопорта о том, почему Ученый совет собран так спешно и вопрос предварительно даже не рассматривался на партбюро (кстати, тогда существовала такая практика), осталось без внимания. Потом была обличительная речь И. И. Артеменко, секретаря партийной организации Института археологии АН СССР, присланного из Москвы его директором академиком Б. А. Рыбаковым. Затем жесткое, совсем неожиданное для меня выступление П. Н. Третьякова, который был моим научным руководителем. Других деталей собрания не помню, а завершилось все тайным голосованием с отрицательным для Я. А. Шера результатом. От заседания остался крайне неприятный осадок, совсем не так я представлял себе атмосферу академического учреждения.

Комсомольскую работу, однако, надо было вести и под пристальным оком райкома, по крайней мере, изображать какую-то деятельность. Тогда и возникла у меня идея создания в ЛОИА комсомольского лектория. Название «комсомольский» соответствовало необходимым идеологическим требованиям, но за ним не было

никакой идеологии. Подразумевалось, что перед молодежью будут выступать крупнейшие, прежде всего институтские, ученые и рассказывать о своих учителях и коллегах, ведущих российских и советских исследователях, с которыми им довелось вместе работать, у кого они учились и кого хорошо знали. Первое заседание лектория с воспоминаниями П. И. Борисковского о В. А. Городцове состоялось 27 декабря 1971 г. Затем в 1972 г. П. Н. Третьяков рассказывал о А. А. Спицыне, М. П. Грязнов — о С. А. Теплоухове, Ю. А. Заднепровский — о А. Н. Бернштаме, Б. Б. Пиотровский — о А. А. Миллере, М. А. Тиханова — о поездке археологов в 1934 г. на дачу к Максиму Горькому, в связи с выдвинутой идеей написания «Истории женщины». К сожалению, диктофона у нас не было, да и по молодости лет осознание того, что услышать откровенные воспоминания старших коллег порой можно лишь один раз в жизни, еще просто не приходило в голову. Для себя я по студенческой традиции в первые годы пребывания в институте делал различные записи на заседаниях, в том числе нашего «комсомольского» лектория. На эти записи и опирается мой рассказ. Суждения выступавших я передаю достаточно точно, но справедливость фактов я не выверял. Это — личные мнения старших коллег, их воспоминания, не всегда встроенные в строгую линию повествования и не всегда, очевидно, однозначные.

Начну с А. А. Спицына. О нем 2 февраля 1972 г. своими воспоминаниями поделился П. Н. Третьяков. Их я довольно подробно записал. Не буду здесь перечислять заслуги А. А. Спицына в области археологии, методы его работы, детали переезда из Вятки в Санкт-Петербург, роль в этом С. Ф. Платонова, о чем нам говорил Петр Николаевич. Все это в разных аспектах и нюансах было подробно освещено на юбилейной конференции, посвященной 150-летию ученого (История и практика... 2008), да и в данном выпуске «Записок» ИИМК есть соответствующая информация в статье Н. И. Платоновой и А. Н. Кирпичникова. Я лишь подчеркну моменты восприятия самим Петром Николаевичем личности А. А. Спицына и его научного подхода.

П. Н. Третьяков познакомился с Александром Андреевичем в 1925 г. в Костроме, затем слушал его лекции в университете. А. А. Спицын читал курс «Славянская археология». П. Н. Третьяков неоднократно бывал у Александра Андреевича дома. Дом всегда был полон археологов, которые пользовались знаменитыми картотеками ученого («Корочками»). По признанию П. Н. Третьякова, все его полевые работы начинались с погружения в архив Александра Андреевича. Когда Петр Николаевич впервые встретился с А. А. Спицыным, тот в иерархии науки занимал уже довольно скромное положение — заведующего разрядом в ГАИМК. В Мраморном дворце «несколько дам» под руководством А. А. Спицына составляли словарь древнерусского языка. Сам Александр Андреевич посещал заседания **всех** разрядов. И заметки о каждом докладе пополняли его архив, все записи разносились сразу по его знаменитым карточкам. Хотя в «Большой советской энциклопедии» написано, что А. А. Спицын — это советский археолог, в полной все же степени, по мнению П. Н. Третьякова, он таковым не был. «Ломка» науки происходила тогда, когда А. А. Спицын был уже стар, хотя следил за происходящим очень внимательно. В целом «это был веселый и любознательный старик, небольшого роста, в очках, с орлиным носом». «Задиристый старичок, но весьма симпатичный и доброжелательный». В конце 1920-х гг. А. А. Спицын не представлял «величину активную». А. А. Спицын

и В. А. Городцов неприязненно относились друг к другу. В. А. Городцов «копал зверски», но все же «землю понимал», чего нельзя сказать об А. А. Спицыне. В связи с этим мнением П. Н. Третьякова у меня закрадывается мысль, что, возможно, не случайно А. А. Спицын, блестяще публикуя вещеведческие материалы «чужих» раскопок, ряд своих полевых отчетов так и не сдал в Архив Археологической комиссии (например, по могильнику Залахтовье, где «не смог разобраться между захоронениями по обряду кремации и ингумации, перемешав комплексы»). Для сверхпедантичного человека это очевидный изъян в его научном творчестве. «Учеников у него, — говорил П. Н. Третьяков, — даже, пожалуй, и не было». Своей школы он также не создал, так как сам вел мало полевых исследований. «Когда я пришел к А. А. Спицыну, поступив в университет, тот, взяв меня под руку, повел к П. П. Ефименко, сказав: „Вот у него вы и будете учиться“». Ученики археолога, подчеркнул в своем рассказе П. Н. Третьяков, «создаются в поле».

В 1929 г. (или в конце 1928 г.) состоялась последняя лекция А. А. Спицына в университете («прощальная»). Собралось очень много слушателей — студентов и аспирантов. То, о чем говорил А. А. Спицын, «не лезло ни в какие ворота». Исследователь изложил свое кредо — «природа и человек». Вся древняя история оценивалась им под углом зрения борьбы человека с природой. Так, все городища в лесной зоне Восточной Европы рассматривались как укрепления, «спасавшие человека от волков». К концу лекции лица слушателей вытянулись. Преобладало чувство жалости к профессору — «все, что он говорит, — почти чушь». Александр Андреевич почувствовал это. Попрощался с аудиторией, собрал книги и печально ушел. Случай был характерен для своего времени. «Все, кто знал этого старика, — заключил П. Н. Третьяков, — должны быть ему очень благодарны».

По поводу высказываний П. Н. Третьякова позволю себе небольшой комментарий. На лекции я не почувствовал особой теплоты со стороны Петра Николаевича к патриарху славяно-русской археологии, скорее некую иронию. Напомню, что сам П. Н. Третьяков разрабатывал в 1930-е гг. теорию о социальном значении городищ. Он же выступил против важнейшей статьи А. А. Спицына о расселении древнерусских племен по археологическим данным. Сейчас ясно, что социологические выкладки молодой советской науки 1930-х гг. были гораздо дальше от истины, чем казавшаяся тогда примитивной природно-географическая обусловленность целого ряда черт отечественной истории. Действительно затерянные в глухих лесах маленькие городки I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. явились не столько проявлением социальной дифференциации общества, сколько служили в долгие зимние месяцы для защиты скота, запасов и небольших человеческих коллективов, прежде всего от дикого зверья. А. А. Спицын был прав. Его суждения о расселении древнерусских племен по археологическим данным легли в основу концептуальных построений многих ведущих советских славистов XX в. — А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, В. В. Седова и не потеряли своего значения и в наши дни.

Несколько раньше, чем выступление П. Н. Третьякова, а именно 27 декабря 1971 г., первое заседание «комсомольского» лектория открыл П. И. Борисковский. Он вспоминал Василия Алексеевича Городцова. Опять же опушу общеизвестные моменты жизни и научной деятельности ученого (Антология... 1995: 154–155), о которых нам рассказывал Павел Иосифович, а выберу из своих записей более личные оценки.

Павел Иосифович отмечал, что В. А. Городцов был человеком «живым, активным, темпераментным, и, главное, он создал научную школу». Старшее поколение его еще дореволюционных учеников — В. В. Гольмстен, Д. Н. Эдинг, П. С. Рыков. В 1920-е гг. его учениками были А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, С. В. Киселев, П. А. Дмитриев, а к младшему поколению относятся Е. И. Крупнов, Д. А. Крайнов, Б. А. Рыбаков, Н. Н. Гурина. П. И. Борисковский подчеркивал, что научная школа может сложиться не у каждого крупного исследователя: так, Александр Андреевич Спицын был «очень благожелательным, добрым, по-отечески относился к молодым исследователям, но школы не создал». Кроме школы В. А. Городцова в Москве существовала и другая школа «первобытников» — школа Б. А. Жукова. Его учениками были А. В. Збруева, М. В. Воеводский, Е. И. Горюнова, О. Н. Бадер. В шутку эту команду называли «жучками». К сожалению, даже при наличии «школы» искренних помощников у В. А. Городцова практически не было. Павел Иосифович смог назвать лишь двух человек, которые «служили В. А. Городцову бескорыстно». Это Д. А. Крайнов при раскопках Тимоновки и Д. Н. Лев при раскопках Ильской стоянки и Елизаветинского городища.

П. Н. Третьяков вспоминал, что В. А. Городцов «копал зверски», но П. И. Борисковский дал несколько иную оценку полевой деятельности исследователя. Он подчеркивал, что надо обязательно принимать во внимание общий фон развития полевой археологии, на котором разворачивалась деятельность В. А. Городцова. В целом, методический уровень раскопок был очень низок. Поляков, первооткрыватель Костенок I, вспахал стоянку сохой, Самоквасов, раскапывая древнерусское городище, «вызвал население целой деревни и в два дня разнес весь памятник». В. А. Городцов впервые в русской археологии ввел послойное изучение поселений, впервые стал обращать внимание на костный материал и геологические данные. Задолго до С. А. Семенова В. А. Городцов вел экспериментальные работы. Его сотрудники изготавливали орудия, следуя древним образцам. В 1930 г. доклад В. А. Городцова в Ленинграде на Секции дорожников общества произвел на всех «впечатление очень значительное». Это было сообщение о палеолитических жилищах. Диапазон занятий исследователя был «очень велик» — от палеолита до славяно-русских древностей.

Однако в литературе образ В. А. Городцова часто иконописный. Он был исключительно работоспособным человеком. В 1941 г. состоялась конференция в Воронеже. В. А. Городцову уже был 81 год. П. И. Борисковский хорошо помнит, что Василий Алексеевич участвовал во всех мероприятиях, ездил в поле, «езде лазил». Из Воронежа отправлялись на осмотр стоянок на катере, не спали ночами, но В. А. Городцов не отставал. На материальную сторону он не обращал внимания. Ученый был личностью «рьяной и темпераментной». Он имел массу друзей, но и массу врагов. Очень бурной была его реакция на труд В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры» 1930 г., в которой был «предпринят разгром В. А. Городцова». Последний подал на автора работы в суд «за клевету». Его уговорили взять заявление обратно. Позже В. А. Городцов любил повторять, что «только потому, что он отозвал свое заявление, В. И. Равдоникаса не посадили года на полтора».

Научные споры Василия Алексеевича иногда перерастали «в личную вражду». Он долго противился выдаче открытого листа П. П. Ефименко, пока тот не сдаст самые интересные находки (палеолитическую статуэтку) именно в ГИМ, с которым В. А. Городцов долгие годы был тесно связан. «Я ученик П. П. Ефименко

Рис. 1. 1972 г., заседание «комсомольского» лектория ЛОИА АН СССР. Слева направо сидят: в первом ряду — П. Г. Павлов, Ю. А. Виноградов; во втором ряду — Л. И. Рева, М. В. Аникович, А. Д. Резепкин, Е. Н. Носов

и С. Н. Замятина, — отмечал Павел Иосифович, — они к В. А. Городцову относились отрицательно, ну и я вслед за ними многое воспринимал через эту призму». В 1928 г. А. А. Миллер копал Кобяково городище. В раскопках принимали участие П. И. Борисковский, М. И. Артамонов, Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен и др. А. А. Миллер разрешил аспиранту А. А. Иессену поехать в Новочеркасский музей поработать. Так случилась, что в музее в это время был В. А. Городцов, который выгнал А. А. Иессена как ученика А. А. Миллера. Последний на это очень обиделся. В 1934 г. вышла книга А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого. Они раскритиковали ряд выводов В. А. Городцова. Василий Алексеевич их встретил в музее и сразу вступил в резкий спор.

Павел Иосифович Борисковский был мудрым и осторожным человеком, что диктовала сама жизнь в советский период. В 1971 г. перед нами выступил с воспоминаниями один из крупнейших отечественных исследователей палеолита. В них в отношении В. А. Городцова чувствовались итог зрелых размышлений о творчестве этого выдающегося отечественного археолога и взвешенная и критическая оценка его личности как человека со своей манерой поведения в науке и жизни. В марте 1942 г. после ранения П. И. Борисковский на месяц оказался в Москве. Ему хотелось «попасть на кого-то из знакомых археологов», кто остался в городе. Он пытался созвониться. Таких исследователей оказалось только двое — Татьяна Сергеевна Пассек и Василий Алексеевич Городцов.

Любопытными оказались воспоминания М. А. Тихановой о поездке в 1934 г. на дачу к Максиму Горькому в связи с пришедшей высшим эшелонам власти идеей написать «Историю женщины». К ней были причастны И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. В состав группы входили Б. Л. Богаевский, А. Г. Пригожин и М. А. Тиханова. Их везли в усадьбу Горки. У Марии Александровны сложилось впечатление, что

их «везут в логово Кашея Бессмертного». Окна в автомобиле были зашторены, они ничего не видели. Перед шофером в переднем стекле была лишь дыра или щель, через которую тот мог наблюдать дорогу. Проехали трое ворот с охраной. Встретили Алексея Максимовича. За большим столом за обедом собрались какие-то типы приживалок, которые находились в усадьбе. Максим Горький был довольно печален. Я в точности зафиксировал его фразу в передаче М. А. Тихановой: «Я здесь живу, как в золотой клетке, я даже мальчишек деревенских увидеть не могу». В чем был смысл разговора об «Истории женщины», я не записал, а в отношении быта усадьбы Мария Александровна говорила очень коротко и осторожно. Она и 1972 г. очень боялась давно покойного И. В. Сталина и ему подобных.

К сожалению, записей о выступлениях Ю. А. Заднепровского, Б. Б. Пиотровского и М. П. Грязнова у меня не сохранилось. Помню лишь, что милейший человек Михаил Петрович Грязнов, кончая свои воспоминания о жизни и научных заслугах С. А. Теплоухова и рассказывая о том, что тот повесился в камере, внезапно остановился, помолчал и заплакал. На меня это произвело сильнейшее эмоциональное впечатление.

Корю себя, что по молодости лет не хватило ума подробно записывать воспоминания старших коллег. Тем не менее «комсомольский» лекторий явился любопытным явлением в жизни ЛОИА 1970-х гг. и характерным кирпичиком в стенах его истории.

Антология... 1995 — Антология советской археологии. М., 1995. Т. 1. 1917–1933.
История и практика... 2008 — История и практика археологических исследований: Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына. СПб., 2008.

ARCHAEOLOGICAL «KOM SOMOL» LYCEUM (FROM THE HISTORY OF THE LENINGRAD BRANCH OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY)

E. N. Nosov

It was in 1971–1972 that the so called «Komsomol» lyceum worked in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LBIA). The ideological name of the entertainment disguised its real sense, which consisted in the fact that the leading staff members told their young colleagues about their teachers, outstanding Russian and Soviet scholars. P. N. Tretyakov told about A. A. Spitsyn, P. I. Boriskovsky about V. A. Gorodtsov, M. P. Gryaznov about S. A. Teploukhov, B. B. Piotrovsky about A. A. Miller, Yu. A. Zadneprovsky about A. N. Bernshtam. M. A. Tikhanova told how a group of archaeologists visited M. Gorky in his country house. The author uses his personal notes to reproduce the impressions the lecturers had of the classics of Russian archaeology, first of all of A. A. Spitsyn and V. A. Gorodtsov. The «Komsomol lyceum» was an interesting phenomenon in the life of LBIA of the 1970 es, and a specific (характерным) brick in the wall of its history.

СТАТЬИ

МЕГАФАУНА И МИКРОПЛАСТИНКИ (МИКРОПЛАСТИНЧАТЫЕ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫМИРАНИЯ МАМОНТОВ)

В. В. ПИТУЛЬКО

Массовое распространение в сартанском криохроне технологий расщепления, составляющих, по А. П. Деревянко (2005), сибирскую микропластинчатую традицию, является одной из наиболее заметных черт позднего палеолита Сибири. Взаимосвязь этих явлений, т. е. адаптивный характер наблюдаемой культурной трансформации, отмечалась неоднократно (Goebel 2002; Кимура 2003 и др.). В отношении Северо-Востока Азии рассматривается также миграционная модель, в основе которой лежат представления о миграции как культурном ответе на резкие негативные изменения природных условий в областях, лежащих далеко к югу, вызванные общим усилением континентальности климата в сартанское время, прежде всего усилением аридизации в глубоких континентальных районах Северной Азии (Питулько 2006).

В сартанское время эти климатические события проявились в Сибири необыкновенно резко и на больших территориях в связи с тем, что их действие было усилено увеличением площади суши региона за счет глубокой регрессии Полярного бассейна. По разным оценкам, падение уровня океана составило от –180 до –100 м относительно современного. Для Северо-Востока Азии в минимальном варианте это означает смещение береговой линии на ~1000 км к северу от ее современного положения.

Эти события вызвали соответствующую перестройку ландшафтов, изменение их биологической продуктивности и пространственное перераспределение видов животных, в том числе представителей мегафауны. Возникли невероятно широкие пояса с перигляциально-тундровым и, южнее, перигляциально-степным типами растительности, реконструируемыми на основе спорово-пыльцевых данных (Величко 2002). Климатическое моделирование, выполненное для территории Сибири на основе данных об атмосферной циркуляции на хроносрез 21 тыс. л. н., характеризует условия Восточной Сибири как пустынные (Felzer 2001). Очевидно, что это были суровые условия, идентичные на огромных расстояниях как по широте, так и по меридиану.

Перечисленные факторы были существенны для населения Северо-Восточной Азии. Появление на территориях Северо-Востока Азии технологий торцово-клиновидного расщепления, ориентированного на производство микропластинок, может быть связано с миграционными процессами как напрямую, так и опосредованно, через изменение природных обстановок. В этой связи нельзя

не вспомнить, что выровненность природных условий арктической зоны Евразии (характерная в особенности для ее сибирской области) накладывает определенный отпечаток на культуру арктических народов, которая, как известно, является очень сходной на большом протяжении материка. Это сходство привело в свое время Г. Йессинга (Jessing 1944) к концепции «циркумполярной культуры». Хотя и отвергнутая вследствие увлеченности автора поиском корней ее единого этнического субстрата (Симченко 1975), она тем не менее содержит много правильных и оригинальных наблюдений, главное из которых состоит в признании роли внешних условий как управляющего фактора, вызывающего культурный ответ, фактически предопределенный ограниченным набором возможностей.

Данные, которые могли бы иллюстрировать настоящий тезис в отношении позднего палеолита Сибири, немногочисленны, однако допускают некоторые предположения. Так, например, в отношении мамонта очевидно генеральное смещение границы его ареала в северном направлении, завершившееся разрывом сплошного ареала с формированием на рубеже голоцена изолированных рефугиумных популяций в северной области п-ова Таймыр (Сулержицкий 1995), на Новосибирских о-вах (Nikolskiy et al. 2010) и, очевидно, в западной области Чукотки. На основе последней группы впоследствии формируется врангельская популяция середины голоцена (Vartanyan et al. 1993). В наиболее последовательном виде гипотеза о причинах и закономерностях динамики ареалов мамонта изложена в работах А. В. Шера (1997а; 1997б).

Вне зависимости от того, охотился ли человек на мамонта, это животное играло существенную роль в жизни людей верхнего палеолита, причем не столько как источник пищевых ресурсов, сколько как источник сырья для производства разнообразных изделий, в первую очередь — предметов охотничьего вооружения. Основным методом пополнения запасов такого сырья был, безусловно, его сбор. В каких-то случаях этот поделочный материал мог являться предметом обмена. Такая возможность обсуждается для верхнепалеолитических памятников Алтая (Анойкин и др. 2007).

Археологические свидетельства использования костей и в особенности бивней мамонтов тысячи лет спустя после «эпохи вымирания» на Северо-Востоке Азии широко известны и документируются находками из раннеголоценовой Жоховской стоянки (Питулько 1998; Sher et al. 2005), позднеолитической стоянки Бурулгино (Федосеева 1980) и др. Этот сырьевой ресурс не утратил своего значения и поныне (Смирнов 2003).

Тотальное распространение изделий из кости и бивня в памятниках верхнего палеолита Евразии привело М. В. Аниковича (1992) к мысли о том, что в археологическом смысле это время стоило бы назвать «эпохой кости». Материалы практически любого памятника, тафономические условия которого допускают сохранность предметов, изготовленных из относительно недолговечных материалов (бивень, кость, рог), безотносительно к его географическому положению (Западная Европа, Русская равнина, юг Средней Сибири, арктическая область Северо-Востока Азии) подтверждают эту простую мысль. Находя данное заключение абсолютно справедливым, хотелось бы подчеркнуть, что в первую очередь такие изделия могут быть отнесены к категориям инвентаря, связанным с промысловой деятельностью.

В инвентаре памятников часто отсутствуют или немногочисленны предметы из камня, которые могли бы быть соотнесены с орудиями промысла в функциональном смысле, либо о функции таких предметов можно спорить. В тех случаях, когда выборка достаточно велика, легко убедиться в том, что такие орудия, изготовленные соответственно из кости и камня, в количественном отношении представлены значениями одного порядка. Так, например, их статистика по памятникам верхнего палеолита Франции (Peterkin 1993: table 4.1) показывает, что и те и другие представлены сопоставимым числом находок. Изделия из камня дополнительно представлены такой же по объему коллекцией поврежденных или незавершенных орудий, что вполне естественно: при существенно большей долговечности по сравнению с изделиями из бивня, кости и рога изделия из камня в то же время гораздо более подвержены различного рода повреждениям. Показателен в этом смысле эксперимент, осуществленный Дж. Чешир и Р. Келли (Cheshire, Kelly 2006) с целью установить зависимость между отношением толщины металлического наконечника к его длине и устойчивостью к излому. В этом эксперименте серия из 50 предметов выдержала в общей сложности 114 бросков, при этом практически половина остриев была утрачена при первом бросании, тогда как костяной форешафт удалось уничтожить только один.

Можно предполагать, что предпочтение в использовании органических материалов, прежде всего бивня, позволяло найти необходимый баланс между боевыми свойствами наконечников, их размерами, формой и проникающей способностью. Прямых археологических свидетельств применения какого-либо охотничьего оружия известно очень немного. Вместе с тем они довольно разнообразны и включают в себя как примеры применения каменных остриев, известные по находкам из стоянок Костенки I (Праслов 1995) и Линденмайер (Roberts 1936), так и роговых, а также вкладышевых орудий, по материалам соответственно из Кокорево I (Абрамова 1989) и Луговского (Зенин и др. 2006). Идентификация следов охотничьей деятельности по ранам на костях (хотя в качестве таковых могут быть интерпретированы и постмортальные повреждения) для памятников палеолита и мезолита Евразии (Letourneux, Petillon 2008) добавляет к этому списку несколько десятков случаев, при этом Летурне и Петильон сосредотачивают свое внимание прежде всего на повреждениях, нанесенных костяными охотничьими орудиями.

Видимо, в этом направлении должен быть сосредоточен дальнейший поиск таких свидетельств. На стоянках ранней поры верхнего палеолита какой-либо каменный инвентарь, который может быть интерпретирован в качестве охотничьего, в ряде случаев полностью отсутствует, тогда как костяные орудия разнообразны. Так, например, на Янской стоянке изделия из бивня и кости, которые не могут быть ничем иным, кроме как предметами охотничьего вооружения, весьма многочисленны (Питулько 2010).

Можно напомнить также, что вблизи Берележского костища Н. К. Верещагиным был найден стержень (фрагмент копья) из бивня длиной около метра (Верещагин 1977), а в Сунгире были открыты полноразмерные копья из бивня, определенные в качестве ритуальных изделий (Бадер 1998), фактически же являющиеся рядовыми предметами охотничьего вооружения, созданными в условиях дефицита дерева (Питулько 2009). Иначе говоря, наличие бивня мамонта позволяло в массовом порядке изготавливать предметы охотничьего

вооружения, отличающиеся высокими боевыми свойствами (в том числе прочностью), превосходящими изделия из кости и рога. Кроме того, исходные «отдельности» сырья позволяли создавать предметы («наконечники», «острия» или целые копья) практически любого потребного размера. Закономерно предположить, что утрата источника такого материала не могла не вызвать определенных изменений в материальной культуре населения, столкнувшегося с необходимостью его эффективной замены.

Таким образом, изменения, наблюдаемые в материальной культуре в сартанском криохроне юга Сибири и Северо-Востока Азии, выразившиеся на технологическом уровне в формировании и распространении микропластинчатых индустрий, основанных на торцово-клиновидном расщеплении, допустимо рассматривать как адаптацию к новым условиям. Главным фактором оказывается не появление нового элемента окружающей обстановки, а выпадение из нее хорошо известного и нужного, т. е. процесс сокращения ареалов мамонтов и плотности популяций, завершающийся их «вымиранием».

Адаптивный характер изменений материальной культуры древнего населения для различных исторических эпох несомненен. Так, для эскимосских памятников Чукотки С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым (Arutyunov, Sergeev 1972) установлена зависимость форм гарпунных наконечников от условий ледовитости района охоты. Анализ распространения тех или иных типов охотничьего инвентаря для солютрейских стоянок Западной Европы в связи с картографированием древних экологических ниш (Banks et al. 2007) показывает наличие позитивной связи между типом орудий и палеоприродными характеристиками реконструированных ниш, такими как норма осадков и температура. Последние существенны для видового разнообразия. Выявляя такие связи, Бэнкс с соавторами (Banks et al. 2009) в то же время подчеркивают, что далеко не каждое изменение в материальной культуре может иметь такое объяснение, в чем с ними следует полностью согласиться.

На возможный адаптивный характер изменений технологий расщепления в Сибири неоднократно обращали внимание. Так, Т. Гейбл прямо назвал распространение микропластинчатых технологий «микропластинчатой адаптацией» к условиям сартанского криохрона и связал ее появление с распространением охоты на северного оленя как на основной промысловый вид (Goebel 2002). Х. Кимура, размышляя о причинах смены (или существенных модификаций) сибирских технологий расщепления за всю историю их существования, приходит к мысли о возможной связи этих изменений с климатическими событиями неоплейстоцена (Кимура 2003). Разнообразие природных обстановок в теплые периоды, в частности в каргинское время, названо в качестве возможной причины культурного разнообразия памятников раннего верхнего палеолита Средней и Восточной Сибири (Питулько 2006). Как представляется, выявленные У. Бэнксом с соавторами позитивные связи между формами предметов солютрейского охотничьего вооружения и спецификой экологических ниш свидетельствуют в пользу дальнейшего поиска таких закономерностей, в том числе в области смены технологий расщепления.

Совершенно очевидно, что целью массового производства чего-либо может быть только намерение использовать производимое. Единственная

цель, которую может преследовать массовое производство микропластинок на основе торцово-клиновидных и / или микропризматических технологий, состоит в использовании продукта в качестве вкладышей для пазовых орудий. Возникнув в финальном плейстоцене, такие орудия существуют вплоть до позднего голоцена и «умирают» в Северной Евразии одновременно с микропластинчатыми технологиями примерно 3 тыс. л. н. вследствие распространения изделий из металла, появление которых на многих территориях долгое время остается археологически невидимым.

Известно, что после 18 тыс. л. н. микропластинчатые индустрии распространены в Сибири практически повсеместно. Находки оправ пазовых орудий известны уже в памятниках, датируемых 15–14 тыс. л. н. Это находки из Афонтовских стоянок (Астахов 1999), памятников Черноозерье II (Петрин 1986), Березовый Ручей I (Вишняцкий 1987), Бирюса (Хлобыстин 1972), Лиственка (Акимова 2005). Они распространены в енисейских стоянках афонтовской и кокоревской культур (Абрамова 1989), отмечены в памятниках Забайкалья (Константинов 1994). В сочетании с повсеместно встречающимися в это время в Сибири микропластинчатыми индустриями это, очевидно, указывает на распространенность такого типа вооружения.

На Северо-Востоке Азии древнейшие находки этих предметов происходят из пещеры Хайыргас на Средней Лене (Степанов и др. 2003). Кровля отложений ее горизонта 6, содержащего оправы вкладышевых орудий, датирована 16000 ± 200 л. н. (ИМ-887). Представлены подобные изделия и в более молодых культурных слоях стоянки Большой Якорь I (Инешин, Тетенькин 2006).

Обоснованность предположения о связи микропластинчатой технологии, первоначально в варианте торцово-клиновидного расщепления, с необходимостью оснащения «орудий с пазом» вкладышами сомнений не вызывает. Такое вооружение явилось эффективной, хотя и вынужденной, заменой массивным стержневидным остриям из бивня, обладавшим важными боевыми свойствами — высокой проникающей способностью и прочностью, о чем говорилось выше. Логика замены довольно простая: если нельзя нанести глубокую убойную рану, будем наносить не столь глубокую, но широкую, обильно кровоточащую, все равно несовместимую с жизнью. В отсутствие необходимого материала в виде бивней и длинных костей мамонтов невозможно изготовить прочный заостренный стержень длиной хотя бы 30 см или более. Похожий по свойствам материал (кость или рог) гораздо менее прочен, но самое главное — имеет ограничения по линейному размеру и массивности. Его оснащение боковыми вкладышами способно отчасти компенсировать недостатки, а также получить некоторые новые качества, которые можно рассматривать как преимущества. Подобные орудия появились бы, скорее всего, в любом случае, однако «сырьевой стресс», связанный с изменениями природно-климатических условий, ускорил этот процесс.

В ходе изучения проблемы вымирания мамонтов по материалам арктической области Сибири П. А. Никольским с соавторами (Nikolskiy et al. 2010) были рассмотрены массивы ^{14}C датировок по костям мамонтов с Новосибирских островов, севера Яно-Индибирской низменности и с полуострова Таймыр. Был произведен сравнительный анализ распределений частот ^{14}C дат

во времени с предположением, что колебания частот ^{14}C дат при определенных условиях могут отражать взаимосвязь флуктуаций численности мамонтов с изменениями палеоэкологических обстановок, определявшихся глобальными изменениями климата.

Сравнением на одной шкале радиоуглеродного времени кривой колебаний численности мамонтов и кривой колебаний климатических параметров установлено большое сходство как общего тренда, так и большинства локальных пиков. В частности, проявление связи изменений относительной численности мамонтов с изменениями палеоэкологических обстановок, определявшихся глобальными изменениями климата, выражается в росте численности популяции в максимум сартанского оледенения с последующим стремительным ее сокращением к ~18–17 тыс. л. н. и возобновлением роста после ~15 тыс. л. н.

К сожалению, этот набор данных объемлет лишь сравнительно небольшую часть Сибири, ее арктическую область. Данные по районам южнее Полярного круга фрагментарны, что не позволяет уверенно оценить меридиональные тренды относительной численности мамонтов, несомненно, имевшие место в позднем неоплейстоцене как часть комплекса явлений изменчивости широтной зональности. Объем данных по арктической Сибири в разы превосходит южно-сибирские выборки, а пространственный разрыв между северными и южными комплексами дат заполняют единичные точки. Карта фактического материала по радиоуглеродным датировкам мамонтов Сибири наглядно подтверждает этот вывод (Орлова и др. 2004).

Подробное обсуждение фаунистических материалов стоянок заключительной стадии верхнего палеолита Сибири в задачи настоящей работы не входит, и мы коснемся их лишь в том объеме, который необходим для иллюстрации выдвинутого тезиса о возможном «сырьевом стрессе», связанном с локальным изменением ареала популяции мамонтов в позднесартанское время. Хорошо известно, что, например, на памятниках верхнего палеолита Забайкалья останки мамонтов встречаются единично и представлены чаще всего бивнями (Клементьев 2005). Насколько можно судить по публикациям (Окладников, Кириллов 1980; Константинов 1994), в среднем и позднем сартане останки мамонтов представлены единичными находками, возраст которых впрямую не определен. Видимо, для забайкальских памятников сартанского времени будет верным принять отсутствие мамонта как представителя фауны, современного человеческой деятельности на этих стоянках.

Фаунистические материалы сартанского времени из бассейна Енисея тоже весьма интересны. Здесь изучено несколько групп археологических памятников и большое число отдельных стоянок, характеризующих культуру позднего палеолита как Среднего, так и Верхнего Енисея (Васильев 1996). Изучение фаунистических остатков из стоянок Майнинской группы (Васильев и др. 2001) говорит об отсутствии там мамонта по крайней мере после 19 тыс. л. н., а возможно, и ранее, начиная от ~22–23 тыс. л. н., т. е. практически все сартанское время.

На Среднем Енисее ситуация несколько иная. Здесь имеется большое количество хорошо изученных памятников. Результаты работ обобщены З. А. Абрамовой (1989) и Н. Ф. Лисицыным (2000). Особую группу составляют Афонтовские стоянки, сведения о которых систематизированы С. Н. Астаховым (1999). Для

подавляющего большинства этих памятников (а это стоянки преимущественно сартанского времени) как характерная черта отмечено отсутствие мамонтов в фаунистических остатках их культурных слоев.

Постоянно присутствуют они лишь в памятниках так называемой ранней группы, выделенной Н. Ф. Лисицыным (2000), — Афанасьевой Горе, Шленке, Ачинской стоянке и других, характеризующихся мелкопластинчатой индустрией. Для них особо подчеркнуто отсутствие торцово-клиновидного расщепления (Лисицын 2000: 90–91), а в качестве объединяющих черт указаны пластинки с притупленным краем, атипичные острия, мелкие зубчато-выемчатые орудия, мелкие скребки высокой формы. Этот специфичный набор говорит, на наш взгляд, не столько о культурном, сколько о функциональном сходстве стоянок, пробуждая в памяти ассоциации с микроиндустрией Янской стоянки (Питулько 2010). Можно предполагать, что своеобразные инвентари перечисленных енисейских стоянок связаны с обработкой бивня / кости, собранного или извлеченного из природных массовых скоплений костных останков мамонтов («кладбищ» мамонтов).

Подобную связь можно усмотреть и в инвентарях из культурных горизонтов Шестаковского местонахождения в Западной Сибири (Деревянко и др. 2003), где имеются серийные формы микроострий, во многом похожих на аналогичные изделия из более ранней Янской стоянки. В Янской стоянке такие микроострия и серии микроорудий различного функционального назначения достоверно связаны с процедурами обработки бивня. Данная черта планиграфии Янской стоянки составляет одну из наиболее характерных особенностей ее культурного слоя (Питулько 2010).

Все эти факты лишний раз подтверждают наличие связи между массовыми скоплениями останков мамонтов («кладбищами») и следами деятельности человека («стоянками»). Много лет назад о наличии такой связи писал Н. К. Верещагин (1977), анализируя материалы Берелехского костяка в Якутии. В последнее время этой проблемы не раз касались М. В. Аникович и Н. К. Анисюткин (2001–2002), П. Ю. Павлов (2008) и А. А. Чубур (1998). При этом П. Ю. Павлов как характерный тип памятников верхнего палеолита Северной Евразии выделяет «стоянки на кладбищах», а А. А. Чубур причисляет к объектам такого рода практически любой памятник, культурные отложения которого содержат кости мамонтов. Это, разумеется, крайность, но связь между массовыми скоплениями костных останков мамонтов и свидетельствами человеческой деятельности несомненна, в отдельных случаях это действительно то, что принято именовать «стоянкой».

Не входя глубоко в детали, отметим, что концентрации костных остатков могут иметь различную природу — чаще всего аллювиальную, как в Берелехе (Верещагин 1977), Севске (Maschenko et al. 2005) и Гарях (Петрин 1986; Сериков 2000), или солончаковую, как в Шестаково (Деревянко и др. 2003), Волчьей Гриве (Зенин 2002) и Луговском (Лещинский 2006). Следы человеческой деятельности на каждом из таких объектов представлены в различном объеме, от практически нулевого на Аччагый-Аллаиховском костяке (Nikolskiy et al. 2009) до хорошо выраженного специфическим комплексом инвентаря в Шестаково (Деревянко и др. 2003) или в Шленке (Лисицын 2000). Чаще всего эти следы маловыразительны (Берелех, Волчья Грива, Луговское). Таким образом, эксплуатация человеком костяка не обязательно оставляет заметные следы.

Севское местонахождение на Русской равнине при обсуждении всего многообразия вопросов, связанных с взаимодействием «человек — мамонт», всегда рассматривается как своего рода контрольная выборка, поскольку оно определенно сформировано естественными причинами, вызвавшими одномоментную гибель семейной группы мамонтов (Maschenko et al. 2005). Его возраст близок времени возникновения Берелехского (Питулько и др. 2009) и Аччагый-Аллаиховского кладбищ в Якутии (Nikolskiy et al. 2009) и определен в интервале 13680 ± 60 (ГИН-6209) — 13950 ± 70 л. н. (ГИН-5778). Отмечается, что следов человеческой деятельности в виде структур, очагов, разбитых костей и т. д. не выявлено. Тем не менее упоминается 16 артефактов — отщепов и осколков кремня, найденных в костеносной линзе ниже основного уровня залегания костей. Скелетные элементы часто встречены в анатомической связи (в большинстве это скелетные залегания), следы существенного переотложения отсутствуют. Доля сохранившихся костей для взрослых скелетов достигает 50–60 %, лишь для бивней, как подчеркнуто Е. Н. Машенко, она заметно ниже и составляет 35 % от ожидаемого (Машенко 2009).

Сравнение количественных показателей по различным скелетным элементам наводит на определенные мысли. Так, согласно данным, приведенным Е. Н. Машенко (Maschenko et al. 2005: table 1), количество найденных бивней ($n = 40$) близко к показателю для Берелеха ($n = 44$). В то же время в берелехской серии количество длинных костей в разы превосходит аналогичные показатели для Севска (по плечевым костям соответственно 184 и 53, а по бедренным — 179 и 52). Соотношение животных в сериях реконструируется как 33 особи для Севска и 156 для Берелехского «кладбища» (Верещагин 1977), причем для Берелеха оно, вероятно, занижено. Бивни на Берелехе достоверно являлись объектом сбора на протяжении тысяч лет, что и показывает их количество по отношению к прочим костям скелета, а также специфические повреждения черепов. Отсутствие значительной части бивней в севской коллекции, полученной в основном из скелетных залеганий, является, на наш взгляд, очевидным проявлением человеческой деятельности.

Резонно предположить, что и в Севске недостающие 65 % бивней были унесены людьми после завершения процесса естественной мацерации скелетов погибших животных, и это действие не оставило практически никаких следов, за исключением, возможно, повреждений лицевой части черепов, отмечаемых Е. Н. Машенко с соавторами (Maschenko et al. 2005), и единичных осколков камня. Видимо, и Севское костыще было затронуто собирательской деятельностью человека так же, как и прочие. Целью ее был, прежде всего, бивень как важнейшее сырье для производства необходимых изделий, и это справедливо и для Якутии, и для Русской равнины, и для долины Енисея.

Сведения о том, в каком объеме представлены остатки мамонтов в каждом из перечисленных выше енисейских памятников, недоступны, а ^{14}C датировки имеются для одной только Шленки (Лисицын 2000: 37). Весьма показательно, что даты по бивню и длинным костям мамонта, соответственно 20100 ± 100 л. н. (ГИН-2863) и 19700 ± 200 л. н. (ГИН-2861), закономерным образом «отскакивают» на ~2000 лет от значений, полученных по костям бизона — 17660 ± 700 л. н. (ГИН-2862a) и лошади — 18600 ± 200 л. н. (ГИН-2862). Данная серия

прямо указывает на использование остатков мамонта, не синхронных деятельности человека, происходящих из естественного скопления («кладбища»). Его наличие несколько в стороне от стоянки указано Н. Ф. Лисицыным (2000: 38).

Даты из стоянки Лиственка на Среднем Енисее (в том числе по костным останкам мамонтов) весьма разнообразны и не дают прямого ответа на вопрос об одновременности обитания человека и мамонта. Среди довольно большой серии (13 дат) отмечены инверсии. Исследователи памятника считают, что имеются две группировки дат, соответственно 17–16,5 тыс. л. н. и 14,7–13 тыс. л. н. (Лаухин 2005). В целом, налицо активное хозяйственное использование останков мамонта, прежде всего бивней, документированное для ряда уровней изделиями из них и отходами обработки.

В средней части бассейна Енисея на р. Ангара, в нижнем течении ее притока р. Белой располагается всемирно известный памятник верхнего палеолита Сибири стоянка Мальта, знаменитая в числе прочего большим количеством разнообразных изделий из бивня мамонта. Помимо изделий из бивня представлены и костные останки мамонтов. В результате массового датирования образцов из сборов В. И. Громова, хранящихся в ГИН РАН, и новых работ на памятнике накопилась объемная серия датировок, интересная тем, что большинство их получено по коллагену костей животных (Медведев и др. 1996; Сулержицкий 2004) и человека (Richards et al. 2001).

Рассматривая коллекцию дат мегафауны из Мальты, Л. Д. Сулержицкий (2004) заключает, что время накопления этих остатков охватывает интервал от 21600 до 20700 л. н. К этому же интервалу относятся даты по бизону и лошади (соответственно 20900 и 20700 л. н.). Расхождение между имеющимися датировками по фауне и антропологическим остаткам (их возраст ~19900 л. н.) составляет от одной до двух тысяч лет.

В фауне Мальты особенно многочисленны кости северного оленя, шерстистого носорога, песца, мамонта (перечислены в порядке убывания); все прочие, включая лошадей и быков, единичны (Ермолова 1978). Эта краткая справка позволяет усомниться в том, что кости мамонтов из Мальты (а равно и единичные кости лошадей и бизонов) действительно связаны с деятельностью человека. Вопрос, в принципе, могло бы решить датирование носорогов и оленей. Наблюдаемое разнообразие датировок свидетельствует скорее об эксплуатации «кладбища» мамонтов человеком.

Датировки из двух других объектов Ангарской долины, стоянок Красный Яр и Буреть, вопрос не проясняют. Для Бурети описана фауна, подобная мальтинской, т. е. включающая мамонта, носорога, бизона, северного оленя (Там же). Единственная датировка 21190 ± 100 л. н. (СОАН-1680) получена по сборной кости и ожидаемо свидетельствует о ее синхронности Мальте. Возраст слоя 6 стоянки Красный Яр составил 19100 ± 100 л. н. (ГИН-5330) (Синицын, Праслов 1997). Останков мамонта ни в слое 6, ни в вышележащих горизонтах не отмечено (Абрамова 1989).

Приведенные сведения, как представляется, говорят о том, что после ~18 тыс. л. н. в средней части бассейна Енисея мамонтов уже не было, их ареал сместился на север, что является характерной чертой пространственной динамики для области распространения вида. Однако и в рефугиумах условия были

мало благоприятными. Как было отмечено выше, для периода после 20 тыс. л. н. для арктической Сибири документировано стремительное сокращение популяции мамонтов, в интервале 18–15 тыс. л. н. переживавшей серьезный экологический стресс (Nikolskiy et al. 2010). После 15 тыс. л. н. их количество снова начинает довольно быстро расти, и, очевидно, именно этот факт фиксируют находки бивней и различных костей посткраниального скелета из Кокорево II и из Афонтовских стоянок (Афонтова Гора I–III). Вероятнее всего, этот эпизод был кратковременным, а крайняя популяция — малочисленной, ибо только в этих двух пунктах из многих, в которых представлены кости зверей, добытых человеком, имеются останки мамонтов.

Датировки из Афонтовских стоянок укладываются в интервал 14–11 тыс. л. н. (Сулержицкий 2004; Дроздов, Артемьев 2007). Значительная серия имеется для Афонтовой Горы II. Афонтова Гора III имеет единичное определение. Датировки костных останков мамонтов в этих объектах находятся в пределах 13900–13300 л. н. Возраст находок из Кокорево II наиболее молодой и составляет 13–12 тыс. л. н. (Абрамова 1989). После 12 тыс. л. н. в культурных горизонтах любых стоянок юга Сибири встречаются только изделия из бивня.

Сведения о распространенности мамонтов в сартанское время в южных областях Северо-Востока Азии практически столь же, если не более, фрагментарны. Часть этих материалов была получена из разрезов четвертичных отложений Байкало-Патомского нагорья, преимущественно в бассейне р. Витим. Среди датированных останков мамонтов преобладают каргинские, а имеющиеся сартанские не выходят за пределы 17 тыс. л. н. (Инешин и др. 2005: табл. 1). Сопоставляя полученную картину с данными по другим археологическим объектам Ленской системы (Мочанов 1977; Боесков 2003), Е. М. Инешин с соавторами заключает, что в Байкало-Патомском нагорье мамонты исчезают на 5000 лет ранее, чем на сопредельных территориях.

Немногочисленные датировки костных останков мамонтов из четвертичных отложений рек Ленской системы (Орлова и др. 2004) показывают, что на всей этой территории мамонты обитали около 20 тыс. л. н. На это же указывает и датировка кости мамонта из пещеры Хайыргас на Средней Лене (ближайший к Байкало-Патомскому нагорью пункт, находящийся фактически на его северном фесе) — 21500 ± 775 л. н. (СОАН-4249). Самая молодая датировка, не связанная с археологическими контекстами, известна в долине Лены на 70° с. ш. — 17780 ± 80 л. н. (ГИН-5042).

В верхнепалеолитических контекстах долины Алдана останки мамонта отмечены практически повсеместно и определены для стоянок Усть-Миль II, Ихине I и II, Эжанцы, Верхне-Троицкая и Дюктайской пещеры (Мочанов 1977: табл. Г). Ни в одном из пунктов они не являются преобладающими, их относительно много только в культурных отложениях Дюктайской пещеры, датированных в интервале 14–12 тыс. л. н.

Нижние горизонты Ихине I и Эжанцов датированы соответственно 16600 ± 270 л. н. (ИМ-452) (Кашин 2003: 105) и 17150 ± 345 л. н. (ИМ-459) (Костюкевич и др. 1980: 195). Очевидно, эти датировки можно рассматривать как указание на существование мамонтов в долине Алдана около 17 тыс. л. н. В общих чертах это соответствует картине, наблюдаемой на юге Сибири в целом.

Достоверных свидетельств пребывания этих животных на этой территории по материалам из археологических памятников долины Алдана после 17 тыс. л. н. не имеется. Послойное описание материалов из отложений Дюктайской пещеры (Мочанов 1977) показывает, что останки мамонта во всех горизонтах представлены исключительно фрагментами и обломками бивней этих животных, а также изделиями из бивней, что говорит об использовании сырья, собранного из размывов береговых обнажений. По-видимому, для рек Ленской системы верхний хронологический предел обитания мамонтов составляет примерно 17 тыс. л. н.

Так или иначе, Я. В. Кузьмин (2001) и Л. А. Орлова с соавторами (2004), на основании анализа значительного массива ^{14}C датировок, говорят о том, что время 15–10 тыс. л. н. в Сибири является для мамонтов эпохой вымирания. Нет уверенности в том, что этот вывод справедлив для всей территории Сибири, поскольку в ее арктической области после 15 тыс. л. н. начинается стремительный рост популяции мамонтов (Nikolskiy et al. 2010), однако для континентальных районов юга Сибири это, скорее всего, верно. Практически повсеместно в пределах юга Сибири и на значительной части территории Северо-Востока Азии отсутствуют костные останки мамонтов моложе даже не 15 тыс., а 18–17 тыс. л. н. Примечательно, что в ряде случаев можно говорить об эксплуатации человеком массовых скоплений костных останков мамонта, явно несовременных ему. Таковы стоянки Шленка, Мальта, Дюктайская пещера и, возможно, стоянки на Афонтной Горе в Красноярске.

Как уже говорилось, вместе с этими животными исчезло и сырье для производства охотничьего инвентаря (бивень), использовавшееся до этого тысячелетиями. В условиях «сырьевого стресса» поиск альтернативы привел к культурному ответу, выразившемуся в освоении вкладышевой техники оснащения охотничьего инвентаря, что вызвало закономерное появление микропластинчатых технологий камнеобработки, первоначально в варианте торцово-клиновидного расщепления. Эта технология распространена на юге Сибири и Северо-Востоке Азии практически повсеместно после 18 тыс. л. н. Подобно всякому иному рубежу в совершенствовании технологий обработки камня, микропластинчатое расщепление вряд ли является результатом саморазвития. В истории человечества на ранних ее этапах и в археологически наблюдаемой эволюции культуры такие шаги обычно связаны с проявлением действия какого-то внешнего управляющего фактора. Археология каменного века Сибири в этом смысле не является исключением. На совпадение во времени наиболее существенных изменений в техниках расщепления и крупных природно-климатических рубежей обращали внимание Т. Гейбл (Goebel 2002) и Х. Кимура (2003).

Такие совпадения не говорят о прямой связи между культурными и природными явлениями, но указывают на изменение условий, вызывающих адаптивную реакцию. Не случайно Т. Гейбл (Goebel 2002) определяет это явление как микропластинчатую адаптацию и видит в нем результат трансформации культуры вследствие перехода в максимум сартанского криохрона к охоте на северного оленя. Но не необходимость перехода к промыслу северного оленя, бизона и лошади, а в горной местности разнообразных козлов и баранов в данном случае является причиной «микропластинчатой адаптации». Все эти животные обитали и были добываемы человеком и ранее 18 тыс. л. н., о чем свидетельствуют фаунистические

остатки, определенные из множества стоянок верхнего палеолита юга Сибири. Как представляется, исчезновение мамонта как «поставщика» сырья в данном случае оказалось более важным, чем изменение в пищевых ресурсах, в целом не очень значительное. Археологически зримый культурный ответ известен нам как массовое распространение в Сибири микропластинчатых технологий.

Абрамова 1989 — *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 145–255.

Акимова 2005 — *Акимова Е. В.* Проблемы культуры, хронологии и интерпретации отложений многослойной стоянки Лиственка // Палеолит Енисея. Лиственка. Новосибирск; Красноярск, 2005. С. 134–163.

Аникович 1992 — *Аникович М. В.* К определению понятия археологическая эпоха // СА. 1992. № 1. С. 85–94.

Аникович, Анисюткин 2001–2002 — *Аникович М. В., Анисюткин Н. К.* Охота на мамонтов в палеолите Евразии // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001–2002. С. 479–501.

Анойкин и др. 2007 — *Анойкин А. А., Славинский В. С., Цыбанков А. А., Колобова А. А.* Изделия из бивня мамонта в палеолитических комплексах горного Алтая // Тезисы докладов IV Международной мамонтовой конференции (18–22 июня 2007 г., г. Якутск). Якутск, 2007. С. 100–101.

Астахов 1999 — *Астахов С. Н.* Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб., 1999.

Бадер 1998 — *Бадер О. Н.* Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998. С. 5–158.

Боескоров 2003 — *Боескоров Г. Г.* Состав териофауны Якутии в позднем плейстоцене и голоцене (по археологическим материалам) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск, 2003. С. 27–43.

Васильев 1996 — *Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.

Васильев и др. 2001 — *Васильев С. А., Каспаров А. К., Свеженцев Ю. С.* Фаунистические остатки и реконструкция характера охоты палеолитического человека на Верхнем Енисее: по материалам многослойных стоянок в районе Майнинской ГЭС // АЭАЕ. 2001. № 3. С. 26–30.

Величко 2002 — Величко А. А. (ред.). Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. М., 2002.

Верещагин 1977 — *Верещагин Н. К.* Берелёхское «кладбище» мамонтов // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 5–50.

Вишняцкий 1987 — *Вишняцкий Л. Б.* Костяные изделия с пазами из позднепалеолитической стоянки Березовый Ручей // СА. 1987. № 3. С. 202–203.

Деревянко 2005 — *Деревянко А. П.* К вопросу о формировании пластинчатой индустрии и микроиндустрии на востоке Азии // АЭАЕ. 2005. № 4. С. 2–29.

Деревянко и др. 2003 — *Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лецинский С. В., Мащенко Е. Н.* Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003.

Дроздов, Артемьев 2007 — *Дроздов Н. И., Артемьев Е. В.* Палеолит Афонтовой Горы: последние данные — новые вопросы // АЭАЕ. 2007. № 1. С. 39–45.

Ермолова 1978 — *Ермолова Н. М.* Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978.

Зенин 2002 — *Зенин В. Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // АЭАЕ. 2002. № 4. С. 22–44.

Зенин и др. 2006 — *Зенин В. Н., Лецинский С. В., Золотарев К. В., Грутес П. М., Надо М.-Х.* Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // АЭАЕ. 2006. № 1. С. 41–53.

Инешин и др. 2005 — *Инешин Е. М., Клементьев А. М., Сулержицкий Л. Д., Орлова Л. А.* Фаунистические остатки Байкало-Патомского нагорья в свете радиоуглеродной хронологии // ИЛДТ. 2005. Вып. 3. С. 49–59.

- Инешин, Тетенькин 2006 — *Инешин Е. М., Тетенькин А. В.* Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики // ИЛДТ. 2006. Вып. 4. С. 120–158.
- Кашин 2003 — *Кашин В. А.* Палеолит Северо-Восточной Азии. История и итоги исследований 1940–1980 гг. Новосибирск, 2003.
- Кимура 2003 — *Кимура Х.* Индустрия пластин стоянки Мальта // АЭАЕ. 2003. № 1 (13). С. 11–32.
- Клементьев 2005 — *Клементьев А. М.* Копытные млекопитающие и мамонт в палеолите западного Забайкалья // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск, 2005. С. 126–133.
- Константинов 1994 — *Константинов М. В.* Каменный век Восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994.
- Костюкевич и др. 1980 — *Костюкевич В. В., Иванов И. Е., Нестеренко С. А.* Список радиоуглеродных дат лаборатории геохимии ИМ СО АН СССР. Сообщение V // БКИЧП. 1980. № 50. С. 193–196.
- Кузьмин и др. 2001 — *Кузьмин Я. В., Орлова Л. А., Зольников И. В., Игольников Е. А.* Динамика популяции мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) в Северной Азии (по радиоуглеродным данным // Мамонт и его окружение. 200 лет изучения. М., 2001. С. 124–138.
- Лаухин 2005 — *Лаухин С. А.* Геология многослойной стоянки Лиственка // Палеолит Енисея. Лиственка. Новосибирск; Красноярск, 2005. С. 8–20.
- Лещинский 2006 — *Лещинский С. В.* Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // АЭАЕ. 2006. № 1. С. 33–40.
- Лисицын 2000 — *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Мащенко 2009 — *Мащенко Е. Н.* Интерпретация археозоологических данных стоянки Зарайск А в связи с биологией шерстистого мамонта (*Mammuthus primigenius* Blumenbach 1799) // *Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М., 2009. С. 432–434.
- Медведев и др. 1996 — *Медведев Г., Ков Н., Воробьева Г., Куп Д., Клэс Л., Липнина Е., Модри С., Мухаррамов Ш., Осадчий С., Петитт П., Ребриков П., Роговской Е., Ситливый В., Сулержицкий Л., Хензыхенова Д.* Мальтинское палеолитическое местонахождение (по итогам полевых работ 1995 г.). Иркутск, 1996.
- Мочанов 1977 — *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- Окладников, Кириллов 1980 — *Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980.
- Орлова и др. 2004 — *Орлова Л. А., Кузьмин Я. В., Дементьев В. Н.* История «мамонтной фауны» Таймыра по радиоуглеродным данным (с обзором хронологии мамонтов Сибири) // ИЛДТ. 2004. Вып. 2. С. 87–102.
- Павлов 2008 — *Павлов П. Ю.* Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные // АЭАЕ. 2008. № 1. С. 33–45.
- Петрин 1986 — *Петрин В. Т.* Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986.
- Питулько 1998 — *Питулько В. В.* Жоховская стоянка. СПб., 1998.
- Питулько 2006 — *Питулько В. В.* Культурная хронология каменного века Северо-Востока Азии // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. 24–30 сентября 2006. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006. С. 306–323.
- Питулько 2009 — *Питулько В. В.* О ловле мамонтов и не только // *Stratum plus*. 2005–2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. № 1. С. 288–299.
- Питулько 2010 — *Питулько В. В.* Расселение и адаптации древнего человека на Северо-Востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2010. С. 38–46.
- Питулько и др. 2009 — *Питулько В. В., Никольский П. А., Басилян А. Э.* Радиоуглеродный возраст Берелёхского комплекса объектов // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы VI Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода, г. Новосибирск, 19–23 октября 2009 г. Новосибирск, 2009. С. 474–478.
- Праслов 1995 — *Праслов Н. Д.* Мамонт в жизни палеолитического человека // Цитология. 1995. Т. 37. № 7. С. 634–635.

- Сериков 2000 — *Сериков Ю. Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
- Симченко 1975 — *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1975.
- Синицын, Праслов 1997 — Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.
- Смирнов 2003 — *Смирнов А. Н.* Ископаемая мамонтовая кость. М., 2003 (Труды НИИГА — ВНИИ Океангеологии. Т. 201).
- Степанов и др. 2003 — *Степанов А. Д., Кириллин С. А., Воробьев С. А., Соловьева Е. Н., Ефимов Н. Н.* Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск, 2003. С. 98–113.
- Сулержицкий 1995 — *Сулержицкий Л. Д.* Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов (*Mammuthus primigenius*) Сибири и севера Восточной Европы // Труды ЗИН. 1995. Т. 263. С. 163–183.
- Сулержицкий 2004 — *Сулержицкий Л. Д.* Время существования некоторых позднелептостеинских поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // СА. 2004. № 3. С. 103–112.
- Федосеева 1980 — *Федосеева С. А.* Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.
- Хлобыстин 1972 — *Хлобыстин Л. П.* Изделия из кости и рога палеолитических слоев Бирюсинского поселения // МИА. Л., 1972. № 185. С. 150–156.
- Чубур 1998 — *Чубур А. А.* Роль мамонта в культурной адаптации верхнелептостеинского населения Русской равнины // Восточный гравит. М., 1998. С. 309–329.
- Шер 1997а — *Шер А. В.* Природная перестройка в Восточно-Сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем (сообщение 1) // Криосфера Земли. 1997. Т. 1. № 1. С. 21–29.
- Шер 1997б — *Шер А. В.* Природная перестройка в Восточно-Сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем (сообщение 2) // Криосфера Земли. 1997. Т. 1. № 2. С. 3–11.
- Arutyunov, Sergeev 1972 — *Arutyunov S. A., Sergeev D. A.* Ecological Interpretation of Ancient Harpoon Heads // *Inter-Nord*. 1972. No. 12. P. 305–309.
- Banks et al. 2007 — *Banks W. E., d'Errico F., Peterson A. T., Vanhaeren M., Kageyama M., Sepulchre P., Ramstein G., Jost A., Lunt D.* Human ecological niches and ranges during the LGM in Europe derived from an application of eco-cultural niche modeling // *JAS*. 2007. doi:10.1016/j.jas.2007.05.011.
- Banks et al. 2009 — *Banks W. E., Zilhao J., d'Errico F., Kageyama M., Sima A., Ronchitelli A.* Investigating links between ecology and bifacial tool types in Western Europe during the Last Glacial Maximum // *JAS*. 2009. doi:10.1016/j.jas.2009.09.014.
- Cheshier, Kelly 2006 — *Cheshier J., Kelly R. L.* Projectile Point Shape and Durability: The Effect of Thickness: Length // *American Antiquity*. 2006. Vol. 71. No. 2. P. 353–363.
- Felzer 2001 — *Felzer B.* Climate impacts of an ice sheet in East Siberia during the Last Glacial Maximum // *QSR*. 2001. Vol. 20. P. 437–447.
- Goebel 2002 — *Goebel T.* The «Microblade Adaptation» and recolonization of Siberia during the late Upper Pleistocene // Elston R. G., Kuhn S. L. (eds.). *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. Archaeological Papers of the American Anthropological Association. Arlington, 2002. No. 12. P. 117–131.
- Jessing 1944 — *Jessing G.* Circumpolar Stone Age. *Acta Arctica*. 1944.
- Letourneau, Petillon 2008 — *Letourneau C., Petillon J.-M.* Hunting lesions caused by osseous projectile points: experimental results and archaeological implications // *JAS*. 2008. doi:10.1016/j.jas.2008.05.014.
- Maschenko et al. 2005 — *Maschenko E. N., Gablina S. S., Tesakov A. S., Simakova A. N.* The Sevska woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) site in Russia: Taphonomic, biological and behavioral interpretations // *Quaternary International*. 2005. doi:10.1016/j.quaint.2005.03.013.
- Nikolskiy et al. 2009 — *Nikolskiy P. A., Basilyan A. E., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* Prelude to the extinction: Revision of the Achchagyi-Allaikha and Berelyokh mass accumulations of mammoth // *Quaternary International*. 2009. doi:10.1016/j.quaint.2009.10.028.
- Nikolskiy et al. 2010 — *Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* Last straw versus blitzkrieg overkill: climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // *QSR*. 2010. In press.
- Peterkin 1993 — *Peterkin G. L.* Lithic and Organic Hunting Technology in the French Upper Paleolithic // Peterkin G. M., Bricker H. M., Mellars P. (eds.). *Hunting and Animal Exploitation in the Later*

Palaeolithic and Mesolithic of Eurasia. Archaeological Papers of the American Archaeological Association. Arlington; Virginia, 1993. No. 4. P. 33–48.

Richards et al. 2001 — *Richards M. R., Pettitt P. B., Stiner M. C., Trinkaus E.* Stable isotope evidence for increasing dietary breadth in the European mid-Upper Paleolithic // PNAS. 2001. Vol. 98. No. 1. P. 6528–6532. doi / 10.1073 / pnas.111155298.

Roberts 1936 — *Roberts Fr. H. H.* Additional information on the Folsom Complex: report of the Second Season's Investigations at the Lindenmaier Site in Northern Colorado // Smithsonian Miscellaneous Collections. 1936. Part 10. P. 1–38.

Sher et al. 2005 — *Sher A. V., Kuzmina S. A., Kuznetsova T. V., Sulerzhitsky L. D.* New insights into the Weichselian environment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants and mammals // QSR. 2005. Vol. 24. P. 533–569.

Vartanyan et al. 1993 — *Vartanyan S. L., Garutt V. E., Sher A. V.* Holocene dwarf mammoths from Wrangel island in the Siberian Arctic // Nature. 1993. No 362 (6418). P. 337–340.

MEGAFAUNA AND MICROBLADES (LATE PALEOLITHIC MICROBLADE TRADITIONS OF SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE MAMMOTH EXTINCTION PROBLEM)

V. V. Pitulko

The Sartan period witnessed a mass spread of microblade technologies in Siberia. After 18 ka they were distributed throughout the whole area. As this phenomenon represents a cultural answer to environmental changes, it is often characterized as a «microblade adaptation», associated with the transition to reindeer hunting. Though the author does not reject the adaptive nature of the phenomenon under discussion, he finds possible to consider it from a somewhat different angle of vision. The climatic changes that took place in the Sartan period led to a radical rebuilding of Siberian landscapes. As a result, the mammoth area shifted to the north, while in many parts of South Siberia these animals disappeared for ever. At the same time, independently of the fact if the mammoth was the object of hunting or not, its bone remains always served as a valuable source of raw material for manufacturing various tools and, first of all, hunting weapons (massive big points and spears made of tusks). The disappearance of the «supplier» would inevitable have led to a raw material stress. Therefore, the spread of microblade technologies could have been stimulated not so by the change of the main object of hunting, as by the necessity to replace ivory with bone and antler, i. e. the materials which demanded the use of microblade inserts to make the hunting tools more effective.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ТЕРРАКОТОВЫХ «РЕЛИКВАРИЕВ» АЛТЫН-ДЕПЕ

В. А. АЛЁКШИН

Во время раскопок Алтын-депе, поселения эпохи энеолита и бронзового века на юго-востоке Туркменистана, были обнаружены своеобразные терракотовые артефакты, самые ранние экземпляры которых зафиксированы на раскопе 5 в позднеэнеолитическом горизонте 12 (время раннего Намазга III). Они представляют собой изделия в форме параллелепипеда. Их стенки украшены резными углубленными (иногда прорезанными насквозь) геометрическими ступенчатыми орнаментами (кресты, полукресты и пирамидки), окрашенными в красный и черный цвета, причем части стенок, лишённые орнамента, покрыты желтой краской. Основание такого предмета выполнено в форме квадрата со стороной от 7 до 22 см. Изделие не имеет съёмной крышки. Его верхняя плоскость прорезана отверстием в виде крестовидной фигуры (ступенчатый ромб). Лишь в одном случае поделка была выполнена в виде открытой коробочки (Кирчо 2008: 101).

Эти характерные вещи изготавливали на протяжении всего позднего энеолита (рис. 1, 1–5; раскоп 1, горизонты Алтын 10 и Алтын 9; раскоп 5, горизонты Алтын 12 — Алтын 9; раскоп 15, горизонт Алтын 10; шурф раскопа 11, горизонт Алтын 9; шурф 3, горизонт Алтын 9). В специальной литературе их называют «реликвариями» (Кирчо 2005б: 417; 2008: 101, 102, 189, табл. 12А, 15; 200, табл. 23, 22; 207, табл. 30, 18–20; 223, табл. 46, 5; 232, табл. 55А, 7; 250, табл. 73, 10, 11; 273, табл. 96, 14–17; 286, табл. 109, 32; 297, табл. 120; 298, табл. 121, 1–12; 325, табл. 148; Массон 1981: 12, 16; Массон, Кирчо 1999: 63, рис. 1, нижний ряд: *первый слева*, 65; Kircho 1985: 121; Kirčo 1988: 59, fig. 16, 30, 32, 60).

Традиция изготовления таких предметов была, вероятно, распространена и на других энеолитических поселениях Южного Туркменистана. В. И. Сарияниди, раскапывая верхний слой памятника Геоксюр 1, обнаружил в этом культурном отложении, относящемся ко времени раннего Намазга III, три фрагмента керамических изделий (Сарияниди 1960: 256, 316, табл. XIII, 5; 1965: табл. VII, 38). Судя по краткому описанию найденных обломков (поделки прямоугольной формы с прямыми стенками, два обломка орнаментированы, в одном из них сохранился прямоугольный вырез в стене), речь, видимо, идет о частях «реликвариев» (рис. 1, 6, 7).

Такие же артефакты найдены и в напластованиях раннего бронзового века Алтын-депе (Кирчо 2005б: 417; Массон, Кирчо 1999: 64, рис. 2, 65, рис. 3; Kircho 1985: 121), в частности на раскопе 5, в горизонте Алтын 8 (время раннего Намазга IV), был обнаружен уникальный «реликварий» на ножках (рис. 5, 3; Kirčo 1988: 60, 61, fig. 17). Рядом с двойным захоронением 130а, 131а (раскоп 1), которое было впущено из горизонта Алтын 4 (время позднего Намазга IV) в заполнение горизонта 6 (время среднего Намазга IV), лежали фрагменты «реликвария» (рис. 2, 3; Алёкшин, Кирчо 2005: 25, табл. 21Б: 4; Кирчо 2005а: 328; 2005б: 417; Массон 1981: 25). Опубликован также обломок «реликвария», происходящий из горизонта 4 (рис. 2, 1; Массон 1967: 182, рис. 14, 7).

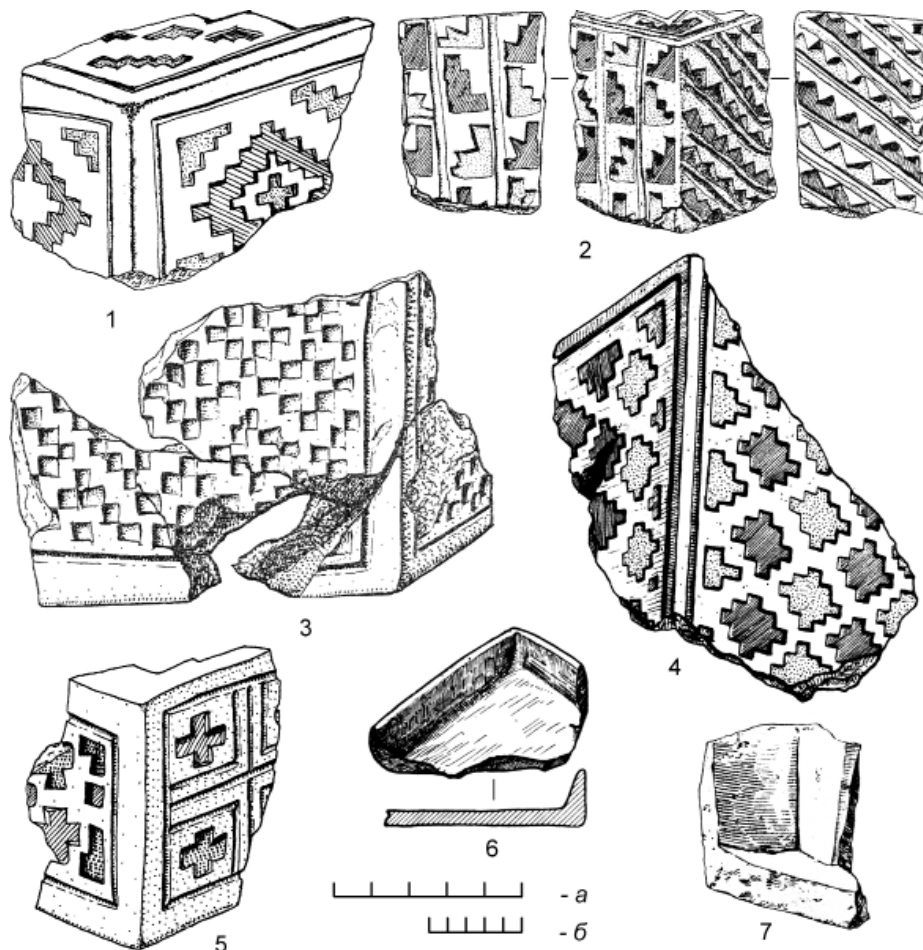

Рис. 1. Терракотовые «реликварии» Центральной Азии эпохи позднего энеолита: 1 — Алтын 12; 2 — Алтын 11; 3–4 — Алтын 10; 5 — Алтын 9; 6–7 — Геоксюр 1. 1–5 — по Кирчо 2008; 6 и 7 — по Сарияниди 1965 и 1960. Масштабы: *a* — для № 1–5, *б* — для № 6

Находки этих предметов известны и в культурных отложениях среднего бронзового века городища (Кирчо 2005б: 417; Kircho 1985: 121; Kirčo 1988: 60). Фрагменты «реликвариев» обнаружены в помещении 40 (рис. 2, 2; раскоп 13, время среднего Намазга V, горизонт Алтын 2), где находились кости не менее двух человек: погребения 354 и 355 (Алёкшин, Кирчо 2005: 40, табл. 69А, 3; Кирчо 2005б: 417). Обломки аналогичных изделий, также выявленных при исследовании горизонта Алтын 2, были опубликованы В. М. Массоном (рис. 2, 5; Массон 1967: 182, рис 14, 1, 3, 5, 6, 9, 10). Еще один «реликварий» (рис. 2, 4) был найден в помещении 118 (раскоп 9, среднее Намазга V, горизонт Алтын 1), входившем в группу хозяйственных построек (Алёкшин, Кирчо 2005: табл. 62; Кирчо 2005б: 417; Массон 1981: 49, рис. 15 — вклейка между с. 48 и с. 49, табл. XVIII, 2). Обломки «реликвариев» были собраны также в кроющем слое поселения (Массон 1967: 182,

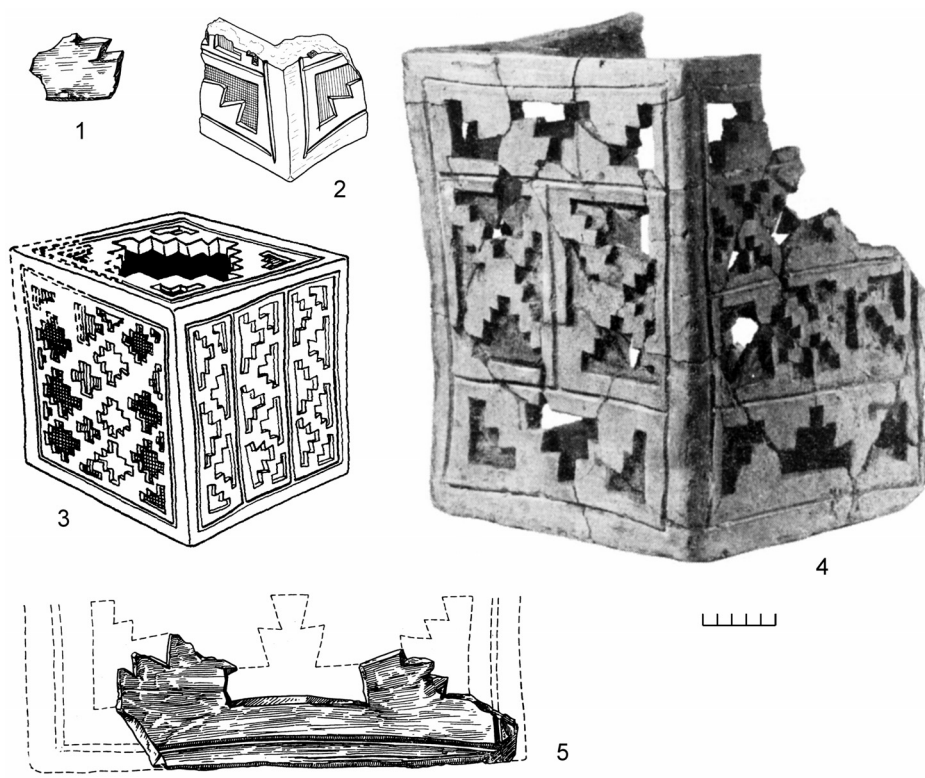

Рис. 2. Терракотовые «реликвари» Алтын-депе эпохи бронзы: 1 — Алтын 4; 2, 5 — Алтын 2; 3 — Алтын 6; 4 — Алтын 1. 1, 5 — по Массону 1967; 2, 3 — по Алёкшину, Кирчо 2005; 4 — по Массону 1981

рис. 14, 2, 4). Фрагмент аналогичного артефакта найден и на поселении Намазга-депе (Там же: 182, рис. 14, 8), но его стратиграфическая позиция не указана.

Таким образом, «реликвари» являются неотъемлемой чертой культурного комплекса Алтын-депе на протяжении III тыс. до н. э. Эволюция узоров на этих предметах до сих пор детально не изучена. Поэтому вопрос о том, менялась ли с течением времени орнаментация этих изделий, и если да, то можно ли выделить орнаменты, характерные для различных хронологических периодов анауской культуры, остается открытым.

В литературе была высказано предположение о том, что «реликвари» Алтын-депе помещали в могилы в качестве погребального инвентаря (Массон 1981: 25; Kircho 2000: 450). Однако при настоящем состоянии археологических источников невозможно доказать, что фрагменты рассматриваемых предметов, обнаруженные неподалеку от двойных захоронений 130а, 131а и 354, 355, связаны именно с останками людей. Поэтому весьма вероятно, что «реликварий» (рис. 2, 3), найденный возле погребения 130а, 131а, которое было впущено из горизонта Алтын 4 в заполнение горизонта Алтын 6, не связан с этим захоронением и, следовательно, относится к горизонту Алтын 6 (время среднего Намазга IV) (Массон 1981: табл. XVIII, 1; Щетенко 1970: 416).

Прямые аналогии этим артефактам за пределами ареала анауской культуры не обнаружены. Лишь немногочисленные фрагменты глиняных и деревянных коробочек, выявленные при раскопках некоторых археологических памятников Среднего Востока, могут рассматриваться в качестве параллелей южнотуркменским «реликвариям». Прежде всего, следует упомянуть фрагмент маленькой панели от глиняного ящичка, найденный в Шахри-Сохте (Юго-Восточный Иран; рис. 3, 1) в так называемом доме с лестницами — помещении XLVIIb, существовавшее на протяжении фаз Пс и Pd периода II, который сейчас датируется в интервале от 2750 г. до н.э. до 2500 г. до н.э. (Salvatori, Tosi 2005: 299–301, 304; Tosi 1969: 293, 297, 299, 330, fig. 10; 331, fig. 13). На обломке сохранилась полихромная роспись, изображающая ступенчатые геометрические мотивы. Цвета орнамента (белый — мел и голубой — ультрамарин) контрастируют с красно-коричневым колером изделия (Кирчо 2005б: 417; Tosi 1969: 322, 358, fig. 125). Возможно, что этот фрагмент высотой 4,4 см являлся частью глиняной поделки, изготовленной в форме четырехугольной коробки без съемной крышки, каким, например, является инкрустированный камнями красного, белого и зеленого цветов предмет (рис. 3, 2; 18×8×11,7 см), найденный в погребении № 356 могильника А в Шахдаде (Nakemi 1997: 48, 532, obj. 4238, 662, Ja. 6).

Обломок деревянного изделия размером 7×3 см, стенка которого украшена ступенчатыми прорезями, был выявлен в периоде III Шахри-Сохте (помещение LIX в одном из зданий, находившихся к северу от «дома с лестницами»; Tosi 1969: 303, 329, fig. 9; 365, fig. 126). Этот период в настоящее время датируется в пределах 2500–2200 гг. до н.э. (Salvatori, Tosi 2005: 301, 304).

Фрагмент керамической коробочки или шкатулки найден при раскопках поселения Мундигака в Юго-Восточном Афганистане, под самым древним уровнем пола периода IV 1 (Casal 1961: 227, 228, fig. 130, 6), который синхронен началу раннего бронзового века в Южном Туркменистане. Таким образом, данный артефакт (рис. 5, 2), видимо, восходит ко времени, соответствующему финалу позднего энеолита подгорной полосы Копетдага. Рассматриваемый обломок имеет с внешней стороны нанесенный черной краской узор, изображающий ломаные линии и ступенчатые фигуры. Изначально коробочка имела ножки, что сближает эту находку с реликварием, обнаруженным на Алтын-депе в горизонте 8 раскопа 5 (рис. 5, 3). На дне поделки из Мундигака сохранились следы горения.

Фрагменты таких же глиняных изделий обнаружены В. Фэрсервисом во II и III слоях поселения Дамб Садаат, расположенного на юго-западе Пакистана, в долине Кветты (Fairervis 1956: 197, 226–228, fig. 21). Американский археолог зафиксировал 14 обломков таких предметов, хотя опубликовал только три из них (рис. 3, 3–5). Эти артефакты были расписаны снаружи черной краской по желто-коричневому ангобу, причем орнаменты на их стенках представлены геометрическими узорами (треугольники и ломаные зигзагообразные линии). Элементы такой росписи аналогичны орнаментальным мотивам местной древнеземледельческой керамики типа Кветта.

Вначале автор раскопок, основываясь на нескольких радиоуглеродных датах, полученных в эпоху становления метода ¹⁴C, отнес слои II и III поселения Дамб Садаат соответственно к концу III и первой половине II тыс. до н.э. (Ibid.: 356, 357). Впоследствии он, основываясь на археологических материалах, удревнил эти культурные отложения, синхронизировав их, вслед за Ж.-М. Касалем (Casal 1961: Onglet

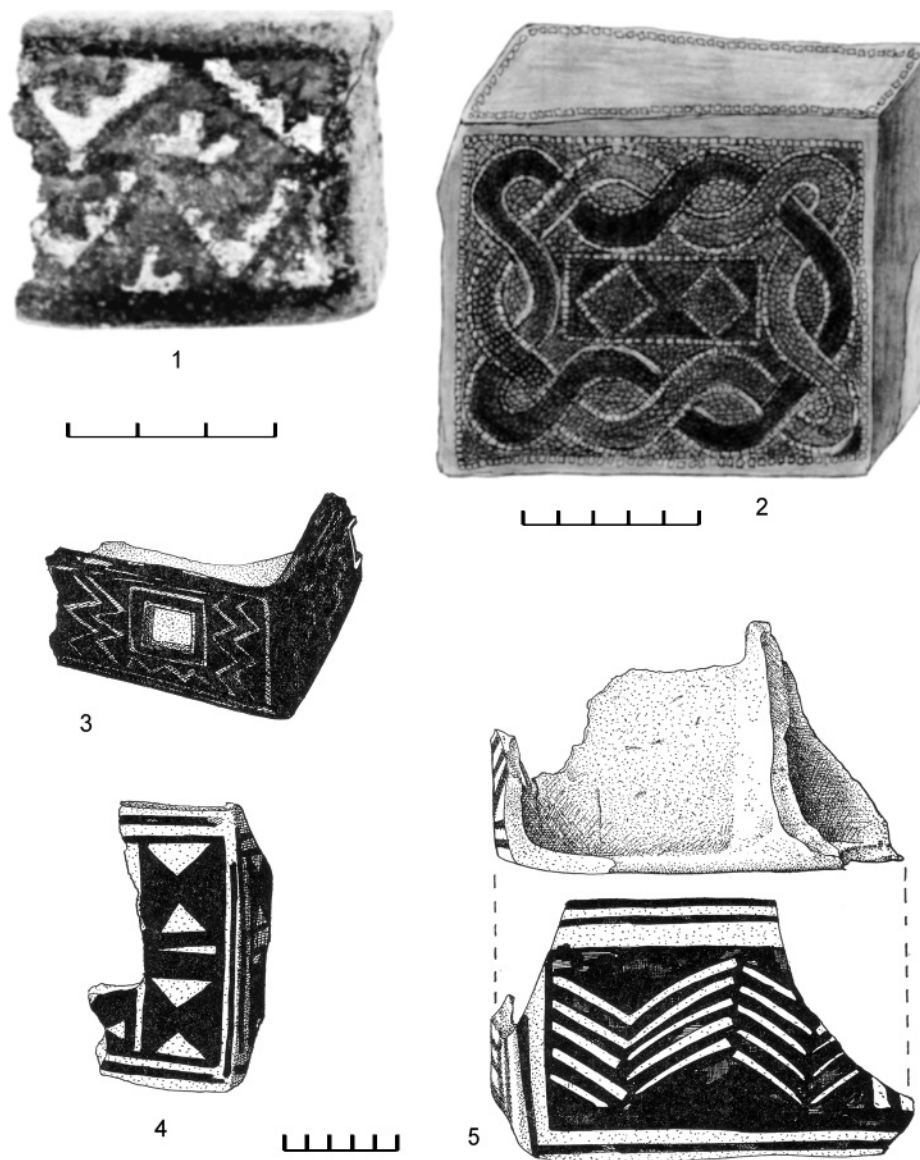

Рис. 3. Терракотовые «реликвари» Среднего Востока эпохи бронзы: 1 — Шахри-Сохте II (по Tosi 1969); 2 — Шахдад, могильник А (по Nakemi 1997); 3–5 — Дамб-Садаат II–III (по Fairservis 1956)

après p. 260), с периодом IV поселения Мундигак (Fairservis 1971: 156, 157, 215, 234), который, в настоящее время, относят к 2750–2300 гг. до н.э. (Salvatori, Tosi 2005: 304).

Опубликованные недавно Г. Посселом радиоуглеродные даты Дамб Садаата не вносят ясности в абсолютную хронологию этого памятника, так как в соответствии с ними и слой I, и слой II следует датировать от начала IV до начала II тыс. до н.э., а слой III охватывает все III тыс. до н.э. (Possehl 1994: 30). Таким образом,

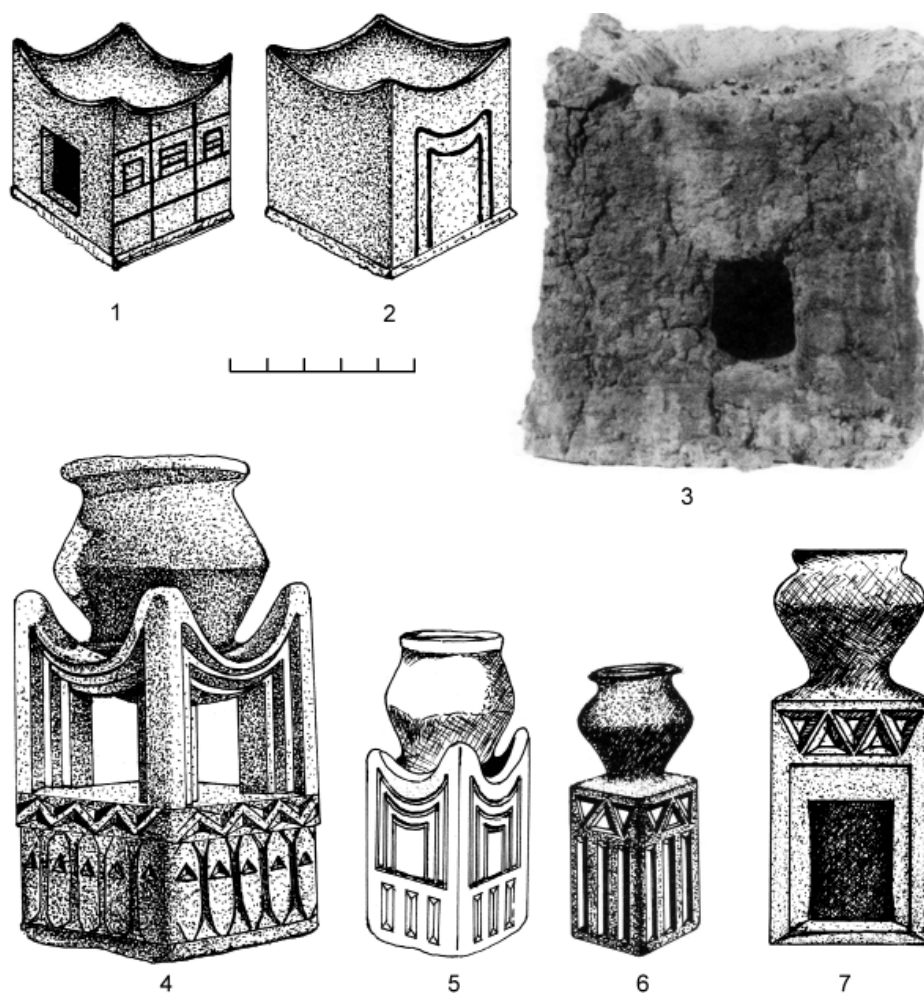

Рис. 4. Терракотовые (1–3) и каменные (хлорит) изделия Среднего Востока эпохи бронзы из Шахдада, могильник А (по Nakemi 1997)

датировать культурные напластования поселения Дамб Садаат можно лишь в том случае, если артефакты, характерные для данного памятника, обнаружены при раскопках другого поселения, слои которого имеют надежные датировки.

Такой памятник, получивший название Мергар, был обнаружен в юго-западном Пакистане. Во время его раскопок удалось установить, что данное поселение было заброшено около 2400-х гг. до н. э., причем в самых верхних отложениях финального (VII) периода этого памятника найдены керамические изделия, характерные для культурных напластований слоя Дамб Садаат III (Jarrige, Lechevallier 1979: 519; Santoni 1984: 57). В более ранних отложениях Мергара (период VI), которые относятся к первой половине III тыс. до н. э., зафиксированы находки, синхронные слою Дамб Садаат II (Jarrige, Lechevallier 1979: 501). Следовательно, обломки глиняных

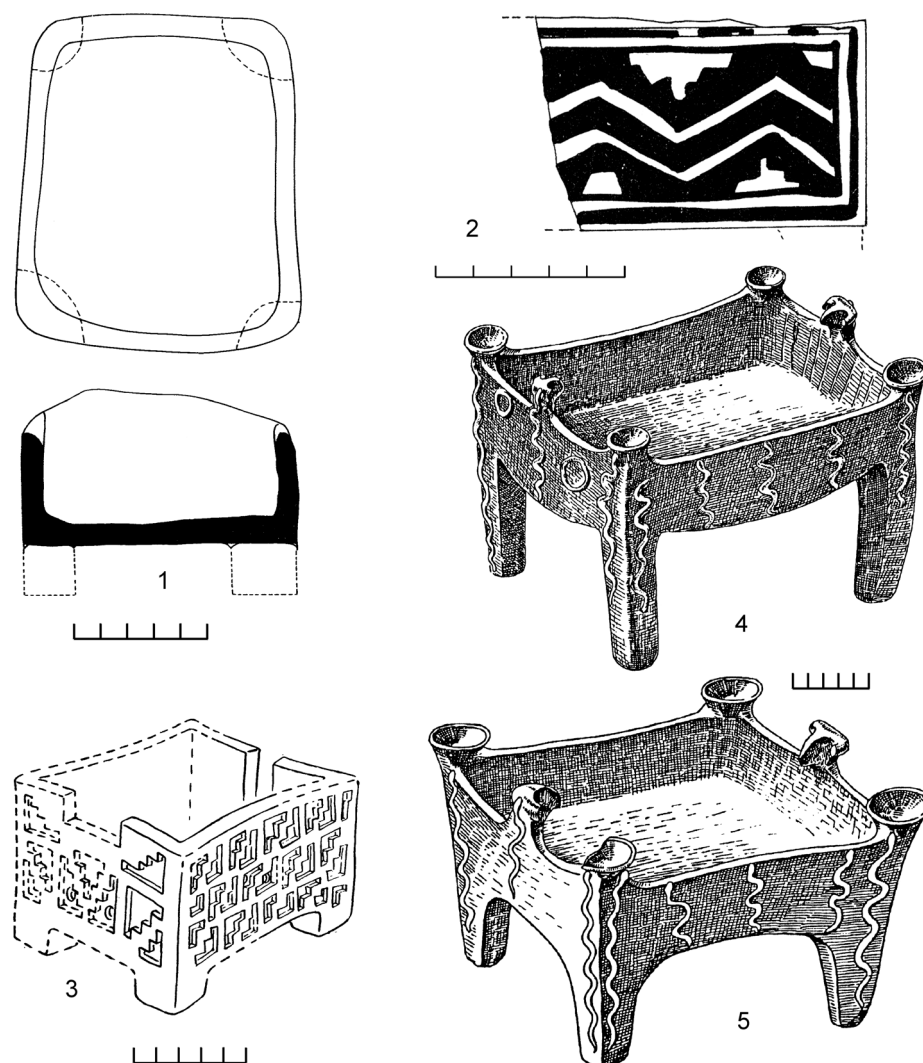

Рис. 5. Терракотовые «столики» Центральной Азии и Среднего Востока эпохи энеолита и бронзы: 1 и 2 — Мундигак III 4 и IV 1 (по Casal 1961); 3 — Алтын 8 (по Kirčo 1988); 4–5 — Пархай II (по Хлопину 2002)

предметов, найденные В. Фэрсервисом во II и III слоях поселения Дамб Садаат, датируются первой половиной–третьей четвертью III тыс. до н.э. В целом этот хронологический отрезок соответствует времени позднего Намазга III и Намазга IV в Южном Туркменистане, с чем согласны и некоторые зарубежные исследователи (Jarrige 1982; Lamberg-Karlovsky 1982: 64).

Подыскивая аналогии «реликвариям» Алтын-депе, нельзя не обратить внимание на загадочные терракотовые изделия, известные по раскопкам могильника Шахдад на юго-востоке Ирана (рис. 4, 1–3). Они обнаружены в 33 из 358 захоронений

основного некрополя (А) этого памятника. Указанные артефакты тоже имеют форму параллелепипеда, однако их верхняя плоскость, в отличие от южнотуркменских находок, вогнута от углов к центру. На стенках предметов из Шахдада видны архитектурные детали (дверные проемы и, вероятно, окна), вырезанные или изображенные желтой и черной красками. Нижняя плоскость этих изделий имеет форму квадрата со стороной от 15 до 25 см или прямоугольника (18×25 см, 20×25 см, 20×30 см, 30×35 см, 32×40 см). Они близки «реликвариям» Алтын-депе, во-первых, своими пропорциями, а во-вторых, наличием декора на стенках. Обе группы артефактов не имеют съемных крышек. Следует также отметить, что последняя особенность характерна, по крайней мере, для одной из вышеупомянутых находок в Дамб Садаате (Fairservis 1956: 197, 226–228, fig. 21, a).

В могилах Шахдада эти предметы всегда находились там, где в случае хорошей сохранности скелета должен был располагаться череп [(Hakemi 1990: 473; 1997: 48, 62, 261, obj. No. 0972 (погребение № 105), P. 274, 275, obj. No. 1101 (погребение № 116, рис. 4, 1), P. 282, obj. No. 1227 (погребение № 122), P. 302, obj. No. 1504 (погребение № 143), P. 323, obj. No. 1828 (погребение № 166), P. 328, obj. No. 1899 (погребение № 169), P. 331, obj. No. 1947 (погребение № 171), P. 332, obj. No. 1969 (погребение № 172), 366, obj. No. 2460 (погребение № 205), 369, obj. No. 2471 (погребение № 206), 384, obj. No. 2650 (погребение № 217), 389, obj. No. 2715 (погребение № 221, рис. 4, 2), 395, obj. No. 2807 (погребение № 226), 419, obj. No. 3084 (погребение № 254), 428, obj. No. 3161 (погребение № 263), 440, obj. No. 3276 (погребение № 273), 442, obj. No. 3298 (погребение № 275), 443, obj. No. 3323 (погребение № 276, рис. 4, 3), 447, obj. No. 3360 (погребение № 278), 454, obj. No. 3417 (погребение № 282), 456, obj. No. 3433 (погребение № 284), 458, obj. No. 3439 (погребение № 285), 462, obj. No. 3470 (погребение № 288), 481, obj. No. 3656 (погребение № 301), 488, obj. No. 3729 (погребение № 307), 503, obj. No. 3921 (погребение № 324), 513, obj. No. 4056 (погребение № 336), 533, obj. No. 4247 (погребение № 357), 540, obj. No. 4301 (погребение № 363), 548, obj. No. 4390 (погребение № 374), P. 662, Ja. 1, Ja. 2].

По мнению А. Хакеми, автора раскопок в Шахдаде, основной могильник (А), где были обнаружены рассматриваемые глиняные поделки, следует датировать между 2450 г. до н.э. и 1900 г. до н.э. (Hakemi 1997: 78–81). Примерно к этому же времени (2500–1800 гг. до н.э.) относят кладбище А итальянские археологи (Salvatori, Tosi 1997: 123). Исследователи подразделяют захоронения этого некрополя на две группы: раннюю (2500–2200 гг. до н.э.), в которой представлена керамика, соответствующая посуде III раннединастического периода и раннего аккадского периода юга Месопотамии, и позднюю (2200–1900 / 1800 гг. до н.э.; Hakemi 1997: 78–81; Salvatori, Tosi 1997: 128, 129). Следует подчеркнуть, что одна из могил, в которой было выявлено упомянутое терракотовое изделие (захоронение № 166), несомненно, относится к числу ранних погребений, поскольку в нем находилась цилиндрическая печать с изображением сидящих богинь, из тел которых произрастают растения. Этот мотив хорошо известен на печатях IVB слоя Тепе Яхья (Salvatori, Tosi 1997: 128).

Руководивший раскопками Тепе Яхья американский археолог К.К. Ламберг-Карловски не сомневался в том, что слой IVB нужно относить к первой половине III тыс. до н.э. (Lamberg-Karlovsky 1972: 89, 93; Lamberg-Karlovsky, Kohl 1971: 15; Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: 30). Он полагал, что хорошо налаженное производство стеатитовых сосудов, процветавшее в этот период существования Тепе Яхья, имело

своей целью регулярное снабжение такими изделиями жителей шумерских городов во времена II и III раннединастических периодов (Lamberg-Karlovsky 1970: 66). Эта датировка слоя IVB была поддержана Ф. Колем (Kohl 1978: 464; 1979: 62, 68, 70, 72).

Однако далеко не все исследователи согласились со столь древней датой. М. Този считал возможным отнести культурные напластования периода IVB ко второй половине III тыс. до н.э. (Tosi 1979). В.М. Массон также возражал против чрезмерного удревнения возраста этого слоя (Массон 1981: 95). Наконец, П. Амье, анализируя стратиграфию памятника и найденные в отложениях периода IVB цилиндрические печати и их оттиски, сумел окончательно доказать, что этот слой нужно датировать в интервале от 2500 г. до н.э. до 2200 г. до н.э. (Amiet 1986: 12, 13, 132–134). Со временем и сам К.К. Ламберг-Карловски косвенно признал, что начало периода IVB на Тепе Яхья следует относить примерно к 2400 г. до н.э. (Ламберг-Карловски 1990: 12).

Итак, глиняные и деревянные изделия, которые были найдены на некоторых поселениях Среднего Востока эпохи энеолита и бронзового века и которые, быть может, являются параллелями «реликвариям» Южного Туркменистана, датируются в пределах первой половины–третьей четверти III тыс. до н.э.

Функциональное назначение рассмотренных выше южнотуркменских «реликвариев» и глиняных предметов из Шахри-Сохте, Мундигака, Дамб Садаата и Шахдада остается загадкой.

Высказано предположение о том, что они являются моделями домов (Массон, Кирчо 1999: 68; Сарияниди 1960: 256; Fairservis 1956: 228, fig. 21) или храмов (Nakemi 1990: 473; 1997: 48, 62), причем нарядную орнаментацию изделий, найденных на Алтын-депе, объясняют тем, что они имитируют парадные жилища, предназначенные для домашних богинь-покровительниц (Кирчо 2008: 102). Утверждается также, что «реликварины» могли служить шкатулками, в которых хранились женские терракотовые статуэтки, т.е. культовые предметы (Кирчо 2005б: 417). Кроме того, допускается вероятность того, что эти артефакты могли использовать в качестве «кадильниц» (Массон 1967: 181).

Против каждой из предложенных интерпретаций можно выдвинуть контраргументы. Во-первых, подавляющее большинство этих изделий дошло до нас лишь в виде фрагментов, поэтому на основании только одной сравнительно целой находки (рис. 5, 3; Алтын-депе, раскоп 5, горизонт Алтын 8), имеющей прорези в боковых стенках, которые исследователи интерпретируют как изображение окна и двери (Кирчо 2008: 102; Массон, Кирчо 1999: 68, Kirčo 1988: 60, 61, fig. 17), нельзя доказать достоверность трактовки «реликвариев» как моделей домов. К тому же еще на одном, почти полностью сохранившемся экземпляре (рис. 2, 3; Алтын-депе, раскоп 1, горизонт Алтын 6; Массон 1981: табл. XVIII, 1; Щетенко 1970: 416) таких прорезей нет. Во-вторых, при отсутствии съемной крышки практически невозможно вынимать помещенные в «реликварий» вещи через узкое отверстие, прорезанное в его верхней плоскости. Именно поэтому такую поделку нельзя интерпретировать как коробочку или шкатулку. Можно, конечно, предположить, что «реликварий» переворачивали прорезью вниз и затем вытряхивали хранившиеся в нем вещи. Однако, судя по размерам большинства «реликвариев», в них могли держать только небольшие предметы, которые очень неудобно извлекать из шкатулки через маленькое отверстие. Что же касается артефактов из Шахдада (рис. 4), то они вообще не имеют отверстия в верхней плоскости. В-третьих,

на дне реликвариев и глиняных ящичков, за исключением одной находки в Мундигаке, не зафиксированы следы горения.

Однако имеются археологические материалы, позволяющие сделать вывод о вероятном предназначении находок из могильника А (Шахдад), где в трех захоронениях выявлено четыре миниатюрных изделия из хлорита. Они представляют собой косметические флакончики, верхняя часть которых служит емкостью, а нижняя — подставкой под нее [Накеми 1990; 1997: 234, 235, obj. No. 0666 (погребение № 072, рис. 4, 7), 282, 283, obj. No. 1213, 1214 (погребение № 122, рис. 4, 5, 5, 6), 515, obj. No. 4077 (погребение № 338, рис. 4, 4), 621–624, Фр. 2 — Фр. 5], причем в двух случаях (захоронения № 122, 338, рис. 4, 5, 4) подставка является уменьшенной копией глиняных предметов неизвестного назначения.

Исходя из этого, можно допустить, что глиняные предметы с вогнутой верхней поверхностью использовали в качестве подставок для сосудов. Вместе с тем не исключено, что и подставка, которая, судя по сохранившимся на ней элементам архитектурного декора, видимо, имитировала сооружение, и размещенный на подставке сосуд-резервуар являлись атрибутами некоего ритуала, на регулярность отправления которого, вероятно, указывает тот факт, что глиняные подставки найдены почти в каждой десятой могиле некрополя А.

«Реликварию» Алтын-депе, которые могли найти применение только в культовой сфере (Кирчо 2008: 101, примеч. 40), вероятно, использовались в обрядовой практике так же, как и загадочные глиняные предметы из погребений Шахдада, а именно: в качестве подставки под сосуд, дно которого, видимо, вставляли в отверстие, прорезанное в верхней плоскости «реликвария», благодаря чему вся конструкция приобретала необходимую устойчивость. Однако, в отличие от находок в Шахдаде, практически отсутствуют свидетельства того, что «реликварию» Алтын-депе являются моделью какой-либо постройки.

Артефакты с ножками («реликварию» и коробочки) предназначались, видимо, для иных целей. Самое раннее изделие подобного рода обнаружено на поселении Мундигаг (рис. 5, 1) в слое III 4 (Casal 1961: 227, fig. 130, 4), который синхронен концу эпохи позднего энеолита Южного Туркменистана. Поделка из горизонта Мундигаг IV 1 (рис. 5, 2; Ibid.: 227, 228, fig. 130, 6) относится, как было указано выше, к завершающему этапу энеолита, а реликварий из горизонта Алтын 8 (рис. 5, 3; Kirčo 1988: 60, 61, fig. 17) — к началу раннего бронзового века (раннее Намазга IV). Все эти предметы либо имели съемную крышку, либо, что более вероятно, представляли собой открытые вместилища. Возможно, что они, подобно так называемым керамическим жертвенникам из могильника Пархай II (рис. 5, 4, 5; период ЮЗТ-IV, ранний бронзовый век в Юго-Западной Туркмении; Хлопин 2002: 84–97), являются символическими изображениями столиков.

Алёкшин, Кирчо 2005 — Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б. Часть I. Каталог погребений Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 11–313.

Кирчо 2005а — Кирчо Л. Б. Общая характеристика погребений Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 324–346.

- Кирчо 2005б — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 347–421.
- Кирчо 2008 — *Кирчо Л. Б.* Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху энеолита // *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008. С. 72–108.
- Ламберг-Карловски 1990 — *Ламберг-Карловски К. К.* Модели взаимодействия в III тыс. до н. э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ. 1990. № 1. С. 3–21.
- Массон 1967 — *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. 1967. № 3. С. 165–190.
- Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981.
- Массон, Кирчо 1999 — *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгылы-депе) // Российская археология. 1999. № 2. С. 61–76.
- Сарианиди 1960 — *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр (результаты работ 1956–1957 гг.) // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10. С. 225–318.
- Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965 (САИ. Вып. Б3-8, ч. IV).
- Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.
- Щетенко 1970 — *Щетенко А. Я.* Работы Артыкского отряда Каракумской экспедиции // Археологические открытия 1969 г. М., 1970. С. 415–417.
- Amiet 1986 — *Amiet P.* L'Âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J-C. Paris, 1986.
- Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1961 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).
- Fairservis 1956 — *Fairservis W. A. Jr.* Excavations in the Quetta Valley // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York, 1956. Vol. 45, part 2.
- Fairservis 1971. — *Fairservis W. A. Jr.* The roots of ancient India. London, 1971.
- Hakemi 1990 — *Hakemi A.* Are the Models of Buildings Discovered at Shahdad, Models of the Temples of the 3rd Millennium BC? // SAA 1987. Rome, 1990. P. 459–474 (Serie Orientale Roma. Vol. 66, 1. Part 1).
- Hakemi 1997 — *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome, 1997 (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27).
- Jarrige 1982 — *Jarrige J.-F.* Excavations at Mehrgarh: Their Significance for Understanding the Background of the Harappan Civilization // Harappan Civilization. A Contemporary Perspective. New Delhi; Bombay; Calcutta, 1982. P. 79–84.
- Jarrige, Lechevallier 1979 — *Jarrige J.-F., Lechevallier M.* Excavations at Mehrgarh, Baluchistan: Their Significance in the Prehistorical Context of the Indo-Pakistan Borderlands // SAA 1977. Naples, 1979. P. 463–535.
- Kircho 1985 — *Kircho L. B.* Cultural development in formative period of early urban civilization (by data of excavation of Altyn-depe) // Man and Environment. Poona, 1985. No. 9. P. 113–122.
- Kirčo 1988 — *Kirčo L. B.* The Beginning of the Early Bronze Age in Southern Turkmenia on the Basis of Altyn-depe Materials // EW. 1988. Vol. 38. Nos. 1–4. P. 33–64.
- Kircho 2000 — *Kircho L. B.* Burial Rites of Altyn Tepe in the 3rd Millennium // SAA 1997. Rome, 2000. P. 437–452.
- Kohl 1978 — *Kohl Ph. L.* The Balance of Trade in Southwestern Asia in the Mid-Third Millennium B. C. // Current Anthropology. Chicago, 1978. V. 19. No 3. P. 463–492.
- Kohl 1979 — *Kohl Ph. L.* The «World-economy» of West Asia in the Third Millennium BC // SAA 1977. Naples, 1979. P. 55–85.
- Lamberg-Karlovsky 1970 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1969. Progress report I. Cambridge, Massachusetts, 1970.
- Lamberg-Karlovsky 1972 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* Tepe Yahya 1971. Mesopotamia and the Indo-Iranian borderlands // Iran. 1972. Vol. 10. P. 89–100.
- Lamberg-Karlovsky 1982 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* Sumer, Elam and the Indus: Three Urban Processes. Equal One Structure? // Harappan Civilization. A Contemporary Perspective. New Delhi; Bombay; Calcutta, 1982. P. 61–68.
- Lamberg-Karlovsky, Kohl 1971 — *Lamberg-Karlovsky C. C., Kohl Ph. L.* The Early Bronze Age of Iran as Seen from Tepe Yahya // Expedition. 1971. Vol. 13. No 3–4. P. 14–21.

Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973 — *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i-Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau // EW. 1973. Vol. 23. Nos. 1–2. P. 21–57.

Possehl 1994 — *Possehl G. L.* Radiometric Dates for South Asian Archaeology. Philadelphia, 1994.

Salvatori, Tosi 1997 — *Salvatori S., Tosi M.* Postscriptum. Some Reflections on Shahdad and Its Place in the Bronze Age of Middle Asia // *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome, 1997. P. 121–138.

Salvatori, Tosi 2005 — *Salvatori S., Tosi M.* Shahr-i Sokhta Revised Sequence // SAA 2001. Paris, 2005. P. 295–305.

Santoni 1984 — *Santoni M.* Sibri and the South Cemetery of Mehrgarh: Third Millennium Connections between the Northern Kachi Plain (Pakistan) and Central Asia // SAA 1981. Cambridge, 1984. P. 52–60.

Tosi 1969 — *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary report on the Second Campaign, September–December 1968 // EW. 1969. Vol. 19. Nos. 3 / 4. P. 283–386.

Tosi 1979 — *Tosi M.* The Proto-urban Cultures of Eastern Iran and the Indus Civilization. Notes and Suggestions for a Spatio-temporal Frame to Study the Early Relations between India and Iran // SAA 1977. Naples, 1979. P. 149–171.

ON THE FUNCTION OF THE TERRA-COTTA «RELIQUARIES» FROM ALTYN-DEPE

V. A. Alekshin

The terra-cotta artifacts, conventionally named «reliquaries», were manufactured in the south-east of Turkmenistan during the Late Eneolithic (fig. 1), and Early (fig. 2, 1, 3) and Middle (fig. 2, 2, 4, 5) Bronze Age (3rd millennium BC). No direct analogies to these artifacts are known beyond the Anau culture area. The only exception is represented by the fragments of clay and wooden boxes found at some Middle Eastern sites (settlements and cemeteries), which can be regarded as parallels to South Turkmenian «reliquaries». They include the fragment of a clay box from Shahr-i-Sokhta II (fig. 3, 1), the fragment of a wooden artifact with the wall decorated by step-like incisions from Shahr-i-Sokhta III, the clay box incrustated with stones from Shahdad (cemetery A, burial 356, fig. 3, 2), the terra-cotta objects of unknown function from the cemetery A of Shahdad (fig. 4, 1–3), and the fragments of painted clay artifacts from Damb Sadaat II and III (fig. 3, 3–5). All the objects mentioned above are believed to date from the first half–third quarter of the 3rd millennium BC.

Stone vessels from the cemetery A of Shahdad shed light on the function of enigmatic terra-cotta objects found in 33 burials of this site. Three burials contained miniature cosmetic phials of chlorite. Their upper parts served as containers, while the lower ones were supports (grave 072, fig. 4, 7; grave 122, fig. 4, 5, 6; grave 338, fig. 4, 4), and in burials 122 and 338 (fig. 4, 5, 4) the supports looked like diminished copies of the objects of unknown function. Proceeding from this, it is possible to assume that the latter served as supports for vessels. The same function can be proposed for the «reliquaries» of Altyn-depe: the bottom of a vessel might have been incased into the opening cut in the upper part of the artifact.

Both the «reliquaries» and boxes with legs (Mundigak III 4, fig. 5, 1; Mundigak IV 1, fig. 5, 2; Altyn 8, fig. 5, 3), as well as so called ceramic credences from the cemetery of Parkhai II in South-Western Turkmenistan (stage YuZT-IV, Early Bronze Age, fig. 5, 4, 5), were probably symbolic representations of tables.

«РЕЛИКВАРИИ» АЛТЫН-ДЕПЕ

Л. Б. КИРЧО

Одной из наиболее специфических категорий предметов культурного комплекса Алтын-депе являются терракотовые коробочки-«реликварии» с украшенными резным орнаментом стенками. Такие изделия появляются в Юго-Восточном Туркменистане в период позднего энеолита¹ сразу в оформленном виде и явно копируют деревянные коробочки-прототипы.² Обломки «реликвариев» наиболее широко распространены в слоях периодов позднего энеолита и ранней бронзы (времени Намазга III и IV, конец IV тыс. — около 2400 г. до н. э.) и сравнительно редки в материалах периода средней бронзы (времени Намазга V, последняя треть III–начало II тыс. до н. э.). На Алтын-депе представлены «реликварии» двух типов.

«Реликварии» **типа 1**, к которому относится подавляющее число находок, представляют собой параллелепипед (почти куб) с отверстием в виде крестовидной фигуры («ступенчатого» ромба) в верхней крышке (рис. 1, 1, 2). В плане коробочки квадратные, а высота их обычно на 1–4 см превышает длину стороны основания. По размерам они разделяются на малые (6–7 × 6–7 × 8 см; Кирчо, Коробкова, Массон 2008: табл. 96, 15; 148, 7), средние (11–15 × 11–15 × 13–16 см; рис. 1, 2, 3) и крупные (22–26 × 22–26 × 26–30 см; рис. 1, 1). Эти размеры примерно относятся друг к другу как 1 : 2 : 4, т. е. пропорции всех «реликвариев» типа 1 одинаковы.

Дно коробочек плоское, неорнаментированное. На боковых стенках и верхней поверхности «реликвариев» (на расстоянии примерно 0,5–0,8 см от граней) стержнем с округлым концом обычно проведены узкие канавки, ограничивающие поле орнамента. Такими же канавками — вертикальными, горизонтальными или косыми часто разграничены (размечены?) орнаментированные участки стенок (рис. 1, 1, 2). Стенки «реликвариев» покрыты врезным орнаментом в виде сетки или нескольких бордюров из крестов и «ступенчатых» фигур (ромбов, треугольников или, изредка, косых полос), окрашенных поочередно в красный и черный цвета. Реже представлено чередование окрашенных и неокрашенных мотивов. Обычно одинаковым орнаментом украшены противоположные грани коробочек. В углах крышек размещены врезные «ступенчатые» треугольники, также окрашенные поочередно красной и черной красками, а боковые участки прорезного «ступенчатого» ромба в центре крышки всегда окрашены красным. Изредка встречаются «реликварии», у которых в верхней и нижней (или только в верхней) части боковых стенок «ступенчатые» фигуры орнамента прорезаны насквозь и также окрашены по боковым участкам (рис. 1, 1; Массон 1981: табл. XVIII, 2). Гладкие участки наружной поверхности «реликвариев»,

¹ О находке трех обломков прямоугольных предметов, в том числе — с орнаментированными стенками, на поселении Геоксюр 1 вскользь упоминает В. И. Сарияниди в первой публикации материалов памятника (Сарияниди 1960: 256).

² Глиняная орнаментированная коробочка и обломок деревянной со ступенчатыми прорезями представлены на поселении Шахри-Сохте в иранском Систане (Tosi 1969: fig. 125, 126).

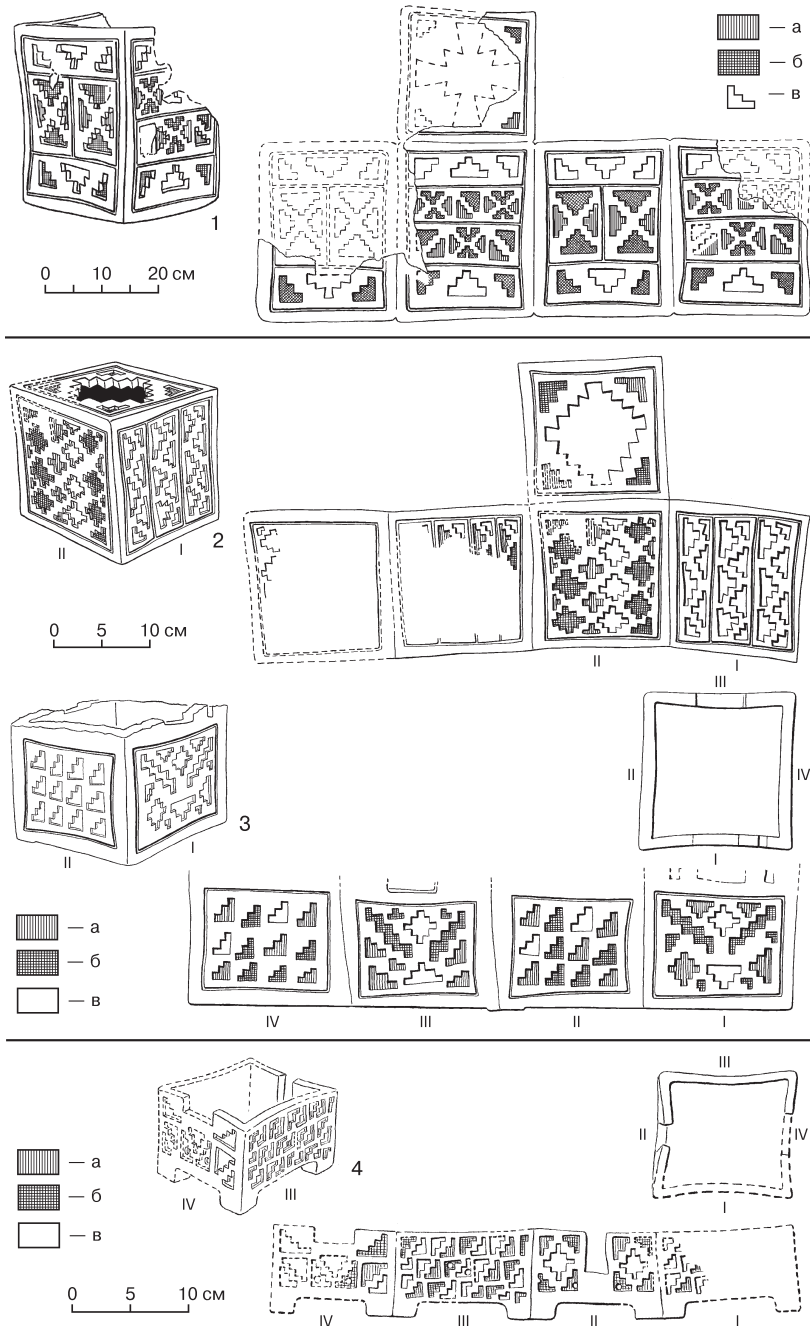

Рис. 1. Алтын-депе, аксонометрии и развертки орнамента наиболее сохранившихся «реликвариев» периода ранней (2–4) и средней (1) бронзы: 1 — горизонт Алтын 1; 2, 3 — горизонт Алтын 6; 4 — горизонт Алтын 8. Условные обозначения: а — красная краска; б — черная краска; в — сквозная прорезь (1) или неокрашенные мотивы (2–4); римскими цифрами обозначены грани

кроме дна, обычно покрыты желтой краской. Вся окраска нанесена после обжига и часто не сохраняется. Врезной орнамент выполнен острым резцом — края его четкие, стенки практически вертикальные. Глубина орнамента обычно составляет 2–4 мм и лишь в одном случае — менее 1 мм (Кирчо, Коробкова, Массон 2008: табл. 121, 4).

Единственный археологически целый «реликварий» **типа 2** найден в горизонте 8 раскопа 5 начала периода ранней бронзы. Его подпрямоугольная емкость (11,7 × 10,5–11 × 7–7,5 см) на небольших кубических ножках не имеет верхней крышки (рис. 1, 4). Зато на двух противоположащих боковых гранях, помимо резного декора, сделаны две сквозные прорези: одна — в верхней части грани IV, широкая и неглубокая, и вторая, более узкая и глубокая (грань II). Эти прорези имеют заглаженные края, т. е. были сделаны в процессе формовки «реликвария» и покрыты, как и все неорнаментированные участки наружной поверхности, включая ножки и дно, красной краской. На этих же противоположащих гранях ниже прорезей имеется по паре отверстий, сделанных до обжига (рис. 1, 4, грани II и IV). Эти отверстия были проткнуты очень длинным (металлическим?) орудием сразу в двух противоположащих гранях одновременно. Еще два отверстия имеются в средней части сохранившейся грани III. Симметричное положение, возможно, свидетельствует об использовании отверстий для привязывания (деревянной?) крышки. Подобная система фиксации крышек (правда, керамических) у небольших сферических горшочков и грушевидных сосудов известна в материалах могильника Пархай II периода позднего энеолита–начала периода средней бронзы ЮЗТ-V–III (Хлопин 1997: 104; 2002: 30, 56).

Второй обломок «реликвария» с орнаментированными боковыми гранями, но без верхней крышки, найден в горизонте 9 раскопа 1 времени позднего Намазга III (Кирчо, Коробкова, Массон 2008: табл. 23, 22).

Кроме того, в напластованиях периода позднего энеолита найдены также фрагменты подпрямоугольных предметов — коробочки (сосуда?) с остатками сквозной ступенчатой фигуры внутри устья, вылепленной вместе с емкостью, и угол «столика» на четырех ножках (Там же: табл. 121, 1 и 147, 4). Следов окраски эти изделия не имеют.

Орнаменты коробочек-реликвариев полностью повторяют орнаментацию керамики периода позднего энеолита. Здесь представлены те же основные мотивы — так называемые зубчатые полосы и уголки, «ступенчатые» пирамиды и ромбы. Композиции орнаментов также аналогичны, подчас до идентичности: мотивы-панно, которые могут полностью заполнять грань куба (рис. 1, 3, грани I, III), сетки из нескольких одинаковых бордюров (рис. 1, 2, грань I) или образованные чередованием разных бордюров (рис. 1, I), сетки из мотивов-панно (Кирчо 2009а: рис. 5, 5) или, наконец, сетки из одинаковых по форме мотивов, окрашенных в разные цвета (рис. 1, 2, 3, грани II, IV).

Стилистически мотивы орнаментации всех «реликвариев» наиболее близки орнаментации геоксюрского и позднегеоксюрского стилей времени Намазга III. Сохранение этого древнего стиля изображения «ступенчатых» элементов в эпоху бронзы, вероятно, обусловлено техникой нанесения орнамента — при вырезании наиболее просто изображать именно прямоугольные зубцы. Однако тесная связь с орнаментацией позднеэнеолитической керамики несомненна.

Назначение терракотовых коробочек остается неизвестным, однако, как представляется, если мы не можем уверенно судить, для чего они предназначались, можно по крайней мере определить, для каких целей их использовать не могли. Их не использовали как жаровни-кадильницы (Массон 1967: 181), так как ни одна коробочка не имеет никаких следов огня или закопченности внутри. Их не могли использовать в быту как посуду или емкость для хранения обычных повседневных вещей, так как они слишком хрупки. Их, видимо, почти не переносили, вследствие той же хрупкости, а для крупных экземпляров — и тяжести. В то же время это был достаточно ценный предмет, требующий большого труда для изготовления и оформления. Скорее всего, терракотовые коробочки стояли на определенном месте в доме и служили хранилищами, т. е. были на самом деле *реликвариями* — вместилищем для ценных (культовых?) предметов.

Система орнаментации, которая лежит в основе расписных узоров керамики периода позднего энеолита и резного декора «реликвариев», зародилась на плоской двусторонней поверхности. Возможно, что полы и стены домов Алтын-депе эпохи энеолита и бронзы были покрыты плетеными циновками³ с двусторонними орнаментами. Кроме того, в стенах центральной комнаты одного из домов 6-го горизонта середины периода ранней бронзы на Алтын-депе обнаружены «ступенчатые» ниши (Массон 1981: табл. I, 1), а в домах периода средней бронзы — «ступенчатые» окна (Там же: табл. II, 2) и длинные горизонтальные ниши (Березкин 2001: рис. 7 и 8). Если предполагать, что стенки «реликвариев» имитируют стены домов, покрытых циновками или имевших «ступенчатые» ниши и окна, а горизонтальная и вертикальная прорези «реликвария» типа 2 — это изображения ниши или окна и входа-двери, тогда крышки «реликвариев» типа 1 можно рассматривать как потолок дома с отверстием для выхода дыма из очага центральной комнаты, а всю коробочку в целом — как модель парадно украшенного жилища (святилища?; Кирчо 2004: 159).

Обращает на себя внимание и то, что наиболее детализированные антропоморфные статуэтки времени Намазга III и «реликварии» периодов позднего энеолита—средней бронзы изготовлены из одного и того же типа глиняного теста (с измельченной растительной примесью или с мельчайшей примесью песка и растительности) и имеют одинаковую систему раскраски (поверхность обычно окрашена желтой, а декоративные или семантически важные детали — красной и черной красками). Все вышесказанное позволяет предполагать, что коробочки-«реликварии» могли служить жилищем-хранилищем для статуэтки (изображавшей покровительницу домашнего очага?).⁴

Предложенная В. А. Алёксиным⁵ гипотеза о функциональном назначении «реликвариев» типа 1 в качестве подставок под сосуды представляется несколько умозрительной. Трудно считать, что тщательно оформленное в виде «ступенчатого» ромба и окрашенное отверстие в верхней крышке было сделано для того, чтобы поставить в него сосуд. Кроме того, эти отверстия имели довольно большие размеры — у средних и крупных «реликвариев» это

³ Следы плетеных циновок обнаружены в ряде захоронений Алтын-депе и на полу помещения в «погребальном комплексе жрецов» времени раннего Намазга V (Массон 1981: рис. 22, 2).

⁴ Публикуемый текст является частью диссертационной работы автора (Кирчо 2009б: 149–152).

⁵ См. статью В. А. Алёшкина в настоящем сборнике.

ромб с диагональю более 10 см,⁶ и, следовательно, поставить на «реликварий» можно было только достаточно крупный (и тяжелый) сосуд. Однако невысокая прочность ступенек-зубцов центрального отверстия, отсутствие потертости на их окрашенной (напомним, окрашенной после обжига) поверхности, как и отсутствие следов зубцов на керамических и каменных сосудах Алтын-депе также противоречат предположению об использовании «реликвариев» в качестве подставки.

Что касается «реликвария» типа 2 (без верхней крышки и на небольших ножках), то, учитывая малую площадь емкости и высоту ее боковых граней (6–6,5 см, т. е. больше половины длины и ширины), считать его столиком затруднительно.

В то же время само по себе рассмотрение глиняных, терракотовых и каменных прямоугольных предметов с расписным или рельефным декором из памятников III тыс. до н. э. Среднего Востока показывает, что, несмотря на их разнообразие, такие, часто имитирующие архитектурные формы артефакты (сосуды, подставки, шкатулки со съемной крышкой, «реликварии») в той или иной степени представлены практически во всех основных культурных центрах этого времени. Возможно, что это явление отражает определенное единство представлений, связанных с ритуальной сферой.

Березкин 2001 — *Березкин Ю. Е.* Квартальный центр эпохи бронзы на Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 40–59.

Кирчо 2004 — *Кирчо Л. Б.* Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 142–160.

Кирчо 2009а — *Кирчо Л. Б.* Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в V–III тыс. до н. э. // *Stratum Plus 2005–2009*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. № 2. С. 374–392.

Кирчо 2009б — *Кирчо Л. Б.* Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации). Рукопись дис. ... д-ра ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2 д. д. 675.

Кирчо, Коробкова, Массон 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техно-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.

Массон 1967 — *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. 1967. № 3. С. 165–190.

Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981.

Сарианиди 1960 — *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр (результаты работ 1956–1957 гг.) // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10. С. 225–318.

Хлопин 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997.

Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.

Tosi 1969 — *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary report on the Second Campaign, September — December 1968 // EW. 1969. Vol. 19. Nos. 3 / 4. P. 283–386.

⁶ При таких размерах центрального отверстия из средних или крупных «реликвариев» можно достаточно легко вынуть небольшой предмет рукой, а из маленького — достать кончиками пальцев.

ALTYN-DEPE «RELIQUARIES»

L. B. Kircho

One of the most particular categories of artifacts, belonging to the cultural assemblage of Altyn-depe, are the terra-cotta boxes-«reliquaries». They appeared in South-Eastern Turkmenistan in the Late Eneolithic abruptly and in their full-fledged form, apparently reproducing the form of some earlier wooden prototypes. While most of the Altyn-depe «reliquaries» date from the Late Eneolithic and Early Bronze periods, they continued to exist during the Middle Bronze Age, too. The «reliquaries» are represented by the objects of two types.

The majority of the finds belong to **type 1** (fig. 1, 1–3). These «reliquaries» represent parallelepipeds (nearly cubs) with a cruciform opening in the upper lid. The walls are decorated with incised net-like patterns or borders formed by crosses and stepped figures painted alternatively in red and black. The corners of the lids bear cut-in stepped triangles, also painted red and black, whereas the lateral sections of the stepped rhomb in the centre of the lid always are red. The smooth areas of the outer surface are painted yellow. In all cases painting was preceded by firing.

The only intact «reliquary» of **type 2** (fig. 1, 4) represents a sub-rectangular container with small cubic legs and without the upper lid. The two mutually opposite side walls bear through slots, one of which is wide and shallow, while the other is narrower and deeper.

Ornamental patterns shown by the «reliquaries» repeat the ornamentation characteristic of the Geoksur and Late Geoksur pottery of the Late Eneolithic period.

Independently of their size, all the terra-cotta boxes are heavy, fragile, and bear rich decorations, which make us to exclude their use for everyday activities. Probably they did serve as *reliquaries* — depositories of valuable cult (?) objects. They might have been models of showrooms and served as symbolic dwellings for the statuettes of domestic goddesses (?).

ЕЩЕ РАЗ О СХОДСТВЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ И НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В. Я. СТЕГАНЦЕВА

Эпоха средней бронзы представлена в южнорусских степях погребениями катакомбной культуры, для которой характерно упокоение тела в подземной закрытой с трех сторон камере, куда можно было проникнуть через вход, начинающийся в так называемой входной шахте. Эти памятники относятся к различным катакомбным культурам: донецкой, манычской, батуринской, ингульской, образующим катакомбную культурно-историческую общность.

В середине XX в. такие исследователи, как Г. Чайлд, М. И. Артамонов и Б. А. Куфтин, отмечали отдельные черты сходства погребальных обрядов степных катакомбных культур и дольменов Западного Кавказа (Чайлд 1952: 220–221; Артамонов 1949: 332–333; Куфтин 1949: 282–283). Более подробно эту тему осветил В. Я. Кияшко в докладе на конференции «Проблемы эпохи бронзы», прошедшей в Донецке в 1979 г. (Кияшко 1979: 49–50). Благодаря тому, что к 1980-м гг. в Приазовских степях значительно увеличилось число раскопанных катакомбных погребений, исследователь разработал их стратиграфию. В результате сравнения последней с существовавшей в то время схемой развития дольменов Западного Кавказа появилась возможность сделать выводы о параллелях в развитии погребального обряда и в архитектуре погребальных сооружений в степях и на Кавказе в эпоху средней бронзы.

В настоящее время возросло количество раскопанных катакомб и дольменов. Это дает возможность вновь сравнить их между собой по многим признакам и выявить черты сходства катакомбных и дольменных захоронений на обширной территории, включающей степную часть Северского Донца, Восточного Приазовья, правобережья нижнего течения Дона и Кубани, предгорий и гор Западного Кавказа (рис. 1).

У катакомбных погребений степного региона и кавказских дольменов имеется ряд общих черт, главной из которых является традиция *многократного использования погребальной камеры*.

Большую группу сходных признаков катакомб и дольменов составляют такие *детали архитектурного устройства погребальных сооружений*, как насыпь, две камеры, внутренние конструкции в шахте, оформляющие стену, где находится выполненный в виде портала вход в погребальную камеру (продольные ступеньки-уступы вдоль длинных стен, представляющие как бы упоры для плит-перекрытий; спуск в форме лотка к входу в камеру, канавка-упор для каменной плиты, закрывающей вход в камеру), рисунки, нанесенные охрой или резцом, перекрытие входного отверстия каменными плитами, забутовка входной шахты камнем, иногда наличие дромоса.

Еще одна группа признаков включает *строительные приемы*, излишние для могилы, устроенной в суглинистом земляном грунте, и вполне уместные

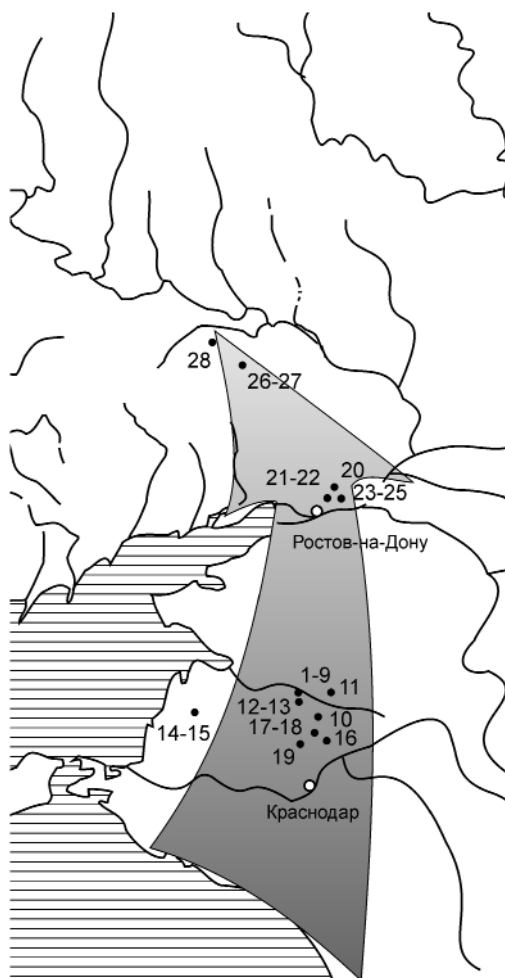

Рис. 1. Карта-схема ареала исследования. Номера на карте соответствуют номерам комплексов в таблице 1

и необходимые для сооружения из камня. Для камеры такими признаками являются плоский потолок и прямоугольная или трапециевидная форма с проработанными углами, для шахты — внутренние конструкции, разнообразные ступени и, в целом, прямоугольная форма с проработанными углами, а также обработка стен узким долотообразным орудием в косом и прямом направлениях.

Многokратное использование погребальной камеры дольменов практиковалось в течение длительного времени, от раннего бронзового века до эпохи средневековья. Этот обычай характерен также для ранних катакомбных захоронений, хотя он и не был так широко распространен, как у носителей дольменной культуры, что вполне может быть объяснимо как сложностью вскрытия могилы, засыпанной толстым слоем курганной насыпи, так и кочевым образом

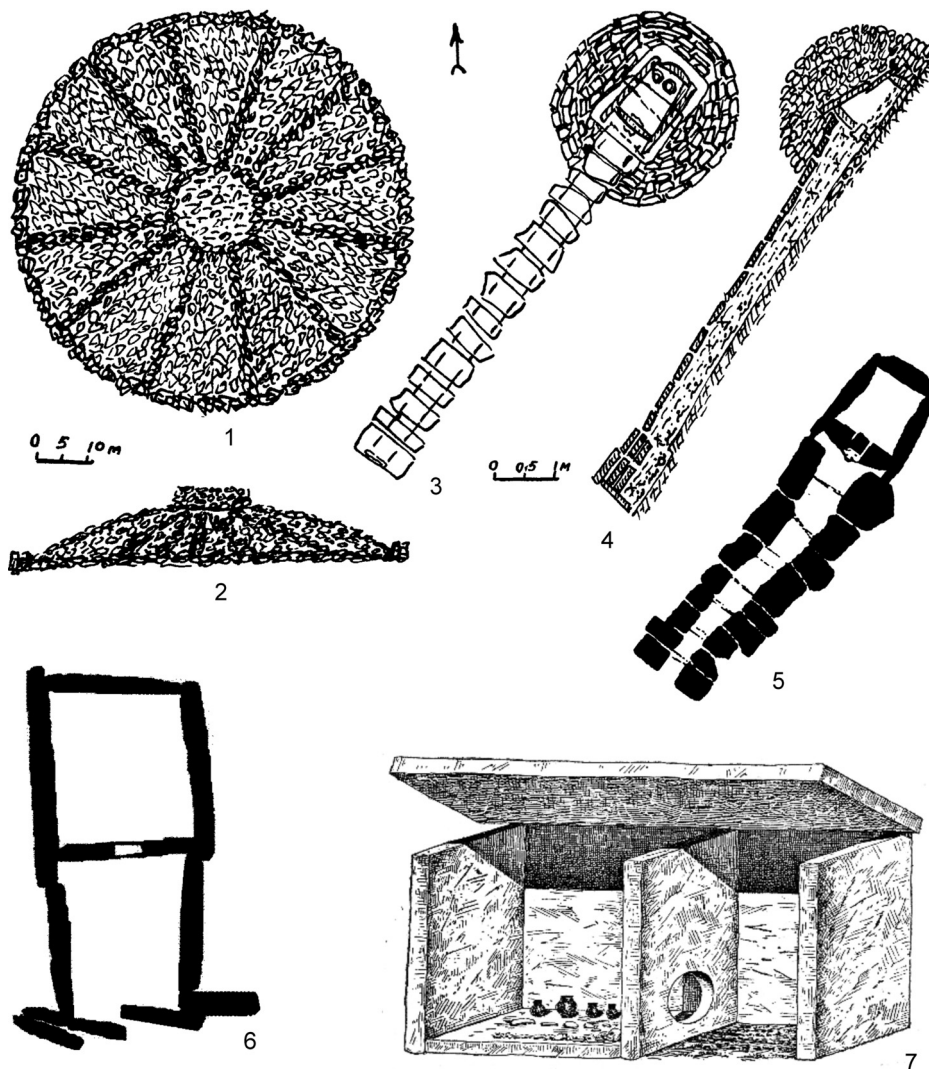

Рис. 2. Подкурганные дольмены Северного Кавказа: 1–5 — мегалитический комплекс Псынако, планы и разрезы; 6 — Клады, курган 28, погребение 1, план; 7 — Новосвободная, раскопки Н. И. Веселовского

жизни носителей катакомбной культуры. Изредка этот ритуал встречается и в более поздних катакомбных захоронениях.

Насыпь над погребением. Исследования последних лет позволили установить, что почти все дольмены имели насыпь из грунта и камней. Самые ранние склепы были полностью укрыты такой насыпью (комплексы могильника Клады, комплекс Псынако) (рис. 2, 1–5), у более поздних дольменов была открыта порталная часть, возможно, для облегчения доступа в погребальную камеру, а основная часть прикрыта насыпью или каменной наброской, которая

во многих случаях бывала впоследствии разобрана для хозяйственных нужд (Резепкин 1991; Тешев 1988; Трифонов 2001: 31–32). Все катакомбные погребения были укрыты насыпями из грунта, иногда с каменными выкладками.

Погребальное сооружение, включающее две камеры. Эта традиция в равной степени характерна и для дольменов, и для катакомб. У ранних дольменов и камера, и площадка перед ней, притвор, были скрыты насыпью из камней и грунта и потому полностью сохранились. Насыпь более поздних склепов во многих случаях была разобрана, а притвор не был засыпан полностью, возможно, для облегчения доступа в камеру. Однако это обстоятельство вело к расхищению элементов, составляющих притвор (рис. 3, 1–2). Попасть из притвора в камеру можно было через небольшое отверстие, которое в дольменах закрывалось каменной втулкой, а в катакомбах — плоскими камнями, глиняными пробками или деревянными заслонами.

Входная шахта. Мегалитические новосвободненские сооружения представляют собой двухкамерные конструкции, состоящие из притвора и склепа. Притвор замкнут с четырех сторон, проникнуть в него можно только сверху. В одной из стен притвора находится входное отверстие в погребальную камеру, закрытое втулкой (Трифонов 2001: 35). К таким сооружениям относятся памятники, открытые Н. И. Веселовским в 1898 г. и А. Д. Резепкиным (Rezepkin 2000) — могильник Клады, курган 28, погребение 1 и др. (рис. 2, 6–7).

Трапезиевидный в плане дольмен у Джубги имеет примыкающий к нему округлый дворик, стены которого сделаны из каменных блоков, уложенных в три яруса (Трифонов 2001: 36; Дмитриев 2001: 86).

Мегалитический комплекс Псынако состоит из трапезиевидного в плане дольмена, к которому примыкает прямоугольной в плане дромос, перекрытый плоскими камнями (рис. 2, 3–5; Тешев 1988; Трифонов 2001: 31).

Все катакомбные погребения имеют входную шахту, из которой вход ведет в погребальную камеру.

Внутренние конструкции входных шахт катакомб соответствуют конструкциям притворов дольменов: к стене, где находится входное отверстие, ведут ступеньки-уступы, представляющие упоры для плит-перекрытий, имеется канавка-упор для каменной плиты, закрывающей вход в камеру (рис. 4–5).

У катакомбных погребений на боковых ступенях-уступах часто лежало перекрытие из каменных плит (рис. 5; Санжаров, Бритюк 1996: 91, 94–95, 107, 110, 112–113).

В мегалитическом комплексе Псынако к трапезиевидному в плане дольмену примыкает длинный дромос прямоугольной формы, который сделан из крупных камней, перекрытых плоскими плитами (Тешев 1988; Трифонов 2001: 31).

Заслоны входов в камеру. В ранних катакомбных погребениях вход в погребальную камеру закрывали глиняной пробкой, иногда — плоским камнем, но, как правило, при раскопках удается выявить только конфигурацию входа.

Перекрытия на продольных уступах. На продольных ступенях-уступах часто лежит перекрытие из плоских плит (рис. 2, 3–5; 5). Эта конструктивная особенность характерна и для памятников типа Новосвободной и Псынако. Иногда крупными камнями заполнена вся или нижняя часть входной ямы.

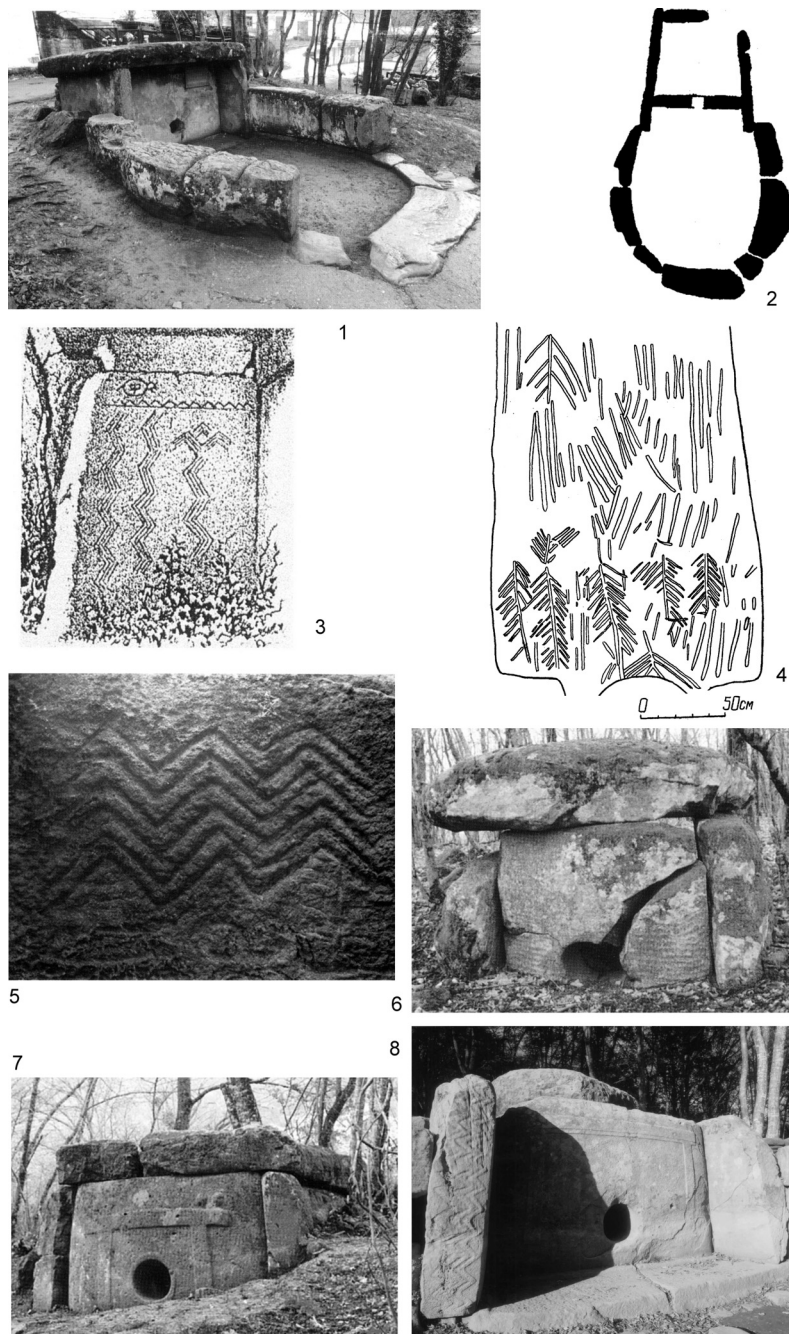

Рис. 3. Детали погребальных сооружений Северного Кавказа и степной зоны: 1 и 2 — Джубга, дольмен, фотография и план; 3–8 — рисунки на стенах: 3 — большой Шапсугский дольмен; 4 — Зимогорье, курган 2, погребение 9; 5 — малый Адербиевский дольмен; 6 — дольмен на р. Анибс; 7 — Широкая Щель; 8 — Жано

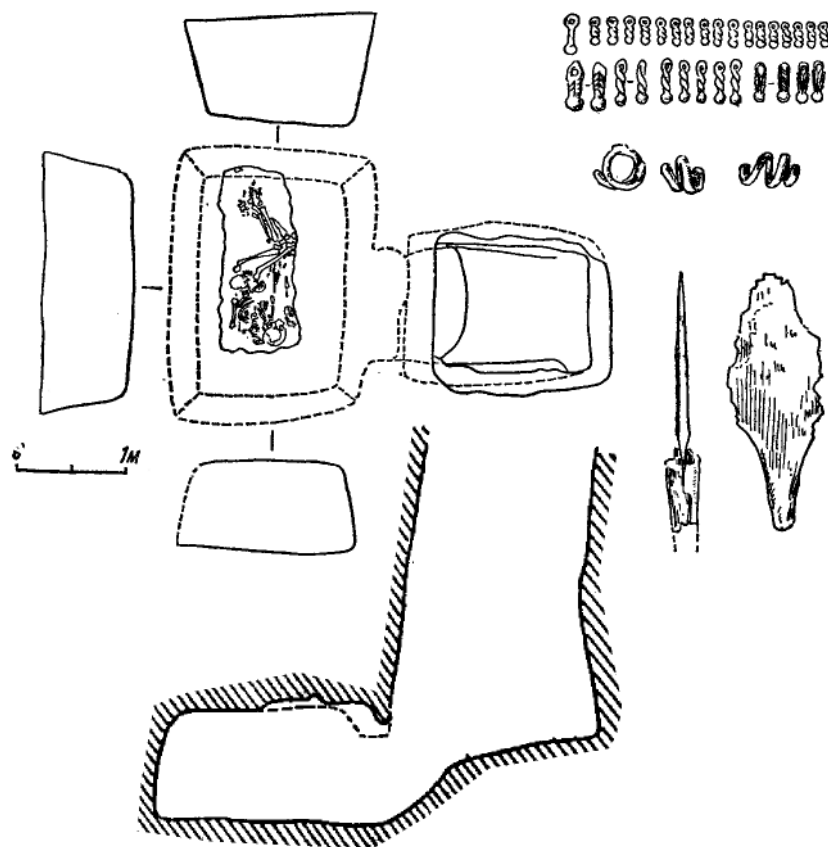

Рис. 4. Новочеркасск, завод № 17, катакомбное погребение из разрушенного кургана (по Братченко 1976)

Дромос зафиксирован в катакомбах. Его характерной чертой является длинный лоткообразный спуск к входу к камере, который располагался между длинными ступенями-уступами. Иногда дромос был зафиксирован и у дольменов (рис. 4; 6, 2).

Притвор дольменов часто оформлен **в виде портала**. На него наносят рисунки в виде вертикальных и горизонтальных полос, орнаментированных в виде елочки (рис. 3, 3, 5, 8; Дмитриев 2001: 71–72).

В шахте некоторых катакомб на стене, где располагался вход в камеру, имеются изображения, выполненные в виде елочки или арки¹ (рис. 3, 4; Братченко 2001: 43, рис. 40). Эти изображения сделаны узким долотообразным орудием.

Рисунки на стенах. На плитах дольменов изредка встречаются рисунки, выполненные красной и черной красками. Изредка рисунки встречаются и на стенах катакомб (рис. 3, 3, 5–8).

¹ Следует отметить большую тщательность, проявленную исследователями, так как обнаружить, проследить и зафиксировать рисунки на стенах земляных сооружений, какими являются погребения катакомбной культуры, гораздо сложнее, чем на камне.

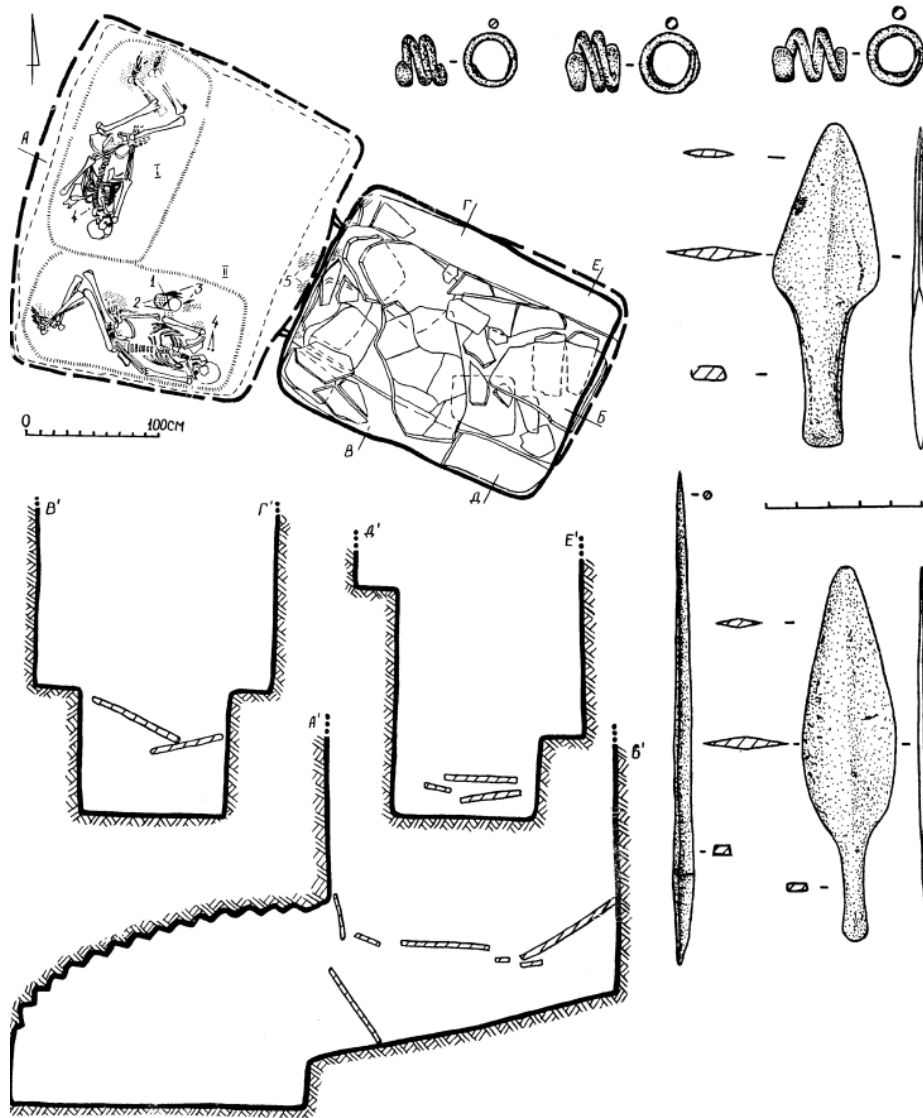

Рис. 5. Красные Зори, катакомбное погребение № 6, курган 6 (по Санжаров, Бритюк 1996)

Входное отверстие. Входные отверстия дольменов эволюционируют от прямоугольных и квадратных к круглым, тогда как входы в катакомбы характеризуются отсутствием четко выраженной эволюции. Вход в дольмен закрывали тщательно обработанной и пригнанной пробкой, что было обусловлено необходимостью регулярно вскрывать склеп. Вход в погребальные камеры ранних катакомб затворяли каменными заслонами. Позднее в одних районах входы в погребальные камеры закрывали деревом, в других — по-видимому, глиняными пробками, так как камеры часто не были засыпаны грунтом.

Забутовка входной шахты камнем указывает на сходство с мегалитическими комплексами, вход в которые прикрывала каменная наброска.

Строительные приемы. Плиты, из которых были построены дольмены, обработаны узкими долотообразными орудиями. Такие же орудия использовали для зачистки стен входных шахт и погребальных камер катакомб, причем шахты, у которых тщательно проработаны углы, снабжены внутренними конструкциями в виде различных продольных и угловых ступеней. В некоторых случаях камеры катакомб имеют прямоугольную или трапециевидную форму с проработанными углами и плоским потолком. Эти признаки характерны только для погребений раннего этапа. Они неудобны и трудоемки для устройства погребального сооружения в суглинистом грунте. В более позднее время формы входных шахт упрощаются, их углы становятся скругленными, а камеры приобретают сначала овальные, потом округлые очертания, причем их потолки делаются купольными. На стенах входных шахт катакомб зафиксированы следы плоских тесловидных орудий, шириною 6–8 см. Таким образом, эволюция катакомб идет по пути упрощения формы, по пути приспособления к условиям материала и среды. Формы катакомб раннего этапа разнообразны: входные шахты могут быть и прямоугольными, и квадратными, а погребальные камеры — прямоугольными, трапециевидными и овальными. На более поздних стадиях формы шахт и особенно камер унифицируются, приобретая законченные очертания, что, очевидно, свидетельствует о существовании определенных стандартов (рис. 6).

Для дольменов также сделан вывод о «высокой степени стандартизации строительных и архитектурных эталонов». Развитие форм склепов шло по пути приспособления к возможностям и требованиям материала, но в другом направлении: для дольменов наиболее простыми оказались прямоугольные и трапециевидные формы, причем наиболее массовым стал тип дольмена «Пшада» (Трифонов 2001: 31, 37).

Перечисленные признаки сходства дольменов и катакомб указывают на то, что в этих формах реализована одна и та же идея двухкамерного погребального сооружения, созданного из разных материалов в различных природных условиях: дольмены выстроены из каменных плит, а катакомбы вырыты в плотном материковом суглинке. Погребальную камеру использовали для многократных подхоронений и на более поздних этапах катакомбной культуры, хотя и не так часто, как дольменные склепы.

Как уже указывалось, катакомбная культурно-историческая общность включает несколько катакомбных культур (донецкая, маньчская, среднедонской и т. д.). В 1980-х гг. был выявлен пласт наиболее ранних, так называемых преддонецких катакомбных погребений (Кияшко 1974; Евдокимов 1979: 45; Смирнов 1996: 10–11).

Основными признаками этих погребений являются катакомбы с прямоугольными шахтами и прямоугольными, трапециевидными или овальными камерами, выведенными из-под узкой стены шахты. Характерно наличие ступенек-уступов вдоль длинных стен шахты, разнообразных ступеней и лоткообразного углубления-спуска ко входу в камеру. Иногда камеры соединяются с шахтой при помощи дромоса (рис. 6, 1–2).

Признаки сходства, перечисленные выше, в наибольшей степени характерны для катакомбных погребений с прямоугольной или трапециевидной

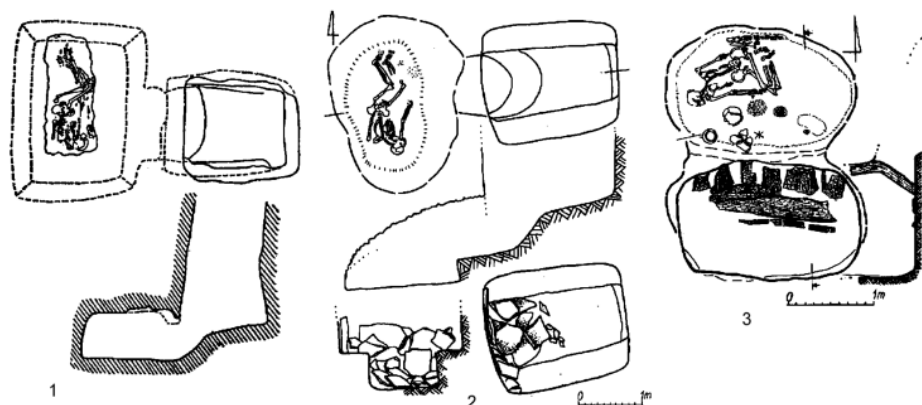

Рис. 6. Эволюция формы погребальных сооружений донецкой катакомбной культуры. 1 — трапециевидная камера и прямоугольная шахта; 2 — овальная камера и прямоугольная шахта; 3 — овальная камера и овальная шахта

в плане камерой,² которые встречаются на территории, включающей нижние течения рек Кубани, Дона и Северского Донца (табл. 1). В более поздних погребениях, относящихся к развитым этапам катакомбных культур, эти признаки отсутствуют, так как строители могильных сооружений уже используют приемы, больше подходящие к условиям степи: форма входных шахт и камер становится более простой, овальной или округлой,³ внутренние конструкции не используются, так как шахта становится менее глубокой. Среди ранних преддонецких погребений последние встречаются очень редко. Относительно большой процент их встречен на правом берегу Кубани в нижнем ее течении (Трифонов 1991). Количество подобных погребений значительно уменьшается на Нижнем Дону и в Приазовье (Кияшко 1974). На Северском Донце они встречаются еще реже.⁴

Перечисленные признаки, характерные для ранних катакомбных погребений, свидетельствуют о тесных межкультурных и межплеменных связях в эпоху средней бронзы, что подтверждается и сходными типами металлических орудий, которые обычно получали из Кавказского региона.

Картографирование катакомб с выявленными признаками позволяет с большой долей вероятности установить, что их распространение было направлено с юга на север, причем уменьшение на севере количества катакомб, для которых характерны рассматриваемые признаки, скорее всего, обозначает затухание культурного импульса, происхождение которого связано с Кавказом (рис. 1).

T-образные катакомбы⁵ с прямоугольными и трапециевидными шахтами и камерами, обладающие вышеперечисленными признаками сходства с западнокавказскими дольменами, следует признать самыми ранними в группе ранних преддонецких катакомб.

² Разновидность I по А. М. Смирнову (1996: 10).

³ Причем вначале к новым условиям строительства приспособили именно камеру. В то время как последняя уже приобрела округленные очертания, шахта все еще имеет форму вытянутого прямоугольника с проработанными углами и ступенчатыми конструкциями.

⁴ А. М. Смирнов (1996: 10) отмечает всего две такие катакомбы, а С. Н. Братченко (2001) — три.

⁵ Камера выведена из-под узкой стены шахты, причем камера шире шахты.

Таблица 1
 Данные о катакомбных погребениях с признаками сходства с архитектурой дольменных памятников¹

№ п/п	Наименование	Входная шахта								Камера		Обряд, инвентарь					Ссылки на литературу		
		Высшее / основное	Форма	Уступы	Перекрытие на уступах	Забутовка шахты	Камень у входа	Следы на стенах	Наличие дромоса	Форма	Стены	Потолок	Положение костьки	Коллективное	Подстилка, охра	Жаровня, сосуд		Кольца в 1,5 об., бусы	Нож, шило, булава
1	Брюховецкая I, к. 1, п. 6	В	П	+	—	—	—	—	—	П	верг.	пл.	СС п. б.	+	+	ЖС	—	Б	Бочкарев и др. 1991: 8–10, рис. 10–12
2	Брюховецкая I, к. 1, п. 12	В	П	—	—	—	—	—	—	П	скош.	пл.	СС л. б.	+	+	—	—	—	Бочкарев и др. 1991: 15–17, рис. 16
3	Брюховецкая I, к. 1, п. 13	В	П	+	—	—	—	—	—	П	скош.	пл.	СС п. б.	+	+	—	К	—	Бочкарев и др. 1991: 17–20, рис. 17
4	Брюховецкая I, к. 2, п. 6	О	П	—	—	—	—	—	—	П	верг.	пл.	СС п. б.	+	+	—	—	—	Бочкарев и др. 1991: 22, 24, рис. 21
5	Брюховецкая I, к. 3, п. 4	В	П	—	—	—	—	—	—	П	скош.	пл.	СС п. б.	+	+	+	—	—	Бочкарев и др. 1991: 28, рис. 28
6	Брюховецкая I, к. 3, п. 7	В	Т	+	—	—	—	—	—	П	верг.	пл.	СС п. б.	+	+	—	К	—	Бочкарев и др. 1991: 28–30, рис. 29
7	Брюховецкая I, к. 3, п. 8	В	П	+	—	—	—	—	—	П	скош.	пл.	СС п. б.	+	+	—	—	—	Бочкарев и др. 1991: 30, рис. 30
8	Брюховецкая I, к. 3, п. 16	В	П	+	—	—	—	—	—	П	верг.	пл.	СС п. б.	—	—	—	К	—	Бочкарев и др. 1991: 37–38, рис. 40
9	Брюховецкая I, к. 3, п. 21	В	П	+	—	—	—	—	—	П	верг.	пл.	СС п. б.	+	+	Ж	—	—	Бочкарев и др. 1991: 40, 42–43, рис. 45
10	Новокорсунская, к. 5, п. 14	В	П	+	—	—	—	—	—	П	верг.	пл.?	—	—	—	—	—	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1980 г. ²
11	Батуриная, к. 3, п. 10	В	П	?	?	?	?	?	?	П	?	?	СС п. б.	—	—	—	б	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1980 г.
12	Брюховецкая II, к. 6, п. 13	В	П	+	—	—	—	—	—	П	скош.	пл.?	СС п. б.	—	—	—	К	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1981 г.

¹ Основные обозначения: к — курган; п — погребение; В — впускное погребение; П — прямоугольная форма шахты и / или камеры; СС п. б. — слабо скорченное положение на правом боку; СС л. б. — слабо скорченное положение на левом боку; Ж — жаровня, С — сосуд; Б — костяная булава; К — кольцо в 1,5–2,5 оборота; О — основное погребение; б — бусина; Н — нож, Ш — шило, ШШ — 2 шила; КЭ — Кубанская экспедиция.
² Материалы предоставлены В. С. Бочкаревым, за что приношу ему искреннюю благодарность.

№ п/п	Наименование	Входная шахта								Камера		Обряд, инвентарь				Ссылки на литературу		
		Внутреннее / основное	Форма	Уступы	Перекрытие на уступах	Забуртовка шахты	Камень у входа	Следы на стенах	Наличие аромоса	Форма	Стены	Потолок	Положение костяка	Коллективное	Поглилка, охра		Жаровня, сосуд	Кольца в 1,5 об., бусы
13	Брюховецкая II, к. 7, п. 1	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.?	СС п. б.	+	—	—	б	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1981 г.
14	Приазовская I, к. 1, п. 10	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.?	СС п. б.	—	—	—	К	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1983 г.
15	Приазовская I, к. 5, п. 15	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.?	СС п. б.	+	—	—	—	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1983 г.
16	Белевцы I, к. 3, п. 6	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.?	СС п. б.	—	—	—	—	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1985 г.
17	Теучка I, к. 2, п. 9	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.?	СС п. б.	—	—	—	—	Б	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1986 г.
18	Теучка I, к. 2, п. 16	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.?	СС п. б.	—	—	—	—	—	Раскопки КЭ ЛОИИ АН СССР, 1986 г.
19	Нововеличковская II, к. 3, п. 5	В	П	+	—	—	—	+	П	?	?	СС п. б.	—	—	—	К	—	Лимберис и др. 2001: 48–49, 74, рис. 20.
20	Новочеркасск, завод № 17, к. 1, п. 1	П	П	+	—	—	—	+	П	скош.	пл.	СС п. б.	—	+	+	К	Н	Братченко 1976: 199–200, табл. III
21	Соколовский, к. 1, п. 4	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.	СС п. б.	+	+	+	—	—	Каталог ... 1985: 9–11, табл. 4
22	Соколовский, к. 1, п. 5	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.	СС п. б.	+	+	+	Ж	—	Каталог ... 1985: 11–12, табл. 5–6
23	Мухин II, к. 2, п. 4	В	П	+	—	—	—	+	П	верт.	пл.	СС п. б.	+	+	+	—	—	Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е. 2002: 29, 74, рис. 13
24	Мухин II, к. 4, п. 5	В	П	+	—	—	—	+	П	скош.	пл.?	СС п. б.	+	+	+	—	—	Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е. 2002: 36–37, 85, рис. 24
25	Мухин II, к. 5, п. 5	В	П	+	—	—	—	+	—	скош.	пл.?	СС п. б.	—	+	+	К	б	Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е. 2002: 40, 89, рис. 28
26	Краснозоринский, к. 4, п. 2	О	П	+	+	—	—	—	П	верт.	пл.?	СС п. б.	—	+	+	—	—	Санжаров, Бригток 1996: 91–95, рис. 21
27	Краснозоринский, к. 6, п. 6	В	П	+	+	—	—	—	П	верт.	пл.	СС п. б.	+	+	+	К	Н	Санжаров, Бригток 1996: 107, 110, 112–113, 115, рис. 31–33
28	Зимоторье, к. 2, п. 9	В	П	+	+	—	—	+	П	верт.	пл.	СС п. б.	—	+	+	Ж	—	Братченко 2001: 39, 42–43, рис. 36, 39–40

Для захоронений в Т-образных катакомбах характерен ряд признаков. Входная шахта имеет прямоугольную в плане форму, с различными конструкциями внутри в виде ступеней-уступов вдоль длинных стен и разнообразных ступенек. Камера прямоугольной или трапециевидной формы выведена из-под узкой стены шахты. Округлый, овальный или арочный вход закрывался камнем или глиной. Иногда представлен дромос. Шахта имела перекрытие из каменных плит, иногда она была забутована камнями (рис. 4–5).

Костяки, лежащие в камере, находились в слабоскорченном положении, на правом боку с наклоном на спину, лицом ко входу. Нередко встречаются коллективные захоронения. На дне камер обычно находится органический тлен, оставшийся от разнообразных подстилок, охра и угли (рис. 4–5).

Инвентарь немногочислен. Он включает украшенную оттисками штампа керамику с яйцевидным туловом, которая похожа на посуду ямной культуры; бронзовые шилья и ножи с клинком удлинено-листовидной формы, серебряные скрученные стерженьки-подвески и спиральные подвески в 1,5–2,5 оборота (рис. 4–5).

Эти погребения, как правило, впущены в курганы ямного времени. Их можно датировать 2500–2400 гг. до н. э.

Принято считать, что в данном случае имеет место не прямая миграция носителей дольменной культуры, а «миграция идеи» (Братченко 1976; Кияшко А. В., Кияшко В. Я. 1992).

Артамонов 1949 — *Артамонов М. И.* Раскопки курганов на Маныче в 1937 году // СА. 1949. № 11. С. 305–336.

Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е. 2002 — *Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е.* Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002. С. 19–110.

Бочкарев и др. 1991 — *Бочкарев В. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. М., Трифонов В. А.* Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 3–58.

Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Братченко 2001 — *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001. Ч. 1, 2.

Дмитриев 2001 — *Дмитриев А. В.* Каменные исполины Черноморья // Дольмены. Современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001. С. 56–87.

Евдокимов 1979 — *Евдокимов Г. Л.* О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 45–46.

Каталог... 1985 — Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск, 1985.

Кияшко 1974 — *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Кияшко 1979 — *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 49–50.

Кияшко А. В., Кияшко В. Я. 1992 — *Кияшко А. В., Кияшко В. Я.* К вопросу о связях племен Подонья — Приазовья и Кавказа в бронзовом веке // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С. 3–8.

Куфтин 1949 — *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1.

Лимберис и др. 2001 — *Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И.* Раскопки курганов у станции Нововеличковская в 1998 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Краснодар, 2001. С. 41–79.

Резепкин 1991 — *Резепкин А.Д.* Курган 31 могильника Клады. Проблема генезиса и хронологии Майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167–197.

Санжаров, Бритюк 1996 — *Санжаров С.Н., Бритюк А.А.* Краснозоринский курганный могильник в бассейне реки Лугани // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996. С. 58–132.

Смирнов 1996 — *Смирнов А.М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Тешев 1988 — *Тешев М.К.* Мегалитический архитектурный комплекс Псынако I в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 154–169.

Трифонов 1991 — *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита–средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 92–166.

Трифонов 2001 — *Трифонов В.А.* Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Дольмены. Современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001. С. 20–55.

Чайлд 1952 — *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

Rezepkin 2000 — *Rezepkin A.D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Leidorf, 2000 (Archäologie in Eurasien. Bd 10).

ONCE AGAIN ON THE SIMILARITY OF THE EARLY BRONZE AGE FUNERAL RITES IN EASTERN AZOV SEA REGION AND WESTERN CAUCASUS

V. Ya. Stegantseva

The Middle Bronze Age interments of the Catacomb culture in the steppes of South Russia share a number of traits with the Caucasian dolmens. The most important of these traits is the idea of repeated use of the burial chamber.

Many similar details can be found also in the architecture of the burial constructions: the presence of the mound and bipartite structure (shaft and chamber); inner lay-out of the shaft with the entrance in the form of a doorway (steps-ledges running along the walls and serving as supports for covering slabs, tray-shaped slope leading to the entrance to the chamber, canal-support for the stone slab protecting the entrance); presence of ocher drawings or engravings made with the use of a chisel; occasional presence of dromos; stone slabs covering the entry hole.

Next group of common traits includes building methods, excessive for a grave dug in the earth, but necessary for a stone construction. As to the chamber one can note its flat ceiling and rectangular or trapezoid shape with clear angles. The shaft is notable for its rectangular shape with clear angles and the presence of inner constructions and various steps. The walls were worked with the help of a narrow chisel-like tool.

Such traits are characteristic of the catacomb burials with either rectangular or trapezoid chambers, which were distributed over the vast areas of the lower reaches of the Kuban', Don, and Seversky Donets. In the later burials, belonging to the developed stages of the catacomb cultures, these traits are absent, because their builders gave preference to the methods more suitable for the steppe conditions: the shape of the shaft entrances becomes oval or circular, and inner constructions are not used since the depth of the shaft decreases. The early Pre-Donets burials very rarely

have rectangular chambers. A relatively high percentage of the latter is reported for the right bank of the Kuban' in its lower reaches, but in the Lower Don and the Azov Sea region they are less frequent, and especially rare they are on the Seversky Donets (tabl. 1).

The mapping of the catacomb burials with the described characteristics enables us to ascertain that the spreading of the aforementioned «idea» or complex of common traits was directed from south to north. The decrease in numbers of catacombs in this direction seems to reflect the fading of the moving impulse.

ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2

С. В. КАШАЕВ

Древнее поселение и грунтовый некрополь Артющенко-2 расположены на обрывистом берегу Черного моря, между мысом Железный Рог и Бугазским озером в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4 км к юго-востоку от пос. Артющенко (Новотаманский сельский округ, Темрюкский р-н, Краснодарский край). Описание памятника, история его исследования, характеристика обнаруженных погребальных комплексов опубликованы (Кашаев 2009).

В 2003–2009 гг. на некрополе был исследован участок площадью более 2,5 тыс. м², вытянутый с запада на восток вдоль берегового обрыва. На раскопанной площади и в осыпи берега раскрыто 81 захоронение и еще 5 доследовано за грабителями. В целом инвентарь большинства погребений датируется началом V–серединой IV в. до н. э. Погребальный инвентарь некрополя поселения Артющенко-2 отличается широким ассортиментом и разнообразием вещевого материала, что выделяет его среди сельских некрополей региона. В данной работе рассмотрена лишь одна категория вещей — золотые украшения. Кроме того, дана краткая характеристика погребений, в которых такие украшения найдены, а также других обнаруженных в них находок, на основе анализа которых предложены датировки изделий из золота.

Золотые украшения (бусины) представлены двумя основными типами: тип 1 — шаровидные, полые бусины, спаянные из двух половинок; тип 2 — шаровидные бусины, по форме аналогичные бусинам типа 1, в нижней части которых находится зерновидная (каплевидная) подвеска.

В погребении 20 (рис. 3, 1) обнаружены две золотые бусины (рис. 1, 1; 2, 1). Вокруг отверстий бусины типа 1 припаяны колечки из витой золотой проволоки.

Внизу бусины типа 2 с помощью трех колечек из витой проволоки подвижно прикреплены зерновидная подвеска, вытянутая по вертикали. Кончик подвески заострен. Диаметр шаровидных бусин — 5 мм; длина шаровидной бусины с подвеской — 17 мм.

В погребении 47 (рис. 3, 4) обнаружено наибольшее количество бусин — 27 экз., из них 8 — типа 1 и 19 — типа 2 (рис. 1, 4; 2, 4). По сумме всех зафиксированных деталей погребение 47 является одним из самых необычных на некрополе (сырцовый склеп, кремация, набор инвентаря, количество золотых бусин и пр.).

Вокруг отверстий бусин типа 1 из погребения 47 припаяны колечки из золотой, рубчатой проволоки. На кончике каждой подвески бусин типа 2 припаян золотой шарик, место припоя овито гладкой проволокой. Такой же проволокой овито и место крепления подвески к бусине. Подвески имеют округлую, «раздутую» форму. Диаметр шаровидных бусин типа 1–4 мм; длина шаровидных с подвеской (тип 2) — 17 мм.

В погребении 66 (рис. 3, 2) обнаружено 20 золотых бусин типа 1 (рис. 1, 3; 2, 3). Вокруг отверстий припаяны колечки из гладкой золотой проволоки. Диаметр бусин — 7 мм.

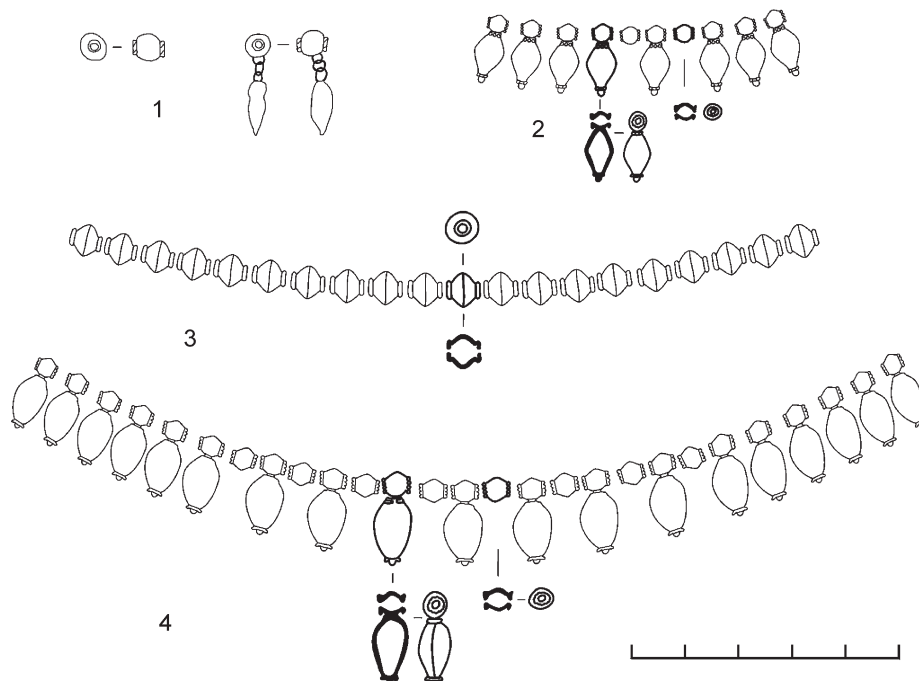

Рис. 1. Артюшенко-2, золотые украшения из погребений: 1 — погр. 20; 2 — погр. 69; 3 — погр. 66; 4 — погр. 47

В погребении 69 (рис. 3, 3) обнаружено 10 золотых бусин, из них 2 шаровидные и 8 шаровидных с зерновидной подвеской (рис. 1, 4; 2, 4). Вокруг отверстий бусин типа 1 припаяны колечки из золотой, рубчатой проволоки. У бусин типа 2 снизу припаяны зерновидные подвески. На кончике каждой подвески припаян золотой шарик, место припоя овито рубчатой проволокой. Такой же проволокой овито и место крепления подвески к бусине. Подвески имеют выраженную биконическую форму. Диаметр шаровидных бусин — 5,5 мм; длина шаровидных с подвеской — 17,5 мм.

Погребение 69 ограблено в древности, практически сразу после совершения захоронения. Скорее всего, ценные вещи были унесены грабителями, а нами обнаружено только то, что они не заметили.

Все наборы золотых бусин можно датировать по сопутствующим находкам. В основном, это греческие керамические сосуды, относящиеся к первой четверти V в. до н. э. Такая датировка подтверждается также стратиграфической и планиграфической ситуацией на некрополе.

В общих чертах процесс производства представляется следующим образом. Как видно из приведенного описания, каждая шаровидная бусина была спаяна из четырех, а бусина с подвеской — из девяти отдельных деталей. Округлые половинки бусин и подвесок были оттиснуты из золотого листа в специальных формах. Т. е. ювелирам необходимо было освоить процессковки для получения тонкого золотого листа и технологию холодной штамповки для изготовления заготовок-«половинок».

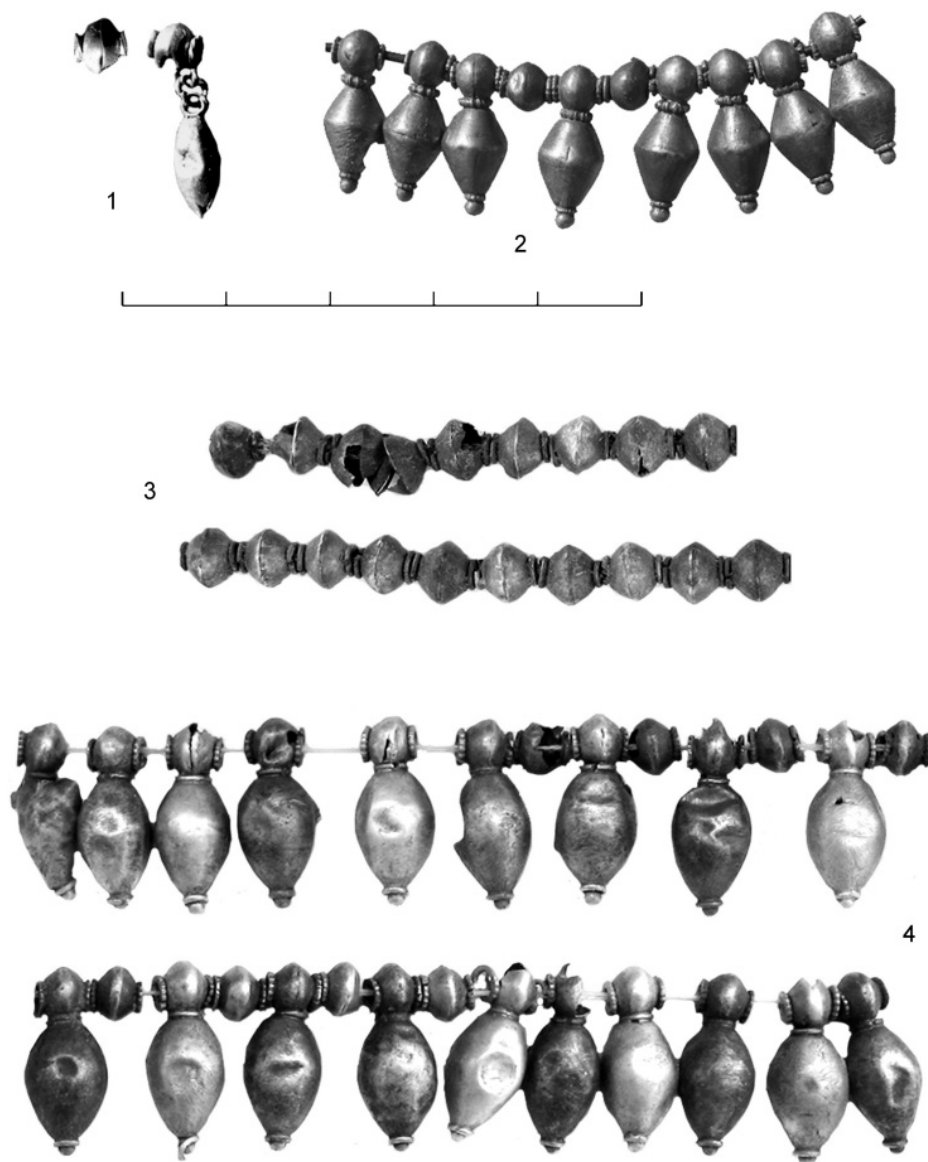

Рис. 2. Артюшенко-2, золотые украшения из погребений: 1 — погр. 20; 2 — погр. 69; 3 — погр. 66; 4 — погр. 47

В различных центрах Северного Причерноморья, в том числе и на Боспоре (в Нимфее и Фанагории), найдено несколько форм для изготовления бусин и других ювелирных изделий (Алексеева 1982: табл. 42; Марченко 1956: 161–162; Уильямс, Огден 1995: 260, 261; Higgins 1980: Pl. 1).

Другим элементом, необходимым при производстве бусин, является тонкая золотая проволока. Ее использовали для отделки отверстий бусин, а также

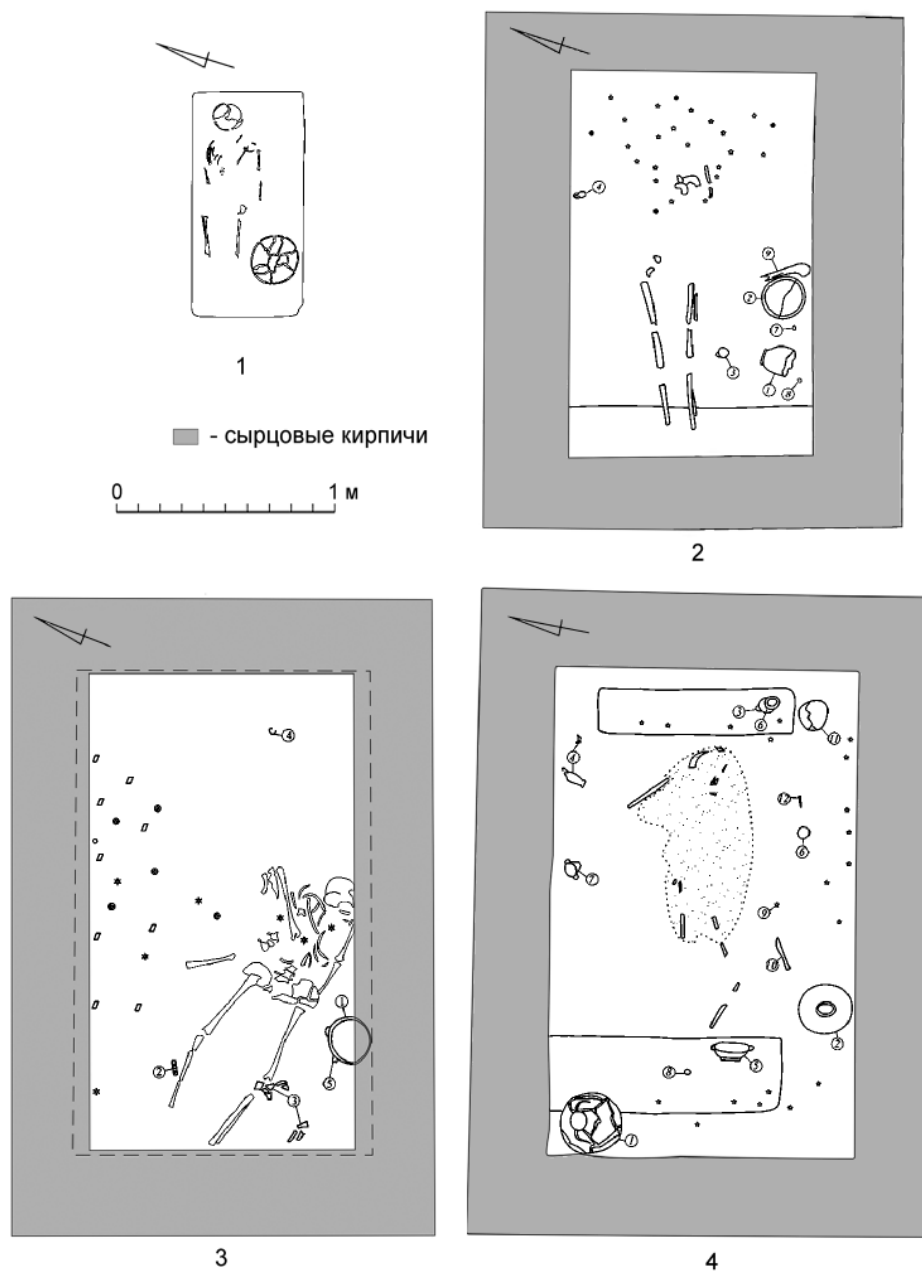

Рис. 3. Артюшенко-2, планы погребений с золотыми украшениями: 1 — погр. 20; 2 — погр. 66; 3 — погр. 69; 4 — погр. 47

мест стыков и припоев. Для получения золотой проволоки мастерам необходимо было освоить процесс вытягивания проволоки (волочения). В разных наборах

бусин были использованы проволоки трех видов — гладкая, витая и рубчатая, т. е. украшенная множеством насечек. Изготовление такой фигурной проволоки требовало дополнительной технологической операции, связанной с ее завивкой или рифлением.

Скорее всего, использование проволоки имеет две важные функции. Первая — это укрепление отверстия бусины для его защиты от повреждения и деформации в процессе носки. Вторая функция — декоративная, т. е. проволоку использовали для дополнительного украшения изделия. Особенно изящно смотрится рубчатая проволока. Такие же функции выполняла проволока, припаянная в местах стыков деталей.

Последняя деталь, имеющаяся у бусин с подвеской, — золотые шарики диаметром около 2 мм. Все шарики довольно правильной круглой формы, без видимых дефектов и заусениц. Это показывает, что процесс производства столь мелких, стандартных деталей был хорошо отлажен. Находки античных ювелирных изделий других категорий показывают, что мастера часто использовали шарики зерни при отделке украшений (Уильямс, Огден 1995: 27).

После изготовления всех деталей ювелиры приступали к сборке бусин, для чего было необходимо владеть технологией пайки тонкого золота. Температура плавления чистого золота равна 1063° С. Ювелирные золотые сплавы содержат различные естественные и искусственные добавки и примеси. Температура плавления таких сплавов немного ниже — 800–1030° С и зависит от процентного содержания тех или иных включений. Для качественной пайки золота необходим припой на основе золотого сплава. Температура пайки золота ниже температуры плавления, в зависимости от состава припоя она может быть около 450–500° С.

Исходя из миниатюрных размеров изделий, можно заключить, что процесс их производства был достаточно сложным, трудоемким и кропотливым. В то же время в каждом из четырех наборов представлены одинаковые по форме и размеру бусины. Между собой наборы немного отличаются вариантами исполнения. Стандартные размеры, формы и конструкции позволяют предположить, что это изделия местных боспорских ювелиров, а нюансы исполнения — особенности формы бусин (округлая, вытянутая или биконическая) и проволоки (витая, рубленая или гладкая и т. д.) могут свидетельствовать о производстве их в разных мастерских или разными мастерами.

На многих бусинах из некрополя Артющенко-2 имеется красноватый налет. Такой же налет на золоте зафиксирован на находках и из других памятников (Там же: 17). Налет этот не плотный и легко стирается. Его образование может быть связано с условиями нахождения золота в земле — засоленностью, составом почвы и химическими процессами, проходящими под их воздействием в сплаве, а также с наличием в составе золота примесей других металлов (серебра, меди и пр.). К сожалению, провести анализ состава металла наших бусин пока не удалось.

В литературе основное внимание уделено парадным, дорогим и богато украшенным античным ювелирным изделиям (Там же), что имеет свои объективные причины и объяснение. Изделия относительно простых форм в большинстве случаев не опубликованы либо опубликованы недостаточно, часто дано только их общее описание или упоминание (Алексеева 1982: 21; Скуднова 1988: 21). Поэтому

полных аналогий нашим бусинам удалось найти немного, однако можно говорить о бусинах той же формы из других материалов, выполненных в той же технике или имеющих такие же детали или конструктивные элементы.

Прежде всего, в некрополе Артющенко-2 в нескольких погребениях встречаются шаровидные бусины с колечками вокруг отверстий, выполненные из серебра (Кашаев 2009: 231, рис. 6, 4; 259, рис. 34, 3–5). Относятся эти погребения к первой половине V в. до н. э.

В Елизаветинских курганах найдено несколько полых, круглых золотых бусин, спаянных из двух половинок (Галанина 2003: 98–99). Наиболее близка к нашим бусина под № 34 (Там же: 93, табл. II). Однако они отличаются реберчатой поверхностью и датируются IV в. до н. э.

В некрополе Тирамбы в могиле № 123 первой половины V в. до н. э. найдена шаровидная бусина с колечками вокруг отверстий (Коровина 1987: 17, рис. 14). Судя по иллюстрации, по форме она полностью аналогична нашим шаровидным бусинам, но, к сожалению, в каталоге не указан материал, из которого эта бусина изготовлена.

Золотые бусины, выполненные в аналогичной технике — шаровидные, полые внутри и спаянные из двух половинок, но без колечек из проволоки вокруг отверстий, найдены на разных памятниках: в некрополях Пичвнари (Vickers, Kakhidze 2004: 416, fig. 246), Ольвии (Скуднова 1988: 149, 152, 155), Елизаветинских курганах (Галанина 2003: 98) и в могильнике Старокорсунского городища (Лимберис, Марченко 2007: 116). Датируются они V–IV вв. до н. э.

По разработанной Е. М. Алексеевой типологии, шаровидные бусины с колечками вокруг отверстий (или очень близкой формы) относятся к вариантам 2–3–16 и 2–3–17 (Алексеева 1975: табл. 1). Бусины такой формы выполнены из разных материалов: 1) стеклянные с металлической прокладкой (Алексеева 1978: табл. 26, 7, 14, 27, 70); 2) стеклянные с внутренней позолотой (Алексеева 1997: табл. 115, 13, 14); 3) полихромные стеклянные с орнаментом (Алексеева 1978: табл. 31, 23–25, 34); 4) из одноцветного стекла (Там же: табл. 33, 2, 3, 17); 5) из серо-голубого стекла (Лесков и др. 2005: 94, табл. 11, 1б).

В некрополе Нимфея стеклянные бусины аналогичной формы (Грач 1999: 202, табл. 28, 7) представлены в могиле рубежа VI–V вв. до н. э.

Аналогий для шаровидных бусин с зерновидными подвесками немного. При этом, будучи близки по форме и технике исполнения бусинам из Артющенко-2, они отличаются от них отделкой, мелкими деталями, гравированным орнаментом и, скорее всего, пробой золота.

Ближайшие аналогии бусинам из погребений 47 и 69 (рис. 2, 2, 4) дает золотое ожерелье из Семибратнего кургана, датируемое третьей четвертью V в. до н. э. (Уильямс, Огден 1995: 129). Оно состоит из 18 шаровидных бусин и 19 бусин с подвесками, полых внутри, отверстия которых укреплены рубчатой проволокой, на кончиках подвесок имеются шарики зерни на проволочной прокладке. Отличием является тончайший гравированный орнамент на каждой бусине и подвеске, выполненный в виде перекрестной штриховки.

Близки по форме нашим находкам и золотые ожерелья из Куриона, крупного полиса на о. Кипр (Там же: 244, 245). Их также отличают некоторые детали исполнения и наличие гравированного орнамента.

Зерновидные подвески различной формы использовались мастерами в качестве элементов ювелирных изделий, часто они были подвешены на колечках (Higgins 1980: Pl. 26–28) или, как в нашем случае, припаяны к круглой бусине (Уильямс, Огден 1995: 43, рис. 37).

Существует мнение, что зерновидные подвески, близкие по форме к нашим, но имеющие прорезанные ребрышки, выполнены в виде семян сладкого укропа-фенхеля, который является священным растением и символом Диониса (Там же: 42). На Боспоре найдены два ожерелья с такими подвесками (Там же: 133; 153), которые датируются концом V–началом IV в. до н. э.

Учитывая взаимосвязь наших зерновидных подвесок с инвентарем из других погребений некрополя, можно предположить, что такая форма подвесок выбрана не случайно. Например, в погребении 70 был найден чернофигурный килик с дионисийским сюжетом, где изображен бородатый персонаж, сидящий на кресле в окружении виноградных лоз. Такие находки могут отражать религиозные воззрения древних жителей поселения Артющенко.

Золотые подвески с прорезным орнаментом датируются примерно третьей четвертью V–первой половиной IV в. до н. э. Не исключено, что прорезной орнамент начал широко распространяться и применяться именно в это время и был еще не характерен для начала V в. до н. э. Таким образом, находки из некрополя Артющенко-2 являются вполне типичными для своего периода и отражают некий этап ювелирной техники, предшествовавший ее бурному развитию на рубеже V–IV вв. до н. э.

Занимавшаяся исследованием боспорских золотых бус П. Ф. Силантьева также отмечала, что ювелирные украшения начинают отличаться разнообразием форм и тонкостью отделки со второй половины V в. до н. э. и, особенно, IV в. до н. э. (Силантьева 1979: 50).

Зерновидные подвески, в том числе очень близкой нашим формы, с шариком на кончике, изготовленные из других материалов, датируются VI–IV вв. до н. э. Таковы, например, подвески из аметиста и гагата (Алексеева 1982: табл. 36, 2, 3), из халцедона и сердолика (Там же: табл. 38, 1, 2), из сердолика, яшмы, хризопраза (Там же: табл. 39, 1, 2) и из бронзы (Там же: табл. 40, 52–55, 64, 65).

Приведенные аналогии показывают широкое распространение на Боспоре в течение длительного времени круглых бусин, бусин с зерновидными подвесками и зерновидных подвесок.

Подводя итоги, необходимо выделить еще несколько моментов. На некрополе Артющенко-2 мужские погребения часто имеют более разнообразный и богатый набор инвентаря, чем женские. В то же время золотые изделия найдены только в захоронениях женщин.

Наши находки, по сравнению с предметами из других богатых захоронений и курганов, не отличаются разнообразием и имеют более скромную отделку. Вероятно, лица, захороненные в некрополе Артющенко, были жителями сельского поселения и не могли приобретать слишком дорогие и роскошные украшения. В то же время форма изделий и техника исполнения золотых бусин из некрополя Артющенко-2 вполне характерны для ювелирных изделий V в. до н. э.

В трех погребениях некрополя вместе с золотыми бусинами были найдены бусины из других материалов. В двух погребениях (№ 20 и 66) встречены круглые

серебряные бусины, совершенно аналогичные золотым (Кашаев 2009: 231, рис. 6, 4; 259, рис. 34, 3–5). В одном погребении (№ 69) находились бусины из гагата, пасты и лигнита (табл. 1). В погребении 47 обнаружено серебряное колечко. Интересно, что в архаическом некрополе Ольвии в могилах с золотыми изделиями находки вещей из серебра практически не представлены (Скуднева 1988: 23).

Нужно отметить также, что общее количество бусин в погребении (как золотых, так и иных по материалу) примерно соответствует количеству лет захороненной в могиле женщины (см. табл. 1). Нарушена эта закономерность в ограбленной могиле № 69. Возможно, что такое совпадение имело некое основание, связанное с присутствием в составе населения варварского элемента, скорее всего, женщин из местных синдо-меотских племен. Последнее подтверждается находками в могилах лепной керамики (Кашаев 2007: 213). Женщины могли привносить с собой традиции и обычаи варварских племен, в том числе обычай отмечать количество прожитых лет количеством бусин.

Представленные находки раскрывают еще одну интересную сторону жизни и обрядовой практики населения памятника Артющенко-2. Однако представленная выборка материалов пока невелика, что затрудняет статистические расчеты и окончательные выводы.

Таблица 1

Характеристики женских погребений с золотыми бусами

№ погребения	Возраст (лет)	Количество золотых бусин	Количество других бусин	Материал других бусин	Всего бусин
20	5–7	2	3	серебро	5
47	20–30	27	0	—	27
66	17–20	20	4	серебро	24
69	22–25	10	6	гагат, паста, лигнит (?)	16

Алексеева 1975 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975 (САИ. Вып. Г1-12, ч. 1).

Алексеева 1978 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ. Вып. Г1-12, ч. 2).

Алексеева 1982 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982 (САИ. Вып. Г1-12, ч. 3).

Алексеева 1997 — Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997.

Галанина 2003 — Галанина Л. К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 89–99.

Грач 1999 — Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Кашаев 2007 — Кашаев С. В. Лепная керамика из некрополя Артющенко-2 // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 209–214.

Кашаев 2009 — Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь. 2009. С. 188–267 (БИ. Т. 22).

Коровина 1987 — Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1987. Вып. 8. С. 3–70.

Лесков и др. 2005 — Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI–начале III в. до н. э. Некрополи у аула Уляп. М., 2005.

Лимберис, Марченко 2007 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Раскопки могильника Старо-корсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2007. № 7. С. 70–150.

Марченко 1956 — *Марченко И. Д.* Две литейные формы из Фанагории // МИА. М., 1956. № 57. С. 161–163.

Силантьева 1979 — *Силантьева П. Ф.* Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху Л., 1979. С. 49–58.

Скуднова 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

Уильямс, Огден 1995 — *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. СПб., 1995.

Higgins 1980 — *Higgins R.* Greek and roman jewellery. London, 1980.

Vickers, Kakhidze 2004 — *Vickers M., Kakhidze A.* Pichvnari 1998–2002. Greeks and colchians on the east coast of the Black sea. Batumi; Oxford, 2004.

GOLD ADORNMENTS FROM THE NECROPOLIS OF ARTYUSHCHENKO-2

S. V. Kashaev

The necropolis of Artyushchenko-2 is situated on the steep-to Black Sea coast 17 km south-east of the stanitsa of Taman' and 4 km south-east of the Artyushchenko settlement (Temryuk district of the Krasnodar region).

Over 2 500 000 м² of the necropolis were explored in 2003–2009. As a result, 81 intact burials and 5 disturbed by grave robbers were studied. The inventory of most of the burials can be dated to the early 5th–middle 4th c. BC.

The paper deals with gold beads found in several burials. They are represented by two main types: type 1 — round hollow beads of two soldered halves; type 2 — analogous round beads with a grain-shaped pendant in the lower part.

Burial 20 (fig. 3, 1) yielded two gold beads (fig. 1, 1; 2, 1): a globular one, and a globular with a grain-shaped pendant. **Burial 47** (fig. 3, 4) gave 27 gold beads, including 8 globular and 19 globular with grain-shaped pendants (fig. 1, 4; 2, 4). Twenty globular gold beads (fig. 1, 3; 2, 3) were found in **burial 66** (fig. 3, 2), while **burial 69** (fig. 3, 3) yielded 10 gold beads, 2 of which belonged to the first type, and 8 to the second one (fig. 1, 4; 2, 4).

The sets of gold beads from these burials can be dated after the accompanying finds — Greek clay vessels of the first quarter of the 5th c. BC.

О МЕСТЕ НАХОДКИ СКИФСКОГО НАВЕРШИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАПАЯ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ)

М. Ю. ВАХТИНА, С. А. СКОРЫЙ, В. А. РОМАШКО

В кругу скифских металлических культовых наверший (Мелюкова 1989: 99), число которых ныне приближается к полутораста находкам,¹ бесспорно, особое место занимает бронзовое изделие с весьма выразительным центральным персонажем, которого принято считать изображением верховного бога скифского пантеона Папая — родоначальника всех скифов. Навершие хранится в Киеве, в Национальном музее истории Украины (далее — НМИУ, инв. № Б 2380). Описывать предмет и останавливаться на проблеме его семантики не имеет смысла в рамках данной статьи — этот артефакт многократно издавался и хорошо известен всем специалистам (рис. 1).

По классификации Е. В. Переводчиковой, наиболее основательно проанализировавшей эту категорию ритуальных предметов, экземпляр из НМИУ относится к III типу — навершиям с несколькими ветвями. К этому же типу принадлежат и навершие с тремя ветвями из скифского царского кургана Александрополь (Переводчикова 1980: 26).

По поводу даты изделия из НМИУ (возможно, в определенной степени и из-за случайного характера его обнаружения) существует широкий спектр суждений: начало V в. до н.э. (Граков 1971: 83), V в. до н.э. (Бессонова 1997: 19; Великая Скифия 2002: 247), V–IV вв. до н.э. (Золото Степу... 1991: 319, № 121), начало IV в. до н.э. (Археологічні пам'ятки... 1966: 77), IV в. до н.э. (Steppens nomader... 1994: 40, 71; Scythian Gold... 1999: 145, № 39), IV–начало III в. до н.э. (Переводчикова 1980: 32).

Но вот что любопытно: и о конкретном месте находки этого яркого памятника, вошедшего в скифскую «классику», до сих пор нет единого мнения. Между тем выяснение этого факта является не менее, а возможно — более важным в оценке значимости данного навершия в контексте скифской культуры, чем его максимально верно определенная дата.

Итак, в наиболее известных изданиях, в том числе по скифской археологии, приводятся различные версии о месте обнаружения навершия: 1) Днепропетровская область, Лысяя Гора (Граков 1947: 85; Мелюкова 1989: 160, рис. 2); 2) Днепропетровщина (Артамонов 1961: 75; Переводчикова 1980: 32); 3) урочище Лысяя Гора под Днепропетровском (Іллінська 1963: 42; Археологія Української РСР 1971: 154; Граков 1971: 84; Бессонова 1983: 41; 1997: 6; Давня історія України 1989: 143); 4) Днепропетровск, урочище Лысяя Гора (Археологічні пам'ятки... 1966: 77; Steppens nomader... 1994: 71); 5) Днепропетровск, урочище Лысяя Гора, насыпь кургана (Черненко, Бессонова, Болтрик и др. 1986: 21). Отметим, что, несмотря на определенные расхождения, во всех работах место находки упомянутого навершия уверенно соотносится с Днепропетровщиной.

¹ А. И. Мелюкова в своей работе, изданной в конце 80-х гг. прошлого века, привела данные о 140 экземплярах. Однако за последние 20 лет число их увеличилось как минимум на 10 находок.

Рис. 1. Навершие с изображением Папая (с. Ново-Павловка — Лысяя Гора Днепропетровской обл., территория современного г. Никополя)

При первой публикации изображения данного предмета (Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. 1899: рис. на с. 14) не было сказано, откуда происходит находка, а лишь указывалось, что это экспонат Киевского музея древностей и искусств. По сути, первым, кто соотнес место находки навершия с Днепропетровщиной, был Б. Н. Граков в 1940-х гг. (Граков 1947: 85), и эта географическая локализация стала общепризнанной, достигнув со временем в некоторых работах удивительной «точности», вплоть до помещения изделия в насыпь кургана в урочище Лысяя Гора в самом Днепропетровске.

Как нам представляется, основанием для Б. Н. Гракова «привязывать» навершие с изображением Папая к Днепропетровщине послужила, скорее всего, информация кого-либо из сотрудников Центрального исторического музея (ныне НМИУ), где исследователь побывал еще в довоенное время (в конце 1930-х гг.), в период его раскопок скифских курганов на юге Украины и работы над книгой «Скіфи».² Конечно, Б. Н. Граков видел навершие и, по всей видимости, сам сделал его зарисовку, приведенную в книге.

² В 1937–1940 гг. Б. Н. Граков осуществил первый цикл работ по исследованию скифских погребений Никопольского курганного поля на Днепропетровщине (Граков 1962: 56–57).

Мог он, разумеется, и ознакомиться с хранящимся в научном архиве упомянутого музея «Рукописным каталогом Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств», где по поводу намерения с изображением Папая имеется следующая запись: «Поступило в 1897 г. от Императорской археологической комиссии из коллекции, приобретенной от В. В. Хвойки. Найдено на Лысой горе Екатеринославской губернии». Номер поступления Им. № 2146/n (Рукописный каталог...: 58).³ Однако мы полагаем, что при таком «географическом» посыле связывать находку непременно с Днепропетровщиной оснований нет (что, конечно же, и не сделал бы Б. Н. Граков!), ибо Екатеринославская губерния в Российской империи охватывала территорию намного значительнее по масштабам, нежели современная Днепропетровщина. По-видимому, все же у ученого была некая информация, позволившая ему соотносить намерение с изображением Папая именно с Днепропетровщиной.

Важным обстоятельством упомянутой записи в рукописном каталоге является указание о принадлежности намерения с изображением Папая к коллекции, приобретенной у частных лиц (?) в 90-х гг. XIX в. известным археологом В. В. Хвойкой.

К счастью, в кругу научных материалов В. В. Хвойки, хранящихся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН), в эпистолярном наследии ученого, сохранилась переписка между В. В. Хвойкой и председателем Императорской Археологической Комиссии (ИАК) графом А. А. Бобринским, непосредственно касающаяся интересующего нас намерения (Вахтина 2009: 444–446). Информация эта столь интересна, что позволим себе привести здесь обширный отрывок из одного письма,⁴ а из других — использовать необходимые цитаты.

Из письма В. В. Хвойки А. А. Бобринскому (НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 1):

«Ваше Сиятельство Алексей Александрович!

...Спешу сообщить Вашему сиятельству о моем новом приобретении. Предмет, о котором идет речь и набросок которого прилагаю в настоящем письме, сделан из бронзы высотой 36, а шириною 37 см. Найден в Екатеринославской губ. и у. село Лысая Гора.

Как приблизительно видно из моего рисунка (не вполне законченного), состоит он из конусообразной с 4 дырками основы, над которой находится сверху человеческая фигура с орлом на голове. От середины указанного основания идут 4 ветви, заканчивающиеся сверху каждая орлами, вдоль каждой ветви имеется по 4 изображения зверей.

От орлов (их 5) спускаются цепочки с привесками, заканчивающиеся везде колокольчиками.

Смотря на самый предмет, можно предполагать, что он изображал собой скифское знамя. Сообщая об этом Вашему сиятельству, имею честь оставаться,

С истинным и глубоким уважением

В. Хвойко
Киев 18 сентября 1896 г.».

К письму В. В. Хвойки прилагался карандашный рисунок «скифского знамени» (Там же: л. 2), выполненный автором (рис. 2).

³ Искренне благодарим старшего научного сотрудника Национального музея истории Украины С. В. Диденко за любезно предоставленную информацию.

⁴ Небольшой отрывок из этого письма приводится в книге И. Чернякова (2006: 95).

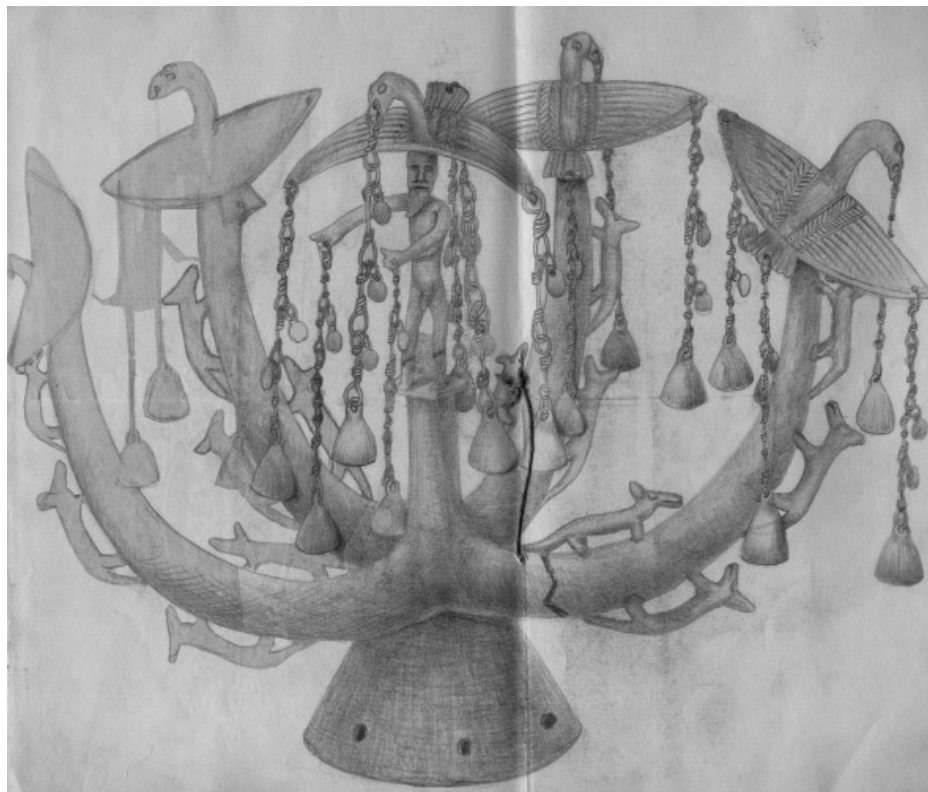

Рис. 2. Навершие с изображением Папая (рисунок В. В. Хвойко; НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 2)

В ответном письме от 19 октября А. А. Бобринский обратился с просьбой к В. В. Хвойке «доставить предметы, найденные при раскопках, а также дневники и чертежи в Петербург» (Там же: л. 4). Несомненно, говоря о присылке вещей из коллекции В. В. Хвойки, А. А. Бобринский имел в виду и навершие, что подтверждается сведениями из последующих писем.

В письме от 28 октября 1896 г. в ИАК В. В. Хвойка сообщил, что, несмотря на занятость (в это время он находился в числе присяжных заседателей при киевском Окружном суде), он приложит «все <...> старания, дабы высылка коих предметов, а также объясняющих их документов была мною совершена не позже 10-го ноября с. г.».

В упомянутом деле «О высылке в Комиссию для представления на Высочайшее воззрение собрания древностей В. В. Хвойки» сохранилась опись коллекции В. В. Хвойки, переданной в ИАК, составленная им 17 ноября 1896 г. (Там же: л. 6–7). В ней приводятся данные о более чем 3000 предметах археологии. Фигурирует и «скифское знамя», в «ящике № 5» (Там же: л. 6).

Уже после отсылки коллекции в Санкт-Петербург В. В. Хвойка, сообщая А. А. Бобринскому о своих новых приобретениях, вновь упомянул о навершии, найденном на Лысой Горе:

«...Кроме того, покорнейше прошу Ваше Сиятельство, извинения за некоторые упущения, которые по ошибке произошли в некоторых надписях ярлыков, как, например, при бронзовом предмете, представляющем скифское знамя, написано „Козья Гора“ вместо „Лысая Гора“ (Там же: л. 9).

О присылке в ИАК коллекции В. В. Хвойки было сообщено в Отчете Императорской Археологической Комиссии за 1896 г., где она характеризуется как «богатое собрание древностей», которое «представляет наглядную картину развития культуры в Южной России, начиная от первобытных человеческих изделий до изящных поделок более позднего времени». При этом подчеркивалось, что «особого внимания заслуживает загадочный предмет из бронзы, приспособленный для надевания на древко и изображающий человеческую фигуру, с орлом на голове; от этой фигуры расходятся 4 боковые ветви, с изображением животных и хищных птиц, к которым привешены цепочки и колокольчики» (ОАК 1898: 122–123).

В конце 1896 г. коллекция В. В. Хвойки была представлена на ежегодной выставке Императорской Археологической Комиссии. В архивном деле хранятся фотографии планшетов с экспонируемыми вещами (НА ИИМК РАН, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 100, 101); на одной из них в центре можно увидеть навершие, которому посвящена эта статья (рис. 3).

В начале 1897 г. А. А. Бобринский ведет переговоры о покупке коллекции В. В. Хвойки, предварительно согласовав с последним вопрос о стоимости всего собрания. Чтобы изыскать для этого средства, А. А. Бобринский обратился к министру Двора графу А. П. Игнатьеву. Приведем отрывок из письма А. А. Бобринского от 27 января (Там же: л. 5).

«Милостивый Государь
Граф Александр Павлович!

Летом 1896 г. Мне пришлось ознакомиться в г. Киеве с собранием местных древностей г. Хвойко, которому я предложил представить свое собрание в Имп. Археологическую Комиссию для подробного осмотра.

<...> г. Хвойко доставил в Комиссию коллекцию, заключающую свыше 3 тыс. номеров. Собрание это состоит главным образом из древностей, найденных в г. Киеве и его окрестностях, и представляет наглядную картину развития цивилизации в южной России, от первобытных человеческих изделий до изящных поделок более позднего времени.

Императорская Археологическая Комиссия, ознакомившаяся с этими вещами, признала весьма желательным приобрести это собрание для помещения в какое-либо древнехранилище и полагала вполне целесообразным, чтобы коллекция г. Хвойко поступила целиком в строящийся ныне в Киеве Музей древностей и искусства.

Намереваясь возбудить через Министра Имп. Двора ходатайство о приобретении собрания г. Хвойко, я предварительно обращаюсь к Вашему Сиятельству, столь заботливо относящегося к делу сооружения Киевского Музея, с покорнейшею просьбою поддержать со своей стороны мое ходатайство перед Министром Имп. Двора.

При этом долгом считаю присовокупить, что г. Хвойко оценивает свое собрание в 8 тыс. руб. серебром и что в моем ходатайстве я полагаю просить о приобретении собрания за эту цену, которая будет определена при надлежащей оценке вещей, в Археологической Комиссии...

Вашего Сиятельства покорный слуга
Гр. А. Бобринский».

Однако для покупки коллекции удалось добиться выделения гораздо более скромной суммы, чем та, которая была оговорена первоначально, о чем

Рис. 3. Планшет с вещами из коллекции В. В. Хвойко, представленной на ежегодной выставке ИАК в Санкт-Петербурге в 1896 г. (НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1896 г., д. 199, л. 100). В центре — навершие

А. А. Бобринский и сообщил В. В. Хвойко, информировав его и о том, куда будет передано его собрание древностей. Нельзя не процитировать и ответ В. В. Хвойко, написанный им А. А. Бобринскому 11 апреля 1897 г. (Там же: л. 16)

«Получив для меня весьма лестное письмо Вашего Сиятельства от 7 с. м. и руководствуясь советом Вашего Сиятельства относительно уступки моей коллекции Правительству для будущего Киевского Музея, я, со своей стороны, несмотря на мои весьма ограниченные средства, которыми я располагаю, и чувствительную для меня в материальном отношении потерю, согласен уступить правительству все высланные мною на рассмотрение Императорской Археологической Комиссии предметы за предлагаемую мне Вашим Сиятельством цену 4000 рублей, будучи нравственно удовлетворен тем, что моя заветная мечта, при содействии Вашего Сиятельства, будет, к моей полной радости и удовлетворению — исполнена и добытые мною многими годами труда предметы достанутся дорогому для меня и всегда любимому мною — городу Киеву.

Принося искреннюю благодарность за содействие в приобретении Императорской Археологической Комиссии высланных мною предметов, имею честь остаться

С глубоким уважением и почтением покорнейшим слугой Вашего Сиятельства,
В. Хвойко».

Примерно после полугода пребывания в Санкт-Петербурге коллекция В. В. Хвойки вернулась в Киев. Ее присылке предшествовало письмо ИАК от 11 мая 1897 г. Попечителю Киевского Учебного округа с вопросом — куда отправлять на хранение коллекцию Хвойки, предназначенную для строящегося в Киеве музея древностей и искусств⁵ (Там же: л. 20). На полях копии этого документа можно прочесть и содержание полученного из Киева ответа: временно поместить коллекцию в Киевском университете Святого Владимира, сделав ответственным за ее хранение профессора В. Б. Антоновича. Небольшая заминка с отправкой коллекции произошла из-за того, что Комиссия некоторое время не могла связаться непосредственно с самим Антоновичем. Об этом свидетельствует телеграмма, посланная в университет: «Прошу сообщить, где профессор Антонович. Граф Бобринский» и полученный 12 мая ответ: «Антонович до 20 мая в Париже. Секретарь Исаев» (Там же: л. 21–22). Наконец вернувшийся Антонович разрешает последние сомнения, направив в Комиссию телеграмму: «Университет согласен хранить коллекцию подробности письмом. Антонович» (Там же: л. 27).

В письме от 19 августа 1897 г., направленном Киевским университетом Святого Владимира в ИАК, сообщается, что коллекция В. В. Хвойки 9 июля 1897 г. получена «в девяти опечатанных казенною печатью ящиках» и передана на хранение заведующему мюнц-кабинетом профессору В. Б. Антоновичу (Там же: л. 31).

Еще до официального открытия киевского городского музея вещи из коллекции В. В. Хвойки экспонировались на отдельной археологической выставке, устроенной в Киеве в 1897 г. членами Киевского общества древностей и искусств. В. В. Хвойке в это время предложили стать заведующим музеем упомянутого общества (Колеснікова 2007: 122). К открытию выставки было приурочено издание «Указателя выставки Киевского Общества древностей и искусств» (Черняков 2006: 140). Но экспонировалось ли на этой выставке наверхие с изображением Папая?

15 ноября 1899 г. в Киевское общество древностей и искусств были переданы 6 карандашных, 10 акварельных рисунков и одна фотография, выполненные

⁵ Ныне здание Киевского государственного музея украинского искусства.

В. В. Хвойко, и «подлинная опись, составленная г. В. В. Хвойка предметов древности его коллекций» (НА ИИМК РАН, д. 199, л. 11, 34).

Киевский городской музей, строительство здания которого было окончено к 1900 г., именовался в это время «Музей древности и искусств», но при официальном открытии (30 декабря 1904 г.) получил иное наименование — «Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Его Величества Государя Императора Николая Александровича» (Черняков 2006: 143). Коллекция В. В. Хвойки органично вошла в выставочный фонд нового музея, о чем свидетельствуют многочисленные начиная с 1900 г. и по 1913 г. каталоги предметов археологии, экспонирующихся в Киевском музее. Но вот что вызывает удивление: ни в одном из упомянутых изданий бронзовое навершие с Папаем не упоминается (Краткий указатель предметов... 1900; 1902; Киевский художественно-промышленный и научный музей... 1906; 1910; 1911; 1913). По этому поводу можно высказать две версии: 1) навершие не было передано в Киевский музей вместе со всей остальной коллекцией и хранилось до определенного времени в музее университета св. Владимира; 2) оно поступило в Киевский музей, но сохранность вещи была такова, что ее решили не экспонировать, т. е. она до определенного времени находилась в фондах.

Вторая версия — предпочтительнее. Как стало ныне известно, навершие с изображением Папая было выставлено в экспозиции Киевского исторического музея (позже — НМИУ) лишь в 1966 г., после реставрации, с соответствующей подписью о находке предмета на Лысой Горе у Днепропетровска (Державний історичний музей... 1966: 21–22). До этого изделие находилось в фондах музея, в связи с плохой сохранностью.⁶ Таким образом, Б. Н. Граков в конце 30-х гг. XX в. видел этот предмет, безусловно, в фондах, а не в экспозиции.

Но вернемся к вопросу о месте обнаружения навершия. Имели ли место попытки пересмотра версии о днепропетровской локализации этого далеко не ординарного скифского изделия в свете упомянутых данных о нем, которые сохранились в научных архивах НМИУ (Киев) и ИИМК РАН (Санкт-Петербург)?

Такие попытки были предприняты А. М. Шовкопляс (2000) и Ю. В. Болтриком (2002), хотя, к сожалению, в печати нашло отражение лишь мнение первого автора. В статье, посвященной научной деятельности В. В. Хвойки, А. М. Шовкопляс без каких-либо сомнений и никак не аргументируя свое мнение, указывает: «...бронзовий навершник скіфського божества, знайдений в с. Лисогірка Запорізької обл.» (Шовкопляс 2000: 7, 19). Ей вторит в рукописи кандидатской диссертации Ю. В. Болтрик, который по данному поводу написал буквально следующее: «...навершшя з Папаєм помилково вважають знайденим в Дніпропетровську або на Дніпропетровщині. Походить же воно з Лисої Гори Катеринославської губернії, зараз це територія села Лисогорка Запорізького р-ну Запорізької обл.» (Болтрик 2002: 265).

Подобное определение места находки навершия представляется нам ошибочным. Во-первых, перепутаны два понятия — песчаный холм («пагорб»)

⁶ Искренне благодарим за информацию ст. науч. сотр. Национального музея истории Украины С. В. Диденко. Примечательно, что в путеводителе по Киевскому историческому музею, изданном в 1965 г., навершие лишь упоминается, но о его наличии в экспозиции музея, так же как и о месте находки, речь не идет (Киевский государственный исторический музей 1965: 18).

Рис. 4. Песчаный холм Лысяя Гора вблизи Александровска (совр. Запорожье) на «Специальной карте России», подготовленной для Генерального штаба в 1860–1900 гг. (ряд XXVIII, лист 13)

Лысяя Гора в нынешней Запорожской области (который действительно отмечен на картах XIX–начала XX в. и на месте которого существует ныне село Лысогорка) и село Лысяя Гора, о чем четко сказано в приводимом выше письме В. В. Хвойки в ИАК и с которым, судя по ссылкам в работах, оба автора знакомы. Во-вторых (что имеет принципиальное значение), в упомянутом письме В. В. Хвойки речь идет не просто о селе Лысяя Гора, а о населенном пункте, что расположен в *Екатеринославском уезде*. Между тем Лысяя Гора, о которой пишут А. М. Шовкопляс и Ю. В. Болтрик, находится под Запорожьем (дореволюционный Александровск), в районе, который по административно-территориальному делению Российской империи вплоть до начала XX в. принадлежал *Александровскому уезду*, что легко прояснить, обратившись к соответствующим источникам XIX–начала XX в. (рис. 4).

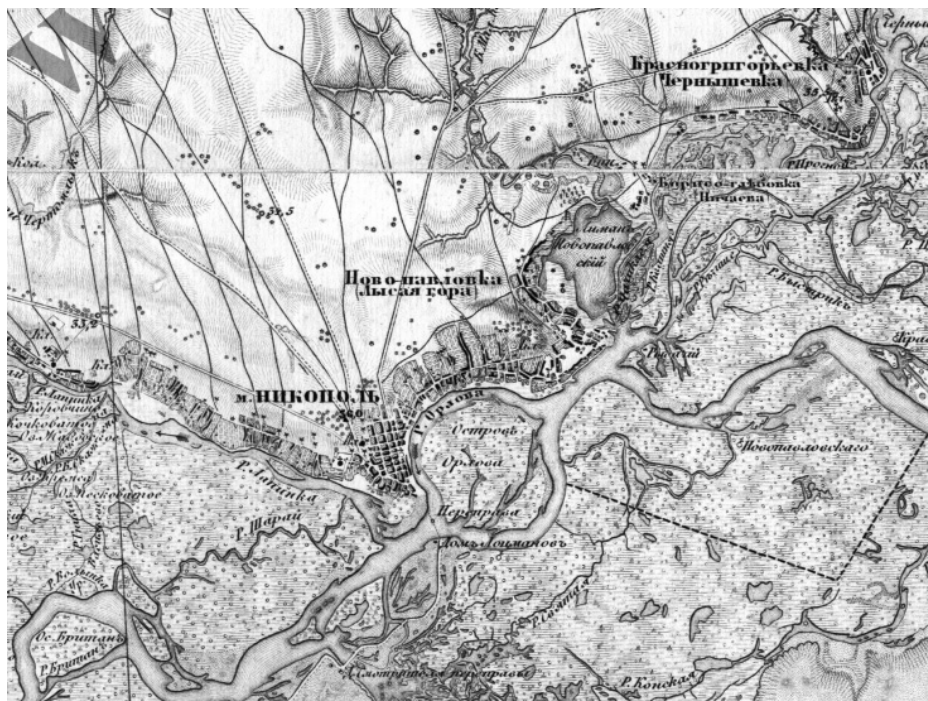

Рис. 5. Село Ново-Павловка (Лысая Гора) вблизи Никополя на «Специальной карте России», подготовленной для Генерального штаба в 1860–1900 гг. (ряд XXVIII, лист 13)

В связи со сказанным мы тщательно ознакомились с картографическими сведениями, касающимися населенных пунктов Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии, в том числе — крупномасштабной «Специальной картой России», подготовленной для Генерального штаба в 1860–1900 гг. военно-топографическим отделом указанного ведомства, а также информацией, содержащейся в «Списках населенных мест Российской империи, составленных и изданных Центральной статистической комиссией Министерства внутренних дел» (т. 13. «Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством». СПб., 1863), т. е. использовали источники XIX в., времени, когда было найдено намершие с изображением Папая.

В итоге удалось выяснить, что *единственным* населенным пунктом в Екатеринославском уезде одноименной губернии, имеющим название «Лысая Гора», являлось с. Ново-Павловка (второе название — Лысая Гора). Данный населенный пункт на упомянутой карте 1860–1900 гг. расположен к северу от местечка Никополь (рис. 5; Специальная карта России, ряд XXVIII, лист 13). В описании его местоположения сказано следующее: «с. Ново-Павловка (Лысая Гора) расположено по р. Днепр от колонии Старого Консвейда до местечка Никополь» (Списки населенных мест Российской империи... 1863: 18).

Со временем растущий индустриальный Никополь поглотил близлежащее село, как это часто имело место в истории промышленных развивающихся городов. В любом случае на современной двухкилометровой карте

Днепропетровской области поблизости с Никополем никаких населенных пунктов с подобным названием нет.⁷

Локализация *точного места* находки навершия с Папаем в районе Никополя, безусловно, имеет значение для скифоведения. Нет сомнения, что указанное навершие являлось не просто выдающимся культовым предметом, но и атрибутом или царским штандартом. По этой причине находка его в районе Никополя, который расположен в центральной части предполагаемого Герроса — области, где находились места погребения скифских царей (Мозолевский 1986: 76–77, рис. 1), вполне закономерна. Как известно, территория к северу от Каменско-Никопольской переправы изобилует скифскими курганами, среди которых, наряду с многочисленными рядовыми погребениями, присутствует значительное число курганов скифской элиты (например, Толстая, Хомина, Нечаева, Орлова Могилы), в том числе и одна из четырех усыпальниц высшей скифской аристократии — царский курган Чертомлык (Черненко, Бессонова, Болтрик и др. 1986: 22–26, рис. 1).

В заключение необходимо отметить, что фрагменты такого же бронзового навершия были случайно обнаружены экспедицией под руководством А. И. Тереножкина в 1963 г. близ с. Марьянское Апостоловского р-на Днепропетровской обл.⁸ (Бессонова 1983: 41; Trésors des steppes d'Ukraine 1998: 47),⁹ также на правом берегу Днепра к востоку от Никополя или к югу от Орджоникидзе, т. е. в районе скифского Герроса (рис. 6).

Любопытно, что и третье навершие, из Александрополя, относящееся к типу наверший с несколькими ветвями, также происходит из упомянутого района.

Крайне редкая встречаемость металлических наверший с несколькими ветвями (в том числе с изображением Папая), их семантика, размеры, единичность находок позволяют поставить под сомнение версию о том, что такие навершия являлись украшениями погребальных повозок (Болтрик 2002: 265–266). Их следует расценивать как высшие социальные символы скифской элиты и, вероятно, особые культовые атрибуты.

Итак, оба навершия с изображением Папая, о которых в науке есть достоверная информация,¹⁰ совершенно четко увязываются с районом элитных скифских курганов района Каменско-Никопольской переправы, где, по мнению Б. Н. Мозолевого, существовала не только область Герры, но и одно из трех скифских царств, располагавшихся в степях Северного Причерноморья (Мозолевский 1990: 126–127).

⁷ Есть, правда, еще одна Новопавловка, находящаяся почти в 40 км к северо-востоку от Никополя в Томаковском р-не, но этот пункт под подобным названием на карте XIX в. отсутствует.

⁸ Б. Н. Граков, ссылаясь на информацию А. И. Тереножкина, писал, что навершие было обнаружено к западу от Никополя, на одном из курганов между селами Алексеевка и Покровка (Граков 1972: 11). Однако, как справедливо отметил Ю. В. Болтрик (2002: 266), в отчете А. И. Тереножкина этот курган привязывается к с. Марьянское. Навершие ныне выставлено в экспозиции Археологического музея Института археологии НАН Украины (инв. № АМ-774 / 6528–6529).

⁹ В связи с этим И. Т. Черняков не прав, утверждая, что навершие с изображением Папая, хранящееся в НМИУ, «едине поки що» и соответственно — уникально (Черняков 2006: 95).

¹⁰ В последние годы появилась информация еще об одном навершии с изображением Папая, имеющем ряд отличий от указанных двух экземпляров, которое якобы, наряду с иными предметами, было обнаружено современными грабителями в каменном склепе на территории Роксолановского городища (античный Никоний) в 1994 г. (Рябова, Лежух 2001). Но, поскольку эти сведения происходят не из достоверных научных источников, к ним следует относиться соответствующим образом.

Рис. 6. Фрагменты навершия (с. Марьянское Днепропетровской обл.)

Артамонов 1961 — *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57–87.

Археологічні пам'ятки... 1966 — Археологічні пам'ятки Української РСР (короткий опис). Київ, 1966.

Археологія Української РСР 1971 — Археологія Української РСР. Київ, 1971. Т. 2.

Бессонова 1983 — *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Бессонова 1997 — *Бессонова С. С.* Религия скифов. Николаев, 1997.

Болтрик 2002 — *Болтрик Ю. В.* Курганне будівництво скіфів у V–IV ст. до Н. Х. (за матеріалами поховальних комплексів Дніпровсько-Молочанського межиріччя): Дисертація на здобуття наукового ступення кандидата історичних наук. Київ, 2002 // НА ІА НАНУ, № 821.

Вахтина 2009 — *Вахтина М. Ю.* Императорская Археологическая Комиссия и скифские древности юга Российской Империи // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). СПб., 2009. С. 402–486.

Великая Скифия 2002 — Великая Скифия: Уч. пособие для специального курса лекций по археологии. Киев; Запорожье, 2002.

Граков 1947 — *Граков Б.* Скифы. Київ, 1947.

Граков 1962 — *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962. С. 56–113 (МИА. № 115).

Граков 1971 — *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.

Граков 1972 — *Граков Б. Н.* Бортничество у отдельных первобытных племен Европейской части СССР // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 8–12.

Давня історія України 1989 — Давня історія України. Київ, 1989. Т. 2.

Державний історичний музей... 1966 — Державний історичний музей Української РСР: Путівник (дожовтневий період). Київ, 1966.

- Золото Степу... 1991 — Золото Степу. Археологія України. Київ; Шлезвіг, 1991.
- Іллінська 1963 — *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники // Археологія. 1963. Т. 15. С. 33–60.
- Киевский государственный исторический музей 1965 — Киевский государственный исторический музей: Путеводитель. Киев, 1965.
- Киевский художественно-промышленный и научный музей... 1906 — Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Его Величества Государя Императора Николая Александровича. Отдел археологии: Краткий указатель предметов. Киев, 1906.
- Киевский художественно-промышленный и научный музей... 1910 — Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Его Величества Государя Императора Николая Александровича. Отдел археологии: Краткий указатель предметов. Киев, 1910.
- Киевский художественно-промышленный и научный музей... 1911 — Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Его Величества Государя Императора Николая Александровича. Отдел археологии: Краткий указатель предметов. Киев, 1911.
- Киевский художественно-промышленный и научный музей... 1913 — Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Его Величества Государя Императора Николая Александровича. Отдел археологии: Краткий указатель предметов. Киев, 1913.
- Колеснікова 2007 — *Колеснікова В. А.* Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. Київ, 2007.
- Краткий указатель предметов... 1900 — Краткий указатель предметов, помещенных в Киевском музее древностей и искусств. Киев, 1900.
- Краткий указатель предметов... 1902 — Краткий указатель предметов, помещенных в Киевском музее древностей и искусств. Киев, 1902.
- Мелюкова 1989 — *Мелюкова А. И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Мозолевский 1986 — *Мозолевский Б. Н.* К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. № 2. С. 70–84.
- Мозолевський 1990 — *Мозолевський Б. М.* Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. № 1. С. 122–138.
- ОАК 1898 — ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
- О высылке в Комиссию для представления на Высочайшее воззрение собрания древностей В. В. Хвойки // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1896 г., д. 199.
- Переводчикова 1980 — *Переводчикова Е. В.* Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 23–44.
- Рукописный каталог... — Рукописный каталог Археологического отдела Киевского музея древности и искусств. Т. 1 (номер поступления — I м. № 2146 / п) // НА НМИУ.
- Рябова, Лежух 2001 — *Рябова В. А., Лежух И. П.* «Черная археология» и история скифского царя Скила // Восточноевропейский журнал археологии. 2001 (<http://www.archaeology.kiev.ua/journal/>). № 2 (9) (март — апрель).
- Списки населенных мест Российской империи... 1863 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и изданные Центральной статистической комиссией Министерства внутренних дел. СПб., 1863. Т. 13. Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством.
- Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. 1899 — *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Киев, 1899. Вып. 2.
- Черненко, Бессонова, Болтрик и др. 1986 — *Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. В., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986.
- Черняков 2006 — *Черняков І.* Вікентій Хвойка (1850–1914). Київ, 2006.
- Шовкопляс 2000 — *Шовкопляс Г. М.* Вікентій В'ячеславович Хвойка — видатний український археолог (до 150-річчя від дня народження) // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від дня народження). Київ, 2000. С. 4–25.
- Steppens nomader... 1994 — Steppens nomader — skovens bonder. Hollufgård, 1994.
- Scythian Gold... 1999 — Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New York, 1999.
- Trésors des steppes d'Ukraine 1998 — Trésors des steppes d'Ukraine: Mémoire d'une exposition. Montréal, 1998.

ON THE PROVENIENCE OF THE SCYTHIAN FINIAL WITH THE IMAGE OF PAPAI FROM THE NATIONAL MUSEUM OF HISTORY OF UKRAINE

M. Yu. Vakhtina, S. A. Skory, V. A. Romashko

Among the Scythian metal finials (about 150 items) a special position undoubtedly belongs to the bronze artifact from the collection of the National Museum of History of Ukraine (Kiev), bearing a very expressive image in its central part (fig. 1). The image is thought to represent Papai — the supreme god of the Scythian pantheon and the ancestor of the Scythians. In spite of the fact that this artifact has long become a part of the Scythian «classics», there are different views regarding the place of its discovery. According to the majority view, it comes from some location in the Dnepropetrovsk region, but until recently the arguments in favor of this opinion remained rather weak. According to another, newly proposed hypothesis, «Papai» was found at the village of Lysogorka of the Zaporozhie region.

The finial was acquired in 1896 by V. V. Khvoika, whose collection was then transferred to the Imperial Archaeological Commission in St. Petersburg. However, the object under consideration was then returned back to Kiev to become a part of the exhibition in the Museum of Antiquities and Art. We examined the archive materials relevant to the subject in both the National Museum of History of Ukraine and the Institute for the History of Material Culture (St. Petersburg). The comparison of the archive information with the data present on large-scale maps and in the lists of the residential places which existed in the 19th c. has led the authors to the unambiguous conclusion that «Papai» was found at the village of Novo-Pavlovka (Lysaya Gora) to the north of the town of Nikopol in the Dnepropetrovsk region.

This area is situated in the central part of what is supposed to be Herros — the region where the Scythians buried their tsars. As is widely known, the area to the north of the Kamenka-Nikopol crossing is abundant with Scythian barrows, many of which represent burials of noble people (for instance, Tolstaya, Khomina, Nechaeva, Orlova graves, etc.). The famous Chertomlyk barrow, one of the four sepulchres of the highest Scythian aristocrats, is situated here, too.

Fragments of a similar finial with «Papai» (fig. 6) were found in 1963 near the village of Maryanskoe east of Nikopol, also in the supposed Herros area.

The extreme rarity of the metal finials with the image of Papai, their semantics, size, and provenience allow us to consider these artifacts as social symbols of the Scythian elite, and probably also as special cult objects.

ВАРВАРСКОЕ И ГРЕЧЕСКОЕ В ЗОЛЬНИКАХ ГОРОДОВ БОСПОРА

И. Ю. ШАУБ

Начало научному рассмотрению феномена боспорских зольников на примере зольника Мирмекия положил В. Ф. Гайдукевич (Гайдукевич 1965; 1987: 65–98). Открытые им две зольные насыпи (насыпь I второй половины V–начала IV в. до н. э. и насыпь II конца IV–второй половины III в. до н. э.), последовательно сооруженные над святилищами,¹ В. Ф. Гайдукевич интерпретировал как своеобразные алтари-эсхары,² приведя в качестве аналогий схожие памятники Пелопоннеса и Малой Азии. Исследователь полагал, что и святилища, и оба «зольных алтаря» были посвящены Деметре (Гайдукевич 1965; 1987: 93; Gajdukevič 1971: 182). Хотя ученый допускал, что возникновение зольника I было связано с культом Афродиты, поскольку здесь было найдено посвящение этой богине (Гайдукевич 1987: 69, рис. 84).

Однако В. И. Денисова (1981: 106) справедливо отметила отсутствие среди терракот и другого вещевого материала мирмекийских зольников тех предметов, которые свойственны исключительно культу Деметры. Также не называет имени Деметры ни одно из многочисленных обнаруженных здесь граффити. Кроме того, исследовательница привела еще целый ряд убедительных доказательств того, что, хотя чтившееся в Мирмекии божество являлось женским, его функции не были земледельческими (Там же: 106–107). Наряду с этим в культуре мирмекийской богини В. И. Денисова обоснованно усмотрела целый ряд архаических черт (бескровные жертвы, двойственность обрядовой традиции и т. д.; Там же: 107–108). Отметив необъяснимое с точки зрения греческой обрядовой традиции наличие в зольнике II Мирмекия нескольких ритуальных захоронений собак, а также вылепленной вручную фигурки этого животного, исследовательница увидела ключ к раскрытию культа мирмекийской богини в ее связи с собакой (Там же: 108). Если собака и могла служить жертвенным животным в культе некоторых греческих божеств (Там же: 112, примеч. 5–8), то ритуальные захоронения собак для Греции нехарактерны.³ На Боспоре же подобные захоронения этих животных были широко распространены (см., например: Молева 2002а; 2002б; Завойкин 2007; Вахтина 2007). Поэтому В. И. Денисова связала данный ритуал с местной обрядовой традицией — одной из форм культа «верховного женского божества — матери всего сущего» (Денисова 1981: 111; см. также: Виноградов 1981; 1992: 110–113; Емец, Масленников 1992: 37; Синика 2006; Шауб 2007:

¹ О культовом назначении помещений, над которыми возводились зольники, свидетельствует наличие в этих помещениях известняковых жертвенников.

² Несмотря на весьма широкое значение термина «зольник», в русскоязычной археологической литературе — насыпные объекты, содержащие значительное количество золы. Вводить несколько дезориентирующее понятие «зольного алтаря» (например, Русяева 2005), а тем более «зольника-эсхары» (Гайдукевич 1965; Носова 2007; ср. Русяева 2005) представляется нецелесообразным. Об эсхаре см., например: Natto 1979.

³ Правда, они известны у тесно связанных с малоазийскими греками лидийцев (Day 1984: 25; Вахтина 2007: 143).

106 сл., 309 сл.; ср. Завойкин 2007: 45⁴). Дополнительное свидетельство в пользу своей интерпретации исследовательница нашла в изображении богини с птицей и собакой, представленном на золотых нашивных бляшках из кургана Чмырева Могила (см.: ОАК 1913: 127, рис. 192 на с. 129). Этот факт является свидетельством того, что скифы степной зоны, которые находились в непосредственном контакте с Боспором, поклонялись богине (которая явно была одной из ипостасей Великого женского божества), в качестве спутника которой выступала собака (Денисова 1981: 111; о культе собаки у скифов см.: Синика 2006). Кроме доказательств, приведенных В. И. Денисовой для обоснования гипотезы о связи мирмекийского зольника II с культом Великой местной богини, отметим еще одно обстоятельство, могущее служить для ее подкрепления, — это употребление рыбных блюд в ритуале в честь богини (Шауб 2007: 388–389).

Не меньшее значение для понимания феномена боспорских зольников имеет зольник Китея (см.: Молев 1985: 49 сл.; 1986; Молева 2002б: 16, 95 сл.). Этот зольник, расположенный в центральной части Китейского городища, занимавший территорию не менее 5000 м², является одним из самых больших культовых сооружений не только Боспора, но и всего Северного Причерноморья. Он возник во второй половине V в. до н. э. одновременно с городом и просуществовал около 1000 лет. Мощность культовых напластований зольника превышает 12 м. Е. А. Молев предполагает, что наличие этого зольника было связано с функционированием в этом районе нескольких святилищ (Молев 1985: 54). Однако ни граффити, ни терракоты не позволяют пока сделать каких-либо определенных выводов относительно божества или божеств, с которыми был связан китейский зольник.⁵ Интересно, что среди находок расписной и чернолаковой посуды в зольнике найдено значительное количество фрагментов рыбных блюд (Там же: 50), что характерно и для зольника Мирмекия.

В основании зольника находится специально подтесанная до уровня площадки материковая скала. Судя по всему, площадка была ограничена невысоким (0,5 м) глинобитным валом. Самый ранний слой зольника, относящийся ко второй половине V–середина IV в. до н. э., имеет мощность от 0,5 до 1,0 м. Кроме обломков амфор, «идущих сплошным слоем», и фрагментов чернолаковых киликов, рыбных блюд, красно- и сероглиняных тарелок встречались обломки лепных горшков. На ряде чернолаковых фрагментов (преимущественно на доньях с внешней стороны) имеются граффити в виде аббревиатур и монограмм. Интерпретировать их трудно. В некоторых Н. В. Молева (ср.: Семичева 1997) хочет видеть посвящения элевсинской триаде — Деметре, Коре и Иакху; единственная полная посвятельная надпись «Агафон — Герою», датирующаяся первой четвертью IV в. до н. э.

Терракоты представлены статуэтками сидящей на троне богини «весьма архаического облика»; найдены и глиняные модели хлебцев, лепешек, фаллосов; «довольно много также светильников с закопченными рожками».

⁴ Обнаружение немногочисленных погребений собак в Греции (см. Day 1984) не может поколебать интерпретацию В. И. Денисовой, поскольку практика подобных захоронений (причем, в отличие от боспорской, связанная с заупокойным культом) исчезает после геометрического периода (Ibid.: 31).

⁵ Среди граффити нет ни одного бесспорного посвящения (кроме одного — безымянному герою; см.: Молев 1986: 43, рис. 8).

К вотивным приношениям Н. В. Молева относит кости свиней (более 40 %), крупного и мелкого рогатого скота и, что следует отметить особо, собак.

Самым мощным слоем зольника является второй, датируемый второй половиной IV–III в. до н. э. (толщина от 3,6 до 5,0 м). Наряду с тысячами фрагментов амфор здесь найдены многочисленные обломки чернолаковых и краснофигурных киликов, канфаров, ойнохой, кратеров, рыбных блюд, лекифов и светильников. Граффити, по-прежнему в виде аббревиатур и монограмм, Н. В. Молева (2002б: 19) и Е. А. Молев (2002) трактуют как посвящения Деметре, Кибеле, Афродите, Дионису и Гераклу. Из терракот, которые нижегородская исследовательница интерпретирует как изображения этих богов и их спутников, обращает на себя внимание уникальная статуэтка барсука (Молева 2002б: 19). «Среди вотивных находок следует отметить серию небольших каменных алтарей (один из них сделан в виде конского копыта), модели фаллов и яичек из глины (некоторые — из окатанной гальки), фрагмент флейты, большое количество ткацких грузил, монеты, астрагалы.

Богатый остеологический материал представлен костями домашних животных, осетровых рыб, створками устриц и мидий. Преобладают кости крупного рогатого скота и лошади. Особое внимание обращают на себя кости собак, которые, так же как головы и конечности других животных, приносились в жертву. Есть и кости птиц, среди которых доминируют гигантская чайка и большой баклан. Они встречаются в местах отправления культа Афродиты» (Там же).

Н. В. Молева (Там же: 20) считает, что этот участок «являлся местом отправления культа богов плодородия, прежде всего Афродиты», в связи с чем она особо выделяет «уникальный для Боспора бюст Афродиты Урании в высоком головном уборе, украшенном крыльями лебедя или гуся» (Там же: 99, рис. 2).

«В целом характер находок изучаемого слоя, так же как и структура его насыпи, очень похожи на подобный памятник, открытый в Мирмекии В. Ф. Гайдукевичем» (Там же: 20). Кроме того, по мнению исследовательницы, о связи данного комплекса с ритуалами в честь Афродиты свидетельствуют и следующие факты: многочисленные модели яичек из глины, яйцевидная галька, на одной из которых имеется монограмма АХ (Н. В. Молева считает это граффито посвящением Афродите Хтонию, что, на наш взгляд, невероятно), спиленные козы рога, а также кости дельфинов. По словам Н. В. Молевой, так как дельфины «считались священными: их не ловили, не убивали, не ели» и «они являлись как бы амулетами и символами нежной любви», а в эллинистической коропластике Эрот часто изображался на дельфине (такие терракоты найдены в Китее), «нахождение костей дельфина среди приношений в святилище может быть однозначно истолковано как посвящение их Афродите и ее фиасу. Кстати, примеры подобных жертвоприношений в других сакральных центрах Северного Причерноморья неизвестны» (Там же: 100).

Действительно, в эллинистической коропластике не только Эрот, но и Афродита могли изображаться вместе с дельфином. Однако жертвоприношение дельфина, в чем, на наш взгляд, проявляется варварская черта ритуала, поскольку эллины действительно почитали это животное и не употребляли его в пищу, зафиксировано в святилище Ахилла на Бейкушском мысу (см.: Шауб 2007: 163 сл.). Кроме того, поскольку граффито АХ может читаться как посвящение Ахиллу, а козы, как известно, являлись его главными жертвенными животными

на острове Левка, можно предположить, что среди тех божеств, которых почитали китейцы, был и он.

Справедливо находя в ритуалах Китейского зольника черты сходства с ритуалами зольника Мирмекия, Н. В. Молева (2002б: 88 сл.) наряду с греческими элементами, которые, на наш взгляд, она несколько переоценивает, обоснованно прослеживает здесь и варварский компонент. «Трудно отрицать тот факт, что сама идея святилища-зольника или алтаря-зольника была близка местному населению, вошедшему в состав жителей Китея. Подтверждением тому могут служить зольники, открытые только в тех боспорских городах, где жили скифы: в Мирмекии, Китее, Илурате, на мысе Такиль. На азиатской стороне Боспора, где обитали племена, не имевшие подобной культовой традиции, зольных святилищ нет. При всем различии набора находок в скифских и античных зольниках в нем прослеживаются и некоторые общие черты: это кости животных (у скифов чаще всего коня); votives в виде моделей хлебцев и фигурок животных, имитировавших жертву; наличие алтарей. В самом присутствии золы во всех слоях китейского зольника прослеживается связь с культом огня во всех его проявлениях: солнце, огонь, домашний очаг, пепел которого считался священным и у греков (Hdt., VIII, 137–138). Безусловна также связь китейского и скифского зольника с культурами земли и плодородия как природы, так и человека» (Там же: 88–89).

В связи с проблемой соотношения греческой и варварской традиций в ритуалах китейского зольника следует особо остановиться на характернейшей их черте — жертвоприношении собак. Принесение в жертву этих животных зафиксировано здесь 65 раз. 6 из них — это жертвоприношения целых собак, лежащих на боку; остальные 59 представлены их черепами (24) и челюстями (35).

Обряд жертвоприношения собак практиковался здесь с первой половины IV в. до н. э. На этот век приходится половина подобных жертвоприношений, чуть более 30 % их относится к периоду эллинизма, около 20 % — к I–II вв. н. э., в III–IV вв. н. э. собачьи кости в зольнике почти полностью исчезают.

По словам Н. В. Молевой (Там же: 117–118), «ритуал, сопровождавший обряд жертвоприношения собак <...> выглядит удивительно устойчивым в течение 600 лет его применения. Совершенно очевидно, что такие жертвоприношения всегда сопровождалась головами <...> лошадей и коров, а также спиленными коровьими рогами. В остатках трапезы, сопутствующей обряду, часто присутствуют кости рыб».

Следует отметить, что в двух случаях жертвоприношения целых собак в середине IV в. до н. э. вместе с типичным набором (черепа лошадей и коров, спиленные рога и кости рыб) «присутствовали и человечески кости черепной коробки» (Там же: 118).

Наряду с вышеуказанными жертвоприношениями зафиксировано 5 жертвоприношений собачьих голов в основаниях крепостных сооружений Китея (все они относятся к V в. до н. э.). «Случаи заклания собачьих голов в основания общественных и сакральных зданий прослеживаются и в других боспорских городах», например в Порфмии и Нимфее (Там же: 118; ср.: Фролова, Савостина 1998).

Несмотря на то что собаки иногда выступали в Греции в качестве жертвенных животных (особенно в культах Гекаты, Ареса, Геракла, Асклепия, но никогда, насколько нам известно, не использовались в ритуалах в честь Деметры и Афродиты, культы которых, как полагает Н. В. Молева, отправлялись в Китейском

святилище), весьма своеобразный характер жертвоприношений, а также, с одной стороны устойчивость, с другой — разнообразие связанных с этим обрядом ритуалов определенно позволяет предполагать в них варварскую основу (что противоречит мнению Н. В. Молевой, считающей, вопреки очевидным фактам, этот обряд греческим). Явное угасание традиций собачьих жертв в Китейском святилище легко объясняется постепенной заменой одного варварского «контингента» населения этого города другим (скифского сарматским; см.: Молев, Шестаков 1991: 85).

Наряду с многочисленными жертвоприношениями собак (65 особей!), причем среди их костей всегда есть черепа коров и лошадей, спиленные коровьи рога, а также рыбьи кости (см.: Молева 2002б: 117 сл.), к варварским чертам ритуала китейского святилища IV в. до н. э., не отмеченным Н. В. Молевой, относятся присутствие среди костей двух принесенных в жертву собак костей человеческого черепа (Там же: 118).

Итак, наряду с культовыми захоронениями животных, что было характерно для местных зольников еще в бронзовом веке (см. ниже), а также наличием в них человеческих костей (см., например, Русанова 1997: 160 сл.), что наблюдается и в китейском зольнике, к варварским чертам совершавшихся в китейском святилище обрядов относится и употребление лепной керамики сначала скифского, а в начале нашей эры уже сарматского типов, и использование в качестве вотивов оселков, наконечников стрел, комочков красной краски, а также «присутствие значительных слоев камки (морской травы) на отдельных участках святилища» (Там же). Последние находки относятся уже ко II–I вв. до н. э. (Молева 2002б: 89; см. также: Кастанаян 1959: 287; Высоцкая 1972: 145).

Варварские черты в зольниках, функционировавших в греческих городах Боспора, выступают еще рельефнее при сопоставлении этих памятников с зольниками так называемого белорудовского типа. Последние представляют собой курганообразные насыпи, расположенные на поселениях или близ них. Эти зольники бытовали на большой территории от Северных Балкан до Левобережья Днепра с XVI по IV вв. до н. э. (Березанская 1987: 118); в частности, их существование зафиксировано на таких важных раннескифских памятниках лесостепи, как Жаботин, Караван, Бельское, Пастырское, Матронинское, Каменское и Елизаветовское городища (краткое описание этих зольников и соответствующую библиографию см.: Русанова 2002: 108 сл.)

Большинство исследователей связывает эти памятники с фракийцами (или фрако-дакийским этносом). С. С. Березанская (1987: 120) полагает, что традиция сооружения зольников восходит еще к носителям неолитических культур Триполья-Кукутени. Некогда в зольниках видели то мусорные кучи, то погребения, то разрушенные жилища. Ныне же в культовой принадлежности рассматриваемых памятников, кажется, мало кто сомневается. И. П. Русанова суммирует основные аргументы в пользу культовой принадлежности зольников так: зольники были расположены на месте ранних культовых сооружений, в зонах могильников или на возвышенностях; зольники использовались многократно, а зола в них накапливалась постепенно; зольники обычно огораживались каменными заграждениями, ровиками и т. п.; наконец, находки в них имеют явно выраженный жертвенный характер: это вотивные глиняные фигурки, глиняные хлебцы и модели зерен, кости животных и человека, оружие и украшения (Русанова 2002: 113).

Все исследованные зольники очень схожи как по конструкции, так и по составу находок. Для структуры этих памятников характерны следующие черты: заранее подготовленная площадка (иногда обмазанная глиной и обожженная или посыпанная песком); разнообразные сооружения на площадке: очаги, жертвенники и т. д.; наличие скелетов животных — особенно бросаются в глаза захоронения собак, жертвоприношения которых в зольниках лесостепной Скифии были весьма распространены (Рыбаков 1981: 309); после свиньи собаки были здесь наиболее часто приносимыми в жертву животными (Андриенко 1975: 19), изредка — людей; перекрывающий зольник сверху слой из земли и мелких камней. Что касается находок, то они характеризуются огромным количеством керамики, костей животных (наряду с которыми наличествуют и останки людей), орудий труда, а также различных культовых предметов: миниатюрных сосудов, глиняных антропоморфных и зооморфных статуэток, хлебцев, зерен, яиц и т. д. (Березанская 1970; 1982; 1987: 18–19; Березанская, Пясецкий 1978).

Чрезвычайное сходство всех этих зольников, несмотря на их разную культурную принадлежность и отдаленность друг от друга во времени и пространстве, позволяет предполагать, что причиной их возведения был один и тот же или очень близкий комплекс религиозных идей.

Б. А. Рыбаков (1981: 304 сл.) считает зольники памятниками деревенского общинного культа, связанного с земледельческими праздниками. С. С. Березанская (1987: 119–120) обоснованно полагает, что «культовая сущность» зольников была более разнообразной, и отмечает особое место, которое занимали в них культы огня и домашнего очага, что требовало бережного отношения к золе. «Кроме того, зольники, несомненно, являлись местами длительного функционирования и многократных жертвоприношений», с которыми связано присутствие здесь «различных сооружений и огромного количества бесспорно культовых предметов».

Можно думать, что зольники являлись «своеобразными жертвенниками, куда собиралась зола из считавшихся священными домашних очагов отдельных патриархальных семей или целой общины» (Шрамко 1956: 64). В свете всего вышеизложенного нет ничего удивительного, что Геродот (Hdt., IV, 89) ставит во главу скифского пантеона (который в его время еще вряд ли сформировался — см.: Шауб 2007: 9) богиню домашнего очага и утверждает, что самой священной клятвой скифов была клятва царскими очагами. Таким образом, явное сходство между зольниками лесостепи и Боспора позволяет сделать вывод о том, что последние, равно как и очень близкие к ним и по конструкции, и по находкам зольники хоры Ольвии,⁶ возникли под воздействием автохтонной культовой традиции, носительницами которого, скорее всего, выступали жены греков-колонистов,

⁶ Наиболее характерен зольник у села Кошары. Несмотря на то что в этом зольнике, относящемся к IV–началу III в. до н. э., найдено немалое количество человеческих костей (в том числе со следами обработки!), а в числе прочих находок — много обломков лепной керамики, всего пять «маловыразительных» граффити и два небольших фрагмента терракот,— украинские исследователи, признавая сходство данного памятника с боспорскими зольниками, упорно отказываются видеть в нем несомненно варварские компоненты (см.: Носова 2002: 62 сл.; ср.: 2007). Можно с уверенностью предполагать, что среди найденных здесь многочисленных костей животных при тщательном исследовании обнаружатся и костные остатки собак. В связи с Кошарским зольником немаловажен и тот факт, что исследователи фиксируют на некрополе Кошарского поселения определенный процент погребений, имеющих скифские черты (Палуци-Владыко, Редина 2002: 60–61; Редина 2007: 99).

происходившие из лесостепной Скифии. В то же время нельзя не учитывать и того факта, что ионийским грекам, которые составляли основной контингент колонистов Северного Причерноморья, была знакома малоазийская (карийская?) традиция сооружения зольных алтарей (Schleif 1934; Laumonier 1958: 566–567; Денисова 1981: 11–12). В свете всего вышеизложенного в высшей степени странным выглядит мнение А. М. Бутягина (2002; 2004; 2005) о «мусорном», а отнюдь не сакральном характере мирмекийского и других боспорских зольников. Человеку, не задумывающемуся над спецификой религиозности античной эпохи, памятники типа мирмекийского или китейского зольника могут казаться просто помойками, однако то, что выглядит помойкой по современным представлениям, отнюдь не являлось таковой в древности: даже зола и кости принесенных в жертву животных считались собственностью бога; все, что принадлежало богам, «изымалось из профанической сферы и должным образом почиталось» (Nilsson 1925: 79). Кроме того, не следует забывать, что любая вещь в культурном обиходе обладает как утилитарной функцией, так и символическим значением (см., например: Байбурин 1981: 215 сл.). Обоснованную критику точки зрения А. М. Бутягина на боспорские зольники см.: Носова 2007: 69 сл. Одесская исследовательница также обратила внимания на неточности, допущенные Бутягиным при ссылках на Павсания и Гайдукевича (Там же: 76). В то же время весьма курьезно выглядит искаженное восприятие Л. В. Носовой точки зрения В. И. Денисовой и И. Ю. Шауба на зольники как на порождение обрядовой традиции, связанной с культом автохтонной Великой богини, что якобы «ставит под сомнение само присутствие греков в Северном Причерноморье» (Носова 2005: 206).

Андрienko 1975 — *Андрienko В. П.* Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII–V вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1975.

Байбурин 1981 — *Байбурин А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 215–226.

Березанская 1970 — *Березанська С. С.* Нове джерело до розуміння зольників білогрудівського типу // *Археологія*. 1970. № 24. С. 20–31.

Березанская 1982 — *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.

Березанская 1987 — *Березанская С. С.* Еще раз о Белогрудовских зольниках // Религиозные представления в первобытном обществе: Тезисы докладов конференции. М., 1987. С. 117–120.

Березанская, Пясецкий 1978 — *Березанська С. С., Пясецький В. К.* Зольники білогрудівського типу на р. Горині під Славутю // *Археологія*. 1978. № 27. С. 49–55.

Бутягин 2002 — *Бутягин А. М.* Новые исследования раннего мирмекийского зольника // БФ. 2002. № 4, ч. 1. С. 60–94.

Бутягин 2004 — *Бутягин А. М.* Дом под мирмекийскими зольниками // БФ. 2004. № 5, ч. 1. С. 126–131.

Бутягин 2005 — *Бутягин А. М.* К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // БФ. 2005. № 6. С. 97–101.

Вахтина 2007 — *Вахтина М. Ю.* Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмия // Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 55–67.

Виноградов 1981 — *Виноградов Ю. А.* К вопросу о мирмекийском зольнике // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. Киев, 1981. С. 79–80.

- Виноградов 1992 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99–120.
- Высоцкая 1972 — *Высоцкая Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
- Гайдукевич 1965 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 1965. № 103. С. 28–37.
- Гайдукевич 1987 — *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Денисова 1981 — *Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л., 1981.
- Емец, Масленников 1992 — *Емец И. А., Масленников А. А.* Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // Российская археология. 1992. № 4. С. 32–42.
- Завойкин 2007 — *Завойкин А. А.* Афродита на святилище Деметры и Кору // БФ. 2007. № 7, ч. 1. С. 179–184.
- Кастанаян 1959 — *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов V–IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. М.; Л., 1959. № 69. С. 257–295.
- Молев 1985 — *Молев Е. А.* Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 40–47.
- Молев 1986 — *Молев Е. А.* Боспорське місто Кітея IV–III ст. до н. э. (за матеріалами розкопок 1970–1981 рр.) // Археологія. 1986. № 54. С. 33–46.
- Молев 2002 — *Молев Е. А.* Сакральные граффити из Китея // БФ. 2002. № 4, ч. 2. С. 146–151.
- Молева 2002а — *Молева Н. В.* Дионисийские вотивы в сакральных комплексах Китея // БФ. 2002. № 4, ч. 2. С. 151–154.
- Молева 2002б — *Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- Молев, Шестаков 1991 — *Молев Е. А., Шестаков С. А.* Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Белгород; Воронеж, 1991. С. 74–101.
- Носова 2002 — *Носова Л. В.* О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // БФ. 2002. № 4, ч. 1. С. 62–68.
- Носова 2005 — *Носова Л. В.* Греческие культы на западной окраине ольвийского полиса // БФ. 2005. № 6. С. 201–206.
- Носова 2007 — *Носова Л. В.* Об античных зольниках, или, «применяя античную терминологию, дошедшую к нам через Павсания», эсхарах Северного Причерноморья // БФ. 2007. № 7, ч. 2. С. 69–78.
- ОАК 1913 — Отчеты Императорской Археологической Комиссии за 1909–1910 гг. СПб., 1913.
- Палуци-Владыко, Редина 2002 — *Палуци-Владыко Е., Редина Е. Ф.* Античный могильник у с. Кошары // БФ. 2002. № 4, ч. 2. С. 56–62.
- Редина 2007 — *Редина Е. Ф.* Античная погребальная традиция в формировании сакрального пространства греческого некрополя IV–III в. до Р. Х. у с. Кошары // БФ. 2007. № 7, ч. 2. С. 95–99.
- Русанова 1997 — *Русанова И. П.* Культовые зольники скифского времени // МАИЭТ. 1997. Вып. 6. С. 160–172.
- Русанова 2002 — *Русанова И. П.* Истоки славянского язычества. Черновцы, 2002.
- Русяева 2005 — *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
- Рыбаков 1981 — *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Семичева 1997 — *Семичева Е. А.* Граффити китейского святилища // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 136–142.
- Синика 2006 — *Синика В. С.* О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI–II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону, 2006. С. 58–59.
- Фролова, Савостина 1998 — *Фролова Н. А., Савостина Е. А.* Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва // Российская археология. 1998. № 1. С. 149–151.
- Шауб 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье. VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007.
- Шрамко 1956 — *Шрамко Б. А.* Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островецьківи // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1956. Т. 6. С. 56–65.
- Day 1984 — *Day L. P.* Dog Burials in the Greek World // American Journal of Archaeology. 1984. Vol. 88. No. 1. P. 21–32.
- Gajdukevič 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Hatto 1979 — *Hatto W.* Eschara // Der Kleine Pauly. 1979. Bd 2. Sp. 369.
- Laumonier 1958 — *Laumonier A.* Les cultes indigènes en Carie. Paris, 1958.

Nilsson 1925 — *Nilsson M. P.* A History of Greek Religion. Oxford, 1925.
Schleif 1934 — *Schleif H.* Der Zeusaltar in Olympia // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1934. Bd 49. S. 139–156.

BARBARIAN AND GREEK COMPONENTS IN THE ASH DUMPS OF BOSPORUS

I. Yu. Shaub

The archaeological study of the ash dumps of Bosphorus has been carried out since the mid-1960 es. However, both their origins and even function still remain rather vague. The present paper represents an attempt to show that ash dumps of Bosphorus have much in common with the analogous constructions of the Forest-steppe. In the author's opinion, this phenomenon was conditioned by the fact that the cult practice of Greek colonists was influenced by local traditions through the agency of their wives, who belonged to the indigenous population.

К ХРОНОЛОГИИ КУРГАНОВ НОИН-УЛЫ

С. С. МИНЯЕВ, Ю. И. ЕЛИХИНА

Сюнну — скотоводческие племена, в последние века до нашей эры овладевшие огромными пространствами Центральной Азии и создавшие здесь мощное протогосударственное образование — прообраз более поздних кочевых «империй». Археологические памятники сюнну распространены в обширном поясе степей — от Енисея до Маньчжурии и от Байкала до Ордоса. Обнаруженные в них надежно датированные артефакты (зеркала, монеты, изделия с надписями) выдвигают сюннские памятники в число опорных при разработке проблем хронологии археологических комплексов Центральной Азии и сопредельных регионов.

Исследования последних лет позволили не только накопить новый материал, но и выявить определенную систему в размещении сюннских захоронений. Анализ расположения погребений на площади могильников показал, что в большинстве случаев захоронения образуют комплексы, включающие центральный курган и находившиеся вокруг него «сопроводительные» захоронения; в свою очередь такие комплексы формируют несколько групп, расположенных в десятках метров друг от друга. При этом наиболее крупные курганы располагаются выше других, как правило, в северной части каждой группы; самый крупный курган каждого памятника в большинстве случаев находится в северной части могильного поля. Можно предполагать, что в каждом случае такие большие курганы сооружали первыми, и поэтому они являются самыми ранними в каждой группе. Эти погребальные памятники служили своеобразной доминантой, вокруг которой позднее формировалась остальная часть могильника. Рядом с большими курганами размещались небольшие захоронения, в которых, как показали исследования последних лет, погребены человеческие жертвоприношения (Миняев 1985; 1989; 1998). Таким образом, каждый большой курган и расположенные рядом с ним «сопроводительные» могилы можно рассматривать как единовременный комплекс, захоронения в котором совершены в пределах одного или нескольких дней, т. е. в пределах единой погребальной церемонии. Примером может служить размещение погребений в пади Царам — небольшом могильнике гуннской знати в Забайкалье (рис. 1; Миняев, Сахаровская 2002; 2007).

Аналогичную структуру размещения погребений можно видеть в различных могильниках сюнну. Так, она была выявлена при обследовании крупнейшего из известных ныне «царских» комплексов в горах Гол-Мод на западе Монголии в Архангайском аймаке (Миллер и др. 2008). Здесь вокруг центрального кургана располагалось несколько десятков сопроводительных захоронений также разного ранга.

Система размещения погребений, устойчиво повторяющаяся в различных могильниках, свидетельствует о том, что она не была случайной. Эта система была, вероятно, нормой погребальной практики сюнну в целом, в которой опосредованно отражены реальные связи и отношения как внутри отдельных

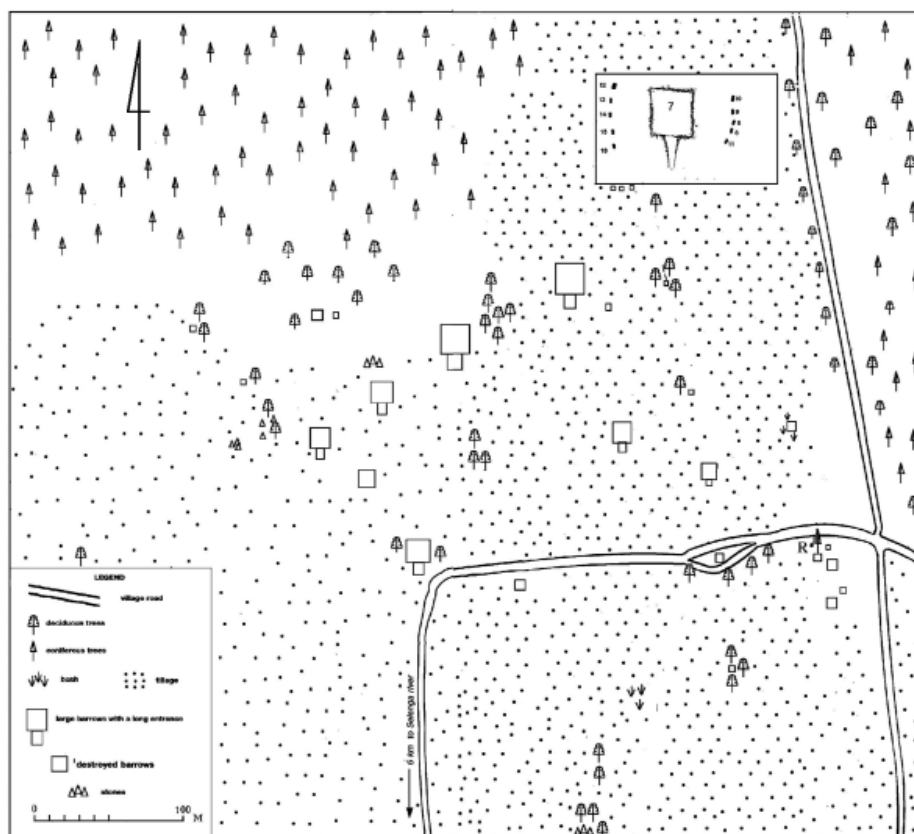

Рис. 1. План могильника в пади Царам

коллективов, так и общества в целом. Выявленные особенности планиграфии существенно расширяют возможности анализа материалов могильников, в первую очередь для определения их хронологии.

В данной статье, с учетом выявленной системы размещения погребальных комплексов, рассматриваются датированные материалы одного из наиболее известных сюннских памятников — захоронений знати в горах Ноин-Ула в Северной Монголии. Расположенные здесь могильники были объектом работ экспедиции П. К. Козлова в 1924–1925 гг., когда из ряда курганов было извлечено около 2000 различных предметов, в основном тканей и престижных золотых и серебряных украшений (Краткие отчеты... 1925; Trever 1932; Umekhara 1960; Руденко 1962; Елихина 2007а; 2007б). В 1926–1927 гг. еще несколько предметов были извлечены из других курганов: из кургана 49 Г. Боровкой, из кургана 5 и кургана без номера — А. Симуковым, участником работ 1924–1925 гг. (Симуков 2008). Позднее работы в Ноин-Уле проводил ряд экспедиций (Доржсурэн 1962; Erdelyi et al. 1967), в последние годы раскопки памятника продолжены экспедицией Института археологии СО РАН (Полосьмак, Богданов 2008).

Материалы, датирующие ноин-улинскую коллекцию, включают:

- лакированные китайские чашечки и шкатулки,
- фрагмент китайского зеркала,
- иероглифические надписи на тканях,
- образцы дерева и угля, датированные методом ¹⁴C и привлеченные для сопоставления с археологическими материалами.

Рассмотрим подробнее эти материалы.

1. *Лакированная чашечка с гравированной иероглифической надписью* (ГЭ, фонд МР № 2301), найденная в кургане 6 в «земле северо-восточного коридора» (рис. 2, 1, 2). Чашечка украшена изображениями фениксов, на бронзовой накладке ее ручки сохранилось гравированное изображение птицы (рис. 2, 4). На бортике донца чашечки нанесена гравированная надпись, состоящая из 17 иероглифов (рис. 2, 5; о чашечках из Ноин-Улы см. подробно: Pirazzoli-t'Serstevens 2009; Lois 2007). Начальные иероглифы с указанием девиза и месяца годов правления выполнены тонкой гравировкой и сохранились в первоначальном виде (рис. 2, 6). Остальная часть надписи вырезана более грубым инструментом и по стилю резко отличается от начальной. Макросъемка средней части надписи (рис. 2, 7) позволяет предположить, что иероглифы, составляющие данную часть текста, подверглись корректировке. Наиболее вероятно, что правке подверглись имена мастеров, изготовивших чашечку и расписавших ее. Возможно, именно этим объясняются незначительные расхождения в чтении надписи среди специалистов (ср.: Umekhara 1943: 17; 1960: 30¹ и Kayamoto, Machida 1974: 96–122;² чтению последних следуют также и другие исследователи — Pirazzoli-t'Serstevens 2009: 36). Для затронутой нами темы отмеченные расхождения не имеют принципиального значения, поскольку начальные иероглифы, обозначающие девиз годов правления, сохранились в оригинальном виде (рис. 2, 6). В надписи, первоначально прочитанной О. Кюммелем и С. Умехарой, указана дата изготовления чашечки — пятый год под девизом Цзянпин, который обычно приравнивают к первому году следующего девиза правления, Юаньшоу, что соответствует 2 г. до н. э.

В центре донца на коричневом лакированном покрытии чашечки красным лаком нарисованы иероглифы «шанлин» — название императорского парка и дворца, к столовым наборам которого и относилась, видимо, посуда с таким клеймом (рис. 2, 3). По мнению М. Пираццоли-Серстевенс, лаконичность надписи (указаны всего лишь два мастера и один контролер) позволяет предположить, что чашечка была изготовлена в одной из частных мастерских, продукция которых закупалась для императорских нужд наравне с продукцией официальных мастерских (Pirazzoli-t'Serstevens 2009: 36–41).

Иероглифы «шанлин» и год изготовления чашечки позволили А. Н. Бернштаму предположить, что она была подарена вместе с другими предметами шаньюю Учжюлю во время его пребывания при дворе императора Ай-ди в 1 г. до н. э. Поскольку шаньюю Учжюлю умер в 13 г. н. э., А. Н. Бернштам заключил, что именно эти годом и должен датироваться курган 6 в Ноин-Уле (Бернштам 1951: 38).

¹ 建平五年九月, 工王潭经, 监工壶, 天武省.

² 建平五年九月, 工王潭经, 画工获, 畜夫武省.

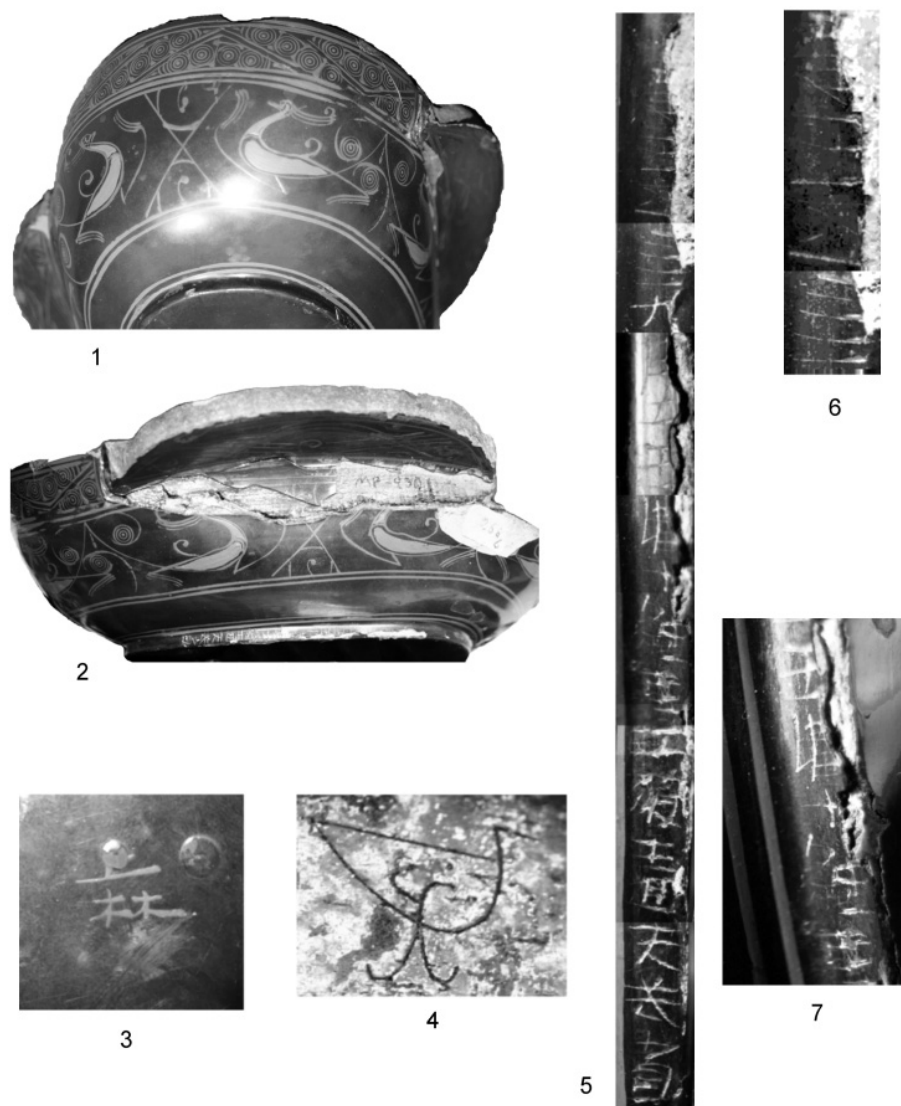

Рис. 2. Ноин-Ула, курган 6: 1, 2 — лакированная чашечка; 3 — иероглифы на дне чашечки; 4 — гравированное изображение птицы на бронзовой накладке на ручку чашечки; 5 — надпись на бортике донца чашечки; 6 — начальная часть надписи с девизом и годом правления (Цзянпин у нянь — пятый год под девизом Цзянпин); 7 — средняя часть надписи

Такая трактовка захоронения в кургане 6, в принципе, допустима, однако окончательно принять эту версию не позволяет ряд обстоятельств. Прежде всего, следует отметить, что Учжулю, как ранее и другие вожди сюнну, прибыл к ханьскому двору со свитой из 500 человек. Не исключено, что престижные подарки ханьского двора, полученные шаньюем, распределялись впоследствии и среди его свиты. Об этом свидетельствует, например, находка в другом кургане в соседнем

Рис. 3. Ноин-Ула, курган без номера в пади Цзурумтэ: 1 — фрагменты чашечки; 2 — начальная часть надписи; 3 — девиз и год правления, указанные в надписи (Цзяньпин у нянь — пятый год под девизом Цзяньпин)

урочище Цзурумтэ аналогичной чашечки (см. ниже), датируемой тем же самым годом (пятый год под девизом Цзяньпин). Эта находка, как и находки лакированных чашечек в рядовых сюннских захоронениях, показывает, что предметы роскоши, изначально полученные сюннской знатью как подарки, в конечном счете попадали и к представителям других слоев населения. В могильнике Царам лакированные шкатулки (одна из них с надписью «изготовлено для императора») найдены даже среди инвентаря погребальных кукол (Миняев, Сахаровская 2007; Пираццоли-Серстевенс 2008). Именно поэтому нет уверенности в том, что чашечка была погребена именно с шаньюем Учжулю. Впрочем, для хронологии памятника это не имеет принципиального значения. Указание на 2 г. до н. э. вполне надежно определяет *terminus post quem* как для кургана 6 в Ноин-Уле (кто бы ни был в нем захоронен), так и для кургана без номера в пади Цзурумтэ.

2. Ручка и крупные фрагменты лакированной чашечки с гравированной иероглифической надписью (рис. 3; Улан-Батор, Национальный музей истории Монголии, инв. № А-242). В имеющихся публикациях эта чашечка ошибочно атрибутирована как происходящая из кургана 5 (Umekhara 1960; Louis 2007) или также ошибочно отнесена к находкам из кургана 6 (*L'Asie des Steppes...* 2001: 147, fig. 128; *Mongolie...* 2003: 223). В действительности она извлечена А. Д. Симуковым в 1927 г. из кургана без номера в пади Цзурумтэ, причем место ее находки в самом кургане А. Д. Симуков не отметил (Симуков 2008).

На сохранившейся части донца чашечки вырезана тамга и сохранился фрагмент гравированного иероглифа (?), на ободке донца находится иероглифическая надпись с указанием девиза годов правления (рис. 3, 2, 3), именами мастеров и контролеров. Указанный девиз годов правления (пятый год Цзяньпин) определяет *terminus post quem* для рассматриваемого курган из пади в Цзурумтэ, как и для кургана 6 в Судзуктэ, — 2 г. до н. э.

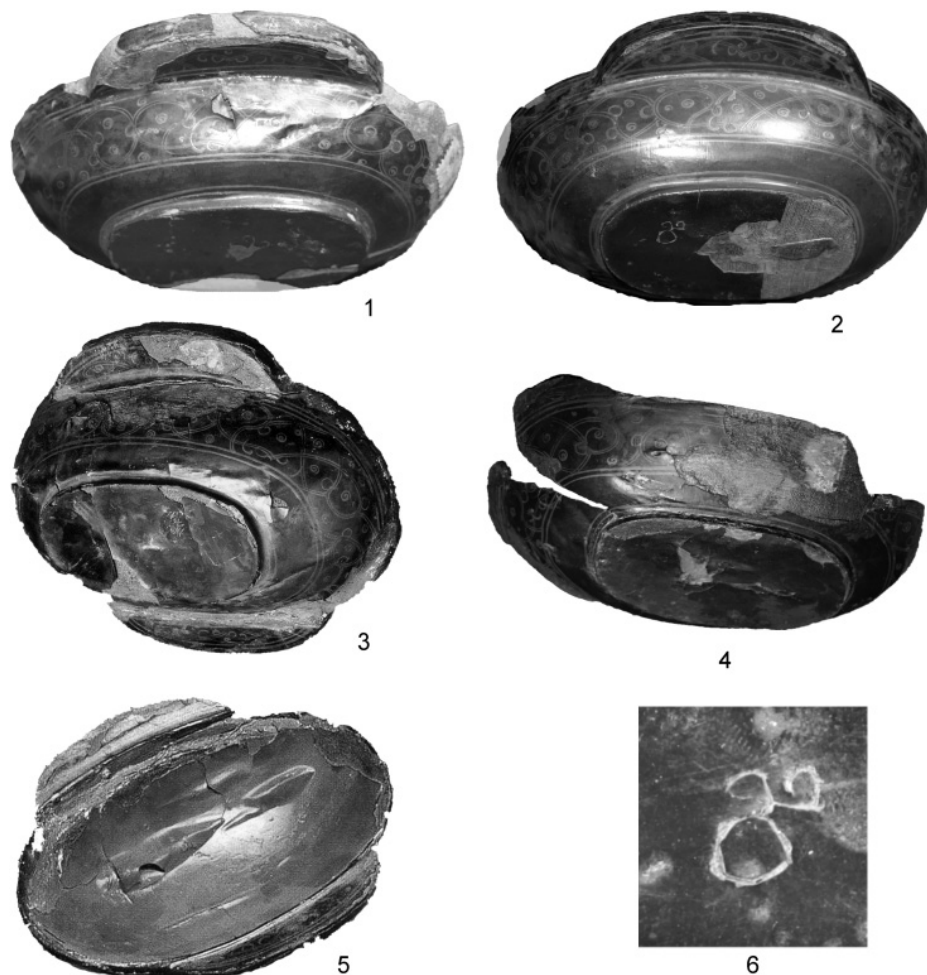

Рис. 4. Ноин-Ула, могильник в пади Судзуктэ, курган 23: 1–4 — лакированные чашечки № 1–4; 5 — внутренний вид чашечки № 3; 6 — тамга на донце чашечки № 2

Еще раз подчеркнем, что находка двух чашечек с одинаковым указанием на пятый год девиза Цзянпин в разных могильных группах Ноин-Улы делает маловероятной атрибуцию кургана 6 как захоронения шаньюя Учжулю и, следовательно, датировку этого кургана 13 г. н. э.

3. *Четыре лакированные чашечки*, найденные в кургане 23 (рис. 4). Три из них хранятся в Гос. Эрмитаже (инв. № МР-2302, 2303, 2304), одна — в Национальном музее истории Монголии в Улан-Баторе. Место находки чашечек в описи извлеченных из кургана вещей не указано (С. И. Руденко ошибочно локализует их «севернее гроба»; Руденко 1962: 121). Длина чашечек 13 см, они лишены надписей и по сравнению с рассмотренными выше отличаются в целом более низким качеством и упрощенным орнаментом, характерным для периода Восточной Хань (Louis 2007: 51). Ф. Луис отметил аналогию этим чашечкам из могилы Ван Шу

в Корею, которая датируется после 69 г. н. э. (Ibid.: 51). Поэтому с большой долей вероятности *terminus post quem* для кургана 23 может быть определен как последняя треть I в. н. э.

4. *Фрагменты лакированной туалетной шкатулки с бронзовым креплением вокруг оправы*, обнаруженные в кургане 12/24 (рис. 5; ГЭ, КП-14150). Как отметила М. Пираццоли (Pirazzoli-t'Serstevens 2009), техника орнаментации и тип шкатулки являются типичными для конца Западной Хань, одна из ближайших аналогий может быть датирована между 16 г. до н. э. и 2 г. до н. э. Таким образом для кургана 12 / 24 *terminus post quem* может быть определен как конец I в. до н. э.

5. *Лакированная чашечка с надписью* из кургана 20, раскопки Н. В. Полосьмак в 2006 г., место находки чашечки в кургане в имеющихся публикациях не указано (Полосьмак, Богданов 2008; За «кадром»... 2008: 83). Размеры и орнамент чашечки полностью аналогичны чашечкам, найденным экспедицией П. Козлова в кургане 6 и А. Симуковым в кургане без номера в Цзурумтэ. Можно предположить, что чашечка, обнаруженная Н. В. Полосьмак, видимо, вместе с китайским зеркалом, входила в состав инвентаря одной из погребальных кукол. В пользу этого говорит и находка женских зубов на дне камеры кургана 20 (Чикишева и др. 2009). Подобные погребальные куклы были найдены в кургане 7 могильника Царам (Миняев, Сахаровская 2007). Конечности таких кукол, головами которых служили женские черепа, были моделированы деревянными лакированными палочками. Погребальный инвентарь, сопровождавший куклы, включал китайские зеркала и лакированные сосуды. Дата изготовления чашечки из кургана 20, указанная в надписи, — четвертый год под девизом Юаньянь, что соответствует 9 г. до н. э. (Чистякова 2009). Эта дата и определяет *terminus post quem* для кургана 20.

6. *Фрагмент ханьского зеркала* (рис. 6; ГЭ, инв. № МР-0810), найденный в кургане 25, в северо-восточном углу «гробницы». Размер фрагмента составляет 13 × 6,5 см. По бортику зеркала проходит орнаментальный пояс с изображениями птиц (фениксов?) и стилизованных животных. В середине зеркала можно видеть еще один орнаментальный пояс также со стилизованными зооморфными изображениями и небольшую шишечку, расположенную в середине восьмилепестковой розетки. Эти два орнаментальных поля разделены узкими поясами треугольников и косых насечек. Находки зеркал подобного типа в археологических памятниках позволяют датировать их периодом Восточной Хань, т. е. не ранее первой четверти I в. н. э. (Zhongguo tongjing... 1992: 333).

К ноин-улинским находкам иногда ошибочно относят еще один фрагмент зеркала (Данилов и др. 1998: 118), в действительности найденный в кургане 25 могильника Гол Мод (бассейн р. Хуни-Гол; Доржсурэн 1962: рис. 7, 7).

7. *Иероглифы на шелковой ткани*. Детали одежды и отдельные фрагменты шелка с тканями иероглифами найдены в кургане 6 и Кондратьевском кургане. Полностью иероглифическая надпись сохранилась на штанах из кургана 6 (рис. 7), фрагменты аналогичной надписи зафиксированы и на отдельных кусках шелка из этого же кургана. Надпись на штанах (рис. 7, 3), составленных из двух отдельных половинок (ГЭ, № МР-1979, МР-1980), включает ряды повторяющихся восьми

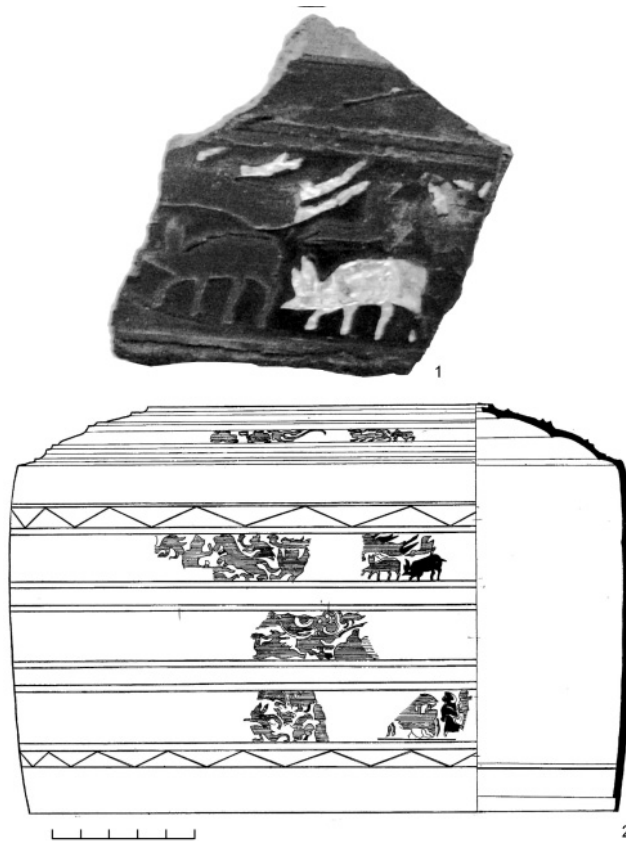

Рис. 5. Ноин-Ула, могильник в пади Судзуктэ, курган 12 / 24: 1— фрагмент лакированной деревянной шкатулки (ГЭ, КП-14150); 2 — реконструкция шкатулки (по Umekhara 1960: рис. 18)

Рис. 6. Ноин-Ула, могильник в пади Судзуктэ, курган 25, фрагмент зеркала

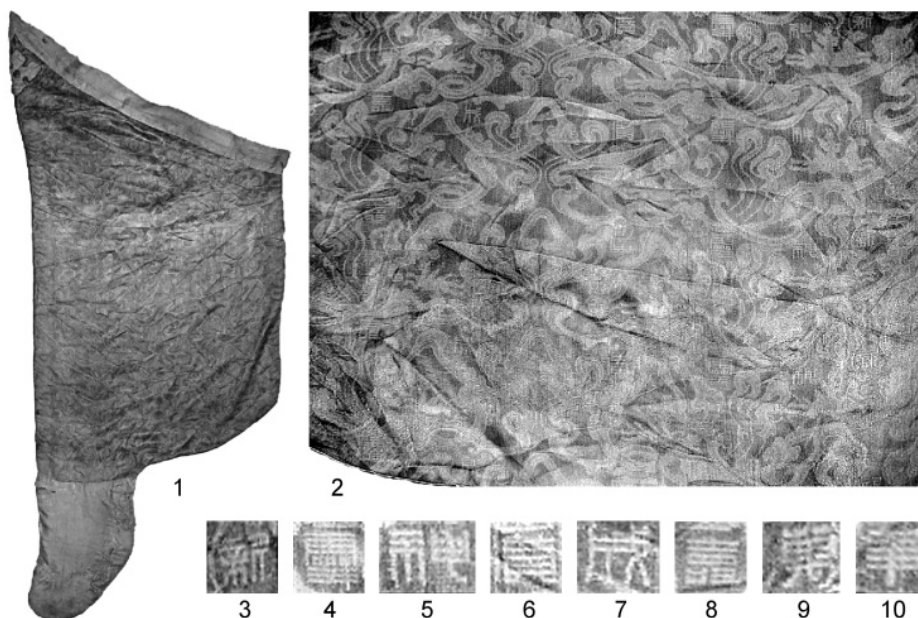

Рис. 7. Ноин-Ула, могильник в пади Судзуктэ, курган 6: 1 — шелковые штаны; 2 — фрагмент шелковой ткани штанов с орнаментом и иероглифами; 3–10 — иероглифы на шелке

иероглифов.³ Существует несколько вариантов перевода этого текста, относящегося к разряду «благопожелательных» (Лубо-Лесниченко 1995). Большинство специалистов (Umekhara 1960: XVI; Лубо-Лесниченко 1995) считает, что присутствие в надписях иероглифа «синь» (新) позволяет отнести изготовление тканей ко времени одноименной нелегитимной династии Синь (так называемое правление Ван Мана, 9–24 гг. н. э.), т. е. к началу I в. н. э. Такая дата хорошо согласуется с *terminus post quem* для кургана 6, установленного по надписи на лакированной чашечке.

К тому же типу благопожелательных надписей относятся и тканые иероглифы на шелке из Кондратьевского кургана. Не исключено, что время изготовления этого шелка также относится к периоду правления Ван Мана, хотя фрагментарность тканей не позволяет восстановить надпись полностью.

8. *Радиоуглеродные даты.* В лаборатории радиоуглеродного анализа ИИМК РАН (руководитель Г.И. Зайцева) для курганов Ноин-Улы получены 5 дат по ¹⁴C (табл. 1).

Таблица 1

Результаты радиоуглеродных анализов курганов Ноин-Улы

Номер образца	Номер кургана	Материал	Дата
Ле-7795	курган 6	спил колонны, дерево	1840 ± 30
Ле-7934	курган 6	уголь	1910 ± 50
Ле-8132	курган 49	дерево	1855 ± 30
Ле-7935	курган 49	уголь	1380 ± 30
Ле-8191	курган 24/12	уголь	1740 ± 40

³ 新神靈広成寿万年

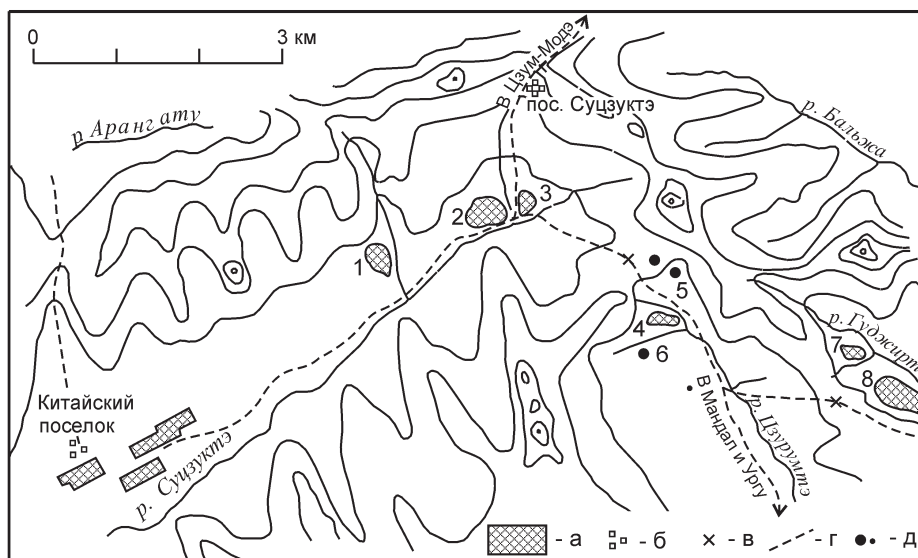

Рис. 8. Расположение могильных полей в горах Ноин-Ула (в падах Судзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ): 1 — Западно-Судзуктинская группа, 2 — Центрально-Судзуктинская группа, 3 — Восточно-Судзуктинская группа, 4 — Цзурумтайская группа, 5 — Андреевский курган, 6 — Кондратьевский курган, 7 — Верхне-Гурджиртайская группа, 8 — Нижне-Гурджиртайская группа. Условные обозначения: а — пашни, б — строения, в — перевал, г — дороги, д — отдельные курганы

Как видно из таблицы 1, даты по ^{14}C в целом не противоречат археологическим датировкам, за исключением образца Ле-7935 из кургана 49, который относится, видимо, к углю из грабительского хода.

Обратимся теперь к планиграфии памятника. Как известно, захоронения в горах Ноин-Ула находятся, в основном, в нескольких распадках (рис. 8).

Падь Судзуктэ. Захоронения сконцентрированы здесь в трех больших группах — западной, центральной и восточной. Из рассмотренных выше захоронений с датирующим материалом в центральной группе расположены курганы 20, 23, 24 (он же 12), 25 и 49. Первые четыре из вышеперечисленных находятся в северной части этой группы. Они расположены выше остальных курганов и относятся к числу самых крупных в группе (рис. 9). Отмеченные выше особенности планиграфии сюннуских могильников позволяют предположить, что эти курганы сооружены здесь одними из первых и их дата определяет *terminus post quem* для остальных захоронений группы.

Таким образом, датировки кургана 20 (не ранее конца I в. до н. э.), кургана 23 (вторая половина I в. н. э.), кургана 24 (не ранее конца I в. до н. э.) и кургана 25 (не ранее Восточной Хань, т. е. не ранее начала I в. н. э.) позволяют предположить, что центральная группа захоронений в Судзуктэ начала формироваться не ранее конца I в. до н. э. Остальные курганы этой группы должны быть датированы тем же или несколько более поздним временем. С такой датой согласуется и датировка по ^{14}C кургана 49 (1855 ± 30), расположенного в южной части центральной группы.

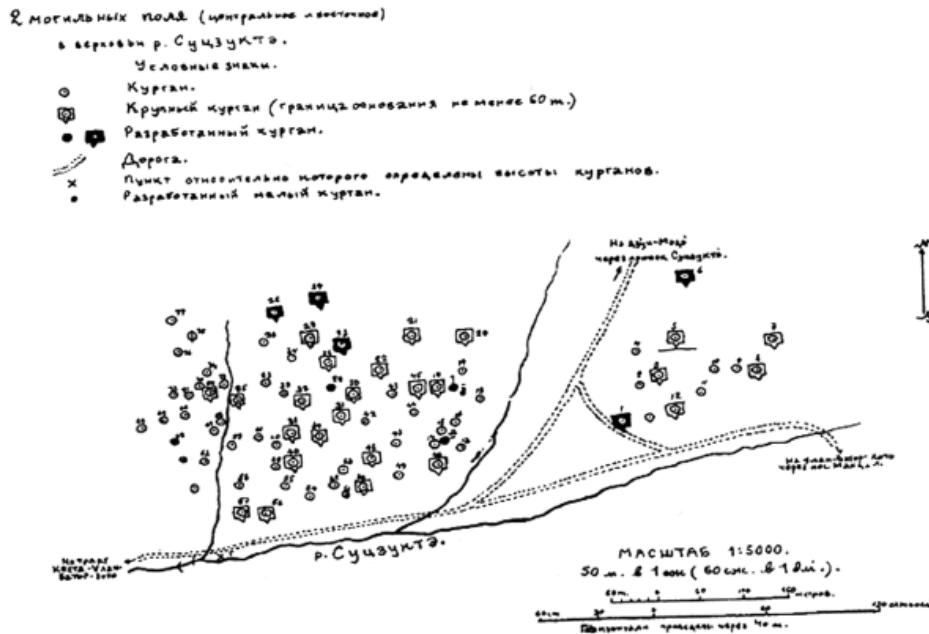

Рис. 9. Ноин-Ула, падь Судзуктэ, план центральной и восточной групп (из архивных материалов Монголо-Тибетской экспедиции)

На плане центральной и восточной групп Судзуктэ, который впервые был опубликован С. А. Теплоуховым (Теплоухов 1925: рис. 3) и воспроизведен затем в различных изданиях (Умекхага 1960: fig. 4; Руденко 1962: рис. 3) в центральной группе Судзуктэ отмечен и курган 6. Однако на оригинальном плане (рис. 9) этот курган находится в восточной группе; на это же его расположение указывает в своем отчете и С. Кондратьев, руководитель работ в Ноин-Уле. Курган 6, по сообщению С. Кондратьева, является самым большим в пади Судзуктэ. Как и самые крупные курганы в центральной группе, он располагался в северной части могильного поля и был сооружен, видимо, первым в этой группе. Таким образом, надпись на лакированной чашечке с указанием на год изготовления (2 г. до н. э.) и надпись на шелке (не ранее периода Ван Мана, т. е. не ранее второй четверти I в. н. э.) определяет *terminus post quem* не только для самого кургана, но и для восточной группы Судзуктэ в целом. Исходя из этого, можно предположить, что и курган 1 (Мокрый), расположенный в южной части данной группы, также не может быть датирован ранее рубежа нашей эры, а наиболее вероятной датой является первая половина I в. н. э.

Падь Цзурумтэ. Участниками экспедиции П. К. Козлова на план пади нанесен центральный участок могильного поля и расположенные рядом с ним несколько больших курганов. Надежный датирующий материал (надпись на лакированной чашечке) получен только для отдельного кургана без номера, откуда А. Д. Симуков в 1927 г. извлек часть находок (Симуков 2008: 42–45). По описанию А. Д. Симукова, это был одинокий курган, расположенный

по соседству с другими одиночными курганами, несколько ниже Цзурумтайской группы (судя по плану могильных полей — примерно в 700 м к юго-востоку от Кондратьевского кургана; рис. 8). Не исключено, что рассматриваемый курган входил в состав еще одного могильного поля в пади Цзурумтэ, однако отсутствие плана этого участка памятника оставляет вопрос открытым. Можно лишь заключить, что для данного кургана *terminus post quem* является, как и для кургана 6, 2 г. до н. э.

Таким образом, с большой долей вероятности можно предполагать, что курганные группы в пади Цзурумтэ сформировались, как и в Судзуктэ, не ранее конца I в. до н. э.

Еще одно могильное поле Ноин-Улы в пади Гуджиртэ пока не имеет надежных датирующих материалов. Можно лишь предполагать, что время формирования здесь могильника вряд ли значительно отличается от времени образования соседних могильных полей.

Рассмотренные выше данные позволяют заключить, что на основании археологического материала и радиоуглеродных дат время формирования могильников в горах Ноин-Ула определяется временем не ранее конца I в. до н. э., наиболее вероятно — I в. н. э. Археологический материал из других памятников сюнну в Забайкалье и Монголии также не позволяет датировать эти памятники временем более ранним, чем I в. до н. э. (см. подробнее Миняев 2001).

Такое заключение противоречит основанному на письменных источниках традиционному определению начальной даты сюннуских комплексов как конец III в. до н. э. Вполне очевидно, что необходима корректировка общепринятых представлений о хронологии сюннуского культурного комплекса, дата которого существенно влияет и на хронологию других памятников эпохи раннего железа в Сибири и Центральной Азии.

Бернштам 1951 — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. М.; Л., 1951.

Данилов и др. 1998 — *Данилов С. В., Филиппова И. В., Амоглонов А. Г.* Находки китайских зеркал в археологических памятниках хунну // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 115–118.

Доржсурэн 1962 — *Доржсурэн Ц.* Раскопки курганов хунну в горах Ноин-Ула [и] на реке Хуни-Гол // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 67–74.

Елихина 2007а — *Елихина Ю. И.* Коллекция находок из Ноин-Улы, хранящаяся в Эрмитаже (характеристика коллекции) // Рериховское наследие: Труды конференции. СПб., 2007. Вып. 3. С. 304–310.

Елихина 2007б — *Елихина Ю. И.* Золото и серебро из Ноин-улинской коллекции, хранящейся в Эрмитаже // Там же. С. 537–541.

За «кадром»... 2008 — За «кадром» археологических сенсаций // Наука из первых рук. 2008. № 3 (21).

Краткие отчеты... 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.

Лубо-Лесниченко 1995 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китайская надпись на гуннских «штанах без мотни» из Ноин-Улы // Материалы научной сессии «75 лет отделу Востока». СПб., 1995. С. 40–41.

Миллер и др. 2008 — *Миллер Б., Оллард Ф., Эрдэнебаатар Д., Ли К.* Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол-Мод-2 // АВ. М., 2008. № 15. С. 55–71.

- Миняев 1985 — *Миняев С. С.* К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 21–27.
- Миняев 1989 — *Миняев С. С.* Социальная планиграфия погребальных памятников сюнну // Материалы 4 конференции «Скифо-сибирский мир». Кемерово, 1989. С. 76–78.
- Миняев 1998 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб., 1998 (Археологические памятники сюнну, вып. 3).
- Миняев 2001 — *Миняев С. С.* Сюннский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток, 2001. С. 295–305.
- Миняев, Сахаровская 2002 — *Миняев С. С., Сахаровская Л. М.* Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. СПб., 2002. № 9. С. 86–118.
- Миняев, Сахаровская 2007 — *Миняев С. С., Сахаровская Л. М.* Элитный комплекс сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1. С. 194–201.
- Пираццоли-Серстевенс 2008 — *Пираццоли-Серстевенс М.* Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам // АВ. М., 2008. № 15. С. 71–74.
- Полосьмак, Богданов 2008 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // АЭАЕ. 2008. № 2. С. 77–87.
- Руденко 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л., 1962.
- Симуков 2008 — *Симуков А. Д.* Отчет о раскопках двух курганов в падах Судзуктэ и Цзурумтэ // Труды о Монголии и для Монголии. Осака, 2008. Т. 3, вып. 1. С. 40–45.
- Теплоухов 1925 — *Теплоухов С. А.* Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. С. 41–52.
- Чикишева и др. 2009 — *Чикишева Т. А., Полосьмак Н. В., Волков П. В.* Одонтологический материал из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // АЭАЕ. 2009. № 3 (39). С. 145–151.
- Чистякова 2009 — *Чистякова А. Н.* Перевод иероглифической надписи на лаковой чашечке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // АЭАЕ. 2009. № 3 (39). С. 59–68.
- Erdelyi et al. 1967 — *Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D.* Results of the Mongol-Hungarian Archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1967. 19, fasc. 3–4. P. 334–340.
- Kayamoto, Machida 1974 — *Kayamoto T., Machida A.* Kandai kinenmei shikki shūsei (Исследование лакированных изделий эпохи Хань) // Rakurō Kanbo. Nara, 1974. P. 96–122 (на яп. яз.).
- L'Asie des Steppes... 2001 — L'Asie des Steppes d'Alexandre le Grand a Gengis Khan: Catalog. Paris, 2001.
- Louis 2007 — *Louis F.* Han Lacquerware and the Wine Cups of Noin Ula // The Silk Road. 2007. No 4 / 2. P. 48–53.
- Mongolie... 2003 — Mongolie. Le premier empire des steppes. Mission archeologique francaise en Mongolie. Paris, 2003.
- Pirazzoli-t'Serstevens 2009 — *Pirazzoli-t'Serstevens M.* Chinese lacquerware cups from Noin-Ula: some problems of manufacturing and distribution // The Silk Road. 2009. No 7. P. 36–41.
- Trever 1932 — *Trever K.* Excavation in Northern Mongolia. Leningrad, 1932.
- Umekhara 1943 — *Umekhara S.* Shina Kandai kinenmei shikki zusetu (Комментированный каталог ханских лакированных изделий с надписями) Кудō, 1943 (на яп. яз.).
- Umekhara 1960 — *Umekhara S.* Mōko Noin-Ura hakken no ibutsu (Исследование находок из Ноин-Улы, Северная Монголия). Tōkyō, 1960 (на яп. яз.).
- Zhongguo tongjing... 1992 — *Zhongguo tongjing tu dian* (Encyclopaedia of Chinese Mirrors). Comp. by Kong Xiangxing and Liu Yiman. Beijing, 1992, reprinted 1997 (на кит. яз.).

ON THE CHRONOLOGY OF THE NOYON UUL BARROWS

S. S. Minyaev, Yu. I. Elikhina

The Xiongnu were a herding people who in the last centuries BC occupied huge expanses of Central Asia and created there a powerful 'proto-state' formation.

The archaeological sites of the Xiongnu extend across a broad area of the steppe belt from the Enisei River to Manchuria. Studies in recent have shown that in most cases

the Xiongnu burials form complexes consisting of a large central barrow and satellite burials distributed around it. The larger barrows are located higher than the others; the largest barrow in each complex in most cases is in the northern section of the cemetery. One can suggest that such large barrows were created first and thus are the earliest in each group.

The present article will show how this is possible for one of the best known Xiongnu monuments — the burials of the elite at Noyon uul mountain in Northern Mongolia. The cemeteries at Noyon uul mountain are located in three forested basins: Gudzhirte, Tszurumte and Sutszunkte. In 1924–1927 Russian expedition headed by P. Kozlov extracted the nearly 2000 objects from some barrows. The datable materials from the Noyon uul collection include: lacquered Chinese cups (three of which specify the year of their production); a fragment of a Chinese mirror; inscriptions in Chinese characters on fabrics; samples of wood and charcoal, which have been dated by ^{14}C analysis, allowing the results to be juxtaposed with the archaeological materials.

On the basis of the archaeological material and radiocarbon dates the establishment of the cemeteries at Noyon uul mountain dates no earlier than the end of the 1st century BC and more likely was in the 1st century AD. The archaeological material from other Xiongnu monuments in Transbaikalia and Mongolia likewise does not allow one to date these monuments any earlier than the 1st century BC. Such a conclusion contradicts the traditional view based on the written sources that the beginning date for Xiongnu complexes is the end of the 3rd century BC. Obviously it is necessary to correct the generally accepted ideas about the chronology of the Xiongnu cultural complex.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИ
В КОНЦЕ I тыс. до н. э.—НАЧАЛЕ I тыс. н. э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЦЮНКЭКЭ I)¹**

Н. А. СУТЯГИНА

Исследование памятников железного века долины реки Или, протекающей по территории Китая и Казахстана, представляет интерес для решения вопросов, связанных с историко-культурным развитием Центральной Азии. Однако результаты исследований китайских археологов в долине реки Или, как правило, публикуются в изданиях, малодоступных российским исследователям. По этой причине представляется актуальным вновь обратиться к материалам могильника Цюнкэкэ I, которые расширяют источниковедческую базу по истории региона и могут скорректировать имеющиеся представления о его развитии в конце I тыс. до н. э.—начале I тыс. н. э.

В отечественной историографии уже имеются данные о некоторых погребальных памятниках указанной территории: могильники Тэмуликэ и Содунбулак (Литвинский, Лубо-Лесниченко 1995: 255–260; Опалев 2000: 201–202).

В 2001 г. в ходе археологических разведок, проведенных совместно китайскими и казахскими учреждениями культуры в уезде Нилэкэ на левом берегу реки Кэшэн хэ (в русской транскрипции — река Ках / Каш), были выявлены два могильника, которые получили названия Цюнкэкэ I и II (рис. 1). На этих памятниках зафиксировано более 100 погребений. В августе–сентябре 2001 г. сотрудники Синьцзянского института археологии и материальной культуры провели раскопки могильника Цюнкэкэ I (Лю Сюэтан, Жуань Цюжун 2002: 13–53).

На площади памятника исследовано 50 насыпей, наземные конструкции двух погребений не сохранились (M40, M41), для четырех захоронений информация о сохранности насыпи неизвестна. Планиграфически выделяются три группы погребений. Захоронения западной группы вытянуты вдоль береговой линии в один ряд. В центральной части могильника погребения расположены двумя группами, вытянутыми перпендикулярно течению реки. Восточная группа представлена несколькими погребениями, которые отделены от основной части могильника небольшой возвышенностью. На площади могильника также фиксируются отдельно расположенные группы из одной-трех насыпей.

С запада и востока могильник ограничен двумя круглыми площадками ритуального назначения. Восточная площадка полностью выложена из камня, западная — земляная с добавлением мелкой гальки. В насыпи обнаружены фрагменты керамики и кости животных.

Анализ материалов, полученных китайскими археологами в результате раскопок **56 объектов**, позволяет дать характеристику погребального обряда и вещевого комплекса этого могильника.

¹ Могильник Цюнкэкэ I находится на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики.

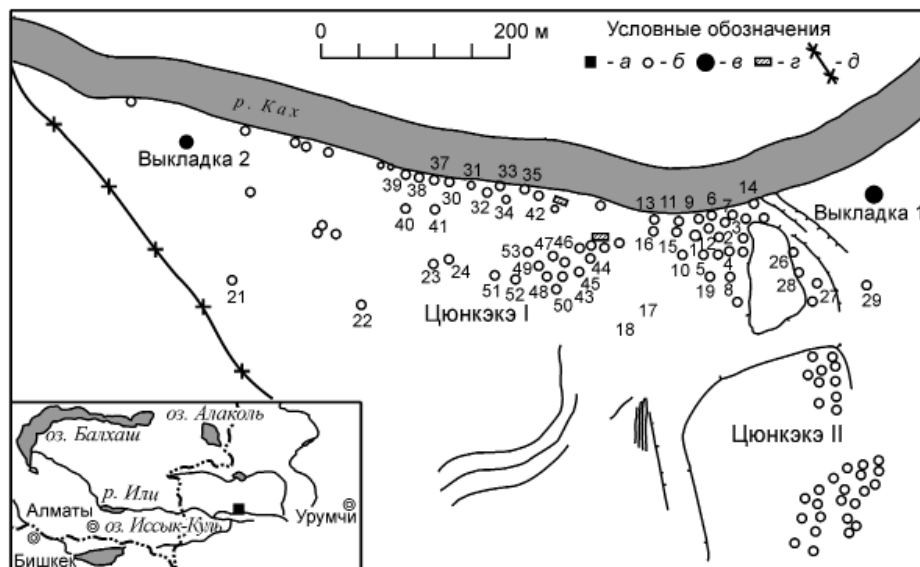

Рис. 1. План могильника Цюнкəkəз I (по Лю Сюэтан, Жуань Цюжун 2002, с дополнениями автора). Условные обозначения: а — могоильник Цюнкəkəз; б — курган; в — выкладка; г — современные строения; д — линия ЛЭП

На основании характерных признаков конструкций **50 насыпей** можно выделить курганы с каменно-земляными (первая группа) и каменными (вторая группа) насыпями.

Для первой группы характерны следующие типы насыпей (рис. 2, 1, 8, 9; 3, 1, 5, 9; 4, 1, 5):

- 1 — каменная ограда с круглой, подовальной или подпрямоугольной надмогильной каменной насыпью;
- 2 — каменная ограда с каменным надмогильным кольцом;
- 3 — сочетание надмогильной каменной наброски и надмогильного кольца в пределах одной ограды (для курганов с двумя могилами);
- 4 — надмогильная наброска без ограды;
- 5 — надмогильное кольцо без ограды;
- 6 — сочетание надмогильной наброски и надмогильного кольца в пределах одной насыпи (характерно для курганов с двумя могилами);
- 7 — кольцо-ограда в основании насыпи;
- 8 — каменно-земляная насыпь с хаотичной каменной наброской.

Диаметр курганов варьирует от 4 до 12 м, высота — от 0,15 до 0,9 м, диаметр надмогильных сооружений — от 1 до 5 м. Для каменно-земляных насыпей характерна тенденция увеличения диаметра надмогильного сооружения при увеличении диаметра насыпи.

Под каменно-земляными насыпями находилось от одной до трех могил. Наиболее характерны одиночные захоронения — одно погребение в пределах насыпи (45 объектов), гораздо реже встречаются две могилы в пределах одной насыпи

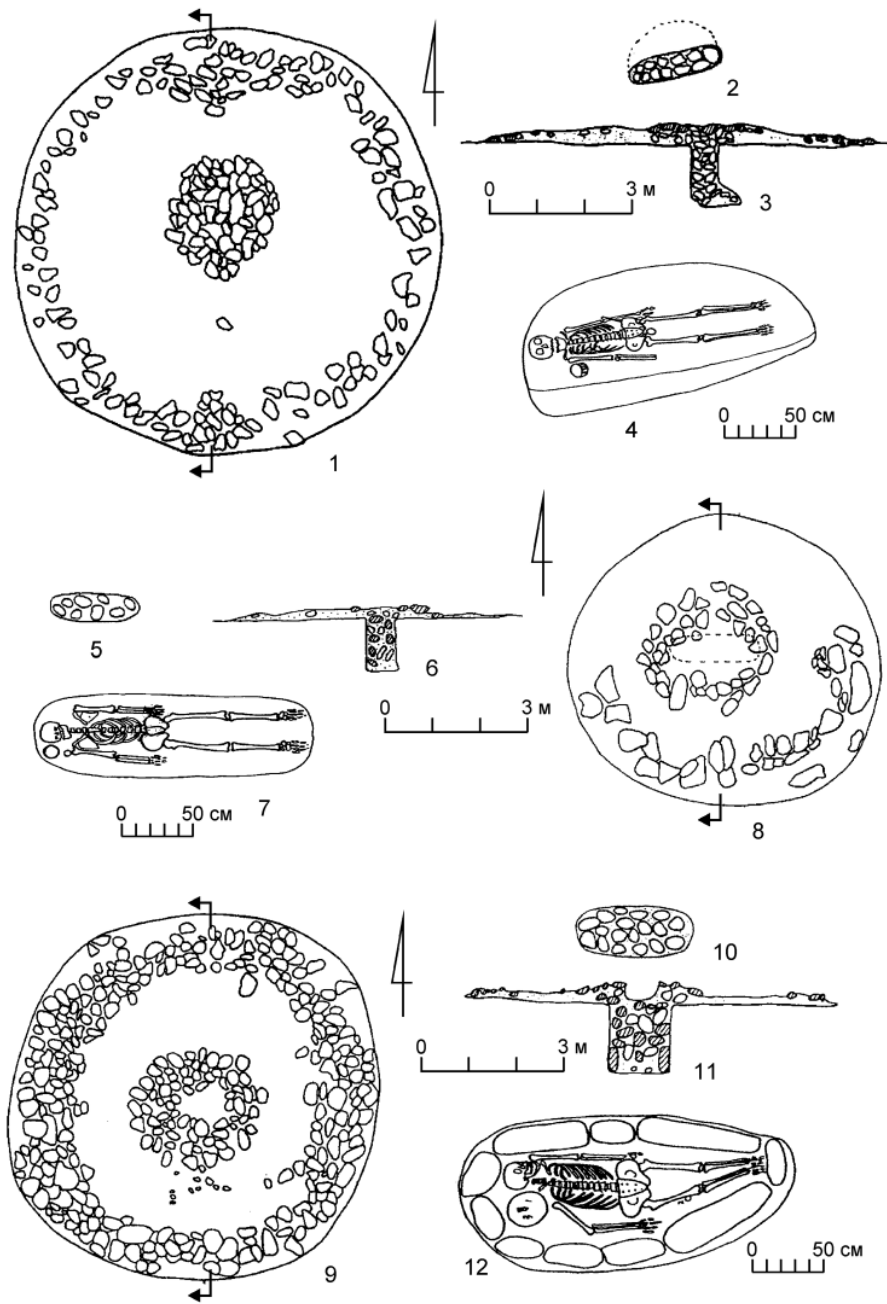

Рис. 2. Могильник Цюнкэжэ I, курганы с каменно-земляной насыпью и одним погребением (по Лю Сюэтан, Жуань Цюжун 2002, с дополнениями автора): 1–4 — курган M4; 5–8 — курган M54; 9–12 — курган M30. 1, 8, 9 — общие планы курганов; 2, 5, 10 — планы могил на уровне перекрытия; 3, 6, 11 — разрезы курганов по линии С — Ю; 4, 7, 12 — планы погребений

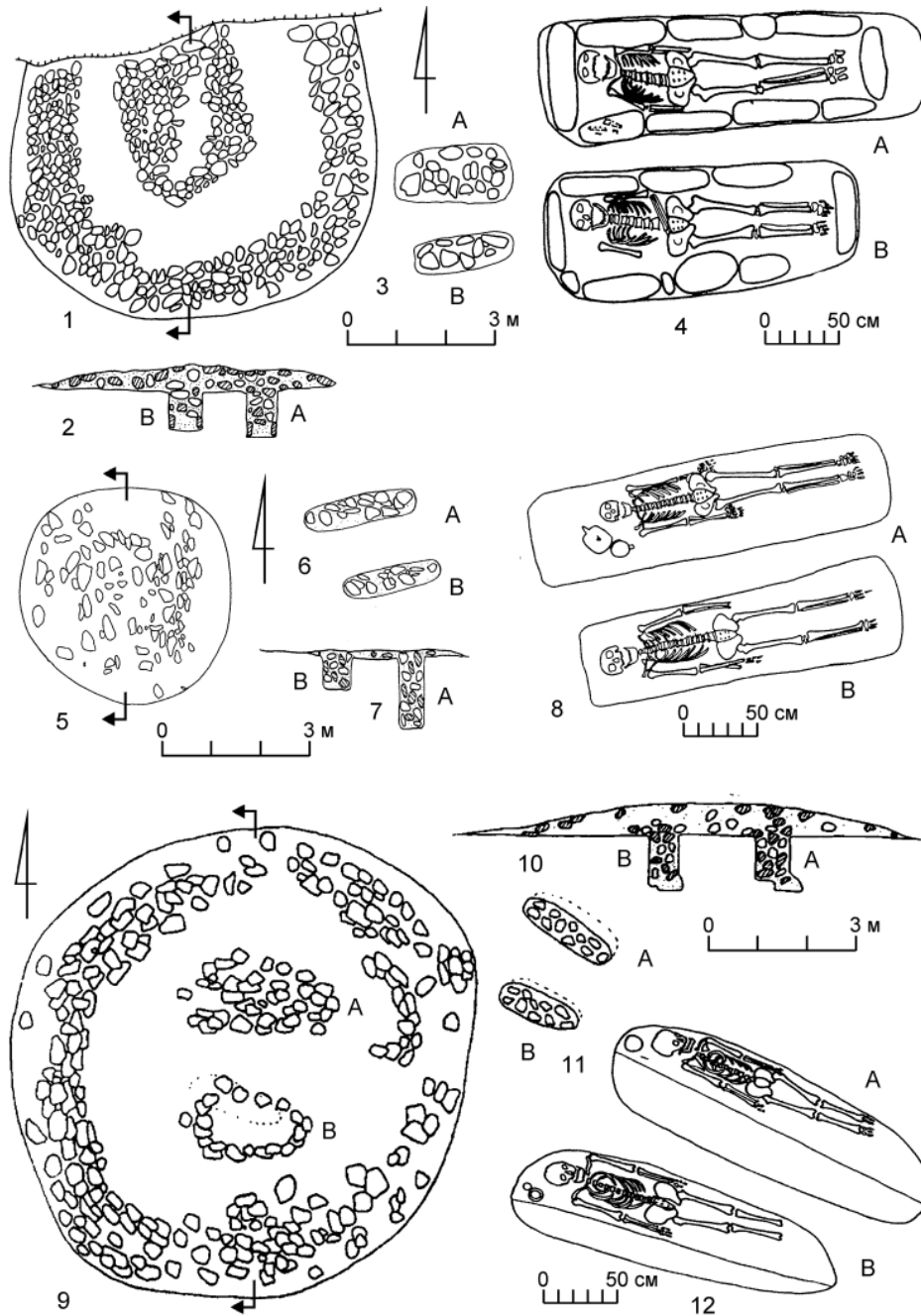

Рис. 3. Могильник Цюнкэжэ I, курганы с каменно-земляной насыпью и двумя погребениями (по Лю Сюэтан, Жуань Цюжун 2002, с дополнениями автора): 1-4 — курган М31; 5-8 — курган М8; 9-12 — курган М56. 1, 5, 9 — общие планы курганов; 3, 6, 11 — планы могил на уровне перекрытия; 2, 7, 10 — разрезы курганов по линии С — Ю; 4, 8, 12 — планы погребений

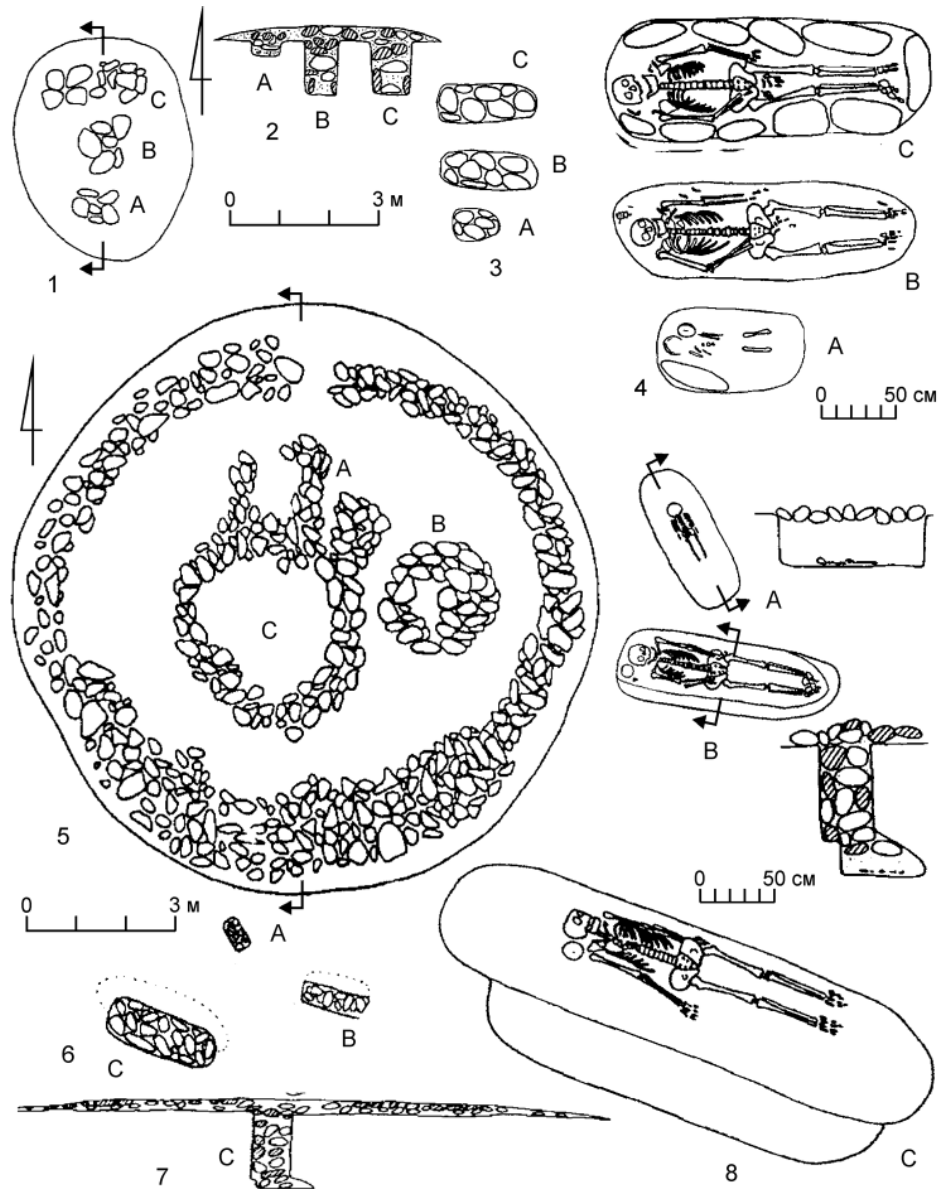

Рис. 4. Могильник Цюнкэ I, курганы с каменно-земляной насыпью и тремя погребениями (по Лю Сюэтан, Жуань Цюжун 2002, с дополнениями автора): 1–4 — курган М34; 5–8 — курган М10. 1, 5 — общие планы курганов; 2, 7 — разрезы курганов по линии С — Ю; 3, 6 — планы могил на уровне перекрытия; 4, 8 — планы погребений

(9 объектов) и, как исключение, — три могилы под одной насыпью (2 объекта). В том случае, когда в пределах одной ограды сооружены две или три могилы, их контуры обозначены отдельным надмогильным сооружением.

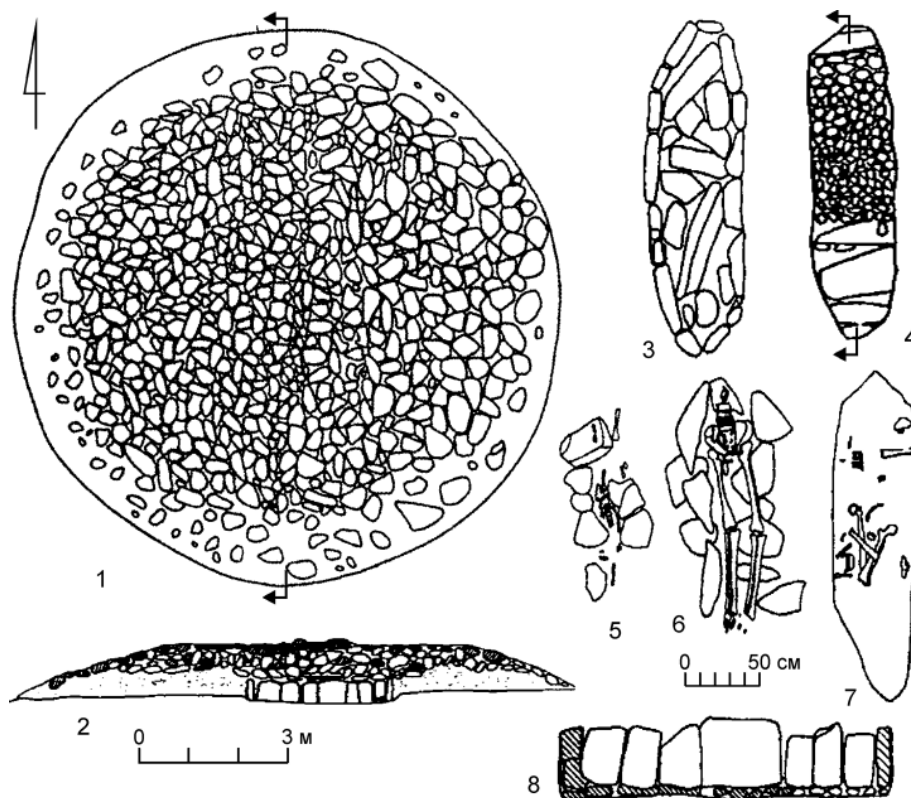

Рис. 5. Могильник Цюнкэз I, курган с каменной насыпью (M2): 1 — общий план; 2 — разрез по линии С–Ю; 3 — план заклада могилы на верхнем уровне; 4 — план заклада могилы на нижнем уровне; 5, 7 — планы верхнего погребения, 6 — план нижнего погребения, 8 — разрез

В основном, каменная ограда сооружена на уровне древней дневной поверхности. Однако в пяти случаях ограда зафиксирована на поверхности насыпи (M13, M1, M45, M44, M48). Расположение ограды Г. А. Кушаев рассматривал в качестве одного из признаков для выделения курганов раннего, среднего и позднего этапов (Акишев, Кушаев 1963: 235–245). Однако для могильника Цюнкэз I не удалось выявить сведения, подтверждающие, что этот признак являлся хронологическим маркером.

Для девяти погребений зафиксировано повреждение ограды с северной (M5, M50, M24, M31, M33, M51), западной (M55), северо-восточной (M52) и южной сторон (M49), что может быть связано с особенностями рельефа и естественными разрушениями насыпей.

Среди захоронений, обнаруженных под каменно-земляными насыпями, формой и размерами выделяется погребение M26 (16,5 × 9,5 м, высота насыпи 0,44 м). Насыпь ориентирована по оси ЮЗ–СВ. В ее центре зафиксировано надмогильное кольцо (2,7 × 1,5 м). Аналогичные пропорции имела наземная конструкция M21 (длина 24,5 м, ширина 11,3 м, высота насыпи 1 м). В обоих случаях захоронения были ограблены.

Во второй группе курганов можно выделить лишь один тип насыпи: сплошной каменный панцирь (рис. 5, 1). Представлены крупные (М2, М23, М25; диаметр 11–12 м, высота 0,9–1,3 м) и маленькие (М29; диаметр 7 м, высота 0,4 м) панцири. При исследовании насыпей М23 и М25 выявлены следы ограбления. Под насыпями курганов второй группы расположено по одному захоронению.

Конструкция погребальной ямы была прослежена для 62 погребений. Среди них можно выделить три типа.

1. Захоронения в подбое — 60 % (37 погребений; рис. 2, 2–4; 3, 10–12; 4, 6В, 6С, 7С, 8В, 8С). Входная яма, имеющая прямоугольную или подовальную форму, ориентирована длинной осью по линии З–В. Ее размеры составляют 1–2,5 × 0,8–1,1 м, глубина 0,7–2,5 м. Подбой располагается вдоль северной продольной стенки ямы, его высота 0,2–0,7 м. Иногда под насыпью кургана находились две или три могилы. Для них характерно наличие небольшого уступа вдоль противоположной подбою стенки, причем ровное дно входной ямы переходит в дно подбоя. Одиночные погребения располагаются как в ямах со сплошным дном без выделенного входа в подбой, так и в ямах с небольшим уступом при входе в камеру. Перекрытие входа в подбой каменными блоками зафиксировано только в одном случае (М50).

2. Захоронения в грунтовых ямах с вертикальными стенками — 22 % (14 погребений; рис. 2, 5–7; 3, 6–8; 4, 6А и 8А). Ямы имеют в плане овальную (9 погребений), прямоугольную (4 погребения) или квадратную (1 погребение) форму. Грунтовые ямы имеют более крупные размеры (1,9–2,5 × 0,4–0,9 м), чем подбой. Глубина этих могил составляет 0,8–2 м, однако встречаются отдельные неглубокие (0,3–0,4 м) и очень глубокие (2,2–2,4 м) ямы. Для грунтовых могил прослеживается взаимосвязь глубины и длины: чем длиннее яма, тем она глубже, тогда как ширина могилы оставалась фиксированной. Размеры грунтовой ямы зависели от возраста погребенного: в ямах небольшого размера похоронены дети (М10А, М34А). Грунтовые ямы характерны для курганов с одной могилой, реже встречаются в курганах с двумя (М8А, В) и тремя (М10А, В, С; М34А, В, С) могилами.

3. Захоронения в ямах с каменной обкладкой в придонной части — 18 % (11 погребений; рис. 2, 10–12; 3, 2–4; 4, 2–4). По размерам эти могилы близки обычным грунтовым ямам (длина 1,75–2,8 м, ширина 0,7–1,3 м, глубина 0,8–1,9 м). Высота каменной обкладки составляет 0,2–0,5 м.

Внутримогильные конструкции в могильнике Цюнкэжэ I представлены каменными ящиками и деревянной колодой. Каменный ящик — конструкция из плит, поставленных на ребро — обнаружен в двух погребениях (М2, М25). Высота стенок ящика составляет 0,5–0,8 м. В погребении М2 ящик поставлен на уровне древней дневной поверхности. Пол ящика в южной части оформлен с помощью плит, в северной — засыпан галькой (рис. 5, 3–8). В погребении М25 ящик опущен ниже уровня древней дневной поверхности на глубину стенок. Сохранность перекрытий не отмечена. В погребении М29 на уровне древнего горизонта обнаружена «модель» каменного ящика (размерами 2 × 1 м, высота стенок 0,3 м). Деревянная колода (1,7 × 0,5 м) найдена в погребении М52. Она помещена в большую по размерам яму (2,85 × 1 м, глубина 2,4 м).

На основании сопряженности типов насыпей и типов могильных ям было выделено несколько типов погребальных конструкций, которые отличаются значительным разнообразием. Преобладающим типом является курган с каменно-земляной насыпью с оградой и надмогильным сооружением в сочетании с подбойной погребальной ямой.

В целом для погребального обряда могильника Цюнкэкэ I характерны одиночные захоронения. Исключением являются погребения М2 (захоронения сделаны в два яруса), М39 (ребенок подхоронен на уровне верхней границы каменной обкладки), М57 (вместе с основным погребенным обнаружены останки второго погребенного).

Различия конструкций погребальных ям нашли отражение в расположении погребений на площади могильника. В его западной части концентрируются погребения в ямах с каменной обкладкой в придонной части. В центре могильника находятся погребения с подбоем и погребения в грунтовых ямах. При этом захоронения в грунтовых ямах сконцентрированы преимущественно вдоль берега реки. Погребения с нехарактерными для могильника Цюнкэкэ I признаками обряда расположены в основном в восточной части могильника.

Ориентацию погребенных удалось проследить в 58 случаях. Умершие, как правило, лежат головой на запад с небольшими отклонениями к югу или северу (52 погребения), крайне редко встречаются северо-западная (5 погребений) и северная (1 погребение) ориентировки.

Для погребального обряда могильника Цюнкэкэ I характерен такой способ захоронения, как ингумация. В 56 случаях умершие лежали в вытянутом положении на спине. Зафиксированы следующие варианты положения конечностей погребенных:

- левая рука согнута в локте, положена на тазовые кости (М31В, М44);
- правая рука согнута в локте, положена на тазовые кости (М14, М34В и С);
- обе руки согнуты в локтях, положены на тазовые кости (М5, М10В);
- левая рука согнута в локте, отведена (М47);
- правая рука согнута в локте, отведена (М30, М38, М50);
- обе руки согнуты в локтях, отведены (М39);
- ноги согнуты в коленях (М49, М55);
- кисти рук отсутствуют (М4, М6, М8В, М15В, М31А, М35, М37, М40, М53А и В, М57);
- ступни ног отсутствуют (М36, М40, М53А, М56В).

Зафиксировано несколько вариантов положения черепа умерших:

- череп лежит на затылке (29 погребений — М13А и В, М15А, М16В, М56А, В, М8А, В, М31А, В, М10В, М34В, С, М1, М4, М5, М7, М9, М12, М14, М36, М44, М47, М57, М28, М40, М54, М38, М39);
 - череп повернут влево (15 погребений — М15В, М16В, М45В, М46В, М53А, В, М10С, М18, М32, М35, М41, М49, М55, М37, М30);
 - череп повернут вправо (5 погребений — М6, М33, М45В, М46В, М48);
 - череп приподнят, лежит на «подушке» (1 погребение М3);
- В двух погребениях (М19, М27) череп отсутствует.

Зависимость положения костяка от пола и возраста не прослеживается.

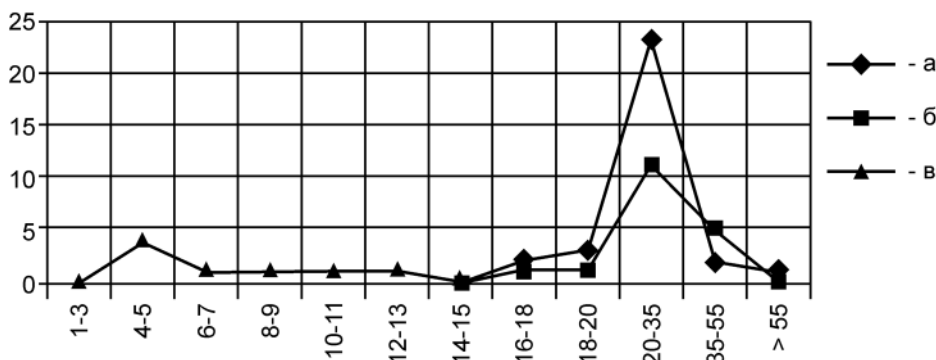

Рис. 6. Могильник Цюнкэ I, половозрастная структура погребенных: а — мужчины, б — женщины, в — дети

В нескольких могилах, судя по расположению и незначительному количеству отдельных костей (фрагменты конечностей, ребра, позвонки), находились останки перезахороненных людей (обряд вторичного погребения). В погребении М51 умерший лежал на животе, причем его туловище было приподнято относительно дна могилы. По всей видимости, эта поза не являлась изначальной.

Анализ половозрастного состава умерших, захороненных в рассматриваемом могильнике, позволяет сделать следующие выводы. Основную массу погребенных составляют взрослые, из которых мужчины 54,4 % (31 погребение), женщины 31,6 % (18 погребений). На долю детских погребений приходится только 14 % (8 погребений). У взрослых самая высокая смертность приходится на возраст 20–35 лет — 70 % (34 человека). Доля умерших в возрасте 35–55 лет составляет 14 % (7 человек, преимущественно женщины). Один погребенный был старше 55 лет — 2 % (мужчина). К группе погребений юношеского и молодого возраста относятся 14 % (7 погребений; рис. 6). Интересно отметить, что в простых грунтовых ямах и ямах с каменной обкладкой хоронили преимущественно мужчин, причем для юношей могильная яма делалась меньших размеров. В погребениях с подбоем хоронили как мужчин, так и женщин.

В 27 погребениях могильника Цюнкэ I найдена заупокойная пища. Чаще всего в могилах встречаются кости барана (крестец и хвостовые позвонки, 85,2 % — 23 погребения; редко ребра, 3,7 % — 1 погребение; копыта, 7,4 % — 2 погребения). Кости лошади и коровы обнаружены только в погребении М21 в заполнении могильной ямы, 3,7 % — 1 погребение.

Для погребального обряда могильника Цюнкэ I характерно наличие определенного набора предметов сопроводительного инвентаря, которым были снабжены 44 погребения. Он представлен несколькими категориями находок: посуда, оружие, предметы бытового назначения, украшения.

Посуда представлена керамическими и деревянными сосудами. В общей сложности обнаружено 44 целых сосуда и 1 фрагмент в 34 погребениях. Вся керамика лепная, глина с добавлением мелкозернистого песка, качество обжига высокое.

Вслед за китайскими исследователями можно выделить четыре группы сосудов: кувшины и кувшинообразные сосуды (рис. 7, 28–36, 38–40, 42–45), кружки

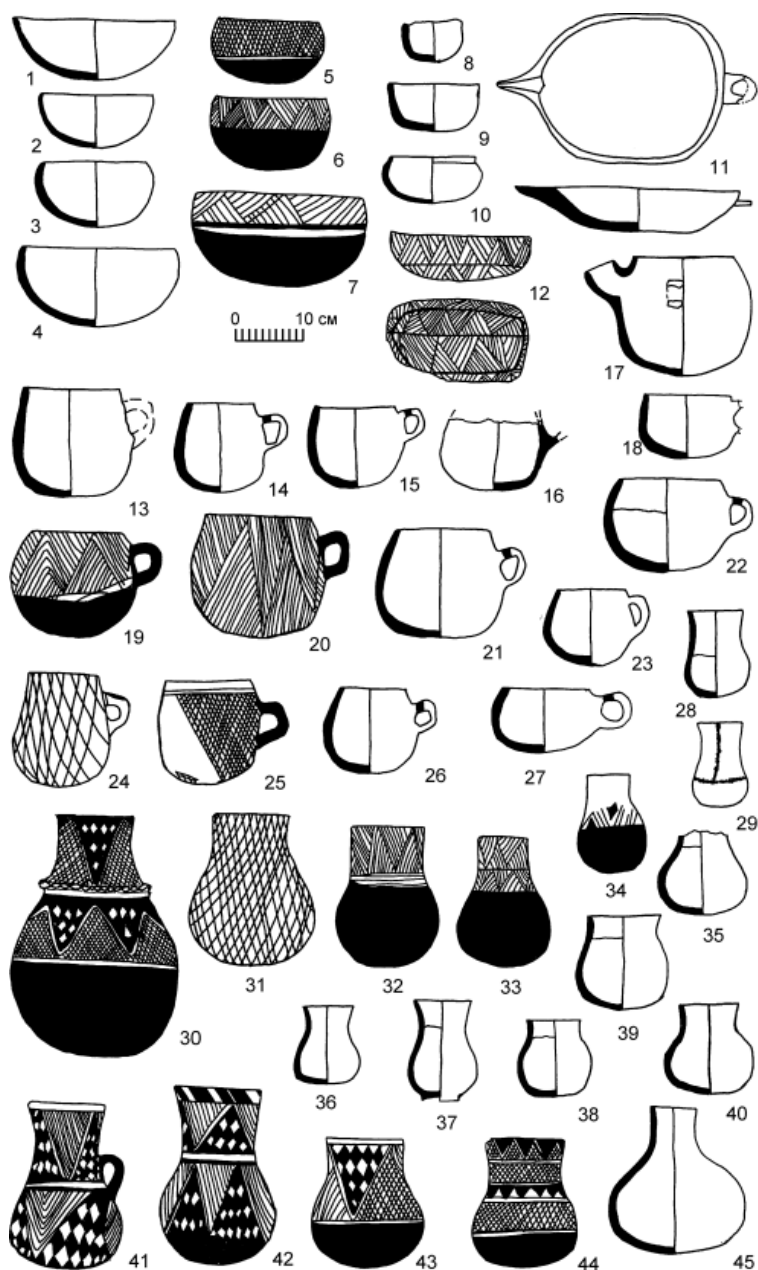

Рис. 7. Могильник Цюнкээ I, сосуды из погребений (1–10, 12–45 — керамика; 11 — дерево): 1–10, 12 — миски (1 — M33, 2 — M53A, 3 — M57, 4 — M39, 5 — M56A, 6 — M15A, 7 — M9, 8 — M56B, 9 — M55, 10 — M34, 12 — M7); 11 — блюдо (M8A); 13–16, 18–27 — кружки (13 — M46B, 14 — M12, 15 — M8, 16 — M33, 18 — M10B, 19 — M4, 20 — M15B, 21 — M49, 22 — M57, 23 — M54, 24 — M35, 25 — M11, 26 — M45A, 27 — M12); 17 — «чайник»; 28–45 — кувшины и кувшинообразные сосуды (28 — M56B, 29 — M28, 30 — M21, 31 — M45B, 32 — M7, 33 — M15A, 34 — M36, 35 — M32, 36 — M5, 37 — M6, 38 — M53A, 39 — M41, 40 — M18, 41 — M44, 42 — M46A, 43 — M16A, 44, 45 — M40)

(рис. 7, 13–16, 18–27) и миски (рис. 7, 1–10, 12), а также сосуды нетипичных для этого памятника форм: «чайник» (рис. 7, 17), кувшин с овальной ручкой (рис. 7, 41), кувшин на поддоне (рис. 7, 37). Большинство сосудов имеет круглое или уплощенное дно.

В 12 погребениях обнаружены фрагменты 13 деревянных сосудов плохой сохранности (блюда, чаши). В погребении М8А найдено блюдо с носиком-сливом и круглой ручкой-ушком (диаметр 24–26 см, высота 6,6 см; рис. 7, 11). За исключением одного случая (М8А), вся деревянная посуда была зафиксирована в погребениях с подбоем независимо от пола погребенного, причем большая часть находок (70 %) сделана в курганах, под насыпью которых находились две могилы.

По способу оформления поверхности керамические сосуды представлены ангобированными нерасписными (27 экземпляров) и ангобированными расписными (17 экземпляров) изделиями. Основными мотивами росписи являются мелкая сетка, треугольники, а также сложные комбинированные орнаменты. Роспись наносилась поверх ангоба красного (бурого) цвета на всю поверхность сосуда либо в его верхней части.

Предметы вооружения представлены костяными черешковыми трехгранными наконечниками стрел (7 экземпляров) (рис. 8, 5–11). Выделяются пять наконечников стрел с уплощенным черешком, один с небольшим шипом и два с оттянутой гранью. Размеры наконечников варьируют в пределах 4,2–6,1 см.

К предметам бытового назначения можно отнести ножи, проколки, оселки. *Бронзовый нож* с кольцевым навершием и желобком на рукояти обнаружен в нижнем погребении М2 (длина 17,6 см, ширина 1,6 см (рис. 8, 14). Фрагменты *железных ножей* плохой сохранности были найдены в 13 погребениях. Типы и размеры найденных предметов не установлены. Фрагменты двух *железных изделий* («проколки?»), круглых в сечении, были найдены в погребениях М12 и М15В (рис. 8, 18, 19). Эти фрагменты имели размеры 5,8 см и 8,2 см соответственно. Каменные оселки с отверстием для подвешивания представлены двумя экземплярами прямоугольной (М2, нижнее погребение) и овальной (М46А) формы (рис. 8, 20, 21). Обе находки имеют овальный профиль. Длина предметов составляет 13,8–15,2 см, толщина 3,8–4,2 см.

Роговые изделия, обнаруженные в мужских погребениях (М45В, М35, М54, М46А, М30), имеют различную форму и размеры (диаметр 2,5–3,5 см; рис. 8, 13, 15–17). В женском погребении (М13А) на шее погребенной найдена низка из 25 агатовых бусин и 1 пронизка (цветное стекло?) (рис. 8, 1–4). Диаметр бусин составляет 0,2–0,6 см, длина от 0,2 до 0,4 см. Пронизка длиной 1,5 см имеет диаметр 0,6 см.

В погребении М50 сохранился фрагмент кожаного изделия в виде ленты длиной 15 см, шириной 0,6 см (рис. 8, 12).

Сопроводительный инвентарь и заупокойная пища обычно размещались в головах погребенного. Кости барана иногда клали в керамический сосуд (М30, М39) или на деревянное блюдо (М41).

Набор сопроводительного инвентаря, т. е. количество предметов в захоронении, зависит от типа погребальной ямы.

Анализ совместной встречаемости различных категорий инвентаря позволил выявить несколько вариантов их сочетаний. Наиболее представительный

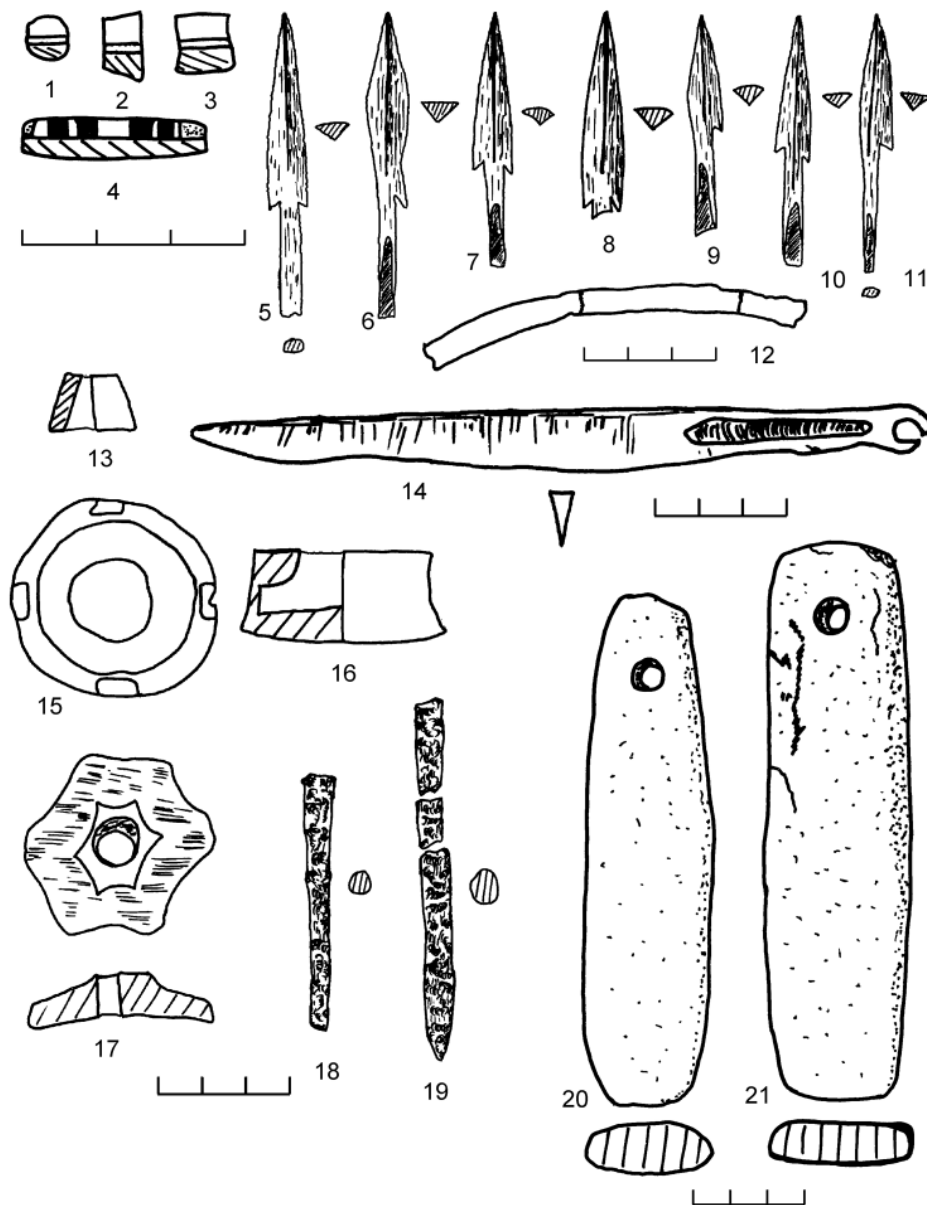

Рис. 8. Могильник Цюнкэ I, украшения, оружие и орудия труда (1–3, 20–21 — камень; 4 — стекло?; 5–11, 13, 15–17 — кость, рог; 12 — кожа; 14, 18–19 — железо): 1–4 — M13A; 5–8 — M52; 9 — M24; 10, 11, 13, 20 — M46A; 12 — M50; 14, 21 — M2 (нижнее погребение); 15 — M45B; 16 — M35; 17 — M30; 18 — M12; 19 — M15B.

состав инвентаря характерен для курганов, под насыпью которых находились две могилы (инвентарные погребения составляют 93 %). Здесь в различных сочетаниях встречаются железные ножи, керамическая посуда, деревянные

миски, что составляет основной набор предметов. Отдельные находки наконечников стрел, точильный камень, изделия из кости и рога, дерева и окислившегося железа были сделаны в погребениях мужчин (М15А, М46А, В, М45В). В женских захоронениях обнаружены костяные украшения (М45В), агатовые и стеклянные (?) бусы (М13А). Интересно отметить, что расписная и нерасписная керамика не встречается в одном и том же погребальном комплексе, но может находиться в разных могилах, располагающихся под одной насыпью (М45В, М56А, М46А). Расписная керамика редко встречается в сочетании и с другими предметами сопроводительного инвентаря.

В одиночных погребениях с подбоем инвентарные погребения составляют 73 %. В них резко сокращается количество железных ножей (М9, М18) и деревянной посуды (М1, М5, М6, М41). Керамические сосуды представлены одним, реже двумя экземплярами. В погребении мужчины (М35) обнаружено изделие из рога (ворворка?), в женском (М12) — железная проколка.

Инвентарные одиночные погребения в грунтовых ямах составляют 62 %. Сопроводительный инвентарь одиночных захоронений немногочислен. Здесь представлена в основном ангобированная нерасписная керамика. Расписная посуда обнаружена только в двух погребениях (М21), в одном случае вместе с ангобированной (М40); найдены также фрагменты керамики, описание которых отсутствует (М21, М22). В погребении М10С находился деревянный сосуд. В погребении мужчины (М54) найдена костяная ворворка (?). Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в захоронениях курганов, под насыпью которых находились две или три могилы, представлен нерасписными керамическими и деревянными сосудами (М8А, М10В, М10С, М34А).

В ямах с каменной обкладкой сопроводительный инвентарь обнаружен в 55 % погребений. В одном захоронении обнаружен железный нож (М31А), в двух — по два нерасписных сосуда (М33, М39), фрагмент керамики (описание отсутствует) вместе с костяным украшением (М30), набор из четырех наконечников стрел и фрагменты кожи со следами патины (М52).

Архаично выглядит набор сопроводительного инвентаря из погребения в каменной ящике М2 (бронзовый нож с кольцевым навершием и точильный камень). Остальные погребения в каменных ящиках безынвентарные.

Таким образом, для могильника Цюнкээ I были прослежены следующие закономерности:

— на площади могильника зафиксированы две группы курганов: с каменно-земляными и каменными насыпями, которые различаются между собой по погребальному обряду и набору сопроводительного инвентаря;

— важное значение для населения, оставившего курганы с каменно-земляными насыпями, имели конструкция погребальной ямы и количество погребенных в пределах одной ограды;

— погребения с каменной обкладкой в придонной части характерны для мужских захоронений;

— сопроводительный инвентарь погребений под каменно-земляными насыпями не демонстрирует хронологических различий. Особенности набора сопроводительного инвентаря могли диктоваться как социально-экономическими условиями, так и этническими традициями.

Исследование материалов могильника Цюнкэ I дало возможность обратиться к вопросам историко-культурного развития древнего населения долины реки Или, Семиречья и сопредельных регионов.

К настоящему времени китайские археологи раскопали в верхнем и среднем течении реки Или много могильников, близких по погребальному обряду и сопроводительному инвентарю: Шанкоушуйку (Жуань Цюжун и др. 2006: 1–40), Содунбулак (Чжан Юйчжун 1999: 17–28), Илэгэдай (Жуань Цюжун и др. 2005: 13–32). Топография этих памятников, формы представленных на них погребальных конструкций, а также наборы инвентаря позволяют синхронизировать эти древние кладбища.

В нижнем течении реки Или и в Семиречье ситуация в целом выглядит сходным образом. Количество исследованных памятников здесь значительно больше благодаря исследованиям М. П. Грязнова, А. Н. Бернштама, А. К. Акишева, Г. А. Кушаева, А. К. Кибирова, И. К. Кожомбердиева и др. (Заднепровский 1992: 73–100). В этом регионе зафиксированы близкие типы погребальных сооружений, схожий набор сопроводительного (Акишев, Кушаев 1963; Досымбаева 2007). Тип погребальной конструкции с каменной обкладкой в нижней части могильной ямы также находит аналогии в памятниках близлежащих территорий, например в районе озера Иссык-Куль (могильник Кара-Шаар, курган 1; Зяблин 1957: 94–101).²

На принадлежность некрополя Цюнкэ I западной части центральноазиатского культурного ареала указывает и традиция помещения хвостовых позвонков барана в качестве заупокойной пищи. Территориальные и хронологические особенности этого ритуала были рассмотрены в специальном исследовании Н. Г. Горбуновой (2003: 60–67).

В целом, в конце I тыс. до н. э.–начале I тыс. н. э. долина реки Или представляла собой единое культурное пространство.

Традиции погребального обряда и комплекс сопроводительного инвентаря могильника Цюнкэ I находят аналогии и на более широких территориях. Например, керамическая посуда имеет аналогии на территории Синьцзяна (Хань Цзянье 2007).

Расписная керамика из погребений должна явиться предметом специального исследования. Редкость обнаружения этой группы находок демонстрирует ее уникальность для долины реки Или. По форме сосудов эта керамика аналогична находкам из памятников Семиречья (Досымбаева 2007: 166, 168, 171). Однако мотивы росписи могут указывать на некоторые элементы влияния со стороны населения более восточных районов Синьцзяна (район Шихэ цзи — Усу; уезд Хэцзин; Хань Цзянье 2007: 27, 115–117). В целом, изучение расписной керамики Синьцзяна необычайно интересно в контексте культурного развития Центральной Азии, о чем уже говорилось в литературе (Семенов 2004: 422–426).

Довольно редкой находкой в долине реки Или являются костяные наконечники стрел. Помимо могильника Цюнкэ I они были найдены в близком по обряду могильнике группы Цяфуцихай А–XV (М68; Чэнь Хунхай, Люй Эньго 2005: 22–33). Данная категория находок встречается довольно широко

² Л. П. Зяблин датировал курган 1 могильника Кара-Шаар V–VII вв. до н. э., отметив «несомненную усуньскую принадлежность» могильника (Зяблин 1957: 95–96).

в памятниках раннего железного века степного пояса (Фролов 2008; Семенов 2003), однако немногочисленные и типологически разнообразные костяные наколечники могильника Цюнкэкэ I нельзя использовать в качестве хронологических реперов. Сложность в использовании их в качестве датирующего материала была отмечена и для других территорий (Чугунов 2007: 128–129).

Наиболее сложным вопросом в изучении могильника Цюнкэкэ I и аналогичных памятников китайской части долины реки Или является проблема хронологии. Отсутствие надежно датирующих материалов не позволяет достоверно определить время существования этого памятника.

В китайской историографии такие могильники относят к так называемой «культуре долины реки Или», которая датируется от IX / VIII вв. до н. э. до начала нашей эры (Чэнь Гэ 2000: 9–10). Исходя из этой идеи, Лю Сюэтан и Жуань Цюжун включили могильник Цюнкэкэ I в «культуру долины реки Или» и датировали его IX–V вв. до н. э. (Лю Сюэтан, Жуань Цюжун 2002: 53).

Изучение характерных особенностей памятников этого региона позволило Хань Цзянье, вслед за Чэнь Гэ, говорить о существовании «культуры долины реки Или», время существования которой он определил периодом 1100–100 лет до н. э. Для могильника Цюнкэкэ I были получены две радиоуглеродные даты по деревянному тлену: 984–830 гг. до н. э. (M11) и 1040–906 гг. до н. э. (M52). Это позволило Хань Цзянье отнести могильник Цюнкэкэ I ко второму этапу существования культуры (по комплексу погребения M9) и датировать XI–VIII вв. до н. э. (Хань Цзянье 2005: 71; 2007: 22, 39–40).

В отечественной историографии памятники с близким погребальным обрядом и набором сопроводительного инвентаря традиционно относят к концу I тыс. до н. э.—началу I тыс. н. э. А. К. Акишев и Г. А. Кушаев датировали памятники периодом III в. до н. э.—III в. н. э. (Акишев, Кушаев 1963). А. Досымбаевой была предложена более поздняя дата II в. до н. э.—V в. н. э. (Досымбаева 2007), причем памятники типа Цюнкэкэ I она отнесла к раннему этапу II в. до н. э.—II в. н. э.

С учетом исследований советских археологов второй половины XX в. китайские специалисты предлагают более поздние даты для некоторых памятников долины реки Или. Так, типологически близкий могильник Шанкоушуйку был датирован исследователями периодом от начала нашей эры до III в. н. э. (Жуань Цюжун и др. 2006: 39), а могильник Содунбулак — V–III вв. до н. э. (Чжан Юйчжун 1999: 17–28).

Таким образом, могильник Цюнкэкэ I на основании большого сходства погребального обряда и наборов погребального инвентаря можно датировать по аналогии с памятниками Семиречья последними веками I тыс. до н. э.—первыми веками I тыс. н. э.

Акишев, Кушаев 1963 — Акишев А. К., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Горбунова 2003 — Горбунова Н. Г. О погребальной пище в могильниках скотоводов Средней Азии // АСГЭ. 2003. Вып. 26. С. 60–67.

Досымбаева 2007 — *Досымбаева А.* Культурный комплекс тюркских кочевников Жэтысу II в. до н. э.–V в. н. э. (по материалам археологии). Алматы, 2007.

Жуань Цюжун и др. 2005 — *Жуань Цюжун, Чжан Фунань, Ху Синцзюнь.* Или цяфуцихай шуйлишуню гунчэн нань'ань ганьцюй каогу фацзюэ цзяньбао (Сообщение об археологических раскопках в районе строительства гидросооружений на южном берегу, Цяфуцихай, Или) // *Синьцзян вэньу.* 2005. № 1. С. 13–32 (на кит. яз.).

Жуань Цюжун и др. 2006 — *Жуань Цюжун, Ху Синцзюнь, Чжан Фунань, Линь Исянь.* 2005 няньду Или чжоу гунлю сянь Шанкоушуйку муди каогу фацзюэ баогао (Сообщение об исследовании могильника Шанкоушуйку в долине реки Или, уезд Гунлю в 2005 году) // *Синьцзян вэньу.* 2006. № 1. С. 1–40 (на кит. яз.).

Заднепровский 1992 — *Заднепровский Ю. А.* Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М., 1992. С. 73–100.

Зяблин 1957 — *Зяблин Л. П.* Археологические работы на Иссык-Куле // *КСИИМК.* 1957. Вып. 69. С. 94–101.

Литвинский, Лубо-Лесниченко 1995 — *Литвинский Б. А., Лубо-Лесниченко Е. И.* Погребальные памятники // *Восточный Туркестан в древности и средневековье. Хозяйство, материальная культура.* М., 1995. С. 255–359.

Лю Сюэтан, Жуань Цюжун 2002 — *Лю Сюэтан, Жуань Цюжун.* Нилэкэ сянь Цюнкэкэ и хао муди каогу фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках могильника Цюнкэкэ I, уезд Нилэкэ) // *Синьцзян вэньу.* 2002. № 3, 4. С. 13–53 (на кит. яз.).

Опалев 2000 — *Опалев В. О.* Новые материалы по проблеме сако-усуньских могильников в Синьцзяне // *Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии.* Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 201–202.

Семенов 2003 — *Семенов В. А.* Суглук-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.

Семенов 2004 — *Семенов В. А.* Расписная керамика в культурах сако-юэчжийского круга Центральной Азии // *Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии.* Барнаул, 2004. С. 422–426.

Фролов 2008 — *Фролов Я. В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э.–II в. н. э. Барнаул, 2008.

Хань Цзянье 2005 — *Хань Цзянье.* Синьцзян цинтун шидай-цаоци теци шидай вэньхуа дэ фэньци хэ пуци (Периодизация и локальные особенности культур бронзового и раннего железного века на территории Синьцзяна) // *Синьцзян вэньу.* 2005. № 1. С. 57–100 (на кит. яз.).

Хань Цзянье 2007 — *Хань Цзянье.* Синьцзян дэ цинтун шидай хэ цаоци теци шидай вэньхуа (Культуры бронзового и раннего железного веков на территории Синьцзяна). Пекин, 2007 (на кит. яз.).

Чжан Юйчжун 1999 — *Чжан Юйчжун.* Синьцзян чабуча'эр сянь Содунбулакэ гу муцюнь (Могильник Содунбулак, уезд Чабуча'эр) // *Каогу.* 1999. № 8. С. 17–28 (на кит. яз.).

Чугунов 2007 — *Чугунов К. В.* Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // *А. В.: Сб. науч. трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова.* СПб., 2007. С. 123–144.

Чэнь Гэ 2000 — *Чэнь Гэ.* Синьцзян Или хэ лю ю вэньхуа чулунь (К вопросу об археологических культурах в бассейне реки Или, Синьцзян) // *Оу я сюэкань.* 2000. № 3. С. 1–35 (на кит. яз.).

Чэнь Хунхай, Люй Эньго 2005 — *Чэнь Хунхай, Люй Эньго.* Тэкэсы сянь Цяфуцихай А цюй XV хао муди фацзюэ цзяньбао (Сообщение о раскопках могильника группы Цяфуцихай А-XV, уезд Тэкэсы) // *Синьцзян вэньу.* 2005. № 4. С. 22–33 (на кит. яз.).

**NEW DATA ON THE FUNERAL RITE
IN THE ILI RIVER VALLEY AT THE TURN
OF THE 1ST MILLENIUM AD (WITH SPECIAL
REFERENCE TO THE MATERIALS
OF THE TSYUNKEKE I CEMETERY)**

N. A. Sutyagina

At the boundary of the 20th–21st cc. Chinese archaeologists studied and published materials of a considerable number of sites from the Chinese part of the Ili River valley.

The Tsyunkeke I cemetery is one of the biggest necropolises excavated in this region. Several types of above-ground constructions and burial pits were recorded here. The set of burial goods is very stable, it includes pottery, wooden utensils, an iron knife, as well as individual finds (stone, bone, and antler ornaments, everyday use objects). In addition, the inventory includes animal bones represented mainly by tail vertebra of sheeps. Taken as a whole the funeral rite of Tsyunkeke I finds numerous analogies in Sinkiang, Semirechye, Middle Asia, as well as in more distant parts of Central Asia. By analogy with the known sites of Semirechye the cemetery can be dated to the last centuries of the 1st millennium BC.

ЭТАПЫ ПЕРЕХОДА К МУСУЛЬМАНСКОМУ ПОГРЕБАЛЬНОМУ ОБРЯДУ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Д. АБДУЛЛОЕВ

Среди памятников материальной культуры Средней Азии особое место занимают могильники. Они привлекали пристальное внимание таких ученых, как Н. И. Веселовский (1901; 1907), К. А. Иностранцев (1909), В. В. Бартольд (1966), Б. Я. Ставиский (1952; 1954; Ставиский, Большаков, Мончадская 1953), Б. А. Литвинский (Литвинский, Седов 1984), А. Мирбабаев (1994), Ю. А. Рапопорт (1971), М. Б. Мейтарчян (1999), В. Ю. Крюкова (Хисматуллин, Крюкова 1997). В данной статье с помощью археологических, письменных и этнографических источников рассмотрены типы погребальных сооружений и способы захоронения в них с целью выделения этапов перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому.

Зороастризм — древняя религия, которая была широко распространена на Среднем Востоке и в Средней Азии. Согласно учению основателя религии, пророка Зороастра, смерть является злом, поэтому труп считался наделенным нечистой силой. Зороастризм категорически запрещал погребение человека в земле и воде, так как тело, соприкасаясь с этими сакральными для зороастрийцев стихиями, может осквернить их. Трупожжение тоже не допускалось, так как огонь и воздух также были священными для последователей пророка Зороастра.

В связи с этим возникает вопрос: как и где хоронили покойников зороастрийцы? Ответ находится в Видевдате, части Авесты, которая являлась книгой, священной для зороастрийцев. Для каждого этапа погребального обряда существовали специальные постройки. Вначале тело переносили в помещение, которое называлось «ката». Эта постройка, высотой в человеческий рост и шириной в размах рук, служила для оставления трупа в тех случаях, когда его нельзя было сразу же перенести на «дахму». Обычно строили отдельные «каты» для мужчин, женщин и детей. Существовали и семейные «каты» (Иностранцев 1909: 105, 107; Мейтарчян 1999: 10, 50; Хисматуллин, Крюкова 1997: 207, 228).

В Средней Азии известны два пункта, где были обнаружены постройки, которые исследователи интерпретируют как «ката». Одно такое сооружение находится в Хорезмской области Узбекистана, в Беркуткалинском оазисе. Здесь при раскопках замка № 36 обнаружено пристроенное к нему помещение, которое, по предположению С. П. Толстова, являлось «катой». Эта квадратная постройка (4,5 × 4,5 м) с узкой высокой суфой вдоль южной и западной стен имела купольное перекрытие. В центре помещения находилась овальная яма (Толстов 1948: 149). Вторая «ката» была обнаружена в Таджикистане в пригороде Пенджикента (согдийский город Панчкат, араб. Бунчикас). Здесь было вскрыто небольшое сводчатое помещение, вдоль северной и западной стен которого располагались высокие суфы, а в центре находилась яма (Ставиский 1954: 5, 6).

Затем труп выставляли в «дахме», сооружении, на котором тело терзали хищные птицы. Следует отметить, что постройка «дахмы» не была обязательной. Ее могли заменить горы и холмы. В шестом фаргарде Видевдата говорится, что

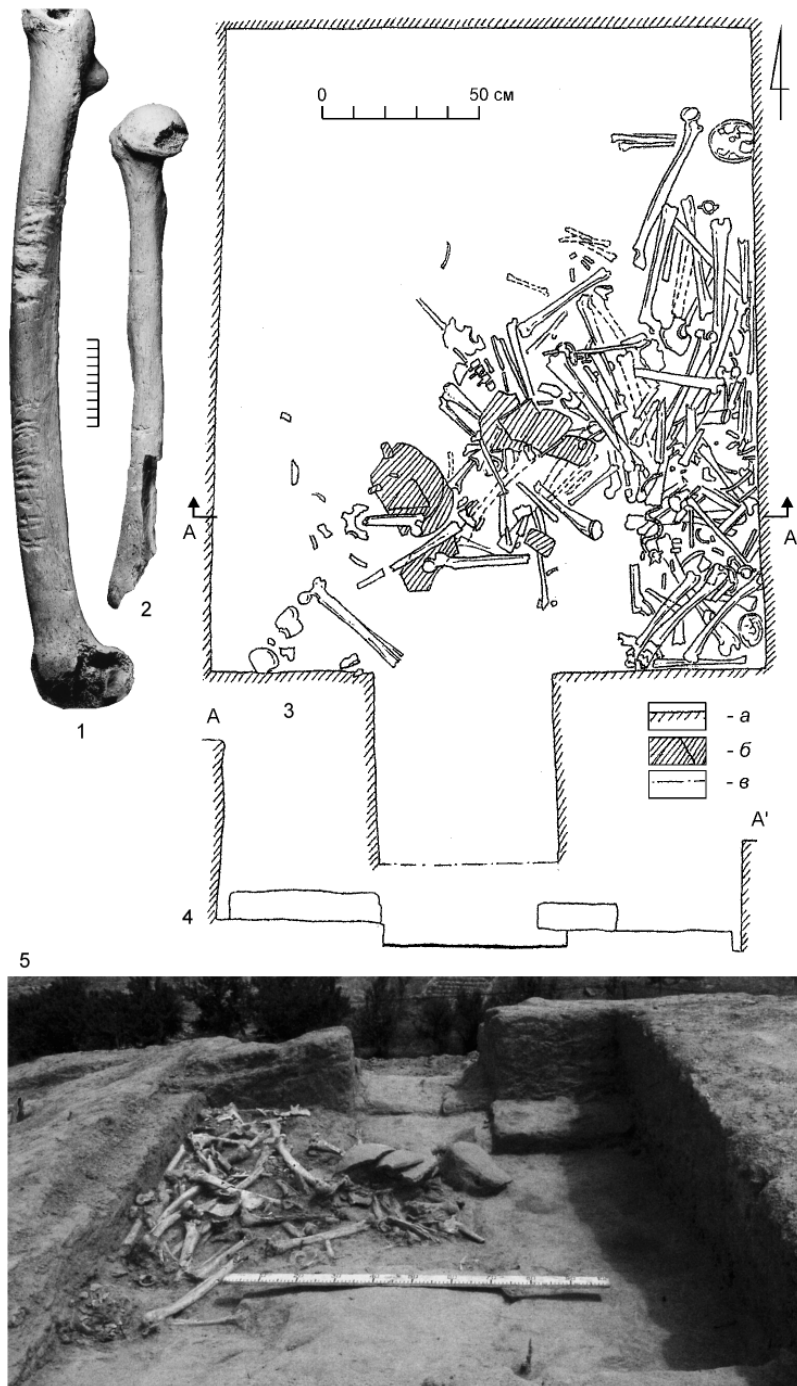

Рис. 1. Древний Пенджикент (VII–VIII вв.): 1, 2 — человеческие кости со следами зубов собак; 3, 4 и 5 — наземный однокамерный склеп с остатками труположений (план, разрез и фотография)

труп можно оставить на самых высоких местах, разместив так, чтобы хищники и птицы не разнесли его кости на воду и растения (Иностранцев 1909: 108, 110; Хисматуллин, Крюкова 1997: 210, 219). Аналогичные сведения имеются и в китайских письменных источниках. В истории Вэйской династии говорится, что в Боси (Персии) труп выставляли на холмах. Другой китайский источник — «История северных дворов» — сообщает, что в Персии покойников бросают в горах (Бичурин 1953: 30, 31). Практиковали и другой способ отделения мягких тканей от костей. Те же китайские источники сообщают, что за городскими стенами Самарканда проживала группа людей, державших обученных собак, которые пожирали плоть мертвецов (Там же: 20, 25). Эти сведения подтверждаются археологическими данными. На раннем мусульманском кладбище Пенджикента обнаружены человеческие кости со следами собачьих зубов (рис. 1, 1, 2).

Начиная со II в. до н. э. и вплоть до VIII в. н. э. в Средней Азии существовали наземные склепы: однокамерные, видимо, семейные, и многокамерные, вероятно, родовые. Они были построены из блоков пахсы и сырцового кирпича. Эти строения имели квадратную, прямоугольную и крестообразную планировку со сводчатым, плоским или купольным перекрытием. Способ захоронения в склепах — труположение. Покойный лежал на спине, его сопровождал погребальный инвентарь. Количество погребенных зависело от размера склепа. Так, в однокамерном склепе некрополя Тепаи-шах (Таджикистан) на суфах и на полу были обнаружены разрозненные кости и 5 черепов, а в четырехкамерном склепе того же некрополя находилось более 50 черепов (Литвинский, Седов 1984: 85).

В раннем средневековье (V–VIII вв. н. э.) этот способ погребения сохраняется, однако многокамерные склепы вытесняются однокамерными. К ним относятся склепы Муг-хана в Согдийской области (Таджикистан) (Агзамхаджаев 1965: 155–158), вблизи поселка Тюябугуз Ташкентской области (Узбекистан) (Агзамхаджаев 1962: 194, 209) и в Пенджикенте (рис. 1, 3–5; Маршак и др. 2006: 39, 43).

В это же время кроме наземных появляются склепы, вырубленные в скалах. К ним относятся гробницы Бит-тепе в Сурхандарьинской области на юге Узбекистана (Ртвеладзе 1986: 194, 209) и Курката в Согдийской области Таджикистана (Мирбабаев 1994: 15, 22). Способ погребения в этих склепах такой же, как и в наземных: труположение на спине с сопровождающим покойного погребальным инвентарем. В каждой гробнице были захоронены не более 10–20 человек разного пола и возраста, включая детей.

Завершая описание склепов, для которых характерен рассматриваемый обряд, отметим, что большинство исследователей не сопоставляло их с авестийскими погребальными сооружениями, хотя некоторые специалисты полагали, что обряд погребения в этих склепах — зороастрийский (Литвинский, Седов 1984: 85, 90). Судя по предписанию Видевдата, они могли бы быть «дахмами». Однако этому противоречит оставленный в склепах инвентарь. Таким образом, можно предположить, что эти погребальные постройки использовались одновременно и как «дахмы», и как «астаны», о которых речь пойдет далее (Абдуллоев 1990: 118, 120).

Кости оставались в «дахме» год, после чего они становились чистыми. Тогда их собирали и помещали в «астан» — костехранилище. В этом состоял третий и последний этап погребального обряда зороастрийцев, которые верили, что

сохранение костей необходимо для грядущего воскрешения мертвых. В пятом фаргарде Видевдата на вопрос о том, как поступить с костями умерших, Ахурамазда отвечает, что их следует поместить в «аस्ताдан», который защитит останки от дождевой воды и хищников, причем богатые люди могут выстроить «аस्ताдан», а бедные — оставить кости на земле, на матерчатой подстилке (Иностранцев 1909: 99; Хисматуллин, Крюкова 1997: 206, 218).

В Средней Азии находят небольшие глиняные, алебастровые, каменные и керамические ящички. Археологи называют их «оссуариями», что в переводе с латыни означает «костехранилище». Ящички имеют разную форму и величину (20–30 × 45–55 см). Костехранилища, найденные в Хорезме, выполнены в виде фигуры сидящего человека. Они считаются древнейшими на территории Средней Азии (Рапопорт 1971: 50, 55). В I–IV вв. н. э. эти оссуарии сменяются костехранилищами, имитирующими различные постройки (замки, башни, мавзолеи). В VI–VIII вв. н. э. преобладают прямоугольные и овальные в виде юрты костехранилища с крышками.

Большинство этих изделий, за исключением статуарных, украшено рельефами и росписью. На них встречаются геометрические узоры и сюжетные композиции, например, сцены оплакивания умерших, погребальной процессии, загробного суда и др. На одном из костехранилищ, обнаруженных в некрополе поселения Ток-кала, в Хорезме, была изображена сцена оплакивания покойника: тело мужчины окружено плакальщицами и плакальщиками, причем некоторые из них стоят, а другие сидят. В изголовье покойного сидела, вероятно, его вдова в черной траурной одежде (Гудкова 1964: 90, 91) (рис. 2).

Костехранилища помещали в специальные погребальные сооружения. Весьма ценные в этом отношении материалы были получены при раскопках некрополей Пенджикента (Ставиский, Большаков, Мончадская 1953: 64, 95; Ставиский 1954: 4, 25), Миздахкана (Ягодин, Ходжайов 1970: 50, 85), Ток-калы (Гудкова 1964: 85, 91), Ахангарана (Агзамхаджаев 1962: 20–25), Пескента (Буряков 1968: 130, 136) и Байрам-Али (Ершов 1959: 20, 35), где были обнаружены паховые и сырцовые однокамерные наземные склепы с невысоким входом. В них помещали костехранилища с предварительно очищенными костями. Каждый склеп принадлежал отдельной семье. Там покоились останки 10–12 человек разного пола и возраста. В склепах также находился погребальный инвентарь.

Хотя описание «аस्ताдан» в Видевдате не содержит сведений о керамических, глиняных, алебастровых и каменных гробиках с крышками для хранения человеческих останков, именно в них помещали предварительно очищенные по зороастрийскому обряду кости покойника. Поэтому, вне всякого сомнения, можно считать, что склепы, в которые помещали гробики с костями людей, являлись зороастрийскими погребальными постройками «аस्ताданами».

Рассмотрим далее, как зороастрийский погребальный обряд был вытеснен мусульманским. В первые века исламизации Ирана и Средней Азии общины зороастрийцев еще существовали в обоих регионах. В X–XIII вв. н. э. в результате преследований и погромов со стороны мусульман небольшая часть зороастрийцев переселилась из Ирана в Индию, где их стали называть парсами. Остальное население Ирана постепенно приняло ислам, за исключением малочисленной группы, сохранившей зороастризм до настоящего времени.

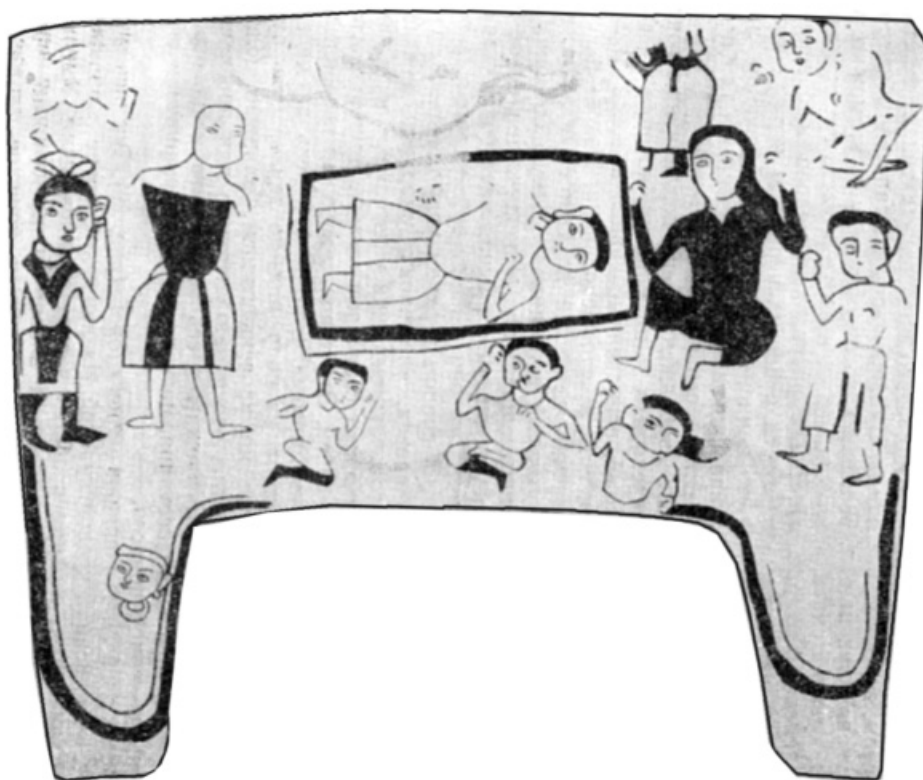

Рис. 2. Хорезм, некрополь Ток-кала (VIII в.), сцена оплакивания на гробике

В отличие от Ирана, в Средней Азии зороастризм был вытеснен, вероятно, к началу XIV в. Судя по археологическим данным, еще в XIII в. небольшая община зороастрийцев проживала под Самаркандом в местечке Фринкент. Об этом свидетельствует обнаруженное здесь зороастрийское кладбище (Григорьев 1939: 144, 150).

Зороастрийцы помещали покойника в «дахму» на четвертый день после смерти, так как в этот день душа усопшего должна была переселиться в загробный мир. У мусульман погребение должно совершиться как можно скорее, даже в день смерти. Перед похоронами умершего обмывают профессиональные обмывальщики, затем его заворачивают в саван. Над телом читают особую молитву, после чего его кладут на носилки и почти бегом, сменяя друг друга, несут на кладбище (Рахимов 1953: 107, 130; Петрушевский 1966: 86, 87).

По мусульманскому обычаю покойников хоронят в земле. Профессиональные могильщики копают могилу, причем ее воспрещалось рыть во время восхода и захода солнца. Глубина могилы не должна превышать роста человека. В одной из ее боковых стен, на уровне дна рыли нишу (араб. ляхад) для покойника. В каменистой почве копали могилы без ниш. Могилы для женщин, которые, в соответствии с шариатом, считались более грешными, были глубже, чем для

мужчин. Тело мужчины в могилу мог уложить любой человек. По-иному обращались с трупом женщины. Посторонний человек не имел права опустить его в могилу, так как прикосновение чужого даже через саван считалось грехом. Исключение делалось для дяди по матери, который считался умершей ближе отца, братьев и даже мужа. Покойника помещали в нишу, которую затем закрывали кирпичами. При этом лицо умершего должно быть повернуто в сторону Мекки. Не разрешается участие в похоронах женщинам, включая мать покойного (Рахимов 1953: 115, 130).

Начиная с середины VIII в. в погребальном обряде народов Средней Азии происходят коренные перемены, связанные с внедрением новой религии — ислама. Согласно археологическим данным, этот процесс происходил постепенно. Можно выделить два периода перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому.

В течение первого периода (середина VIII—до начала IX в. н. э.) в погребальном обряде преобладают зороастрийские традиции. В это время еще сохраняются захоронения предварительно очищенных костей покойника в керамических гробиках. Однако теперь их стали зарывать в землю. Погребения такого типа обнаружены на кладбищах Пенджикента и Миздахкана. На кладбище Пенджикента, которое находилось в 3 км к юго-востоку от городища, были раскопаны две могилы. В одной из них гробиком служил хум, в другой обнаружен керамический овальный оссуарий с плоской крышкой, причем его края увенчаны зубцами (рис. 3, 1). В этих гробиках нет погребального инвентаря.

На городском кладбище городища Миздахкан также не обнаружены наземные погребальные постройки, отмечавшие на поверхности местоположение захоронений в керамических оссуариях. Керамический гробик устанавливали в подбое, ориентированном в сторону Мекки, причем подбой находился в боковой юго-западной стене могилы. Захоронения производили без погребального инвентаря (Ягодин, Ходжайов 1970: 110, 126) (рис. 3, 2).

Археологические материалы, полученные при раскопках некрополей Пенджикента и Миздахкана, показывают, что на первом этапе перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому еще сильны элементы зороастризма: выставление покойника на «дахму» либо расчленение трупа, а затем погребение человеческих костей. Вместе с тем уже прослеживается влияние ислама: захоронение костей в гробиках (без погребального инвентаря) в яме или в яме с подбоем, ориентированным в сторону Мекки.

В течение второго периода перехода от зороастрийского погребального обряда к мусульманскому (начало IX—начало XIV вв.) полностью исчезают погребения человеческих костей в гробиках и без них. В это время в Средней Азии широко распространен обряд захоронения в кирпичных ящиках, содержащих труположения без погребального инвентаря. Умершие ориентированы головой на юго-запад, лицом в сторону Мекки. Погребения такого типа становятся массовыми и встречаются почти на всех городских и сельских кладбищах Средней Азии. Например, в Узбекистане: Афрасиаб (Брусенко, Бурякова, Филянович 1975: 105, 111; рис. 3, 3, 4), Миздахкан, Ток-кала (Ягодин, Ходжайов 1970: 144, 147; Гудкова 1964: 101, 107), Кува (Булатова 1965: 139, 146), Бухара (Сухарев 1940: 69, 71); в Туркменистане — Байрам-Али (Ершов 1959: 160, 166) и в Кыргызстане: Сарыг и Кысмычи (Бернштам 1950: 30, 34).

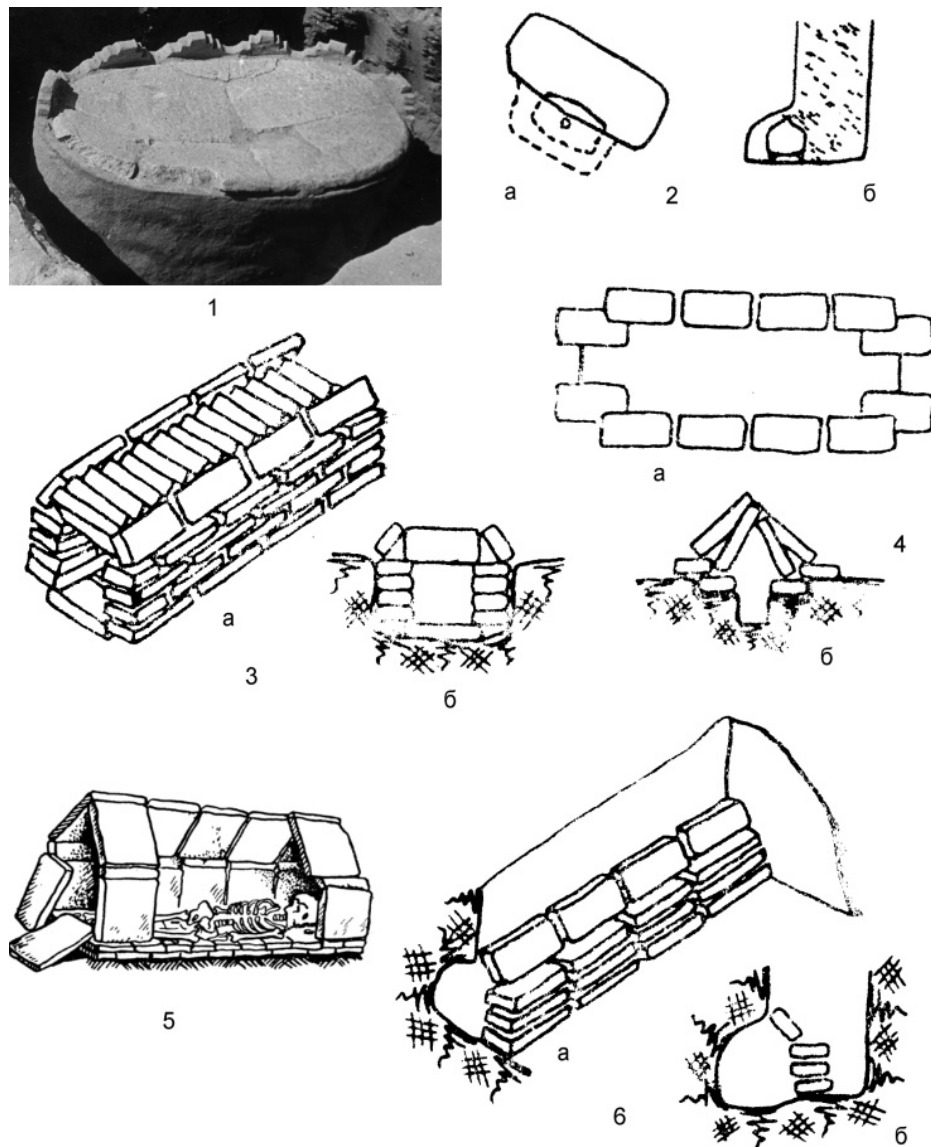

Рис. 3. Типы погребальных сооружений:

1 — Древний Пенджикент (750–760 гг.), керамический гробик с человеческими костями в могиле (НА ИИМК РАН, ФА, О-3064, 25); 2 — Хорезм, некрополь Миздахкан (середина VIII в.), керамический гробик с человеческими костями в подбье (а — план, б — разрез); 3, 4 — Самарканд (Афрасиаб, начало IX–начало XIV вв.), труположения в кирпичных ящиках (а — аксонометрия и план, б — разрез); 5 — Душанбинский некрополь (III–II вв. до н. э.), захоронение в кирпичном ящике; 6 — конструкция могилы с мусульманским погребальным обрядом, утвердившаяся в Средней Азии с начала XIV в. (а — аксонометрия, б — разрез)

Кирпичные ящики сделаны из сырцового или из жженого кирпича. Это подземные или полуподземные сооружения, сооружавшиеся внутри могильной ямы, углубленной в грунт на 25–45 см, шириной 80 см и длиной в рост человека. После обкладки стен кирпичом ширина могилы сужалась до 35–40 см. Стенки ящика обычно выполнены из одного, трех или пяти рядов кладки без скрепляющего раствора. Таким же способом выведены и плоские, двускатные или плоско-выпуклые перекрытия из кирпича. В большинстве случаев дно ящиков также выложено кирпичом.

Почти все исследователи считают этот тип захоронения мусульманским. Лишь В. А. Булатова видит в кирпичных ящиках рудимент зороастрийских гробиков-костехранилищ в новом мусульманском обряде. Следует отметить, что кирпичные ящики существовали в Средней Азии еще в доисламское время. Самые ранние сооружения такого типа (захоронения в цистах из Душанбинского некрополя) датируются III–II вв. до н. э. (Литвинский, Седов 1984: 94, 95; рис. 3, 5), а самые поздние (некрополь Старого Мерва) относятся к V–VII вв. н. э. (Ершов 1959: 160, 204). Поэтому для погребальных сооружений Средней Азии IX–XIV вв. характерна доисламская традиция захоронений в кирпичных ящиках.

Сопоставляя кирпичные ящики доисламского времени с мусульманскими, можно сказать, что между ними много общего. Во-первых, они сделаны из одного и того же строительного материала. Во-вторых, форма и конструкция всех кирпичных ящиков идентична. В-третьих, для них характерен одинаковый способ захоронения: труположение. Отличия проявляются в том, что рассматриваемые погребальные сооружения исламского времени ориентированы в сторону Мекки и в них нет погребального инвентаря. Таким образом, захоронения в кирпичных ящиках свидетельствуют о том, что в погребальном обряде переплетаются пережитки старых верований и новых мусульманских обычаев.

Новая классическая мусульманская форма могилы: могильная яма с подбоем (ляхад), судя по археологическим данным, постепенно вытесняет захоронения в кирпичных ящиках лишь в начале XIV в. Именно с этого времени подбойная могила занимает господствующее положение в погребальном обряде народов Средней Азии и продолжает существовать до наших дней (рис. 3, б).

Несмотря на то что ислам запрещает возводить над могилами какие-либо сооружения, на практике в Средней Азии их продолжали строить над могилами правителей. К таким сооружениям относятся мавзолеи Саманидов в Бухаре (IX–X вв.; рис. 4, 1), Гурии-Мир в Самарканде (XIV–XV вв.). Некоторые из них сохранили зороастрийское название «дахма», например «Дахма-йи Шахан» в Коканде (XIX в.; рис. 4, 2). Мавзолеи возводили также над могилами известных религиозных авторитетов (ал-Хаким ат-Термези в Термезе, XI–XII вв.) и святых (Шах-и Зинда в Самарканде, XIV в.).

Квадратная, прямоугольная или крестообразная планировка мавзолеев (рис. 4), с купольным, сводчатым или плоским перекрытием идентична среднеазиатским «дахмам-астаданам» доисламского времени. Различия между зороастрийскими и мусульманскими сооружениями проявляются в погребальном обряде и строительном материале. Мавзолеи целиком построены из жженого кирпича, и в них хоронили по мусульманскому погребальному обряду. Однако встречаются мавзолеи, для которых характерны элементы зороастрийской

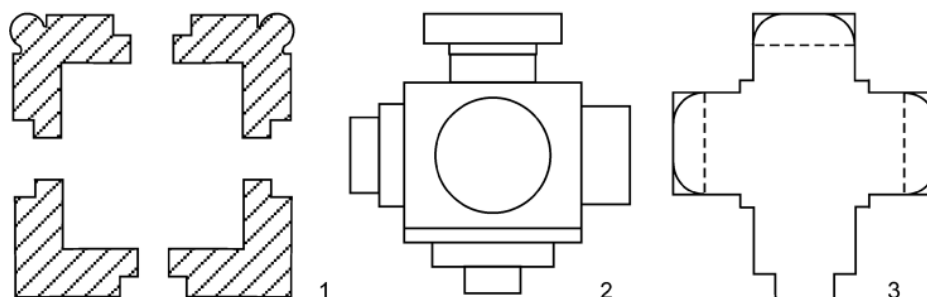

Рис. 4. Схемы планировки мавзолеев: 1 — Бухара, мавзолей Саманидов (IX–X вв.); 2 — Коканд, «Дахма-йи Шахан» (XIX в.); 3 — мавзолей Сари Тал (IX–XII вв.) в Таджикистане

погребальной архитектуры. Планировка таких построек повторяет «дахмы-астанданы» доисламского времени. Так, подземные мавзолеи, обнаруженные в селе Сари Тал (в Кафирниганской обл. Таджикистана), имели крестообразную планировку (Якубов 1979: 144, 145), причем центральное помещение сделано в форме неправильного квадрата (2,1 × 2,2 м) с четырьмя нишами (рис. 4, 3). В них находились завернутые в саваны умершие, лежавшие на спине и ориентированные лицом в сторону Мекки, причем погребальный инвентарь отсутствовал. Самый ранний из этих мавзолеев относился к IX–XII вв. (Якубов 1979: 140, 145), а самый поздний — к XIX в. (Агзамхаджаев 1965: 159, 165). Эти мавзолеи являлись семейными усыпальницами.

Таким образом, в Средней Азии со II в. до н. э. и до наших дней существовало несколько обрядов захоронения. Хронологически их можно разделить на три этапа.

Первый этап — доисламский (II в. до н. э.—середина VIII в. н. э.), когда господствовал зороастрийский погребальный обряд. Археологические материалы показывают, что в это время существовали все зороастрийские погребальные постройки, известные по письменным источникам.

Второй этап — переходный от зороастрийского к мусульманскому (середина VIII—начало XIV вв.). В начале его (середина VIII—начало IX в.) еще практиковали выставление покойника на «дахму», но вместе с тем прослеживаются признаки мусульманского погребального обряда: отсутствие погребального инвентаря, помещение гробиков с человеческими костями в могильную яму или в могилу с боковой нишей (ляхад), ориентированной в сторону Мекки. Позднее (начало IX—начало XIV вв.) распространяется обряд захоронения умерших в кирпичных ящиках (цистах). Конструкция ящиков и положение тела покойного (на спине) остаются зороастрийскими, однако отсутствие погребального инвентаря и ориентация лица покойника в сторону Мекки характерны для мусульманского погребального обряда.

Третий этап — мусульманский (с начала XIV в. до настоящего времени). Покойников хоронят в земле, глубина могилы не должна превышать роста человека, в одной из ее боковых стен на уровне дна вырыта ниша, в которую покойника укладывали лицом в сторону Мекки, без погребального инвентаря.

- Абдуллоев 1990 — *Абдуллоев Д.* Пережитки зороастризма в погребальном обряде ислама // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: История и современность. Душанбе, 1990. С. 118–120.
- Агзамхаджаев 1962 — *Агзамхаджаев Т.* Ахангаранские наусы близ Чирчика // ИМКУз. 1962. Вып. 3. С. 20–35.
- Агзамхаджаев 1965 — *Агзамхаджаев Т.* Археологическая разведка в селении Пангоз // ИМКУз. 1965. Вып. 6. С. 150–169.
- Бартольд 1966 — *Бартольд В. В.* К вопросу об оссуариях Туркестанского края. М., 1966 (Соч. Т. 4).
- Бернштам 1950 — *Бернштам А. Н.* Чуйская долина. 1950 (МИА. № 14).
- Бичурин 1953 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1953 (Собр. соч. Т. 3).
- Брусенко, Бурякова, Филянович 1975 — *Брусенко З. Л., Бурякова Э. Ю., Филянович М. И.* К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент, 1975. Вып. 4. С. 105–130.
- Булатова 1965 — *Булатова В. А.* Некрополь X–XI вв. в Куве // ИМКУз. 1965. Вып. 6. С. 139–146.
- Буряков 1968 — *Буряков Ю. Ф.* Пскентские наусы // СА. 1968. № 3. С. 131–142.
- Веселовский 1901 — *Веселовский Н. И.* О находке глиняных гробов в Самарканде // ЗВОРАО. 1901. Т. 13, вып. 1. С. 85–115.
- Веселовский 1907 — *Веселовский Н. И.* Еще об оссуариях // ЗВОРАО. 1907. Т. 17, вып. 1. С. 176–190.
- Григорьев 1939 — *Григорьев Г. В.* Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом // ВДИ. 1939. № 2. С. 144–155.
- Гудкова 1964 — *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Ершов 1959 — *Ершов С. А.* Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1959. Т. 5. С. 45–60.
- Иностранцев 1909 — *Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // ЖМНП. 1909. Ч. 20. С. 95–121.
- Литвинский, Седов 1984 — *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
- Маршак и др. 2006 — *Маршак Б. И., Распопова В. И., Абдуллоев Д., Курбанов Ш. Ф., Хасанов М. Х., Шкода В. Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 году. СПб., 2006.
- Мейтарчиян 1999 — *Мейтарчиян М. Б.* Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.
- Мирбабаев 1994 — *Мирбабаев А.* Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в северной Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 1994.
- Петрушевский 1966 — *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране. Л., 1966.
- Рапопорт 1971 — *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- Рахимов 1953 — *Рахимов М.* Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области // ИООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Вып. 3. С. 115–130.
- Ртвеладзе 1986 — *Ртвеладзе Э. В.* Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. 1986. № 4. С. 194–209.
- Ставиский 1952 — *Ставиский Б. Я.* К вопросу об идеологии доисламского Согда // Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад, 1952. Вып. 1. С. 45–59.
- Ставиский 1954 — *Ставиский Б. Я.* Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII–VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.
- Ставиский, Большаков, Мончадская 1953 — *Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А.* Пенджикентский некрополь // МИА. М., 1953. № 37. С. 64–98.
- Сухарев 1940 — *Сухарев И. А.* Мусульманские захоронения I вв. хиджры в городе Бухаре // Известия Узбекского филиала АН СССР. Ташкент, 1940. № 2. С. 60–85.
- Толстов 1948 — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Хисматуллин, Крюкова 1997 — *Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.
- Ягодин, Ходжайов 1970 — *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
- Якубов 1979 — *Якубов Ю.* Саритальские склепы в Орджоникидзебадском районе // ИООН АН ТаджССР. Душанбе, 1979. № 4. С. 140–154.

STAGES OF TRANSITION TO THE MUSLIM FUNERAL RITE IN MIDDLE ASIA

D. Abdulloev

The paper deals with the transition from the Zoroastrian to Muslim funeral rite in Middle Asia. The author uses both written and archaeological records to identify the types of burial constructions («kata», «dahma», «astadan») associated with the Zoroastrian rite. These constructions show two methods of the corpse deposition захоронения: а) inhumation, on the back, the corpse was laid on the floor of the «dahma-astadan» together with burial goods; б) defleshed bones were placed in small ceramic, stone or alabaster coffins with lids and left on the «astadan» floor together with burial goods. The transition from the Zoroastrian funeral rite to the Muslim one can be divided into three stages. During the first stage (middle 8th–early 9th cc.) the deceased were still put on «dahma». At the same time, some traits characteristic of the Muslim rite also can be seen. The latter include the absence of burial goods and the placement of coffins with human bones into graves with side niches («lyahad») oriented towards Mecca. On the second stage (early 9th–early 14th cc.) the coffins were replaced with boxes made of bricks (cysts). The construction of the boxes and the method of burying (inhumation on the back) remain Zoroastrian, but there are no burial goods, and the face of the deceased is oriented towards Mecca. It was on the third stage (from the early 14th c. and up to the present) that the Muslim funeral rite became dominant. The deceased are buried in the earth, in the graves which are not deeper than the average human stature, without any burial goods. One of the grave walls has a niche dug at the level of the bottom. The corpse is laid into this niche with its face oriented towards Mecca.

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ МАНГАЗЕИ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ И РЕМЕСЛА РУССКОГО ЗАПОЛЯРНОГО ГОРОДА (ПО РАСКОПКАМ 2001–2007 гг.)

А. В. КУРБАТОВ

Введение

Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье, с которым связаны самые яркие страницы истории начального освоения Сибири Русским государством. Его первые систематические раскопки проводила в 1968–1973 гг. экспедиция ААНИИ под руководством М. И. Белова (Белов, Овсянников, Старков 1980; 1981). Охранные раскопки памятника продолжила в 2001–2007 гг. экспедиция Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района и Красноселькупского краеведческого музея. Объект повторного изучения — часть раскопа № 22 площадью 697 м² (Визгалов, Пархимович 2008: 11–12), который занимал полосу посада шириной 30,6 м у берегового обрыва. Повторно была исследована площадь 259 м², т. е. около 30 %. Эти раскопки дали самую представительную, в сравнении с другими русскими городами, коллекцию кожаных предметов XVII в. Хорошая сохранность всех органических материалов, в том числе деревянной застройки, сбор всех кожаных находок, как и сопутствующих изделий из железа, дерева, ткани и войлока, а также выделение здесь вероятных кожевенных мастерских — все это делает комплекс кожаных предметов эталонным для изучения материальной культуры и ремесла позднесредневековых городов как Сибири, так и Европейской России.

Состав коллекции

В 2001–2007 гг. было зафиксировано 4537 кожаных предметов, отмеченных как индивидуальные находки. Кроме того, в 2007 г. был обработан весь объем обрезков от раскроя и обрывков кожаных изделий. Ранее такие «находки» не изучались из-за серьезных трудностей с вывозом материалов от места раскопок до базы объединения «Северная археология-1» в г. Нефтеюганске. Этот опыт позволяет оценить полный состав кожаных предметов на этом поселении, что служит показателем особенностей его жизнедеятельности. Анализ этих материалов, а также сырья, изложен в подготовленной к печати коллективной монографии (Визгалов, Курбатов, Пархимович 2010, в печати). Кроме того, многие виды кожаных изделий детально описаны в обзорной монографии по памятнику (Визгалов, Пархимович 2008), и в то же время они сходны с вещами, рассмотренными в работе 1999 г. (Курбатов, Овсянников 1999). Избегая повторов, здесь ранее описываемые предметы будут только упомянуты.

В коллекции серийно представлены детали шести видов **обуви**, каждый — с вариантами раскроя и сборки. В пошиве обуви использованы 4 способа соединения деталей: сшивание растительными нитями, сухожилиями животных, скрепление деталей деревянными шпеньками, соединение их железными гвоздями и / или подковками. Кроме пошива для каждого вида обуви характерен свой декор.

Стандартность кроя деталей каждого вида обуви подчеркивает такую унификацию работы сапожников, которая происходит при массовом, постоянном изготовлении однотипных вещей. Это позволяет выявлять традиции отдельных мастеров в «манере» раскроя, сшивания и декорировки. Описание сапог, поршней, уледей и башмаков подробно изложено в других работах (Курбатов, Овсянников 1999; Визгалов, Пархимович 2008). Поэтому отметим только основное.

Сапоги в основном представлены неполными комплектами деталей (рис. 1), среди них — 16 голенищ, различных по форме, манере сшивания и декору. С другой стороны, среди «обрезков» 2007 г. имелось 35 обрезков голенищ вполне стандартных форм. Малочисленность сапог, в сравнении с другими видами обуви, заставляет предполагать индивидуальный пошив каждой пары на заказ.

Уледи — самый массовый вид низкой обуви, представлен двумя вариантами. Преобладают изделия *первого варианта*, в которых основное соединение «в подтай» занимает весь периметр подошвы (рис. 2). После сшивания обувь выворачивали на лицевую сторону. Найденные в Мангазее колодки, судя по форме и размерам, вероятно, служили именно для расправления уледей, а также для сохранения их формы при ежедневной сушке. Эти уледи кроены и пошиты из материала и в традициях русских кожевников XVI–XVII вв., известных по находкам в городах Европейской России. При общей стереотипности кроя уледей встречаются индивидуальные признаки в отдельных моделях. Декор деталей верха однообразен — это тисненные линии по носку, симметричные оси детали. На 20 экз. сделаны две параллельные линии, а единичные детали украшены иначе: 1) двумя расходящимися к носку линиями, 2) тремя сходящимися к носку линиями и 3) сочетанием двух симметричных линий по оси носка и двух линий, отходящих от середины подъема под острым углом.

Уледи северного типа (второй вариант) состоят из верха и низа, сшитых нитями из растительных или животных волокон и соединяемых сквозным вертикальным швом в одну нить — так называемым швом «змейка». Низ включает подошву и подметки, имевшие неправильную овальную форму. Все они были индивидуально вырезаны в одну или две детали, без соблюдения «стандартных» пропорций. Верх также индивидуально кроился в одну или нескольких деталей (рис. 3). Отдельные модели имели дополнительную трапецевидную деталь, вшиваемую в носок верха, закрывавшую пальцы и подъем стопы. По устью верха делались мелкие парные прорезы для крепления обшивки (опушки). Можно считать, что уледи второго варианта являются кустарными изделиями коренных жителей, приезжавших или живших в Мангазее. Аналогичные формы обуви есть в археологических материалах XVII в. из Пустозерска (Курбатов 2003: 228, рис. 2, 5–7) и описаны этнографами в XX в. (Василевич 1963; Прыткова 1953; 1970; Федорова 1994).

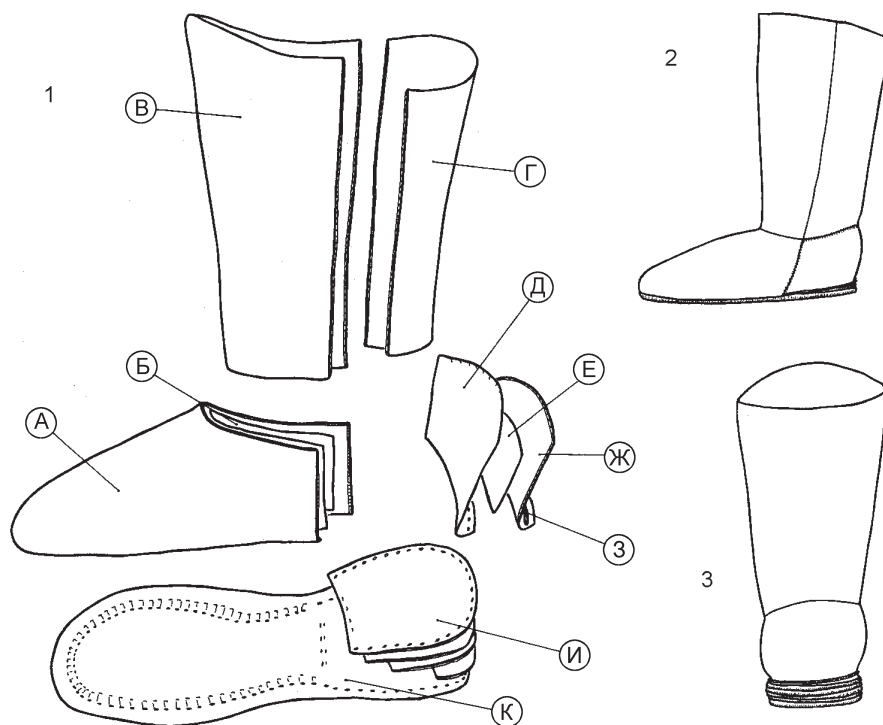

Рис. 1. Схема сборки сапога. 1 — компоновка деталей: А — головка; Б — поднаряд; В — передняя половина голенища; Г — задняя половина голенища; Д — карман задника; Е — кожаная прокладка в задник; Ж — наружная деталь задника; З — крученая проволока; И — подпяточные подкладки; К — подошва. 2 и 3 — реконструкция, виды сбоку и сзади

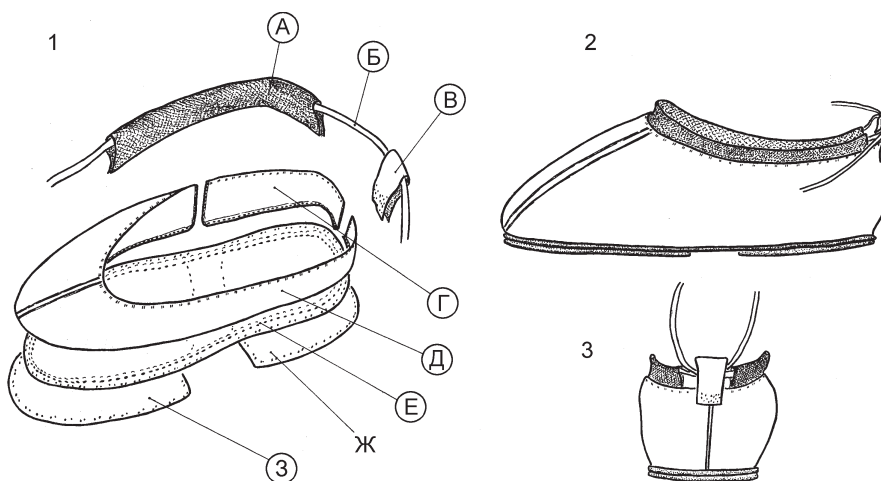

Рис. 2. Схема сборки уледей первого варианта. 1 — компоновка деталей: А — тканая обшивка верхнего края; Б — плетеный или вязаный ремешок-обора; В — петля пяточная; Г — пришивное крыло; Д — основа верха; Е — подошва; Ж — пяточная подметка; З — носочная подметка. 2 и 3 — реконструкция, виды сбоку и сзади

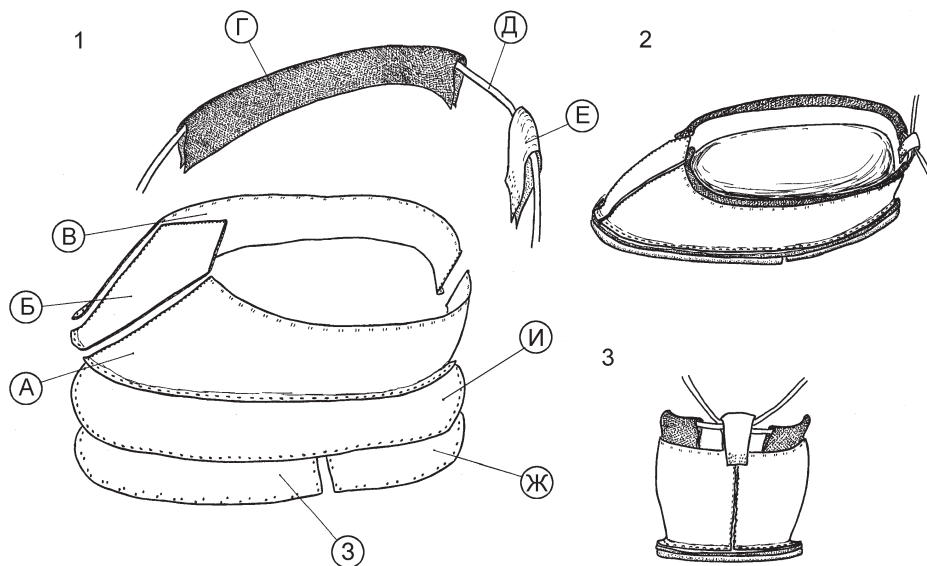

Рис. 3. Схема сборки уледей второго варианта («северного» типа). 1 — компоновка деталей: А — левая половина основы верха; Б — вставка в носок; В — правая половина основы верха; Г — тканая обшивка верхнего края; Д — плетеный или вязаный ремешок-обора; Е — петля пяточная; Ж — подметка пяточная; З — подметка носочная; И — подошва. 2 и 3 — реконструкция, виды сбоку и сзади

Башмаки-коты выделяются наибольшим числом деталей (кожаных и деревянных), сложностью раскроя и сборки (рис. 4). Башмаки имели жесткую подошву толщиной 3–4 мм, кожаный наборный или деревянный каблук, обшиваемый снаружи кожей (Визгалов, Пархимович 2008: 83). Переход на деревянные обтяжные каблуки происходил, по нашему мнению, в середине–второй половине XVII в., что подтверждает коллекция кожаных предметов из раскопок в Старотуруханске (Курбатов 2009) и в Москве на ул. Арбат (Векслер, Осипов 2004: 339, 341). Поэтому небольшое число головок с фигурными выступами и самих деревянных каблуков, видимо, отражает преобладание в Мангазее обувных форм первой половины XVII в.

Башмаки в большей степени, чем другие виды обуви, несут на себе отличительные черты модельной обуви, удовлетворяющей эстетические потребности. Отметим разнообразие приемов декора (6 приемов), использование тонкой кожи лучшей выделки, иногда имевшей яркий красно-коричневый цвет, а также профили носка и пятки. Для пятки можно различать наклон основания пяточного ложа, изгиб задней и передней линии и другое. Известны и модели с низким открытым верхом, без опушки.

Поршневидная обувь объединяет три группы конструкций, детально описанных в отмеченных выше работах. *Поршни первой группы*, имеющие регулярный крой и своеобразный декор, надо считать изделиями профессиональных обувщиков, обучавшихся или работавших в городах Европейской России. Ко *второй группе* отнесены изделия с раскройкой прямоугольной или трапециевидной формы, отличающиеся упрощенностью изготовления. Эти поршни малочисленны, что позволяет считать их вариантами поршней первой группы, изготовленными

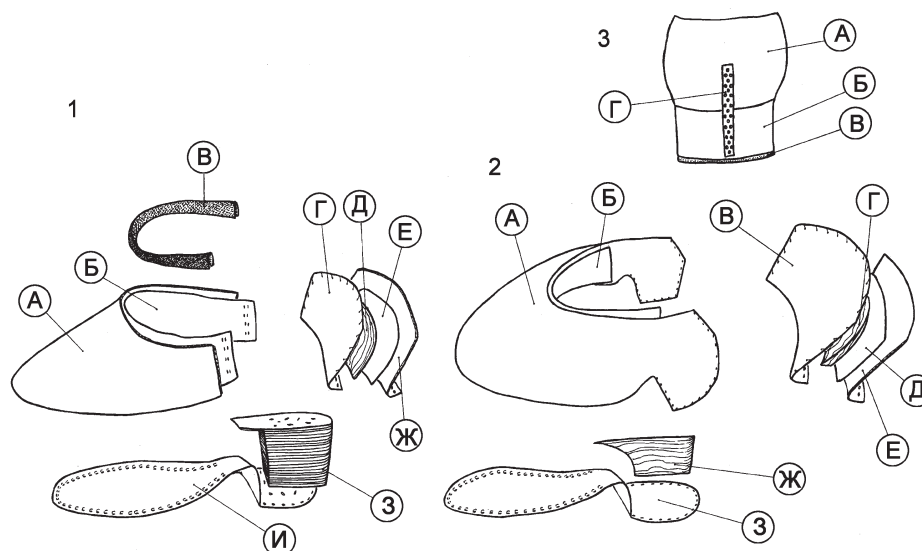

Рис. 4. Схемы сборки башмаков. 1 — конструкция с наборным кожаным каблуком: А — головка; Б — поднаряд; В — тканая обшивка; Г — карман задника; Д — деревянный вкладыш; Е — кожаная прокладка; Ж — задник; З — наборный каблук; И — подошва. 2 — конструкция с деревянным каблуком: А — головка; Б — поднаряд; В — карман задника; Г — берестяной вкладыш; Д — кожаная прокладка; Е — задник; Ж — каблук; З — подошва. 3 — реконструкция башмаков, вид сзади: А — задник; Б — обтяжка деревянного каблука; В — подошва; Г — декоративная накладка

«по случаю» самими пользователями, хотя не исключается и профессиональный пошив. *Третья группа* включает нескольких десятков изделий и отдельных деталей специфического северного облика и способа кроя (рис. 5, 2). Основная деталь имеет подтрапециевидную форму, сильно расширенную в носке, с овальным или «шлемовидным» обрезом переднего края, с вытянутым в центре «язычком». Дополнительная треугольная деталь вшивалась на подъеме, закрывая пальцы и стопу. На нее иногда наносился декор из оттисков продольных, поперечных и диагональных линий, образующих треугольники, расходящиеся от центра лучи, «дорожки» или «елочку». Поршни третьей группы являются самобытной формой обуви аборигенных жителей севера Западной Сибири, традиции пошива которой сохраняются до XX в. Подобная обувь встречена в Войкарском городке (Войкарский городок 2008: рис. на с. 7).

Низкие башмаки без каблука и обшивки верха. Эта обувь выделена только в последние годы раскопок. Форма подошвы, головки и задника очень близка к деталям сапог. Но, в отличие от сапог, верхний край головки и поднаряда сшивался между собой, а наружная деталь задника загибалась внутрь, заменяя карман задника. Между согнутыми половинами помещалась берестяная или деревянная прокладка. На внутренней стороне подошвы под пятку крепились 3–4 подпяточные подкладки. Такая конструкция исключала подшивание каких-либо деталей по верхнему краю (рис. 6).

Кроме обуви среди кожаных предметов выделены отдельные **части одежды** (рукавицы и пояса) и различные бытовые изделия. Всего выделено 80 деталей

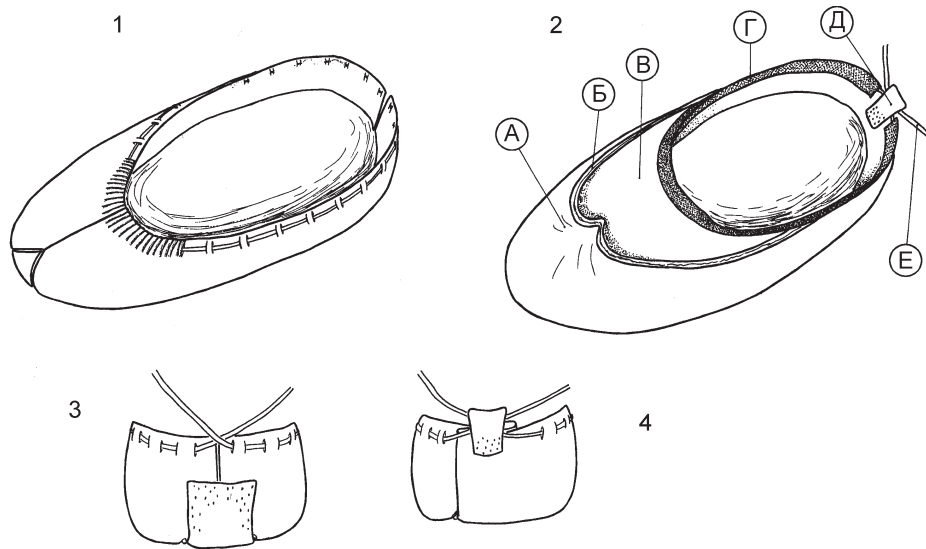

Рис. 5. Реконструкции поршневидной обуви. 1 — общий вид поршня первой группы. 2 — общий вид и конструктивные элементы поршня третьей группы: А — основа раскройки; Б — кожаные прокладки; В — носок; Г — тканая обшивка верха; Д — петля пяточная; Е — ремешок-обора. 3 — конструкция пятки с полуотрезным клапаном. 4 — пятка оформлена «внаклад»

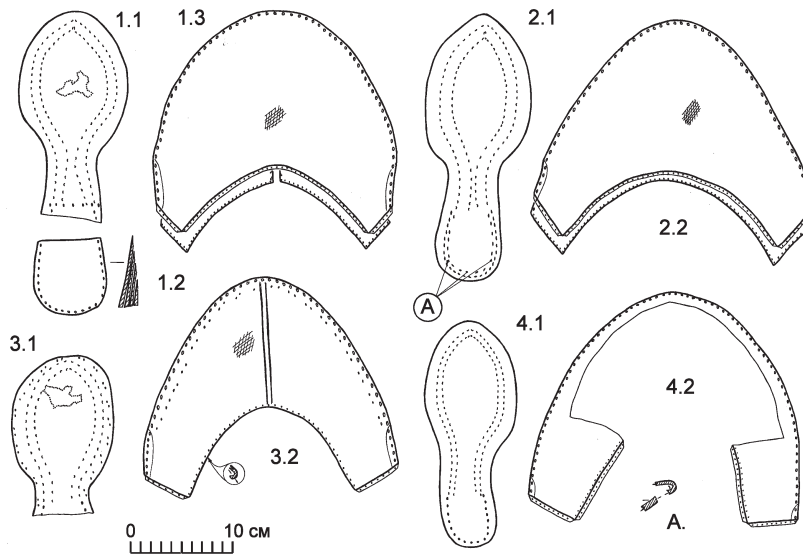

Рис. 6. Мангазея, 2007 г., низкие башмаки: 1–4 — наборы деталей. 1.1, 3.1, 4.1 — подошвы; 1.2 — подпяточная подкладка; 1.3 — головка с двучастным поднарядом; 2.1 — подошва (А — железные гвозди), 2.2 — головка с одночастным поднарядом; 3.2 — головка; 4.2 — головка (А — разрез соединения головки с поднарядом на подъеме)

рукавиц (рис. 7, 1–3) и 2 поясных ремня, из них один — с бронзовой пряжкой. Бытовые кожаные изделия включают хорошо известные по материалам раскопок многих средневековых памятников чехлы для ножей, сумки, наперстки и др. Но есть и специфические предметы, найденные только в Мангазее, — обтяжки деревянных коробок для компаса-маточки и прокладки для бутылок.

В 2001–2007 гг. найдены 68 чехлов для ножей, конструктивно делящихся на две группы. Изделия *первой группы* (не менее 15), как правило, не имеют прошивки боковой стороны, на некоторых прошит только нижний конец (рис. 7, 5–9). Эти чехлы крупные, с горизонтально срезанным устьем, с двумя-тремя прямоугольными вырезами у верхнего конца и одним — у нижнего. Для них обязательна деревянная или берестяная основа. Есть и чехлы, устье которых охватывает сверху дополнительный прямоугольный кусок кожи. *Вторая группа чехлов* имеет боковую прошивку по всей длине изделия (рис. 7, 4, 10, 11). Только в двух случаях встречен срединный шов. Швы на большинстве изделий выполнены в две противоположные нити. Из элементов оформления отметим: 1) кожаные накладки на конец чехла, верхний край которых мог быть оформлен фигурными вырезами; 2) устье некоторых чехлов имело на обеих сторонах шлемовидный язычок, на котором сохраняются отверстия или вертикальные прорезы. Дополнительный декор составляли композиции из тисненых линий. Тонкий резной орнамент имеется на двух чехлах: в одном случае — поперечные пояски, в другом — крупные и мелкие косые кресты и восьмилучевые звезды, заключенные в квадратные рамки. Найдены экземпляры, оформленные сверху

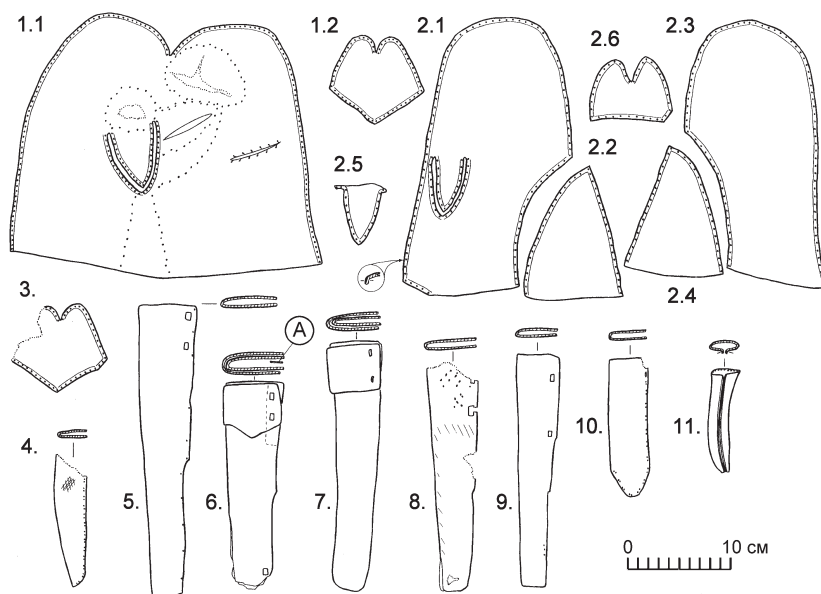

Рис. 7. Мангазея, 2007 г., рукавицы-голицы (1–3) и чехлы для ножей (4–11). 1 — набор деталей: 1.1 — основа; 1.2 — деталь большого пальца. 2 — набор деталей: 2.1 — половина двучастной основы; 2.2 — подкроенная к ней деталь; 2.3 — вторая половина основы; 2.4 — подкроенная к ней деталь; 2.5 — прокладка в большой палец; 2.6 — деталь большого пальца. 3 — деталь большого пальца

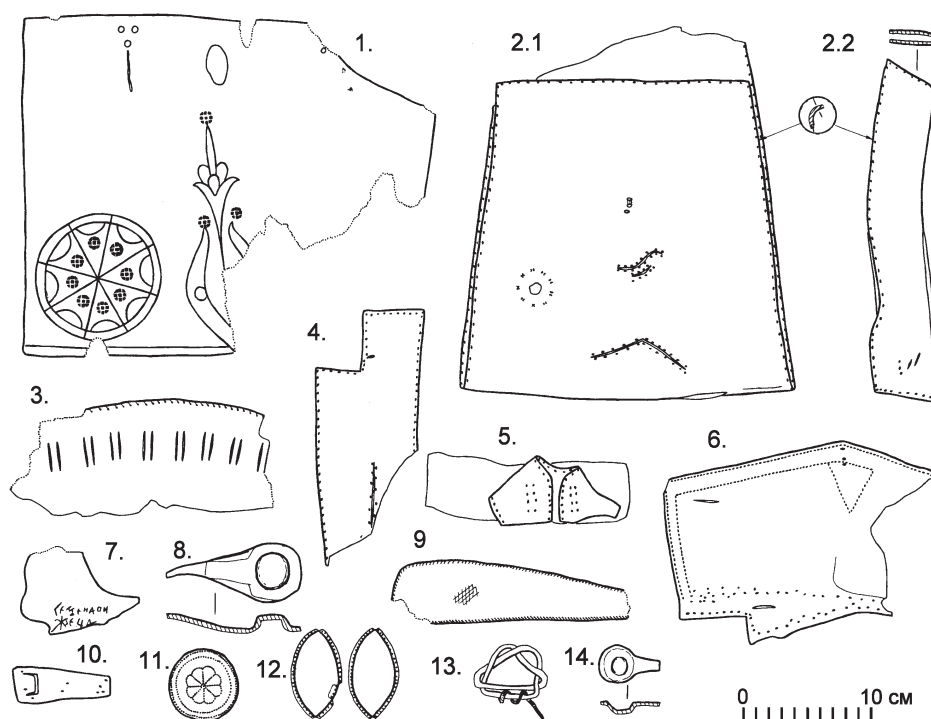

Рис. 8. Мангазея, 2005 г., кожаные изделия: 1 — часть сумки (?); 2 — набор деталей сумки (2.1 — основа; 2.2 — боковая деталь); 3 — неопределенная деталь; 4 — чехол для ножа (?); 5 — усиленная накладка; 6 — клапан сумки; 7 — обрезок кожи с надписью; 8, 14 — прокладки для пробок в бутылки; 9 — боковая деталь сумки; 10 — петля для упряжи (?); 11 — декоративная нашивка; 12 — две детали игрового мяча; 13 — завязка

двумя-тремя поперечными ремешками шириной 0,6–0,7 см. Чехлы с таким оформлением известны по находкам XVII в. у берегов Таймыра (Исторический памятник... 1951: табл. II, 10–12), а также по этнографическим материалам у коряков на Чукотке (Ермолова 2005: рис. 47).

В 2005–2006 гг. найдены 7 деталей сумок, на одной сохранился декор — сюжетное лицевое тиснение, включающее восьмилепестковую розетку и росток цветка (рис. 8, 1). Другая находка — основа сумки трапециевидной формы с обрезанным клапаном, несущая следы долгого использования (рис. 8, 2). Встречены и детали килевидной формы (клапаны?), поверхность одной покрывал декор в технике тиснения по шнуру, уложенному на внутреннюю сторону. Близкие варианты декора известны на ровдужной обуви и переметных сумах из якутских могил XVIII в. (Гоголев 1990: 81–82, рис. 10; табл. LVIII, 2).

Четыре предмета можно считать *детальми упряжи*. Одна из них — петля для упряжи (?) — трапециевидный кусок кожи с П-образным вырезом у широкого края (рис. 8, 10). Другая — изогнутая полоса кожи длиной 41,0 см и шириной 3,4–5,5 см. На широком конце имелся подтреугольный вырез размером 2,4 × 1,7 см, а возле узкого конца — два овальных вырезных отверстия близких размеров.

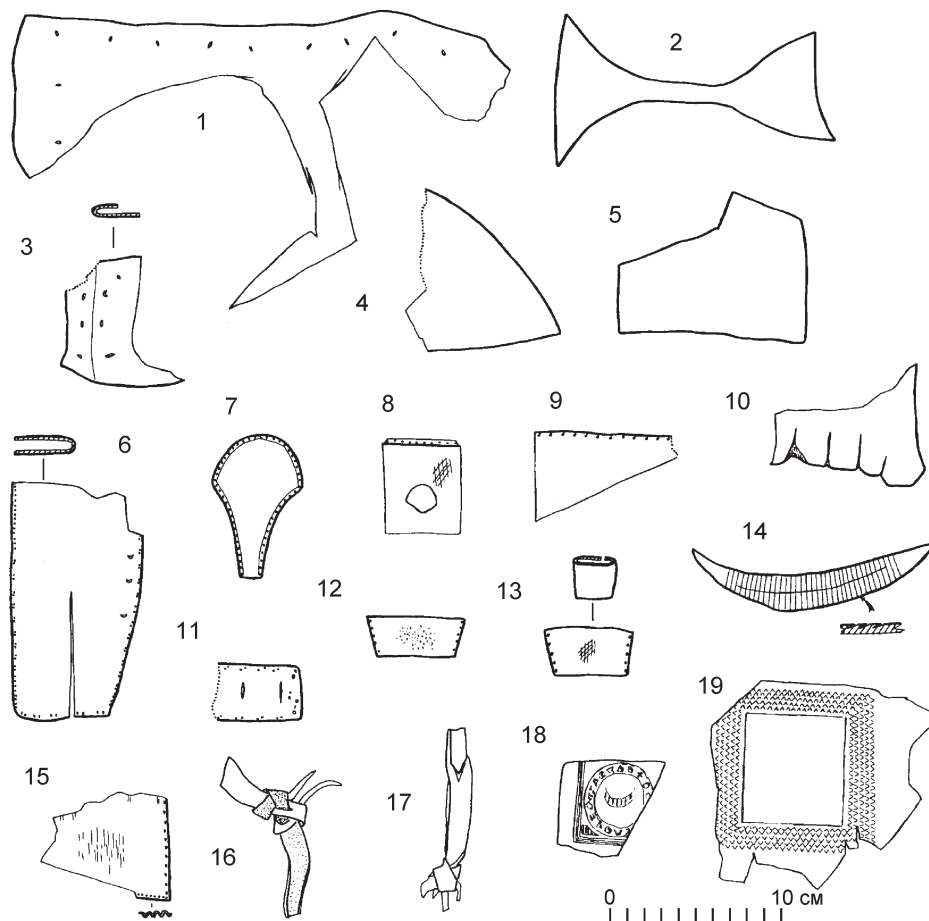

Рис. 9. Мангазея, 2007 г., кожаные предметы: 1, 2, 4, 5 — обрезки от раскроя; 3 — обрезок усилительной накладки; 6 — чехол для ножа; 7–10, 15 — неопределенные детали; 11 — часть ремня; 12, 13 — наперстки для шитья; 14 — обрезок со следами учебных действий; 16, 17 — узлы, петли; 18, 19 — фрагменты обтяжки футляров компаса

Эти находки могли быть частью *подера* — широкого ремня, надеваемого на шею упряжного оленя и прикрепляемого концами к *сса* — кожаной ляжке в оленьей упряжи (Подвысоцкий 1885: 126, 162; СРНГ, вып. 28, 1994: 2; вып. 40, 2006: 337).

Среди «обрезков» 2007 г. отмечены два *наперстка для шитья*. Это куски кожи трапециевидной формы размерами $5,5 \times 2,2$ и $5,1 \times 2,7$ см, со сшитыми торцами. На мерее видны мелкие наколы, оставленные тыльной стороной иглы (рис. 9, 12, 13).

В 2005 г. найден первый кожаный *игровой мяч*. Он сохранился полностью, вместе с набивкой из шерстяной ткани, шерсти и птичьего (?) пуха. Его оболочка, диаметром около 4,5 см, сшита из 4 сегментов. Позднее были найдены 2 линзовидные детали подобного мяча и 2 заготовки деталей мяча, скроенные из одного куска кожи (рис. 8, 12).

В разные годы найдены 8 целых или рваных кожаных *футляров для компаса-маточки* (рис. 9, 18, 19). Один из двух полных футляров сохранил форму вложения — емкости размерами $5,2 \times 5,5 \times 1,25$ см. И внутреннее, и наружное клапан были украшены тиснением. Орнамент образует две идентичные композиции на смежных плоскостях футляра. В основе это овальный медальон размером $3,2 \times 4,1$ см, с симметричным растительным узором внутри.

Второй целый футляр представляет в развороте прямоугольник размерами $22,8 \times 11$ см, с частично оборванными краями. Судя по их потертости, деревянная коробочка имела размеры около $7,7 \times 7,7 \times 7,2$ см. Мерея покрыта тисненым орнаментом.

В коллекции имеются неопределенные детали, в том числе две фигурно вырезанные кожаные детали (украшения?), без следов крепления: ромбическая фигура с 8-лучевой прорезью в центре и 12-лучевая звезда из согнутой полосы кожи толщиной 3,5 мм, а также «аксельбант» — гроздь узких кожаных ремешков. К дополнительным деталям отнесены завязки (рис. 8, 13), узлы (рис. 9, 16, 17), декоративные нашивки (рис. 8, 11), накладные и вшивные заплатки, усиленные накладки (рис. 8, 5; 9, 3), обшивки краев деталей, части лыжных креплений. Кроме того, встречена группа неизвестных ранее кожаных предметов — это прокладки под пробку, служившие для герметизации горла стеклянных бутылок при закрывании их накладными деревянными крышками (рис. 8, 8, 14). Прокладки представляют небольшие округлые куски кожи диаметром 3–4 см с отходящим сужающимся отростком или выступом, к которому крепились нить, обернутая вокруг горла бутылки. Одной из интереснейших редких находок можно назвать обрезок кожи с надписью «Семеновы жены», вырезанной ножом (?) (рис. 8, 7).

Особенности коллекции

Каждая крупная коллекция кожаных предметов из средневековых городов по-своему уникальна. Здесь имеют значение хронология комплексов, состав изделий, набор их конструктивных, стилистических и декоративных признаков, статистические показатели групп кожаных изделий, планиграфия отдельных видов предметов и другое.

Важная черта мангазейской коллекции — это большое число находок обуви с полным набором деталей. Это показывает, что изделия, пришедшие в негодность, обычно выбрасывали, а не использовали материал вторично. Столь необычное для средневековых городов Европейской России положение можно объяснить чисто потребительским отношением мангазейцев к кожаным изделиям, спрос на которые полностью удовлетворялся привозом большого числа готовой обуви и раскроенных деталей-полуфабрикатов для ремонта.

Вторая характерная черта коллекции — это состав обувных изделий, отражающий специфику жизни русского населения в арктической зоне. Заметно предпочтение низких форм обуви (поршни, уледи, башмаки) перед высокой (сапоги), объясняемое тем, что кожаную обувь носили преимущественно летом, а зимой жители обувались в высокие меховые унты, не сохраняющиеся в культурном слое. Низкие формы обуви были удобны и экономически целесообразны. Такое положение для XVII в. отмечается и в городах средней полосы России. Если высокая обувь (сапоги) здесь заметно преобладала в XV–XVI вв. (Курбатов 1991:

72–73), то позднее она постепенно становится специальной обувью — рабочей (охотники, рыболовы) или кастовой (военные и служилые категории населения).

Третья особенность — это шивание обувных конструкций нитями из растительных волокон (конопля, крапива) или сухожилий животных (оленей?). В этом отношении археологические материалы подтверждают данные этнографии (Глушкова 2002: 61–64; Алексашенко 2002: 194).

Традиции профессионального кожевенного ремесла русских сибиряков

Стандарт в раскрое и однообразии в технике пошива мангазейской обуви представляет интерес для изучения приемов работы мастеров-обувщиков различных городов и регионов, помогает выделять приемы работы отдельных мастеров, судить об их количестве, о качестве и манере работы профессиональных сапожников и «домашних мастеров», шивших обувь для ограниченного круга людей.

Изучение массового пошива позволяет думать, что основная часть мангазейской обуви была произведена в городах Европейской России, имевших торговые связи с Сибирью, через которые туда шел основной поток населения и товаров. Техника пошива показывает высокую профессиональную квалификацию обувщиков, а манера работы идентична той, которая характерна для массовой продукции в городах Центральной России. Письменные источники показывают, например, что много кож и обувных деталей поступали в Сибирь из Ярославля, бывшего в XVII в. одним из крупнейших центров кожевенного ремесла и торговли различными товарами. Кроме того, через Ярославль из разных городов Европейской России шли транзитом партии кож и обуви в Устюг и Соль Вычегодскую, откуда они поступали в Сибирь, в том числе и в Мангазею. Известны имена отдельных купцов, возивших в Архангельск, Устюг и в Сибирь эти товары, — Павел Черницын и его сын Семен Черницын. Л. В. Данилова отмечала, что почти все иногородние купцы не уезжали из Ярославля, не закупив предварительно партию сапог и башмаков. Такие массовые закупки показывают широкое внедрение в деятельность ярославских обувщиков пошива продукции на рынок, превышавшей объемы работы на заказ (Данилова 1957: 95, 99). В списках кожевенных товаров ярославских купцов отмечены и *сукна чирковые* — ткани для обшивки верха кожаных *чирков* (Бахрушин 1987: 144–146), соотносимые с мангазейскими *уледами*.

Комплекс мангазейской обуви имеет аналогию в отдельных формах Пустозерска. О связях населения севера Западной Сибири с этим городом Русского Севера в XVI–XVII вв. писал С. В. Бахрушин (1955: 5). Такая связь отмечена и в этнографической материальной культуре регионов. Так, лыжная обувь *коми лызя кѳм* сопоставима с мангазейскими *уледами* северного типа и поршнями 3-й группы (Зырянский мир 2004: 219, фото).

Мангазейские *коты* — башмаки, закрывавшие щиколотку и низ голени, шили из тонкой кожи, преимущественно мелкого рогатого скота, очень хорошего качества выделки, сопоставимой с кожей футляров для компаса. И те и другие, вероятно, были западноевропейскими изделиями. Коты могли поступать в Россию в числе западных товаров через Архангельск и Холмогоры и перевозиться морем в Мангазею. Согласно историческим данным, западные формы обуви поступали в Мангазею северным морским путем, видимо, только до указа царя Михаила

Федоровича 1619 г., запрещавшего «Мангазейский морской ход». Главной причиной такого запрета надо считать нежелание допускать иностранцев к самостоятельным поездкам и торговле в Сибири (Обдорский край... 2004: 86, 88–89, 170–172, документ № 24.6). Если этот запрет учитывать как фактор, приведший к изменению ассортимента товаров, то появление в Мангазее западноевропейских башмаков-*котов* можно ограничить 1619 г., хотя позднее их могли ввозить в Сибирь и сухопутными трассами.

Судя по размерам и декору, мангазейские башмаки-*коты* на высоких каблуках носили исключительно женщины. Значительный процент такой обуви в раскопках свидетельствует о большом числе женщин, постоянно живших в Мангазее. Их численность и особенности жизни в городе анализировал Е. В. Вершинин. Собранные им материалы показали, что первая посылка в Мангазею «на житье с женами и 3 детьми 50 человек» стрельцов относится к 1625 г. Затем в 1628 г. мангазейский воевода Г. И. Кокорев прибрал в службу еще 40 человек из промышленных людей, формируя таким образом контингент постоянного населения. В коллективных челобитных мангазейских стрельцов отмечено их число в 1639 г. — 90 человек, а в 1641 г. — 95. Число стрельцов в Мангазее перед ее упразднением определяется по крестоприводной книге Новой Мангазеи (Туруханска) 1676 г. После переезда туда всех жителей Старой Мангазеи (собственно Мангазеи на р. Таз) в этом городе значилось 145 человек, в том числе 123 стрельца (Вершинин 2008: 546–549). Таким образом, можно считать, что основная часть женщин и детей появилась в Мангазее после 1625 г., а число жителей женского пола составляло от 50 до 100 человек.

Сложение клана кожевников в городах Западной Сибири

Формы обуви, их технические характеристики и качество кожевенного материала показывают значительное сходство с кожаными изделиями городов Европейской России. В этом можно видеть или поступление готовых изделий в Сибирь, или изготовление кожи и обуви в сибирских городах профессиональными кожевниками — выходцами из Европейской России или же сибиряками, обученными там кожевным специальностям.

На примере Тобольска видно, что русская промышленность в Сибири создавалась путем переселения мелких промышленников и ремесленников из Европейской России. Переселенцы приносили свои средства производства (инструменты, оборудование), ремесленные навыки и традиции в организации ремесла. В первые десятилетия XVII в. отмечен большой объем и широкий ассортимент «русских» кожевенных товаров, занимавших второе место среди всех видов товаров, поступавших через Тобольск в Сибирь (Вилков 1967: 138–161, табл. 16). Сложение собственного ремесла значительно снижает привоз товаров из России только к концу XVII в. В это время в городе работало не менее 43 кожевников, которые могли выставлять на рынок ежегодно до 4000 кож. Так же активно развивалось в Тобольске сапожное ремесло. Если в 1640-х гг. готовая обувь «из России» поступала тысячами пар, то во второй половине XVII в. тобольские сапожники уже полностью удовлетворяли спрос местного рынка и ее подвоз почти прекратился (Там же: 42–43, 113–114).

В целом, кожевенное ремесло в сибирских городах А. А. Люцидарская считает наиболее развитым видом ремесленной деятельности. Уже в 1620-х гг. оно

выделилось в особую отрасль в Тобольске, с середины 1630-х гг. — в Тюмени, а позднее распространилось почти во всех городах Сибири, кроме самых отдаленных. С середины XVII в. кожевенное ремесло в Тобольске, Тюмени, Енисейске, Томске становится мелкотоварным: кожи продавали на рынке и там же приобретали сырье для их выделки. Городские мастерские производили до 100 и более кож в год. На базе кожевенного дела отдельной отраслью стал и пошив кожаной обуви, имевшийся в каждом городе. Если в 1624 г. в Тобольске значилось 7 сапожников, то к 1720 г. их было 90 человек. В Тюмени и уезде к 1701 г. 60 человек занимались пошивом обуви. Сходная тенденция отмечена и в других городах Западной Сибири (Люцидарская 1992: 121–122).

Сегодня не остается сомнений в существовании пошива и ремонта кожаных изделий в Мангазее, что подтверждают находимые во множестве обрезки от раскроя (рис. 9, 1, 2, 4, 5). Хотя эта категория находок обработана по материалам одного года раскопок, объем найденных обрезков показателен. Признаком местного пошива кожаных изделий надо считать следы обучения отдельным кожевенным операциям, находимые в археологическом материале, т. е. свидетельство преемственности занятия жителей Мангазеи кожевенным ремеслом. Три предмета в коллекции можно считать своего рода «ученическими тетрадами» (рис. 9, 14). Это обрезок головки сапога или башмака с парными линиями на мерее, оттиснутыми горячим металлическим предметом. Линии расположены в разных направлениях и часто пересекают друг друга. Два предмета подкладывали под раскрой — это обрезок $14,0 \times 2,0$ см и подпяточная подкладка с многочисленными надрезами мерее в разных направлениях (рис. 9, 15).

Клейма на обуви

Введение в конструкцию обуви каблука привело к появлению под сводом стопы, на нижней стороне подошвы туфель и башмаков, тисненых клейм. Причины клеймения обуви исследователи видят в достижении той стадии разделения труда в обувном ремесле, на которой появились разные специалисты-обувщики. В крупнейших ремесленных центрах России, где преобладала работа на рынок, мастера стремились выделить свою продукцию, оставляя на ней свой «фирменный знак».

Мангазейская коллекция 2001–2007 гг. дала самую большую выборку такого рода в России — 24 клейма. Имеются сходные тисненые клейма: из трех продольных линий (16 подошв); из двух групп линий (по три — в каждой), сходящихся к носку (2 экз.); сходный знак из двух групп, в каждой — по две линии (4 экз.). На одной подошве подростковой модели оттиснуты 7 продольных линий под сводом, выходящие на пятку, а на другой — 2 продольные линии под пяткой. В целом, мангазейские клейма однотипны (тисненые продольные линии), что позволяет предполагать пошив обуви в одной стране, вероятно, в одной или нескольких мастерских и в относительно короткий период времени. Клейма из трех продольных линий отмечены и на двух подошвах из раскопок 1968–1973 гг. (Курбатов, Овсянников 1999: рис. 7, 2; 8, 5).

Половозрастной состав населения

Источником для его оценки может служить статистика деталей обуви (рис. 10). Здесь показательны данные о длине подошв детальнокроеной обуви

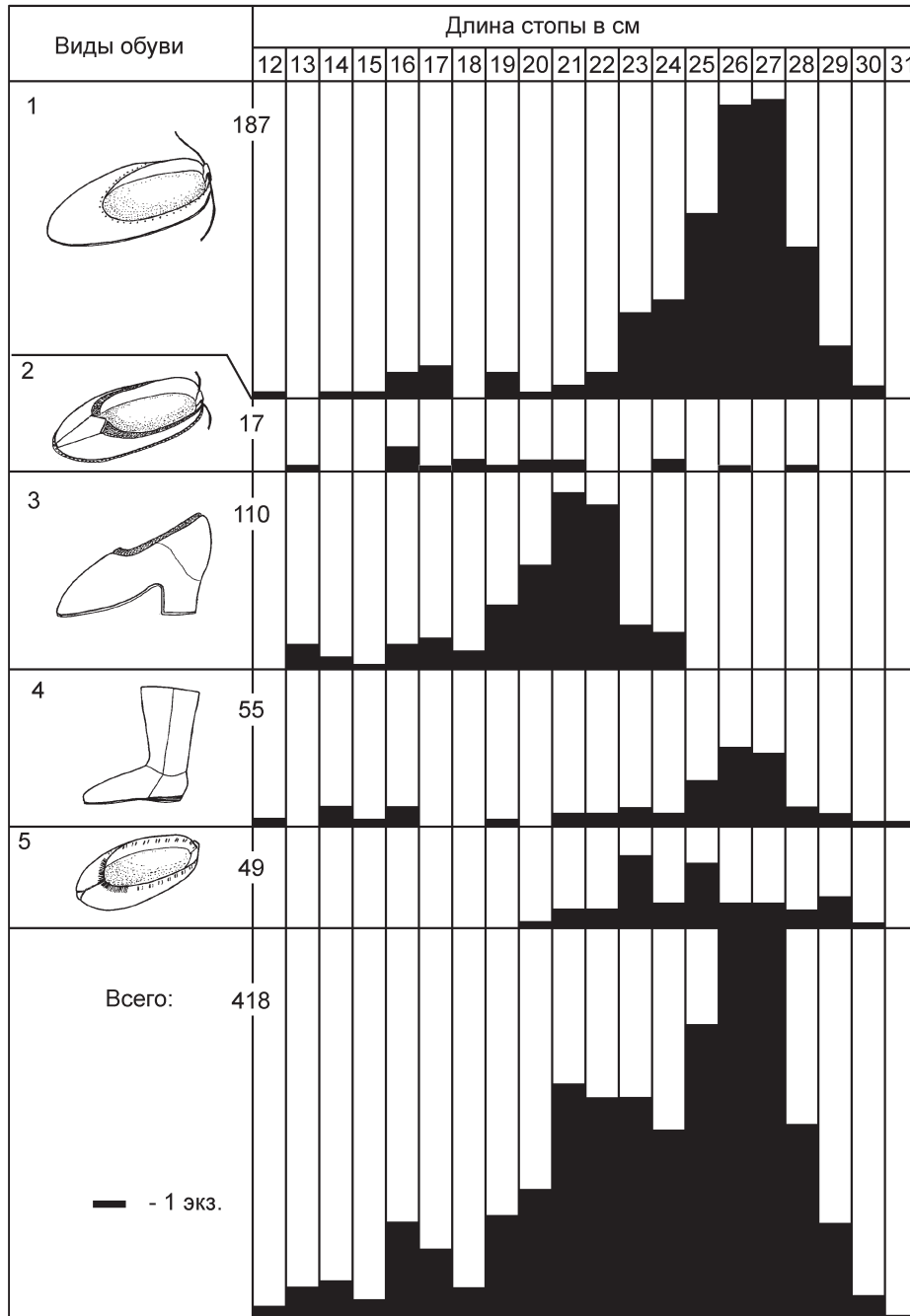

Рис. 10. Гистограммы размеров разных видов обуви

(уледи, башмаки, сапоги) или подошвенной зоны однодетальной обуви (поршни). Только за 2005–2007 гг. получена статистически достоверная выборка деталей, давших размеры 418 образцов. Такая выборка подошв, по-видимому, отражает реальные соотношения разных форм обуви и ее размеров на поселении.

В коллекции есть подошвы широкого диапазона размеров — от 12 до 31 см, но преобладала обувь для стоп длиной 21–28 см, которую носили взрослые жители. К обуви детей и подростков отнесены 83 подошвы длиной менее 21 см, т. е. чуть более $\frac{1}{5}$ находок. Среди этих подошв есть отдельные предметы длиной 10–12 см, представляющие обувь детей 2–3-летнего возраста. Их присутствие доказывает факт привоза грудных детей семейными переселенцами или рождения детей в Мангазее. Детские и подростковые модели встречены среди сапог, башмаков и уледей, но почти отсутствуют среди поршней.

Показательна и статистика по видам обуви. *Уледи* были самой носимой обувью (187 экз., 44,73 %). В ней преобладают подошвы мужской обуви длиной 25–28 см. Мужской обувью были и *сапоги* (55 экз., 13,15 %), у которых преобладали те же размеры. Напротив, абсолютно женской обувью были *башмаки*, у них не встречены подошвы для стоп свыше 24 см. Подошвы башмаков составляют почти $\frac{1}{4}$ часть (110 экз., 26,31 %), а это свидетельствует о большой доле женского населения среди жителей Мангазеи. Общей обувью взрослого населения были *поршни* (49 экз., 11,72 %), для которых количественный пик размеров приходится на 23–25 см. «Северные уледи» представлены наименьшим числом предметов и не всеми размерами (17 экз., 4,06 %), хотя присутствуют как детские, так и очень крупные модели — свыше 28 см. Наибольшее число рассчитано на длину стопы до 22 см. Однако для этих уледей приводимое выше деление на возрастные группы некорректно. Такую обувь шили и носили аборигенные жители (ханты, манси), в основе своей низкорослые и с небольшой стопой, что подтверждают особенности жилых комплексов и антропологические материалы Надымского городка (Кардаш 2006: 7–11).

Заключение

Анализ кожаной обуви из Мангазеи и Пустозерска подтверждает мнение, что при освоении Заполярья русское население перенимало элементы быта аборигенов, помогающие жить в экстремальных условиях. Это относится к материалам (мех, древесная кора) и формам обуви. При этом русские использовали свою традиционную технику и технологию, что проявляется в особом раскрое обуви и использовании особого материала — войлока. Надо считать, что мангазейские и пустозерские изделия, большая часть которых пошита в технике, принятой в городах XVI–XVII вв. средней полосы России, отражают приспособление русских традиций пошива обуви к специфическим условиям евразийской тундры (Киреева 2007: 270–273).

Временное вхождение в состав Швеции части северо-западных российских земель как следствие Ливонской войны и Смуты начала XVII в. способствовало более тесным и многоплановым контактам русских с западными соседями в области бытовой культуры. Видимо, с последней четверти XVI в. в русских городах начинают распространяться приемы и методы западноевропейского кожевенного и сапожного производств, появляются новые виды обуви. Они находят отражение

и в моделях Мангазеи. Характерным для западного сапожного ремесла этого времени исследователи считают близкие для многих стран Западной Европы формы низкой обуви, использующие усложненную рантовую конструкцию (Goubitz 1984: Fig. 5). В русских городах рантовые модели получают развитие с конца XVI в., например, в Ивангороде (Курбатов 1995: 203). Но в русском сапожном ремесле элементы рантовых конструкций могут сочетаться с соединением «в подтай», что наблюдается в Пустозерске и Мангазее (Курбатов 2003: 229).

При рассмотрении западного влияния на русское кожевенно-обувное ремесло по находкам в Мангазее нам видится наиболее тесная связь в конструктивном и декоративном плане местных моделей обуви с формами XVI–XVII вв. из городов Голландии, Швеции и других стран. Исторические данные свидетельствуют о регулярных торговых контактах голландских купцов с Россией через г. Архангельск (Овсянников 1992: 154 и сл.). Имеются и археологические данные о промысловых экспедициях голландских мореходов на Шпицберген (Goubitz 1988: 91–96). По некоторым признакам появление в заполярных городах модной западноевропейской обуви могло происходить почти одновременно с ее появлением в европейских городах. Так, найденные в Мангазее сильно утонченные книзу деревянные каблуки входили в европейскую моду в самом начале XVII в. (Мерцалова 2001: 117, рис. 129). Удаленность сибирских городов от западных центров пошива новой обуви не могла сильно влиять на скорость распространения костюмной моды. Определяющим здесь надо считать число промежуточных центров торговли, через которые транзитные товары шли в Сибирь. Западные товары, привозимые в Архангельск, Холмогоры, Новгород, Псков, Ивангород, уже за 2–3 месяца могли достигать Москвы и Ярославля, где формировались торговые караваны, следующие в Сибирь. Уже на следующий год эти товары могли быть развезены по отдаленным городам и острогам.

Здесь надо отметить общее для России и Скандинавии в XVI–XVII вв. широкое культурное взаимодействие основного населения с жителями арктических областей. Оно включало перенимание арктических элементов материальной культуры и их широкое распространение в бытовой культуре зоны с умеренным климатом. Юне Сванн писала, что в 1625 г. финские солдаты делали для себя меховые туфли, вероятно, имитировавшие лопарские башмаки. Известны лопарские башмаки у военных, сшитые из белого северного оленя, с опушкой из красной шерстяной материи с декоративным швом, вышитые завитками или цветами оловянной нитью. Такие башмаки разной высоты, с загнутым вверх носком, носили и мужчины и женщины (Swann 2001: 116–117).

Характерным для Мангазеи, Пустозерска и других заполярных городов представляется наличие особой конструкции обуви, близкой уледам. Это двучастные модели с широкой однослойной подошвой и полосой кожи шириной 4,5–6,5 см для низкого верха. Минимальное число деталей, использование приема «обертывания» кожи верха вокруг стопы, соединение верха и подошвы сквозным швом «змейка» — все это указывает на местный характер пошива и предполагает специфику в ношении.

Рассмотренные мангазейские изделия кожевенно-обувного ремесла показывают одну из сторон материальной жизни и быта русского заполярного города первой половины XVII в. Ремесло основывалось, по большей части, на привозном

сырье и полуфабрикатах (кожи, детали обуви) и обслуживало нужды населения в различных бытовых кожаных изделиях. Надо полагать, что в Мангазее производился преимущественно ремонт и перешив использованных изделий, хотя существовал и пошив новых изделий из привозимых кож и мехов. Некоторая часть кож могла выделываться на месте (оленьи, лосиные). В приполярных городах жили и профессиональные кожевники и сапожники, о чем сообщают и письменные документы, например, платежница 1574/75 г. в Пустозерске (Ясински, Овсянников 2003: 109–110).

В целом, найденная в Мангазее обувь, по моделировке и декору, отражает две традиции: 1) единую общерусскую, связывающую мангазейские находки с материалами других позднесредневековых русских городов и 2) местную, отражающую специфику жизнедеятельности в полярной зоне Евразии. Некоторые черты обувных моделей определенно свидетельствуют о влиянии традиций народов Севера, а также о вероятном изготовлении обуви представителями коренного населения. Эти специфические модели северной обуви позволяют проследить поездки населения Заполярья в различные города средней полосы России (Курбатов 2007; 2008). Модели мангазейской обуви имели отчетливое разделение по половозрастному признаку, что позволяет судить о большом значении промыслов и охоты, в занятиях населения, требовавших специальной обуви.

Важным научным итогом раскопок Мангазеи 2001–2007 гг. надо считать возможность сокращения временного интервала, за который в слое откладывались рассмотренные кожаные предметы. Необходимость в новой периодизации застройки Мангазеи, основанной на 236 дендродатах, полученных при раскопках 1968–1973 гг., была высказана ранее (Курбатов, Овсянников 1999: 247). Основной объем строительства (жилые, хозяйственные и административные постройки) был отнесен к первой половине XVII в., или более «узко» — к 1600–1638 гг., что значительно повысило историко-культурную ценность мангазейских находок.

Интересные выводы следуют из анализа построек, изученных на раскопе № 22 по раскопкам 2001–2004 гг. Была уточнена датировка ряда построек: самые ранние сооружения на участке отнесены к 1608 г., а существование самых поздних ограничено началом 1640-х гг. Верхнюю дату подтверждает и большое нумизматическое собрание — 222 монеты, выпавшие в слой в 1605–1645 гг. (Визгалов, Пархимович 2008: 56, 133).

По письменным данным, Мангазее основательно погорела в 1642 г. (Кочеданов 1978: 109–116). В значительной степени это относится к территории кремля, но сказалось и на застройке посада, хотя его запустение и обветшание построек началось ранее. Историки справедливо видят угасание жизни в Мангазее в 1640–1650 гг. в том, что даже через 7 лет после пожара не были завершены ремонт и восстановление городских стен, казенных амбаров, воеводского двора и тюрьмы. Причиной этого могло быть то, что уже с середины 30-х гг. воеводы и таможенные головы подолгу жили в Туруханске. Надо полагать, что там же жили и многие семейные стрельцы, а также находилась основная часть канцелярии и собранного ясака (Обдорский край... 2004: № 44, 45, комментарии Е. В. Вершинина).

Алексашенко 2002 — *Алексашенко Н. А.* Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8. С. 184–198.

Бахрушин 1955 — *Бахрушин С. В.* Самоеды в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 5–12.

Бахрушин 1987 — *Бахрушин С. В.* Исторические исследования: Ярославские торги в XVII в. // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 141–159.

Белов, Овсянников, Старков 1980 — *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1.

Белов, Овсянников, Старков 1981 — *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2.

Василевич 1963 — *Василевич Г. М.* Типы обуви народов Сибири // Сборник МАЭ. М.; Л., 1963. Т. 21. С. 3–64.

Векслер, Осипов 2004 — *Векслер А. Г., Осипов Д. О.* Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М., 2004. С. 333–342.

Вершинин 2008 — *Вершинин Е. В.* Мангазея: бытовые черты жизни ее обитателей // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 545–551.

Визгалов, Курбатов, Пархимович 2010 — *Визгалов Г. П., Курбатов А. В., Пархимович С. Г.* Культура и ремесло русского заполярного города: Кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. (в печати).

Визгалов, Пархимович 2008 — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.

Вилков 1967 — *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

Войкарский городок 2008 — Войкарский городок. Автор текста Н. В. Федорова. Салехард, 2008.

Глушкова 2002 — *Глушкова Т. Н.* Археологические ткани Западной Сибири. Сургут, 2002

Гоголев 1990 — *Гоголев А. И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск, 1990.

Данилова 1957 — *Данилова Л. В.* Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII–начале XVIII в. // История СССР. 1957. № 3. С. 87–111.

Ермолова 2005 — *Ермолова Н. В.* Пояса у народов северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. Сборник МАЭ. СПб., 2005. Т. 51. С. 170–301.

Зырянский мир 2004 — Зырянский мир. Сыктывкар, 2004.

Исторический памятник... 1951 — Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на о. Фаддея и на берегу Симса. Л.; М., 1951.

Кардаш 2006 — *Кардаш О. В.* Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI–первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Киреева 2007 — *Киреева Е. В.* Особенности одежды русского населения XVII в. в условиях адаптации к проживанию на севере Западной Сибири // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 270–273.

Кочедамов 1978 — *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. М., 1978.

Курбатов 1991 — *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 71–77.

Курбатов 1995 — *Курбатов А. В.* Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // Российская археология. 1995. № 2. С. 198–208.

Курбатов 2003 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы из Пустозерска // *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 225–243.

Курбатов 2007 — *Курбатов А. В.* Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. М., 2007. № 14. С. 157–165.

Курбатов 2008 — *Курбатов А. В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 210–233.

Курбатов 2009 — *Курбатов А. В.* Заключение по находкам предметов, связанных с кожевенно-обувным ремеслом // *Визгалов Г. П.* Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2008 г. Нефтеюганск, 2009. Кн. 1 и 2.

- Курбатов, Овсянников 1999 — *Курбатов А. В., Овсянников О. В.* Изделия кожаного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // *АВ.* СПб., 1999. № 6. С. 245–271.
- Люцидарская 1992 — *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII–начало XVIII в. Новосибирск, 1992.
- Мерцалова 2001 — *Мерцалова М. Н.* Костюм разных времен и народов. 3-е изд. СПб., 2001. Т. 2.
- Обдорский край... 2004 — *Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. документов.* Екатеринбург, 2004.
- Овсянников 1992 — *Овсянников О. В.* Русские города Архангельского севера: Люди. События. Даты. Архангельск, 1992.
- Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного Архангельского наречия. СПб., 1885.
- Прыткова 1953 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда хантов // *Сборник МАЭ.* М.; Л., 1953. Т. 15.
- Прыткова 1970 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // *Одежда народов Сибири.* Л., 1970. С. 208–222.
- СРНГ, вып. 28, 1994 — *Словарь русских народных говоров.* 1994. Вып. 28.
- СРНГ, вып. 40, 2006 — *Словарь русских народных говоров.* 2006. Вып. 40.
- Федорова 1994 — *Федорова Е. Г.* Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.
- Ясински, Овсянников 2003 — *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.
- Goubitz 1984 — *Goubitz O.* The drawing and registration of archeological footwear // *Studies in conservation.* 1984. Vol. 29, No. 4. P. 187–196.
- Goubitz 1988 — *Goubitz O.* Op lage schoenen in de koi // *Walvisvaart in de Gouden Eeuw. Opgravingen op Spitsbergen.* Amsterdam, 1988. S. 91–96.
- Swann 2001 — *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001.

LEATHER ARTICLES FROM MANGAZEYA AS A SOURCE FOR THE RECONSTRUCTION OF IN THE CULTURE AND CRAFTSMANSHIP OF A RUSSIAN TRANSPOLAR TOWN (BASED ON THE MATERIALS EXCAVATED IN 2001–2007)

A. V. Kurbatov

In 2001–2007 the expedition of from the Centre of Historical and Cultural Heritage (Nefteyugansk) and Krasnoselkup Regional Museum conducted wide-scale salvation excavations at Mangazeya. The object of exploration was the area of old excavation pit 22, studied in 1968–1973 by the expedition from the Arctic and Antarctic Research Institute (St. Petersburg). In 2001–2007 259 m² were restudied and 4537 leather articles found, including shoes (2331 items), mittens (64), cases for knives (61), remnants (1495), unidentifiable objects (9), layings (6), lids (1), details of ski binding (18), compass boxes (3), belts (3), parts of game balls (6), and inscribed or embossed remnants (2).

The leather articles from Mangazeya allow us to characterize one of the sides of everyday life of a transpolar Russian town in the first half of the 17th century. The production was based mainly on imported raw materials (hides) and half-products (shoe details). The Mangazeya craftsmen were engaged first of all in the repair of used things, though new articles were manufactured too (from imported hides and furs). A part of the hides could have been carried on-site (deer and elk hides).

In its design and décor the footwear found at Mangazeya reflects two traditions: 1) common Russian tradition, linking the Mangazeya finds with materials from the other Late Medieval towns of Russia; 2) local tradition, which formed as a result of adaptation to the polar zone conditions. Some features in the footwear design are indicative of the influence from aboriginal traditions of the North, and some shoes seem to have been made by the representatives of the indigenous population. The trade contacts of Mangazeya people embraced, first of all, the neighboring regions of the Russian North, including the Pinega basin, the Mezen' basin, Ustyug, Vologda, and Kholmogory. These places were the sources both of local types of foot wear (high boots, kisy, kamusy, etc.) and of some models reflecting the influence of the western fashion (for example, women's shoes on high heels). A part of the shoes found at Mangazeya could have been produced in Siberia (Tobolsk).

The analysis of 236 dendrochronological dates has shown that the main stage of building activity at Mangazeya falls on the period between 1601 and 1638. The bulk of archaeological finds, including leather articles, also should be dated to this time interval.

ХРОНИКА

ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТЫ МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ИИМК РАН

С. А. ВАСИЛЬЕВ, С.Т. А. ВАСИЛЬЕВ

Происходящее на наших глазах бурное техническое перевооружение археологии, активное внедрение в практику полевых изысканий самых современных геодезических приборов, связанных с компьютерными технологиями, ставит перед нами принципиально новые задачи. Особую актуальность данная тематика приобретает в контексте реализации крупномасштабных архитектурно-археологических исследований (Ниеншанц, Десятинная церковь в Киеве, мечеть в Анау, городище Куртан в Армении и др.). Возникает необходимость обмена опытом, накопленным в различных экспедициях, привлечения специалистов в области геодезии и компьютеров.

Идея появления в стенах института дискуссионной площадки, где археологи, занимающиеся разными эпохами (от палеолита до средневековья) и территориями, могли бы обсуждать актуальные вопросы нашей дисциплины, стала овладевать умами. В начале 2009 г. группа молодых сотрудников ИИМК РАН выступила с инициативой создания методического семинара. В известной мере наш семинар представляет собой возобновление давней традиции ЛОИА: в 1970-е гг. здесь активно работал теоретический семинар, объединявший исследователей различных подразделений института и других научных учреждений Ленинграда. К сожалению, «теоретический» уклон семинара не способствовал обсуждению реальных вопросов нашей науки и дискуссии порой сводились к схоластическому абстрактному теоретизированию по поводу «предмета и объекта археологии», определения археологической культуры вообще и т. д.

В центре внимания большинства выступлений на семинаре в первый год его работы находились вопросы внедрения в практику полевой археологии новейших методов фиксации и анализа данных.

А. Ю. Городилов (ИИМК РАН) в докладе «Ортофотосъемка при археологических раскопках — за и против» говорил об основных принципах ортофотосъемки. Он остановился на характеристиках современного оборудования, как типов фотоаппаратов и объективов, так и конструкций для крепления фотоаппарата над снимаемыми объектами. На примере работ в Туркмении и Ленинградской области были рассмотрены различные приемы ортофотосъемки сложных объектов. Наконец, автор рассказал о вопросах ректификации и последующего использования фотоматериалов.

Вопросам улучшения качества фотоизображений для создания отчетной полевой документации посвятили свое выступление Д. В. Герасимов, Е. Б. Толмачева и С. Б. Шапиро (МАЭ РАН). Авторы говорили об особенностях фотофиксации планиграфии и стратиграфии различных видов археологических памятников, приемах съемки для склейки панорам, обработке фотоизображений в программе Adobe Photoshop, удалении грязи, царапин, «шумов», выравнивании яркости, контраста и др.

Темой выступления Ст. А. Васильева (ИИМК РАН) была методика создания микротопоплана археологического памятника с помощью тахеометра. Были охарактеризованы основные этапы работы (определение опорных реперов и системы координат, настройка прибора, создание проекта, создание и обозначение реперов, привязка прибора, отражательный и безотражательный режимы съемки) и последовательность съемки объектов (выбор групп точек, объектов, кодирование точек, съемка фрагментов памятника с разных базовых станций, обработка полевых данных). На заключительном этапе работы осуществляются операции по переводу информации из тахеометра в компьютер, первичной обработке данных и построению микрорельефа и профилей поверхности.

Д. Д. Ёлшин (ГЭ) остановился на опыте тахеометрической съемки при фиксации сложных памятников (Десятинная церковь в Киеве, мечеть в Анау). А. Е. Войнаровский и С. В. Тюрин (НПП «Фотограмметрия») рассказали о применении трехмерного сканера в архитектурно-археологических исследованиях (на примере исследований в Ниеншанце). Такая методика оказалась крайне эффективной при высокоточной съемке крупных археологических объектов со сложной поверхностью.

Д-р Й. Фассбиндер (Баварский государственный департамент по обследованию археологических памятников, Мюнхен, Германия) представил богато иллюстрированный доклад о перспективах применения георадара в археологии, базируясь на результатах обследования памятников римского времени юга Германии.

Два доклада были посвящены вопросам внедрения ГИС-технологий. А. Ю. Городилов (ИИМК РАН) озаглавил свое развернутое выступление «Область применения Arcgis в археологических исследованиях». Начав с правил работы с растровыми картами (историческими и современными), докладчик остановился на приемах привязки растров в абсолютных координатах. На примере работ в Ленинградской области он продемонстрировал определение местонахождения памятников археологии, зафиксированных в XIX в., на основе привязки карт XIX–начала XX в. Далее были рассмотрены приемы связи карты с GPS-навигатором, выноса координат памятника на карту и загрузка в GPS-приемник координат с карты через Arcpad. Затем докладчик говорил о создании баз данных памятников археологии с пространственной привязкой, анализе плотности распределения памятников, установлении динамики развития заданной группы объектов. Следующая тема — связь распределения археологических объектов с палеогеографическими данными, реконструкция уровней палеоводоемов и палеорельефа в целом, анализ модели местности памятника по различным параметрам (зоны видимости с определенного объекта, вероятное прохождение водных потоков).

В докладе Д. В. Герасимова (МАЭ РАН) на примере памятников Карельского перешейка было рассмотрено использование ГИС для реконструкции

палеоландшафтов раннего голоцена. Были показаны возможности использования в археологии цифровых высотных моделей и показано визуальное представление распределения массового археологического материала.

Большой интерес участников семинара вызвал доклад Ст. А. Васильева (ИИМК РАН) «Археологическая аэрофотосъемка с радиуправляемой модели». Начав с основных традиционных способов ведения аэрофотосъемки местности, автор перешел к современным беспилотным радиуправляемым моделям. Он привел развернутую характеристику типов летательных аппаратов, остановившись на видах снимков, площади покрытия, скорости съемки с разных ракурсов, качестве и разрешении снимков. На примере работ в Армении были продемонстрированы съемки на разной высоте полета. Кроме того, докладчик остановился на приемах обработки снимков и создания ортофотоплана памятника.

Е. М. Колпаков (ИИМК РАН) посвятил два своих доклада приемам обработки материалов археологических раскопок с помощью компьютерных технологий. В первом выступлении речь шла о создании топографического плана памятника, внесении координат точек в базу данных, построении плана в горизонталях, построении плана объектов и трехмерного плана. Далее докладчик охарактеризовал последовательность фиксации находок и структур, рассказал о создании баз данных координат точек и находок (описи), о параметрической фотосъемке планов и разрезов. Особой темой стало изготовление чертежной документации — прорисовка по снятым точкам, крокам и фотографиям, построение планов и разрезов различных категорий объектов, конвертация в графические форматы с любым масштабом. Далее рассматривались приемы создания описи находок, дополняемой данными камеральной обработки, и статистического представления данных по описи. Наконец, речь шла о представлении результатов исследования, включая создание параметрических многопрофильных фотографий находок, электронную публикацию и создание веб-сайта.

Во втором докладе Е. М. Колпакова на примере работы с памятниками каменного века было показано, как может производиться компьютерная обработка массового археологического материала в базах данных.

Несколько особняком стоял доклад И. А. Грачева и В. Г. Ефимова (МАЭ РАН), посвященный более традиционной теме — методике реконструкции погребальных комплексов. На примере склепа таштыкской культуры, изученного в Минусинской котловине, ими были рассмотрены этапы графической фиксации конструктивных элементов памятника и воссоздания на этой основе первоначального облика сооружения.

Успешный опыт первого года работы семинара, привлечшего многих сотрудников ИИМК РАН, МАЭ РАН, Гос. Эрмитажа, Университета, а также посещающих ИИМК археологов из разных городов нашей страны и из-за рубежа, позволяет с уверенностью смотреть в будущее. Несмотря на сосредоточенность большинства выступающих на вопросах применения новейших технических средств, мы надеемся в будущем расширить тематику семинара и охватить целый спектр методов современной археологии — начиная от приемов полевого исследования и классификации артефактов вплоть до сложнейших вопросов интерпретации археологических данных, реконструкции хозяйства и социальных систем древности.

IN MEMORIA

**Памяти Вадима Михайловича Массона
(03.05.1929–19.02.2010)**

19 февраля 2010 г. скончался крупнейший исследователь древних культур и цивилизаций Центральной Азии Вадим Михайлович Массон. Его научная и научно-организационная деятельность составляет целую эпоху в истории археологической науки XX–начала XXI в.

В. М. Массон родился 3 мая 1929 г. в Самарканде, в семье М. Е. Массона, одного из основателей античной и средневековой археологии Средней Азии. В 1946–1950 гг. В. М. Массон получил разностороннюю историко-археологическую подготовку на отделении археологии исторического факультета Среднеазиатского университета (Ташкент) и в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, которую возглавлял его отец. Продолжив обучение в аспирантуре ЛОИИМК АН СССР под руководством крупнейшего востоковеда М. М. Дьяконова, В. М. Массон уже в начале 1950-х гг. открыл и исследовал культуру раннего железного века в Юго-Западном Туркменистане.

В 1954 г. В. М. Массон стал сотрудником Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК и, возглавив Каракумский отряд (позднее преобразованный в экспедицию), в 1954–1956 гг. исследовал памятники эпохи поздней бронзы–раннего железа (Аучин-депе, Тахирбай 3, Яз-депе) в древней Маргиане. Масштабные археологические исследования были продолжены в 1955–1963 гг. на неолитическом Джейтуне, энеолитических поселениях Геоксюрского оазиса и Кара-депе, где впервые в среднеазиатской археологии была применена методика раскопок широкими площадями. На этих материалах в начале 1960-х гг. им была воссоздана целостная картина становления и развития древнеземледельческих культур юга Средней Азии, формирующихся на основе производящей экономики переднеазиатского типа, их взаимодействий с раннеземледельческими памятниками месопотамского и иранского круга. Выявленные В. М. Массоном основные этапы развития памятников и культур южной части Центральной Азии (VI–середина I тыс. до н. э.) являются основой периодизации древностей этого региона и по сей день. Научное лидерство, масштабные полевые и организационные работы привели В. М. Массона в 1968 г. к руководству Отделом археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, который он возглавлял 35 лет.

Особое место в научной биографии В. М. Массона занимали исследования проблемы исторического развития экономики древних обществ и урбанизации.

В результате многолетних раскопок протогородского центра Алтын-депе — одного из крупнейших памятников эпохи энеолита–бронзы Туркмении (1965–1986) им была открыта блестящая цивилизация эпохи бронзы на юге Средней Азии. Изучение Алтын-депе базировалось на двух основных методических положениях. С одной стороны, тщательное обследование поверхности памятника, изучение его стратиграфии и раскопки различных участков поселения позволили выявить структуру и систему застройки, характер и планировку жилищ, локализацию производственных комплексов и монументальный культовый центр древнего протогорода. С другой стороны, на базе комплексных исследований Алтын-депе археологическими и естественнонаучными методами и анализа культурных взаимодействий III тыс. до н. э. В. М. Массоном была выдвинута историческая гипотеза о формировании в ирано-среднеазиатском регионе (между цивилизациями Элама и Шумера, с одной стороны, и долины Инда — с другой) целой серии так называемых цивилизаций второго порядка. Второй проект (1972–1986) — изучение Зар-тепе и других памятников в Южном Узбекистане — был связан с проблемой кушанской цивилизации. Все эти экспедиционно-археологические и культурно-исторические исследования вывели ученого в число лидеров мировой науки, исследовавших древности Востока.

Бурное развитие археологических работ в республиках Средней Азии и Казахстане в конце 1960–1980-х гг. во многом было обусловлено методическим и научно-организационным руководством В. М. Массона, который возглавил Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, организовал целую серию изданий («Каракумские древности», «Успехи среднеазиатской археологии», «Древняя Бактрия», «Бактрийские древности») и конференций, посвященных проблемам древнего города, жилища, обмена и торговли. Особо необходимо отметить сводные публикации В. М. Массона по археологии древней Средней Азии на иностранных языках и создание им

«незримого коллектива» — системы обмена информацией с ведущими мировыми центрами и специалистами по археологии Переднего Востока и Южной Азии, в результате чего исследования среднеазиатских памятников приобрели мировую известность. Список научных работ ученого насчитывает свыше 600 публикаций.

Возглавив ЛОИА АН СССР в 1981 г., В. М. Массон продолжил с новой интенсивностью полевые изыскания на Алтын-депе, Джейтуне и Илгынлы-депе и исторический анализ материалов первых цивилизаций. Ученый стал одним из основных организаторов международных обменов и симпозиумов по проблемам археологии Центральной Азии и Древнего Востока, результаты которых отражены в целой серии книг, а итоги подведены в «Истории цивилизаций Центральной Азии», изданной в 1992 г. под эгидой ЮНЕСКО.

В 1991 г. ЛОИА АН СССР, в значительной степени благодаря усилиям и авторитету В. М. Массона, было преобразовано в самостоятельный институт — ИИМК РАН, который он возглавлял до 1998 г. По его инициативе с 1992 г. начинает выходить ежегодник «Археологические вести», возобновляются полевые Пленумы ИИМК, возрождаются старые направления работ института — морская и церковная археология, интенсифицируются международные научные связи. Основным предметом теоретических исследований В. М. Массона в конце XX—начале XXI в. стали проблемы культурогенеза и культурного наследия («Культурогенез Древней Центральной Азии». СПб., 2006), а главные усилия были направлены на сохранение единого научного пространства в условиях распавшегося СССР (проекты «Древний Мерв», «Бухара и мировая культура», «Ош-3000», журналы «Мирас» и «Диалог цивилизаций»).

Огромна была и научно-педагогическая работа В. М. Массона: им прочитаны курсы лекций во многих университетах СССР, России и зарубежных стран, подготовлены сотни специалистов высшей квалификации. Теоретические разработки исследователя и широта его культурно-исторического подхода к археологическим источникам оказали огромное влияние на развитие археологической науки.

Заслуженный деятель науки России, академик РАЕН, АН Туркменистана и АН Кыргызстана, почетный член и член-корреспондент самых престижных международных академий и институтов, В. М. Массон был награжден орденами Таджикистана и Кыргызстана и пользовался заслуженным авторитетом как патриарх евразийской археологии.

Колоссальный масштаб личности и невероятная интенсивность работы В. М. Массона давно уже стали легендарными. Потери, которые понесла наша наука с уходом этого выдающегося ученого, невозможно оценить.

Л. Б. Кирчо

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук.
ААНИИ	— Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт Госкомгидромета СССР. Л.; СПб.
АВ	— Археологические вести. СПб.; М.
АН	— Академия наук.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БКИЧП	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
БФ	— Боспорский феномен. СПб.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВНИИОкеангеология	— Всесоюзный научно-исследовательский институт Океангеология. Л.; СПб.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИОП	— Государственная инспекция охраны памятников.
ГИН	— Геологический институт. М.
ГИС	— гео-информационная система.
ГРМ	— Государственный Русский музей, Л., СПб.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Л., СПб.
ГЭС	— гидроэлектростанция
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения РАО. СПб.
ЗИИМК	— Записки ИИМК РАН. СПб.
ЗИН	— Зоологический институт РАН. СПб.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. СПб.
ИА	— Институт археологии. М.
ИАК	— Известия Археологической Комиссии. СПб.
ИГАИМК	— Известия ГАИМК. Л.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
ИИФО	— Институт истории феодального общества ГАИМК.
ИЛДТ	— Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск.
ИМКУз.	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИМ СО АН СССР	— Институт мерзлотоведения Сибирского отделения АН СССР.
ИООН АН ТаджССР	— Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР, Стали- набад; Душанбе.
ИРАИМК	— Известия РАИМК. Пг., Л.
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР. М.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
ЛИСИ	— Ленинградский инженерно-строительный институт.
ЛИФЛИ	— Ленинградский институт философии, литературы и истории.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферо- поль.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.

МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МОИИМК	—	Московское отделение ИИМК.
НА	—	Научный архив.
НАН	—	Национальная Академия наук.
НАНУ	—	Национальная Академия наук Украины.
НИИГА	—	Научно-исследовательский институт геологии Арктики. Л.
НКВД	—	Народный Комиссариат внутренних дел.
НМИУ	—	Национальный музей истории Украины. Киев
НПП	—	Научно-производственное предприятие.
ОАК	—	Отчеты Императорской Археологической Комиссии. СПб., Пг.
ОИФ	—	Отделение истории и философии АН СССР. М.
ПФА	—	Петербургский филиал Архива РАН.
РА	—	Рукописный архив (отдел).
РАИМК	—	Российская Академия истории материальной культуры. Пг.
РАН	—	Российская Академия наук.
РАНИОН	—	Российская Ассоциация научных институтов общественных наук. М.
РАО	—	Русское археологическое общество.
РГАК	—	Российская государственная академия культуры. Пг.
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.; Л.
СГАИМК	—	Сообщения ГАИМК. Л.
СО РАН	—	Сибирское отделение РАН. Новосибирск.
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбДА	—	Санкт-Петербургская духовная академия.
СРНГ	—	Словарь русских народных говоров. СПб.
ТЮТАКЭ	—	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.; СПб.
ФОН	—	Факультет общественных наук.
ФГУНПП	—	Федеральное государственное унитарное научно-производственное предприятие.
ЧОИДР	—	Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.
EW	—	East & West. Rome.
GPS	—	Global Positioning System.
JAS	—	Journal of Archaeological Science.
PNAS	—	Proceedings of National Academy of Sciences. New York.
QSR	—	Quaternary Science Reviews.
SAA	—	South Asian Archaeology.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «ЗАПИСКАХ ИИМК РАН»

1. Статьи должны представляться в электронном варианте (файл Word 97 и выше или RTF). К статье обязательно должны быть приложены:

- фамилия, имя автора и название статьи на английском языке;
- рисунки — не более 5 (не ксерокопии, желательно оригиналы). Для электронного варианта — разрешение 600 dpi на дюйм в формате TIF для черно-белых иллюстраций (сканировать в режиме Line Art) или 300 dpi на дюйм в формате JPEG (сканировать в режиме Gray Scale);
- подписи к рисункам;
- краткое резюме (до 1500 знаков) для перевода на иностранный язык;
- список сокращений.

Если в статье приводятся таблицы или диаграммы, то они должны быть даны отдельным файлом.

2. Объем статей:

- а) статьи: текст — до 20 000 символов вместе с пробелами (0,5 а. л.);
- б) заметки о конференциях, обзоры литературы, информация о научно-организационной деятельности и т. д.: текст 6000–10 000 символов вместе с пробелами (0,15–0,25 а. л.).

3. Оформление библиографии:

в тексте статей ссылки на литературу приводятся в скобках (фамилия автора, год, стр.). Например: (Анисюткин 2000: 12–19).

Общий список работ оформляется следующим образом:

— монографии

Смекалова, Дюков 2001 — *Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.

Оятева 1973 — *Оятева Е. И.* Белозерская кожаная обувь // *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 199–205.

— сборники статей или периодические издания

Моргунова 2002 — *Моргунова Н. Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 104–116.

Корзухина 1958 — *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: По материалам медного литья // ВВ. 1958. № 14. С. 129–137.

Черных, Орловская 2004а — *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 84–99.

— авторефераты

Турецкий 1992 — *Турецкий М. А.* Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

— тезисы

Калинин 1999 — *Калинин А. И.* Российские моряки в Средней Азии в XIX веке // Российскому государственному архиву военно-морского флота 275 лет. Исторические чтения: Тезисы докладов. Дом ученых. 26–27 января 1999 г. СПб., 1999. С. 7–8.

— рецензии

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рецензия на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London // АВ. СПб., 2004. № 11. С. 350–357.

— архивные материалы

экспедиционные отчеты или рукописи работ:

Шумкин 1994 — *Шумкин В. Я.* Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 22.

Кирчо 1980 — *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении: (вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Рукопись дис. ... канд. ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 271.

прочие архивные материалы:

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 60.

РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1528.

Редколлегия

**ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

Научное издание

Редактор Е. А. Гольдич
Верстка В. В. Матвеев

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

197110, С.-Петербург, Петрозаводская ул., д. 9, лит. А, пом. 1 Н

Телефон: (812) 490-64-99; факс: 230-97-87

sales@dbulanin.ru (отдел реализации)

postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)

redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)

<http://www.dbulanin.ru>